

Леон Юрис

ЭКСОДУС

2

Леон Юрис

ЭКСОДУС

Леон Юрис

ЭКСОДУС

Часть вторая

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1979

Printed in Israel

Leon Uris
EXODUS

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין - ספריר
מס. מלאי.....

עיריית חיפה/מנהל ח.ת.ר.
אגף לתרבות השכלה ואמנות, המח' לספרות
תכנון העבודה ע"ש ש. פזנר

מס' 70018/2

Перевод с английского

1971 מהדורה ראשונה
1973 מהדורה שניה
1977 מהדורה שלישית
1979 מהדורה רביעית

©

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

КНИГА ТРЕТЬЯ

О К О З А О К О .

**Отдай душу за душу, око за око,
зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу,
обожжение за обожжение».**

**И сказал Господь Моисею после
исхода из Египта.**

(«Исход», гл. 21, стихи 23, 24, 25).

Г Л А В А 1.

Колонна серебристо-синих автобусов Палестинского автобусного кооператива «Эггед» ждала детей на пристани. Торжественную встречу сократили до минимума. Детей тут же погрузили в автобусы и вывезли из района порта. Автобусы сопровождал конвой британских бронемашин. Под звуки оркестра и под аплодисменты публики автобусы скрылись из виду.

Карен опустила окошко и что-то крикнула Китти, но из-за шума та ничего не разобрала. Автобусы укатили, и публика разошлась. Четверть часа спустя пристань опустела; остались только бригада докеров и несколько британских солдат несших охрану.

Китти стояла неподвижно у перил «Эксодуса», ошеломленная внезапной переменой. Она с трудом соображала, где она находится. Она посмотрела на Хайфу. Она была прекрасна. Той особой красотой, которая отличает города, построенные на склонах гор вокруг залива. У самого берега в тесноте ютились дома арабской части города. Еврейская часть простиралась по всему склону горы Кармель. Китти посмотрела налево, где рядом с Хайфой открывалась футуристическая панорама огромных резервуаров и труб нефтеочистительного завода, куда стекались нефтепроводы, идущие из самого Моссула. Неподалеку в доке стояли на якоре штук десять ветхих и обшарпанных судов Алии Бет, которым, как «Эксодусу», удалось добраться до Палестинского берега.

Зеев, Давид и Иоав прервали ее раздумье. Они поздоровались с ней, поблагодарили за все и выразили надежду, что они еще встретятся. Потом ушли и они, и Китти осталась одна.

— Красивый город, правда?

Китти обернулась. Сзади стоял Ари Бен Канаан.

— Мы стараемся, чтобы наши гости всегда приезжали в Палестину через Хайфу. Чтобы первое впечатление получилось хорошим.

— Куда увезли детей? — спросила она.

— Их расселят по нескольким центрам «Молодежной Алии». Некоторые из этих центров расположены в кибуцах. У других центров есть собственные поселки. Через несколько дней я смогу сказать вам точно, куда попала Карен.

— Я буду очень благодарна.

— А вы, Китти, какие у вас планы?

Она язвительно засмеялась.

— Тот же вопрос я задаю себе сама. Этот и еще кучу других. Я ведь здесь чужая, мистер Бен Канаан, и чувствую себя сейчас не совсем ловко, когда думаю о том, как я сюда попала. Но ничего, у сестры Китти неплохая профессия, на которую всегда большой спрос. Как-нибудь я устроюсь.

— Почему бы вам не позволить мне, чтобы я помог вам устроиться?

— Мне кажется, вы человек занятый. Я сумею устроиться и без помощи.

— Послушайте, Китти. Я думаю, что «Молодежная Алия» подошла бы вам больше всего другого. Глава этой организации мой хороший друг. Я добьюсь для вас назначения в Иерусалиме.

— Это очень любезно с вашей стороны, но мне бы не хотелось утруждать вас.

— Глупости. Об этом меньше всего... Если вы считаете, что сможете выдержать мое общество в течение нескольких дней, то я с удовольствием доставлю вас в Иерусалим. Мне надо съездить сначала по делу в Тель-Авив, но это по пути... Зато я сумею получить для вас назначение.

— Мне бы меньше всего хотелось, чтобы вы считали, что обязаны делать что-нибудь для меня.

— Я хочу сделать это для вас, — ответил Ари.

У Китти чуть не вырвался вздох облегчения. Ее очень беспокоила перспектива оказаться совершенно одной в чужой стране. Она улыбнулась и поблагодарила его.

— Хорошо, — сказал Ари. — Сегодня нам придется переночевать в Хайфе из-за комендантского часа на дорогах. Положите все, что вам нужно на несколько дней, в один чемодан. Если у вас будет много багажа, англичане будут проверять ваши чемоданы каждые пять минут. Остальные вещи я оставлю запечатанными на таможне.

Покончив с проверкой на таможне, Ари заказал такси, и они поднялись на Кармель в еврейскую часть города,

расположенную вдоль всего склона. Чуть ли не на самой вершине они остановились у небольшого пансиона, упавшего в ельнике.

— Лучше остановиться здесь. Меня здесь знают слишком многие, и они не дадут мне ни минуты покоя, если мы остановимся где-нибудь в центре. Вы пойдите теперь отдыхать. Я спущусь вниз и достану машину. К ужину я вернусь.

Вечером Ари повел Китти в ресторан, расположенный на самой вершине Кармея, откуда открывался вид на всю округу. Вид внизу был прямо-таки сногшибательный. Весь склон был покрыт зелеными деревьями, из-под которых выглядывали особняки и жилые дома, построенные из коричневого камня в арабском квадратном стиле. Гигантский нефтеочистительный завод, если смотреть на него отсюда, казался небольшим пятном, а когда стемнело, вдоль всей извилистой улицы, ведущей от Гар Гакармель вниз к арабским кварталам на берегу, вспыхнула и засияла золотая вереница огней.

Китти даже порозовела от возбуждения. Неожиданная внимательность Ари явно доставила ей удовольствие. Она была поражена современным видом еврейской Хайфы. Она была куда современнее Афин и Салоник. Когда к тому же официант обратился к ней по-английски, а несколько посетителей, знавшие Ари, остановились у их столика, чтобы поздороваться с ними, ее чувство неловкости почти исчезло.

Покончив с ужином, они сидели и попивали коньяк. Китти посерьезнела, внимательно разглядывая панораму, открывшуюся ее глазам.

— Вы все еще бьетесь над мыслью, как вы сюда попали?

— Еще бы. Все это кажется мне каким-то сном.

— Скоро вы убедитесь, что мы вполне цивилизованные люди, а порой — даже приятные. Кстати, я вас еще ни разу не поблагодарил как следует.

— Вы и не должны меня благодарить. Вы меня уже отблагодарили. У меня осталось в памяти только одно место, которое могло бы сравниться по красоте с этим.

— Вы, наверно, имеете в виду Сан-Франциско?

— Вы там были, Ари?

— Нет. Но все американцы говорят, что Хайфа напоминает им Сан-Франциско.

Уже совсем стемнело и по всему Кармелю мигали огни. Небольшой оркестр играл легкую музыку, Ари налил Китти еще коньяку и они чокнулись.

Вдруг оркестр перестал играть. Разговоры в зале прекратились.

К ресторану на большой скорости подъехал военный грузовик с британскими солдатами, которые тут же оцепили здание. Они начали обходить столики, останавливались тут и там и требовали предъявления документов.

— Ничего особенного, — шепнул Ари. — Вы скоро выйдете.

Капитан, возглавлявший отряд, посмотрел в сторону их столика, затем подошел к ним.

— Ба, да ведь это Ари Бен Канаан! — саркастически сказал капитан. — Давненько я не видел вашего портрета среди разыскиваемых. Верно, шлодничали в другом месте.

— Добрый вечер, сержант, — ответил Ари. — Я бы вас представил своей спутнице, если бы помнил вашу фамилию.

Капитан усмехнулся сквозь зубы.

— Зато я хорошо помню вашу. Мы следим за вами, Бен Канаан. Ваша старая камера в тюрьме в Акко давно тоскует по вас. Кто знает, может быть, на этот раз губернатор догадается подарить вам веревку вместо тюрьмы.

Капитан издевательски махнул рукой на прощание и удалился.

— Ишь как они любезно встречают вас, — сказала Китти. — Какой мерзавец!

Ари нагнулся к ней и сказал ей прямо в ухо.

— Это капитан Аллан Бриджес. Он один из лучших друзей Хаганы. Он сообщает нам о каждом движении арабов и англичан в районе Хайфы. Все это одна бутафория.

Китти в изумлении покачала головой. Патруль удалился, захватив с собой двух евреев, у которых бумаги были не совсем в порядке. Оркестр сыграл им вслед «Боже, храни короля».

Грузовик укатил, и минуту спустя все вошло в норму, словно ничего и не было. Китти была несколько ошарашена внезапностью происшедшего и спокойствием людей.

— Ничего, к этому скоро привыкают, — сказал Ари, внимательно разглядывая ее. — Вы тоже привыкнете. Это страна, в которой живут злые и нервные люди. Пройдет некоторое время, и вам даже будет скучно, если, в виде

исключения, выдастся какая-нибудь спокойная неделя. Не огорчайтесь, что вы приехали как раз в такой беспокойный...

Ари не успел закончить фразу: ударная волна от взрыва огромной силы встряхнула ресторан, раздался звон битого стекла, тут и там со столов полетела посуда. Тут же они увидели гигантский оранжевый шар, поднимающийся к небу. Раздался еще ряд взрывов, потрясших здание до самого основания.

— Крекинг! — закричали кругом. — Они взорвали нефтеочистительный завод!... Это все Маккавеи!

Ари схватил Китти за руку.

— Давайте смоемся пока не поздно. Минут через десять вся долина Кармеля будет форменно кишеть британскими солдатами.

Не прошло и нескольких секунд, как кафе опустело. Ари быстро вывел Китти вон. Внизу на крекинге полаяла нефть. По всему городу дико ревели сирены пожарных машин и британских джипов.

В эту ночь Китти долго не могла уснуть, силясь понять все то, что так внезапно обрушилось на нее. Она была рада, что рядом с ней был Ари. Привыкнет ли она когда-нибудь ко всему этому? Она была чересчур ошеломлена, чтобы разобраться в происходящем, но в эту минуту ей казалось, что ее приезд в Палестину был горькой ошибкой.

Пожар на крекинге продолжался и на следующее утро. Туча густого дыма висела над всем районом Хайфы. Носились слухи, что взрыв — дело рук Маккавеев. Поговаривали, что возглавил операцию Бен Моше — сын Моисея — ближайший помощник Акивы, занимавший должность профессора в Иерусалимском университете до вступления в ряды Маккавеев. Нападение на нефтеочистительный завод было частью двойной операции, проведенной Маккавеями. Второй удар был направлен против аэродрома в Лиде, в другом районе Палестины, где террористам удалось уничтожить прямо на земле истребители типа «Спитфайр» общей стоимостью в шесть миллионов долларов. Этим своеобразным путем Маккавеи до своему приветствовали прибытие «Эксодуса».

Ари удалось взять напрокат маленький итальянский Фиат выпуска 1933 года. При нормальных условиях путь до Тель-Авива длился всего несколько часов. Но так как Ари никогда нормальных условий не знал, то он пред-

ложил выехать из Хайфы рано утром. Они спустились с Кармеля и поехали по береговому шоссе вдоль Самарии. На Китти произвели большое впечатление зеленые поля прибрежных кибуцов. Сочная зелень выделялась еще больше на фоне коричневых скалистых холмов и ослепительного солнца. Не успели они проехать несколько минут от Хайфы, как наткнулись на первый шлагбаум. Ари предупредил об этом Китти. Она наблюдала за ним. Он делал вид, что ему все это нипочем, хотя многие из англичан знали его и всячески дразнили, что его амнистия, — всего лишь временная.

Ари свернул с шоссе и поехал в сторону моря к руинам Кесарии. Они захватили с собой завтрак и съели его, сидя на древнем молу. Ари показал рукой на Сдот Ям — Морскую ниву — кибуц, где жил Иоав Яркони и где он и сам часто бывал, когда Алия Бет нелегально высаживала здесь иммигрантов в 1936—39 годах. Ари познакомил Китти с арабским городом, построенным на развалинах — частью римских, частью времен крестоносцев. Арабы были большими специалистами по части использования остатков чужих цивилизаций и, в сущности, за тысячу лет они построили в Палестине всего лишь один единственный полностью арабский город. Великолепные римские статуи и колонны были ими вывезены из Кесарии, и их можно было найти в арабских домах по всей Самарии и Саронской долине.

Позавтракав, они поехали дальше на юг по направлению Тель-Авива. Движение на шоссе было небольшое. Только изредка проезжал автобус, набитый либо арабами, либо евреями, или повозка с вечным осликом в упряжке. Время от времени их сбгоняла британская автоколонна, мчащаяся во весь опор (и протяжно воя сиренами). Проезжая мимо арабских сел, Китти была поражена контрастом между этими деревнями и еврейскими. В коричневых каменистых полях трудились арабские женщины. Они шли по обочине шоссе, закутанные в длинные одежды, стеснявшие их движения, с огромными тюками на голове. Кофейни вдоль шоссе были битком набиты мужчинами, сидевшими неподвижно или игравшими в «шеш-беш». У Зихрон-Яков — Память Якова — они проехали мимо первой Таггартовой крепости, мрачного сооружения, окруженного оградой из колючей проволоки. У Хадеры, чуть дальше, они проехали мимо еще одной, а отсюда эти крепости воз-

вышались чуть ли не у каждого перекрестка.

К югу от Хадеры, в Саронской долине, поля были еще плодороднее, а зелень сочнее. По обеим сторонам дороги поднимались ряды австралийских эвкалиптов.

— Всего этого не было еще и в помине лет двадцать пять тому назад, — сказал Ари. — Здесь была сплошная пустыня.

В полдень они въехали в Тель-Авив — Холм весны.

Город лежал на берегу Средиземного моря, до того ослепительно белый на солнце, что глазам было больно. Город напоминал белую глазурь на огромном торте. Ари ехал по широким, обсаженным деревьями бульварам, по обеим сторонам которых возвышались ряды жилых домов, построенных в ультрасовременном стиле. Жизнь в городе была ключом. Китти Тель-Авив понравился с первого взгляда.

Ари остановился на улице Гаяркон, прямо на набережной, в гостинице Гат-Римон.

Часам к четырем, после долгого обеденного перерыва, открылись магазины. Ари и Китти пошли пошататься по улице Алленби. Китти нужно было поменять немного денег, купить кое-что, а главное — утолить снедающее ее любопытство.

За площадью Мограби, где стоял одноименный театр, пошли маленькие магазины, толкотня, шум автобусов и машин. Китти останавливалась у каждого магазина. Они прошли мимо десятка с лишним книжных магазинов, и Китти стояла и смотрела на надписи по-иврит, которых не могла разобрать. Они шли и шли, миновали деловые кварталы и дошли до бульвара Ротшильда. Здесь уже начинался старый город, который возник, собственно, как пригород Яффы. Проходя по улицам, соединяющим оба города. Китти испытывала чувство, словно время пошло в обратном направлении. Чем дальше, тем улицы становились грязнее, пахло хуже, мельчали лавки. Они сделали крюк и вернулись в Тель-Авив по узкой улице, служившей смешанным арабско-еврейским базаром. Всюду у столиков толпились люди. Они снова добрались до улицы Алленби, вернулись к площади Мограби и повернули на другую широкую улицу, обсаженную деревьями. Это была улица Бен Иегуда. По обеим ее сторонам прямо на тротуарах расположились сплошные ряды кафе. У каждого кафе был свой особый стиль и своя клиентура. Было кафе, где соби-

рались адвокаты и юристы, рядом было другое кафе, где собирались социалисты, третье посещали только артисты, четвертое — деловые люди. Было кафе, где торчали люди, сочувствовавшие террористам, а рядом было кафе, где пенсионеры проводили время за нескончаемой игрой в шахматы. Все кафе на улице Бен-Иегуды были битком набиты жарко спорящими завсегдатаями.

Продавцы маленьких газет, на двух листочках, выкрикивали новости о нападении Маккавеев на аэродром в Лиде, на нефтеочистительный завод в Хайфе и о прибытии «Эксодуса». Толпа все плыла и плыла. Люди в восточных одеждах, шли вперемежку с элегантными дамами, одетыми по последнему слову моды десятка европейских столиц. Но больше всего было уроженцев Палестины в шортах защитного цвета и белых рубашках с отложным воротничком. На шее они носили тоненькие цепочки с Маген-Давидом или каким-нибудь другим еврейским значком. У большинства из них были густые черные усы — отличный признак уроженца страны. Это были довольно грубые ребята. На многих была синяя рубашка кибуцника, а на ногах — сандалии. Женщины, родившиеся уже в стране, были высокие, с резко очерченной фигурой и высокой грудью; одеты они были в простые платья, шорты или брюки. Во всей их фигуре, и даже в походке, была какая-то вызывающая гордость, смешанная с дерзостью.

Вдруг улица Бен-Иегуды стихла.

Это была та же внезапная тишина, которую Китти запомнила еще с предыдущей ночи в ресторане на Кармеле.

Английская бронемашина, снабженная громкоговорителем, медленно ехала посреди улицы. На машине, сжав губы, у пулеметов стояли английские солдаты.

«Внимание, евреи! Командующий войсками объявил комендантский час. С наступлением темноты ни один еврей не должен находиться на улице. Внимание, евреи! Командующий войсками объявил комендантский час. С наступлением темноты ни один еврей не должен находиться на улице».

Публика встретила это объявление взрывом аплодисментов и смехом.

— Поосторожнее, Томми, — крикнул кто-то. — Следующий перекресток заминирован.

Когда бронемашина проехала мимо, улица как ни в чем не бывало зажила своей прежней жизнью.

— Пойдем, вернемся в гостиницу, — сказала Китти.

— Я ведь уже сказал вам, что не пройдет и месяца как вы до того привыкнете ко всему этому, что прямо жить не сможете без этого возбуждения.

— Никогда я к этому не привыкну, Ари.

Они вернулись в гостиницу, нагруженные покупками Китти. Они выпили по коктейлю в маленьком уютном баре, затем поужинали на террасе, с которой открывался вид на море. Был хорошо виден изгиб берега на стыке нового Тель-Авива и старой Яффы, древнейшего портового города мира.

— Спасибо вам за чудесный день. Британские патрули и шлагбаумы не в счет.

— Мне придется попросить у вас извинения, — ответил Ари. — После ужина мне нужно уйти ненадолго.

— А комендантский час как же?

— О, он касается только евреев, — ответил Ари.

Ари оставил Китти и поехал в пригород Рамат-Ган Холм-Сад. Рамат-Ган сильно отличался от Тель-Авива: тут вместо больших жилых зданий стояли отдельные особняки, окруженные газонами, цветниками и садами. Чисто оштукатуренные дома с черепичными или окрашенными в красный цвет крышами были всяких размеров: от небольших коттеджей до солидных особняков. Ари поставил машину, затем ходил с полчаса пешком, чтобы убедиться, что нет за ним слежки.

Он остановился на улице Монтефиоре, дом № 22, у большого особняка, принадлежавшего доктору И. Тамиру. Доктор Тамир сам открыл дверь на его стук, крепко пожал ему руку и повел вниз в подвал.

Дом Тамира служил генеральным штабом Хаганы.

В подвале лежало множество оружия и боеприпасов, там был и печатный станок, выпускавший листовки по-арабски, в которых арабов призывали хранить спокойствие и не нарушать мир. Тут же девушка записывала то же воззвание на магнитофонную ленту. Магнитофонная запись будет потом передаваться секретной передвижной радиостанцией «Кол Израэл» — «Голос Израиля». Здесь же изготовлялись гранаты, собиралось и хранилось самодельное оружие и велась тому подобная деятельность.

Вся эта деятельность мгновенно остановилась, как только доктор Тамир появился в сопровождении Ари. Ари немедленно окружили, принялись поздравлять с успешным

завершением операции «Экзодус» — со всех сторон на него посыпались вопросы.

— Потом, потом, — сказал доктор Тамир.

— Мне нужно поговорить с Авиданом, — сказал Ари.

Он прошел мимо груды ящиков с винтовками к двери кабинета и постучал.

— Входите.

Ари открыл дверь и увидел лысого силача, командовавшего подпольной армией. Авидан поднял голову от бумаг, лежавших на шатком столе и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Ари, шалом!

Он вскочил из-за стола, обнял Ари, усадил его в кресло, запер дверь и похлопал его своими медвежьими ручищами по спине.

— Как хорошо, что ты снова здесь, Ари! Ты им показал, этим британцам! А где остальные ребята?

— Я их отпустил домой.

— Правильно. Они заслужили небольшой отпуск. Может, и сам возьмешь отпуск?

Из уст Авидана, за четверть века ни разу не пользовавшегося отпуском, это была огромная похвала.

— А что это за девушка, которая приехала с вами?

— Арабская разведчица. Не будь таким дотошным.

— Она хоть друг?

— Нет. Ни друг, ни даже сочувствующая.

— Жалко. Нам бы неплохо пригодились американочка, да еще христианка.

— Нет. Она просто милая женщина, которая смотрит на евреев, как на диковинных зверей в зоопарке. Завтра я ее отвезу в Иерусалим, сведу ее с Хариет Зальцман: может, удастся пристроить ее к Молодежной Алие.

— Лично, что ли, заинтересован?

— Да нет. Отстань ты, ради бога, с этим еврейским любопытством.

В кабинете было душно. Авидан достал огромный синий платок и вытер пот с лысого лба.

— Маккавеи неплохо отметили вчера наше прибытие. Я слышал, нефтеочистительный будет гореть еще целую неделю. Плакала их нефть! Когда-то они теперь восстанут завсд!

Авидан покачал головой.

— Вчера-то у них, положим, получилось неплохо. А

позавчера? А что будет завтра? На каждую удачную операцию приходится две неудачных. Каждый раз, когда они прибегают к насилию или убивают кого попало, страдать приходится всему Ишуву. Нам всем приходится отдуваться за действия Маккавеев. Завтра генерал Хэвн-Херст или губернатор заявятся в Национальный Совет. Они будут стучать кулаками по столу Бен-Гуриона, чтобы заставить нас натравить на Маккавеев Хагану. Клянусь тебе — порой я просто не знаю, что мне делать. До сих пор англичане не очень трогали Хагану. Но если террор Маккавеев не прекратится... ты знаешь, они начали даже грабить банки, чтобы финансировать свои операции.

— Надеюсь, английские банки, — Ари закурил сигарету, встал и прошелся по маленькому кабинету. — Может быть, пора и нам организовать парочку хороших рейдов.

— Нет, мы не можем рисковать Хаганой. На нас лежит защита всех евреев. Нелегальная иммиграция — вот чем надо бить их теперь. Один такой номер, как с «Эксодусом», важнее взрыва десятка хайфских крекингов.

— Но когда-нибудь мы же должны действовать, Авидан. Либо у нас есть армия, либо ее нет.

Авидан достал из ящика стола несколько бумаг и протянул их Ари. Ари взял и прочел:

Боевая диспозиция. Шестая авиатранспортная дивизия.

Ари поднял голову и изумленно спросил:

— Неужели у них тут три бригады десантных войск?

— Ты читай.

Королевский бронетанковый корпус с королевскими гусарами, полки: 53-ий Вустерширский, 249-ый авиатранспортный, драгунские гвардейцы, королевские стрелки, стрелки королевы, Ист-Сарри, Мидлсекс, гордонские горные стрелки, Ольстерские карабинеры, Хертфордширский — нескончаемый список британских частей, расположенных в Палестине, Ари бросил бумаги на стол:

— Они что же, не с русскими ли собираются воевать?

— Вот видишь, Ари? Каждый божий день я изучаю этот список с каким-нибудь нетерпеливым палмахником. Почему мы не действуем? Почему мы не принимаем бой? Ты думаешь, мне доставляет удовольствие отсиживаться? Но, Ари... у них здесь пятая часть списочного состава британских вооруженных сил. По самой малой мере сто тысяч человек, не считая Арабского Легиона в Транс-Иордании. Конечно, Маккавеи носятся туда, сюда, стреляют, шу-

мят, строят из себя героев, а нас обвиняют в трусости. — Авидан ударил кулаком по столу. — А я, черт возьми, все пытаюсь сколотить армию. У нас нет даже десяти тысяч винтовок, поди после этого, повоюй! А погибнет Хагана, и мы все погибли.

— Послушай, Ари... Маккавеи могут нанести удар, а затем скрываться, имея в своем распоряжении всего несколько тысяч сорви-голов. Нам же приходится пока топтаться на месте и только на месте. Мы не можем позволить себе действовать. И мы не можем позволить себе также — злить Хэвн-Херста. На каждых пять евреев у них тут по одному английскому солдату.

Ари снова достал список британских частей и молча пробежал его еще раз.

— Британские облавы, кордоны, обыски и аресты становятся с каждым днем все хуже и хуже. Арабы тем временем набирают силы, а англичане — ноль внимания.

Ари кивнул.

— Куда я теперь?

— Пока никуда. Поезжай домой, отдохни парочку дней, потом явишься в Эйн-Ор в штаб Палмаха. Я хочу, чтобы ты хорошенько обследовал наши силы в каждом населенном пункте в Галилее. Нам нужно знать, что нам удастся удержать, в случае чего, ... и что отдать.

— Ты никогда до этого так не говорил, Авидан.

— Никогда еще положение и не было таким серьезным, как сейчас. Арабы даже сесть с нами за один стол отказались в Лондоне.

Ари направился к двери.

— Передай привет от меня Бараку и Саре и скажи Иордане, пускай не больно прыгает, что Давид Бен Ами дома. Я его тоже откомандирую вместе с остальными ребятами в Эйн-Ор.

— Я еду в Иерусалим завтра, — сказал Ари. — Никаких поручений не будет?

— Как же! Сколоти мне там тысяч десять фронтовиков с оружием впридачу.

— Шалом, Авидан.

— Шалом, Ари. Я рад, что ты снова дома.

Ари помрачнел, когда он поехал назад в Тель-Авив. Еще на Кипре он как-то сказал Давиду Бен Ами, что Хагана, Палмах, Алия Бет пробуют то то, то другое. Некоторые планы удавались, некоторые — нет. Профессиональ-

ный солдат должен делать свое дело, не поддаваясь эмоциям. Ари Бен Канаан работал, как машина. Он был толковый и отважный воин. Порой на его долю выпадали удачи, порой — нет.

Однако теперь все предстало перед Ари Бен Канааном в своем истинном свете, и это чуть не сразило его.

«Эксодус», хайфский нефтеочистительный завод, удар здесь, удар там. Люди погибали, пытаясь протаскать полсотни винтовок. Людей вешали за то, что они нелегально провозили сотню бывших узников концлагерей, чудом оставшихся в живых. Он был маленький человек, а воевать приходилось с великаном. В эту минуту ему ужасно хотелось обладать верой Давида Бен Ами в Провидение, но Ари был чересчур реалистом.

Китти Фремонт ждала Ари в маленьком баре в конце вестибюля. Он вел себя так любезно, что она решила дожидаться его, поболтать с ним немножко и выпить с ним рюмку или две на сон грядущий. Она заметила, как он вошел в вестибюль и подошел к администратору за ключом.

— Ари! — позвала она.

Его лицо было такое же сосредоточенное, как тогда в первый день их знакомства на Кипре. Она помахала ему рукой, но он совершенно не заметил и не услышал ее. Он невидящими глазами смотрел в ее сторону, затем поднялся наверх в номер.

Г Л А В А 2.

Два автобуса повезли пятьдесят детей с «Эксодуса» мимо холма, где лежали развалины древнего Хацора, в долину Хулы. Всю дорогу из Хайфы по Галилее юные путешественники высовывали головы в окна, визжали от восторга, размахивали руками и не могли оторваться от открывшегося их глазам вида давно обетованной им страны.

— Дов! Посмотри, какая кругом красота! — вскричала Карен.

Дов что-то буркнул в ответ, желая, видно, выразить, что он не видит оснований поднимать из-за этого такой шум.

Они забрались глубоко в долину Хулы вплоть до Яд-Эля, где жил Ари Бен Канаан. Отсюда от главного шоссе ответвлялась дорога, которая вела в горы к границе с Ливаном. Когда дети увидели указатель, на котором было написано: Ган-Дафна, их охватило неопишное волнение. Один только Дов Ландау угрюмо молчал. Автобусы медленно ползли вверх по извилистой дороге, и вскоре перед ними открылся вид на всю долину Хулы, где зеленым ковром лежали поля кибуцов и мошавов. Широкое болото Хулы окаймляла дюжина четырехугольных рыбных прудов.

На полпути, когда они въехали в арабскую деревню Абу-Йешу, автобусы замедлили ход. Здесь не было той холодной неприязни, которую дети заметили в других арабских деревнях. Наоборот, им здесь приветственно махали руками.

Проехав Абу-Йешу, они миновали также высотную шестисотметровую отметку и вскоре въехали в Ган-Дафну — Сад Дафны, — молодежное село Алият-Ганоар. Автобусы затормозили перед газоном размером в сто метров на пятьдесят, образующим центр селения. Все селение было расположено на широком плоскогорье. Вокруг газона стояли административные здания, а во все четыре стороны тянулись ряды жилых домиков. Всюду росли деревья, и все селение утопало в зелени и цветах. Когда дети с «Эк-

содуса» сошли с автобусов, оркестр села исполнил в их честь веселый марш.

В самой середине газона в человеческий рост стояла статуя Дафны, девушки, именем которой было названо селение. Статуя была выполнена в бронзе, девушка с винтовкой в руках смотрела вниз на долину Хулы, в точности так, как стояла и сама Дафна в тот день, когда арабы убили ее в Гамишмаре.

Доктор Либерман, основатель селения, небольшого роста мужчина, слегка горбатый, стоял у статуи и покуривал огромную трубку. Он вышел вперед и обратился со словами приветствия к новичкам. Он коротко рассказал им, что он покинул Германию в 1934 году, а в 1940 году построил Ган-Дафну на участке, который Каммаль, покойный мухтар Абу-Йеши, великодушно уступил Алият-Ганоар. Доктор Либерман подошел к каждому юноше и к каждой девушке отдельно, чтобы поздороваться с ними лично и сказать им несколько слов приветствия на полдюжине языков. У Карен было такое чувство, будто она его где-то видела раньше. Он был очень похож на тех профессоров в Кельне, которые приходили к ним в гости, когда она была еще ребенком... Но это было так давно, что она почти ничего уже не помнила.

Потом к каждому из новоприбывших подошел кто-нибудь из детей, проживавших в селении уже давно, и взяли их под свое шефство.

— Карен Клемент — это ты?

— Да.

— А я Иона, твоя новая соседка по комнате, — сказала еврейская девушка, приехавшая из Египта, чуточку старше Карен.

Девушки поздоровались за руку.

— Пошли, я покажу тебе нашу комнату. Тебе здесь обязательно понравится.

Карен крикнула Дову, что она скоро придет, и пошла с Ионой мимо административных и школьных зданий, вдоль обсаженной кустами аллеи, по обеим сторонам которой стояли коттеджи.

— Нам повезло, — сказала Иона. — Мы с тобой постарше, оттого у нас коттедж.

Карен остановилась на минутку перед коттеджами, посмотрела на него, словно не верила своим глазам, затем вошла. Это была обыкновенная комната, но Карен пока-

залось, что она еще никогда в жизни такой чудесной комнаты не видела. Койка, стол, шкаф, кресло — и все это принадлежит ей, ей одной.

Уже темнело, когда Карен нашла наконец свободную минутку. После ужина в честь детей должен был состояться концерт в летнем театре.

Карен нашла Дова на газоне у статуи Дафны. Впервые за много, много недель ей вдруг захотелось танцевать. Воздух стоял такой чудесный и чистый, и вообще все было как в раю. Карен вся трепетала от счастья. Она остановилась рядом с Довом и показала рукой на домики Абу-Иеши, белеющие прямо под ними в седловине горы. Над ними Таггартова крепость Форт-Эстер на границе с Ливаном, а совсем внизу в долине лежали поля мошава Яд-Эль. Еще дальше, у самого конца Хульской долины, на вершине горы стоял Тель-Хай, где погиб Трумпельдор, а по ту сторону вздымался Хермон, но там уже была Сирия.

На Карен были брюки оливкового цвета, крестьянская блуза с закрытым воротником, а на ногах — сандалии.

— О, Дов! — воскликнула она. — Это самый счастливый день в моей жизни. Иона — чудная девушка. Она мне сказала, что на всем свете нет человека добрее, чем доктор Либерман.

Она легла на траву, посмотрела на небо и вздохнула. Дов стоял над ней и не говорил ни слова. Она села, схватила его за руку и потянула его к себе.

— Брось ты это! — сказал он резко.

Но она не отставала, пока он не сел рядом. Он растерялся, когда она пожала ему руку и положила голову на его плечо.

— Пожалуйста, Дов, не будь таким хмурым. Неужели ты не радуешься?

— Нашла о чем думать!

— Вот и думаю. — сказала Карен. — И о тебе я тоже думаю.

— Лучше подумай о себе.

— Я думаю о себе тоже. — Она приподнялась на колени и положила ему руки на плечи. — Ты видел свою комнату, койку? Сколько лет прошло с тех пор, как ты жил в такой комнате?

Дов покраснел и опустил глаза.

— Ты только подумай, Дов. Кончились лагеря для перемещенных лиц... нет больше ни Сиотатов, ни Караоло-

сов, ни нелегальных пароходов. Мы дома, Дов, и мне никогда не снилось, что все будет так прекрасно.

Дов медленно встал на ноги и повернулся к ней спиной.

— Все это прекрасно для тебя. У меня другие планы.

— Забудь ты об этих планах, — взмолилась Карен.

Заиграл оркестр и музыка понеслась по селению.

— Давай лучше пойдем в театр, — сказала Карен.

Как только Ари и Китти оставили позади Тель-Авив и приехали мимо гигантского британского военного лагеря в Сарафанде, она снова почувствовала напряжение, столь характерное для Палестины. Они проехали по Рамле, городу, населенному одними арабами, и Китти почувствовала на себе враждебные взгляды арабов. Ари, казалось, не замечал ни арабов, ни Китти. За весь день он не сказал с нею и десятка слов.

Восточнее Рамле машина въехала в Баб-эль-Вад, узкую дорогу, которая извивалась в горах Иудеи. По обеим сторонам дороги, прямо на скалах, росли посаженные евреями молодые леса. В горах можно было видеть следы древних террас, которые выделялись на фоне обнаженных скал, как ребра изголодавшейся собаки. Когда-то эти холмы и террасы кормили сотни тысяч людей. Теперь все совершенно выветрилось. Только на самой верхушке гор ютились белые арабские деревушки.

Здесь, в Баб-эль-Ваде, Китти впервые почувствовала таинственную власть Иерусалима. Поговаривали, что каждый, кто первый раз едет по горам Иудеи, испытывает на себе таинственную мощь Давидова города. Китти удивилась, что город этот действует на нее с такой силой. Все ее религиозное воспитание сводилось к весьма поверхностному протестантизму Среднего Запада, в основе которого лежало хоть и искреннее, но весьма неглубокое чувство. Они поднимались все выше и выше, и охватившее ее волнение становилось все сильнее. Она словно слилась с Библией, и среди этих застывших угрюмых гор она впервые поняла, что значит находиться на Святой земле.

Далеко впереди на горизонте появились неясные очертания Иерусалима, и возбуждение Китти Фремонт достигло предела.

Они въехали в Новый город, построенный евреями, и поехали вниз по Яфскому шоссе, главной торговой артерии города, мимо многочисленных магазинов, в сторону

крепостной стены Старого города. У Яфских ворот Ари свернул и поехал вдоль крепостной стены к бульвару Царя Давида, и вскоре затормозил перед огромной гостиницей, носившей тоже имя Царя Давида.

Китти вышла из машины и чуть не вскрикнула, заметив, что правый флигель здания совершенно разрушен.

— Когда-то здесь размещался британский генштаб, — пояснил Ари. — Маккавеи внесли, как видите, кое-какие изменения.

Гостиница была построена из иерусалимского камня. Она была грандиозная, в несколько перегруженном европейском стиле; холл, как предполагали, воспроизводил двор царя Давида.

Китти первая спустилась к обеду. Она присела на террасе в тыловой части гостиницы, откуда открывался вид на небольшую долину у самой крепостной стены. Напротив террасы возвышалась Башня Давида, а сама терраса имела вид сада. Позади играл небольшой эстрадный оркестр.

Вскоре на террасу вышел и Ари. Увидев Китти, он остановился как вкопанный. Да, красивая женщина, ничего не скажешь! Такой он ее еще не видел. На ней было элегантное вечернее платье, на голове — широкополая шляпа, на руках белые перчатки. В эту минуту он почувствовал себя где-то на другом краю света. Она в точности походила на тех красивых женщин Рима, Парижа и даже Берлина, которые принадлежат к миру, где женщины ведут себя не совсем понятно для него. Расстояние в световой год разделяло Китти и Дафну, но она была красива, в этом ей не откажешь.

Он присел тоже.

— Я позвонил Хариэт Зальцман, — сказал он. — После обеда мы к ней ходим.

— Спасибо. Иерусалим производит на меня огромное впечатление.

— Да, он обладает какой-то таинственной силой. Кто бы сюда ни приехал, все испытывают то же самое. Возьмите Давида Бен Ами... Он прямо бредит Иерусалимом. Я уверен, что он потащит вас завтра с собой, чтоб показать вам город. Суббота как раз. Он хочет показать вам Старый город.

— Очень мило с его стороны, что он подумал обо мне.

Ари пристально посмотрел на нее. Она казалась даже

еще красивее, чем когда он вошел на террасу. Он отвел взгляд и подозвал официанта, затем, покончив с заказом, уставился в пространство. У Китти было такое чувство, будто Ари взвалил на себя заботу, а теперь вот — приходится отдуваться. Минут десять никто из них не проронил ни слова.

Китти поковыряла в салате.

— Я вам очень в тягость?

— Да что вы!

— С тех пор, как вы вернулись вчера вечером со своего свидания, вы ведете себя так, словно меня вовсе не существует.

— Прошу прощения, Китти, — сказал он, не поднимая глаз. — Вы, пожалуй, правы: собеседник из меня сегодня нукудышный.

— Что-нибудь не так?

— Много кое-чего не так, но ни вас, ни меня, ни даже моего дурного поведения все это не касается. Лучше я вам расскажу про Хариэт Зальцман. Она тоже американка. Ей, пожалуй, уже далеко за восемьдесят. Если бы мы здесь присваивали звания святых, она должна была бы стать нашей первой святой. Вы видите вон ту гору за Старым городом?

— Вон там?

— Да. Это гора Скопус. В тех зданиях помещается самый современный медицинский центр всего Ближнего Востока. Финансировали его строительство американские сионистки, организацию которых Хариэт создала сразу после первой мировой войны. Большинство палестинских больниц и медицинских центров созданы «Гадассой», — так называется эта ее организация.

— Ого, она, видно, очень энергичная женщина.

— Да, энергии ей не занимать стать. Когда Гитлер пришел к власти, Хариэт создала «Алият Ганоар» — Молодежную иммиграцию. Благодаря ей удалось спасти тысячи и тысячи детей и подростков. Теперь у Алият-Ганоар десятки молодежных центров по всей стране. Я уверен, вы с ней сработаетесь.

— Откуда у вас эта уверенность?

— Тут видите, какое дело. Ни один еврей, который прожил некоторое время в Палестине, не может уехать отсюда, не оставив здесь своего сердца. То же, я думаю, верно

и по отношению к американцам, Хариэт прожила здесь долгие годы, но в душе она все-таки американка.

Оркестр замолк.

Над Иерусалимом опустилась тишина. Вот послышался слабый крик муэдзина, зовущего с минарета в Старом городе правоверных к молитве. Затем снова все смолкло, и такая всюду воцарилась тишина, какой Китти никогда до этого не испытывала.

Колокола **имка** — башня находилась прямо через дорогу — исполнили гимн, и мягкие звуки полились по горам и долинам. И снова тишина. Кругом было так мирно и тихо, что заговорить теперь было бы просто кошунством. Казалось, будто жизнь и самое время остановили свой бег на минутку.

— Какое изумительное ощущение, — шепнула Китти.

— Такие спокойные минуты выпадают довольно редко в наши дни. — сказал Ари. — Боюсь, что это спокойствие обманчиво.

Ари заметил у входа на террасу смуглого человека небольшого роста. Он его сразу узнал. Это был Бар Израэль, связной Маккавеев. Бар Израэль кивнул Ари и тут же исчез.

— Извините, пожалуйста, — сказал Ари, — но мне нужно выйти на минутку.

Он прошел в вестибюль, подошел к киоску и купил пачку сигарет. Он постоял еще минутку, полистал какой-то иллюстрированный журнал. Бар Израэль подошел к нему сзади и шепнул:

— Дядя Акива в Иерусалиме. Он хочет встретиться с тобой.

— Сейчас мне нужно в Поселенческое общество, но я быстро освобожусь.

— Ты меня найдешь в русском квартале, — сказал связной и торопливо прошел дальше.

Бульвар Кинг-Джордж был широкой улицей в Новом Иерусалиме, по обеим сторонам которой находились административные здания, школы, церкви. Сионистское Поселенческое Общество размещалось в большом четырехэтажном здании на углу. К главному подъезду вела длинная дорожка.

— Шалом, Ари! — воскликнула Хариэт Зальцман, вскочив с такой живостью из-за письменного стола, какой

никак нельзя было ожидать от женщины ее лет. Она поднялась на цыпочки, обняла Ари за шею и крепко поцеловала его в щеку.

— Ну, ты им там показал на Кипре. Молодец!

Китти молча остановилась на пороге. Поздоровавшись с Ари, старушка повернулась к ней.

— Вы, значит, Кэтрин Фремонт. Вы очень милы, дитя мое.

— Благодарю вас, миссис Зальцман.

— Бросьте вы эту «миссис Зальцман»! Только англичане и арабы зовут меня так. И тогда я чувствую себя совсем старой. Садитесь, садитесь, сейчас принесут чаю. Может быть, вам хочется кофе?

— Ничего, я с удовольствием выпью чаю.

— Ну вот, Ари... теперь ты видишь перед собой настоящую американскую девушку, — сказала Хариэт, с широким жестом в сторону Китти, который должен был подчеркнуть ее красоту. В глазах старушки светилось озорство.

— Я убежден, что далеко не все американские девушки такие красивые, как Китти...

— Да перестаньте вы оба. А то я совсем растеряюсь от смущения.

— Ну, девушки, я вам тут, пожалуй, не нужен. У меня тут кое-какие дела, так что я, пожалуй, смоюсь. Если я вовремя не вернусь, вы сможете, Китти, взять такси и вернуться в гостиницу сами?

— Иди, иди, — перебила его старушка. — Китти пойдет ко мне и мы вместе пообедаем. Кому ты нужен?

Ари улыбнулся и ушел.

— Хороший парень, — сказала Хариэт Зальцман. — У нас много таких парней, как Ари. Им достается, и умирают они, так и не пожив как следует на свете. — Она закурила и протянула коробку сигарет Китти. — Откуда вы?

— Штат Индиана.

— А я из Сан-Франциско.

— Чудный город, — сказала Китти. — Я была там раз с мужем. Всегда надеялась, что съезжу как-нибудь еще раз.

— Мне тоже ужасно хочется, — сказала старушка. — С каждым годом я все больше тоскую по Штатам. Вот уже пятнадцать лет, как я снова и снова клянусь, что возьму и съезжу хотя бы ненадолго, но тут конца нет ра-

боте. Эти несчастные малютки все прибывают и прибывают. А я прямо места себе не нахожу от тоски. Видно старость.

— Вряд ли.

— Вообще-то хорошо быть евреем и работать на возрождение еврейского государства, но очень хорошо быть также американцем, и вы, пожалуйста, никогда об этом не забывайте, сударыня. Мне не терпелось познакомиться с вами, с тех самых пор как началась эта история с «Эксодусом», и я должна сказать, что вы меня прямо поразили, а меня удивить не просто.

— Боюсь, что газеты сильно преувеличили.

За славной внешностью Хариэт Зальцман скрывался острый ум, и хотя Китти чувствовала себя вполне непри-
нужденно, она тем не менее понимала, что старушка изучает ее очень тщательно. Они попивали чай и болтали о том, о сем, но главным образом об Америке. Хариэт все больше и больше овладевала грустью.

— На будущий год я обязательно съезжу домой. Я уж найду какой-нибудь предлог. Может быть, съезжу собирать деньги. Мы часто отправляемся в такие поездки. Известно ли вам, что американские евреи дают нам больше, чем вносит все американское население в Красный Крест? Однако, чего это я пристаю к вам со всем этим? Итак, вы хотите работать у нас?

— Мне очень жаль, но я не принесла с собой документов.

— Не надо никаких документов. Нам известно о вас все.

— Вот как!

— Да-да. Мы располагаем доброй дюжиной донесений о вас.

— Я прямо не знаю, радоваться ли мне или обижаться?

— Не надо обижаться. Не то время. Мы должны быть совершенно уверены в каждом. Вы скоро убедитесь, что в сущности, мы составляем здесь очень небольшой коллектив, и что редко происходит что-нибудь такое, что тут же не дошло бы до моих старых ушей. Кстати, я как раз читала донесения о вас, когда вы сюда пришли, и ломала себе голову над тем, что же все-таки привело вас к нам?

— Я медсестра, а вам нужны медсестры.

Хариэт Зальцман покачала головой.

— Посторонние не приходят к нам по такой причине

Тут должно быть что-то другое. Вы не из-за Ари Бен Канаана ли приехали в Палестину?

— Нет... то есть он мне, конечно, нравится.

— Он нравится очень многим женщинам. А тут случилось так, что вы как раз оказались той женщиной, которая нравится ему.

— Я этого не думаю, Харизэт.

— Неужели?... Что ж, я рада, Кэтрин. Все-таки долг путь из Яд-Эля в Индиану. Он — сабра, и только сабра в состоянии понять его.

— Сабра?

— Так мы называем тех, кто родился уже здесь. Вообще-то сабра — это плод дикого кактуса, растущего всюду по стране. Этот плод — шероховатый и колючий снаружи, зато внутри он очень мягок и сладок.

— Прекрасное сравнение.

— Ари, как и вообще сабры, не имеет никакого понятия об американском образе жизни, точно так же, как и вы не имеете представления о той жизни, которая выпала на долю ему.

После небольшой паузы Харизэт продолжала:

— Буду с вами совершенно откровенна. Если не еврей приходит к нам, он является потому, что он друг нам. Вы же нас даже хорошо не знаете. Вы — очень красивая американская девушка, и вы совершенно сбиты с толку этим странным народом, который зовется «евреи». Зачем же вы, в таком случае, пришли к нам?

— Ничего таинственного тут нет. Я сильно привязалась к одной молодой девушке. Она приехала сюда на «Эксодусе». Мы познакомились с ней в Караолосе. Я боюсь, что ей так и не удастся разыскать своего отца. Если она его не разыщет, я собираюсь усыновить ее и увезти с собой в Америку.

— Я поняла. Теперь я все поняла, и мы можем перейти к делу. У нас имеется вакантная должность старшей медсестры в одном из молодежных сел в северной Галилее. Это чудное место. Директор, доктор Эрнст Либман, — один из моих самых старых и близких друзей. Селение зовут Ган-Дафной. У нас там человек четыреста детей. Они прибыли к нам в основном из концлагерей. Очень нуждаются в помощи. Я надеюсь, что вы согласитесь на эту должность. Зарплата и прочие условия — очень неплохие.

— Я... я... хотела спросить о...

— Карен Ханзен?

— Откуда вы знаете?

— Я же вам сказала что вся Палестина — маленькая деревня. Карен тоже в Ган-Дафне.

— Я не знаю, как мне вас благодарить.

— Благодарите Ари. Это он все устроил. Он же и повезет вас туда. Это недалеко от его дома.

Старушка допила чай и откинулась в кресле.

— Можно дать вам дельный совет?

— Буду только благодарна.

— Так вот. Я работаю с сиротами с 1933 года. Вы не сразу поймете ту привязанность к Палестине, которая является со временем у этих детей. Стоит им подышать воздухом свободы... и они проникаются очень глубокой привязанностью к этой стране, и тогда им становится очень трудно уехать отсюда, а те, которые все-таки уезжают, почти никогда не могут пустить корни где-нибудь за пределами Палестины. Их любовь к этой стране чрезвычайно глубока. Для американцев очень многое является само собой разумеющимся. Здесь человек встает утром, и сразу наступает тревога. Он не знает, не пропадет ли все то, ради чего он проливал пот и кровь. Эта страна занимает его мысли двадцать четыре часа в сутки. Она является средоточием всей их жизни, она олицетворяет смысл всего их существования.

— Вы хотите сказать этим, что мне, может быть, не удастся убедить девочку уехать со мной?

— Я хочу только сказать, что вы столкнетесь с большими трудностями.

В дверь постучали.

— Войдите!

Вошел Давид Бен Ами.

— Шалом, Харнэт. Шалом, Китти. Ари сказал мне, что вы здесь. Я вам не помешал?

— Нет, мы уже покончили с делами. Кэтрин получила направление в Ган-Дафну.

— Это прекрасно. А я подумал, что было бы неплохо походить с Китти по Меа-Шеарим, когда наступит суббота.

— Прекрасная мысль, Давид.

— Тогда пошли. Вы тоже пойдете с нами, Харнэт?

— Да ты что? В мои-то годы таскаться по городу! Ров-

но через два часа ты приведешь Китти ко мне домой; она сегодня обедает у меня.

Китти встала, поблагодарила старушку, попрощалась с ней и повернулась к Давиду. Он не сводил с нее глаз.

— В чем дело, Давид? Что-нибудь случилось?

— Нет, это я просто потому, что никогда не видел вас по-настоящему одетой. Вы выглядите великолепно. — Он смущенно посмотрел на свою собственную одежду. — Мне вряд ли стоит показываться в таком виде рядом с вами.

— Чепуха какая-то! Я просто оделась получше перед тем, как отправиться на прием к начальству

— Шалом, дети, и до свидания.

Китти была очень рада, что Давид пришел за ней. С ним она чувствовала себя лучше, чем с любым другим евреем. Они вышли из здания Поселенческого общества и пришли на улицу Пророков. Китти взяла Давида под руку, но он был так поглощен всем, что их окружало, что казалось, будто не она, а он впервые знакомится с городом. Он каждый раз словно заново открывал этот город и радовался всему, как дитя.

— Хорошо быть снова дома. — сказал он. — А как вам нравится мой город?

— У меня просто нет слов. Он производит подавляющее, чутьчку даже пугающее впечатление.

— Точно. Именно такое впечатление Иерусалим производит и на меня с тех пор как я себя помню.

— Очень мило с вашей стороны, что вы уделяете время мне, а не своей семье.

— Мы еще не все собрались. У меня шестеро братьев. большинство в Палмахе. Я самый младший в семье, поэтому мы все соберемся в честь моего возвращения. Только один из братьев не придет... надо будет встретиться с ним один на один.

— Он что же, болен?

— Нет, он террорист. Он пошел к Маккавеев. Мой отец не пускает его через порог. Он все время с Бен Моше, одним из вождей Маккавеев. Бен Моше был когда-то моим преподавателем в университете. — Давид остановился и показал рукой на гору Скопус, по ту сторону долины Кедрона, где за медицинским центром Гадасы виднелись какие-то здания.

— Вон там университет.

— Вы, конечно, сильно тоскуете по нему.

— Да, конечно. Когда-нибудь я буду снова учиться.

Когда начало темнеть, раздался хриплый звук горна.

— Шабат! Шабат! — громко возвестил кто-то на улице.

По всему Иерусалиму раздавались звуки древнего рога. Давид надел ермолку и повел Китти на улицу Меа-Шеарим — Ста Ворот, — где жили крайне религиозные евреи.

— Вот здесь в Меа-Шеарим вы сможете увидеть в синагогах, как люди молятся самым различным образом. Некоторые из иеменитов покачиваются во время молитвы в точности так, как если бы они ехали верхом на верблюде. Это была своего рода реакция на то, что им запрещалось сидеть на спине верблюда, чтобы их головы, не дай бог, не возвышались над головой какого-нибудь мусульманина.

— Да что вы говорите!

— Или возьмите потомков испанских евреев... Во времена инквизиции они под страхом смерти должны были подвергнуться крещению и стать католиками. Они произносили вслух латинские молитвы, а под конец про себя произносили еврейскую молитву. Они и сейчас не произносят конец молитвы вслух.

Когда они вошли на улицу Меа-Шеарим, Китти была прямо ошеломлена. По обеим сторонам улицы шли двухэтажные каменные домики с богато разукрашенными чугунными решетками на балконах. Мужчины носили бороды и пейсы; на голове у них были шапки, отороченные мехом, а одеты они были в длинные, черные сатиновые кафтаны. Тут же были иемениты в арабских одеждах, и курдские, бухарские, персидские евреи, одетые в пестрые шелковые халаты. Все шли из бани, где они совершили ритуальное омовение; походка у всех была торопливая, покачивающаяся, словно они уже успели погрузиться в молитву.

Прошло несколько минут, и улица опустела: все вошли в синагоги. Это были небольшие строения, — порой просто помещения, — и их было по несколько штук в каждом квартале. Тут были общины из Италии и Афганистана, Польши, Венгрии и Марокко. Вся улица гудела от молитвенных субботних напевов, от громких восклицаний, входящих в экстаз хасидов. Женщинам не разрешалось входить в синагоги, поэтому Давид и Китти должны были до-

вольствоваться тем, что заглядывали через забранные чугунными решетками окна.

Какие странные помещения! И какой странный народ! Китти смотрела, как мужчины почти в истерике толпились вокруг Торы, громко вздыхая и рыдая. Она видела вдохновенные лица иеменитов, которые сидели по-турецки на подушках и молились. Она видела стариков, беспрестанно покачивающихся взад и вперед и быстро-быстро что-то читающих в своих пожелтевших молитвенниках. Как далеко и непохоже было все это на красивых мужчин и женщин Тель-Авива!

— У нас всякие евреи, — сказал Давид Бен Ами. — Я нарочно привел вас сюда, потому что Ари, я знаю, ни за что бы не стал. Он, как и вообще сабры, презирают все это. Эти люди не пашут, не воюют. Они — пережиток прошлого. К тому же они всячески противятся тому, что пытаемся сделать мы. Однако, если прожить в Иерусалиме столько, сколько прожил я, то относишься к ним более терпимо и начинаешь по-настоящему понимать те ужасы, которые превратили этих людей в таких фанатиков.

Ари Бен Канаан ждал у Греческой церкви, расположенной в Русском квартале. Становилось темно. Внезапно откуда-то появился Бар Израэль. Ари последовал за ним в переулок, где стояло такси. Они сели в машину, и Бар Израэль достал большую черную повязку.

— Неужели нельзя без этого?

— Я доверяю тебе вполне, Ари, но приказ есть приказ.

Ари завязали глаза, потом он лег на пол, и на него набросили одеяло. Минут двадцать такси кружило, сворачивая то вправо, то влево, чтобы сбить Ари с толку, затем въехало в район Катамона, бывшей немецкой колонии. Когда машина остановилась, Ари быстро провели в дом, и только когда он уже был в комнате, ему разрешили снять повязку.

Комната была совершенно пустая. Только стул, стол, на котором мигала единственная свеча, и еще стояла бутылка коньяка и два стакана. Прошло некоторое время прежде чем Ари смог разобрать все это. Прямо напротив, за столом, стоял его дядя Акива. Его голова и борода побелели, как снег. Все лицо было в глубоких морщинах,

а спина сгорбилась. Ари медленно подошел и остановился перед ним.

— Шалом, дядя! — сказал он.

— Шалом, сын мой.

Они обнялись, и старик с трудом подавил волнение. Акива поднял свечу к лицу племянника и улыбнулся.

— Выглядишь ты чудесно, Ари. Ты хорошо поработал на Кипре.

— Спасибо.

— Я слышал, ты привез с собой девушку.

— Американку, которая оказала нам большую помощь. Собственно, говоря, она человек совершенно посторонний. А ты как себя чувствуешь, дядя?

Акива пожал плечами:

— Как может жить человек в подполье? Я тебя уже давно не видел, Ари... чересчур давно. Пожалуй, уже больше двух лет. Хорошо было, когда Иордана училась здесь в университете. Мы с ней встречались каждую неделю. Ей скоро уже двадцать. Как она? Все еще водится с тем мальчишкой?

— С Давидом Бен Ами? Да, они очень любят друг друга. Давид был со мной на Кипре. Он один из наших самых многообещающих парней.

— Его брат — один из наших, ты знаешь об этом? Бен Моше тоже был его преподавателем в университете. Может быть, мы с ним когда-нибудь встретимся.

— Конечно, встретитесь.

— Я слышал, Иордана в Палмахе.

— Да, она обучает детей в Ган-Дафне, а кроме того работает на радиостанции, когда та в нашем районе.

— В таком случае она где-то около моего кибуца. Наверно, частенько бывает в Эйн-Оре.

— Да.

— Она... она никогда не говорит, как там все?

— Эйн-Ор всегда прекрасен.

— Может быть, я тоже смогу побывать там когда-нибудь. — Акива сел и налил две рюмки коньяку. Рука у него дрожала. Ари взял рюмку, и они чокнулись.

— Лехаим, — сказал он.

— Я говорил вчера с Авиданом, дядя. Он мне показал расстановку британских сил в Палестине. Твои ребята знакомы с этим документом?

— У нас, конечно, есть друзья в британской разведке.

Акива встал и стал медленно ходить по комнате.

— Хэвн-Харст намеревается ликвидировать мою организацию. Англичане ни к чему так не стремятся, как к уничтожению Маккавеев. Они подвергают нас пыткам, они вешают нас, они сослали весь наш командный состав. Мало того, что у одних Маккавеев хватает мужества, чтобы бороться с англичанами, нам приходится еще и воевать с предателями среди наших собственных людей. Да-да, Ари,... мы знаем, что Хагана предает нас англичанам.

— Это неправда, — резко возразил Ари.

— Нет, правда!

— Да нет же! Только сегодня Хэвн-Харст потребовал, чтобы Национальный Совет помог в ликвидации Маккавеев, а Совет отказался.

Акива заходил быстрее, его гнев заметно усилился.

— А откуда, по-твоему, англичане получают информацию, если не от Хаганы? Эти трусы из Национального Совета предоставляют Маккавеев проливать кровь и погибать. Мало того, эти трусы еще и предают нас. Хитро, правда, но предают! Предают! Предают!

— Я не стану этого слушать, дядя. Мы тоже, в Хагане и Палмахе, рвемся в бой. По крайней мере, подавляющее большинство. Ты думаешь, нам легко? Но все-таки мы не можем разрушить все то, что с таким трудом создано.

— Вот как! Значит, мы разрушаем?

Ари стиснул зубы и промолчал. Старик продолжал ходить по комнате, затем резко остановился и, подбоченившись, произнес:

— Недаром говорят, что я мастер затевать ссоры даже тогда, когда они совершенно не у места.

— Ничего, дядя, все в порядке.

— Ты уж извини, Ари... Давай лучше выпьем еще по одной.

— Нет, спасибо. Я больше не буду.

Акива повернулся к нему спиной и глухо спросил:

— А как там мой брат?

— Был в порядке, когда я его в последний раз видел. Собирается в Лондон на конференцию.

— Да, узнаю Барака. Говорить он мастер. Так и будет болтать до самого конца. — Акива облизнул губы и нерешительно спросил:

— Он знает о том, что вы, то-есть Иордана, ты и Сара, встречаетесь со мной?

— Думаю, знает.

Акива посмотрел племяннику прямо в глаза. Его лицо выражало глубокое страдание.

— Он... он когда-нибудь спрашивает обо мне?

— Нет.

Акива коротко и сухо рассмеялся, затем опустил на стул и налил себе еще коньяку.

— До чего же странно все получилось. Всегда сердился я, а он все прощал. Ари... я очень устал. Еще год, еще; кто знает, когда это все кончится, и сколько я еще протяну. Конечно, ничего не может стереть те муки, которые мы причинили друг другу, но... он должен найти в своем сердце силы, чтобы сломить это молчание. Ари, он должен простить меня хотя бы во имя нашего отца.

Г Л А В А 3.

Около сотни колоколов церквей Старого города и Кедронской долины, Масличной горы и Сионской горы, присоединились к торжественному звону гигантской колокольни **имка**. В Иерусалиме было воскресенье, христианский день отдыха.

Давид Бен Ами повел Китти в Старый город через богато разукрашенные Дамасские ворота, и они пошли по Виа Долороза — Крестному пути — к Львиным воротам, откуда открывался вид на Кедронскую долину, на могилы пророков, Авессалома и Марии, и на Масличную гору, где, по христианскому преданию, состоялось вознесение Христа.

Они шли по узким переулкам, по арабским базарам, мимо маленьких лавчонок, где всюду шел отчаянный торг. У мечети Омара на ступеньках лежали сотни пар обуви. Бородатые евреи стоя рыдали у Стены Плача, западной стены древнего храма. До чего это все странно, снова и снова думала Китти Фремонт. Именно здесь, в этих заброшенных унылых горах, как в фокусе, тысячелетиями сходились сотни цивилизаций. Почему именно здесь, почему именно этот клочок земли, эта улица, эта стена, эта церковь? Римляне и крестоносцы; греки, турки и арабы; ассирийцы, вавилоняне и англичане; всех их влекло именно сюда, в город презренных евреев. Он и свят, он и проклят. Сила и слабость; все, что есть в людях хорошего, но и все дурное — все воплощено в нем. Крестный путь и Гетсимана. Тайная вечеря, последняя вечеря Иисуса, которая была в сущности Седером еврейской Пасхи.

Давид повел Китти в Храм Гроба Господня, где в маленькой часовне, украшенной множеством светильников, над мраморным гробом Иисуса Христа день и ночь горели свечи. Китти опустилась на колени и поцеловала гроб, как до нее целовали миллионы паломников.

На следующее утро Ари и Китти оставили Иерусалим и направились на север в Галилею. Они ехали мимо за-

стывших арабских деревень и вскоре въехали в ЕздRELонскую долину, которую евреи превратили из болота в самый плодородный район Ближнего Востока. Затем, когда дорога стала снова подниматься вверх к Назарету, их будто снова отбросило на несколько столетий назад. С одной стороны — сочная зелень ЕздRELонской долины, а с другой — выжженные, растрескавшиеся, унылые поля арабов. Назарет почти не изменился со времени детства Иисуса.

Ари остановил машину в центре города. Он отогнал набросившихся на него мальчуганов, но один никак не хотел отстать.

— Хотите, я вас поведу?

— Не надо.

— Может, сувениры какие-нибудь? У меня есть щепки от господнего Креста, лоскуты от Его одежды.

— Пошел вон!

— Голых баб?

Ари попытался уйти, но мальчуган схватил его за штанину.

— Тогда, может, мы с вами договоримся насчет моей сестры: она еще девушка.

Ари бросил мальчугану монету.

— На вот! Береги машину. Ты мне головой за нее ответишь.

В городе стояла ужасная вонь. Навоз валялся прямо на улице, на каждом шагу попадались слепые, нищие; под ногами путались полунагие, невообразимо грязные босые дети. Со всех сторон налетали мухи. Китти крепко держалась за руку Ари, пока они с трудом прокладывали себе путь по тесному базару к тому месту, где якобы находилась кухня Пресвятой девы и столярная мастерская Иосифа.

Когда они уехали из Назарета, Китти долго не могла прийти в себя: какое ужасное место...

— Зато там арабы дружелюбные, — сказал Ари. — Они тут почти все христиане.

— Христиане-то они христиане, но им срочно нужно в баню.

Они сделали остановку и у церкви Кафр-Канны, где Христос, по преданию, совершил первое чудо, превратив воду в вино. Канна Галилейская была теперь маленькой арабской деревней, в остальном она почти не изменилась.

Китти пыталась осознать все то, что ей довелось ви-

деть за эти несколько дней. Это была маленькая страна, но каждый ее дюйм был пропитан кровью или славой. То ее охватывал священный трепет, то этот трепет уступал место отвращению. Некоторые святые места производили на нее неизгладимое впечатление, другие, наоборот, внушали ей подозрение, какое испытываешь во время карнавала. Погруженные в молитву евреи в квартале Меа-Шеарим и горящий нефтеочистительный завод; дерзкие сабры в Тель-Авиве и земледельцы Ездrelонской долины; старое и новое тесно переплеталось всюду. На каждом шагу она сталкивалась с противоречиями и парадоксами.

Под вечер Ари проехал через ворота Яд-Эля. Он оставил машину перед домиком, утопающим в цветах.

— Какая тут красота! — воскликнула Китти.

Дверь домика распахнулась, и Сара Бен Канаан бросилась им навстречу.

— Ари, Ари! — заплакала она, обнимая сына.

— Шалом, има.

— Ари, Ари, Ари...

— Ну, будет, будет, има..., не надо плакать! Пожалуйста, не плачь!

Тут подоспел и огромный Барак Бен Канаан. Он крепко обнял сына.

— Шалом, аба, шалом.

Старый великан тесно прижал к себе сына, не переставая хлопать его по спине.

— Ты чудесно выглядишь, Ари, прямо-таки чудесно.

Сара не сводила глаз с лица сына.

— Он устал. Разве ты не видишь, Барак, как он устал?

— Я в порядке, има. Я привел вам гостей. Познакомьтесь, пожалуйста, с миссис Кэтрин Фрэмонт. С завтрашнего дня она будет работать в Ган-Дафне.

— Значит, вы — Кэтрин Фрэмонт, — сказал Барак, взяв ее руку в свои огромные лапищи. — Добро пожаловать в Яд-Эль.

— Какой же ты, Ари, глупый, — сказала мать. — Чего ж ты не позвонил и не предупредил, что и миссис Фрэмонт придет с тобой? Входите, входите... вы примете сейчас душ, переоденетесь, я приготовлю что-нибудь поесть, и вы сразу почувствуете себя лучше. Какой же ты все-таки глупый, Ари. — Сара обняла Китти за талию и повела ее в дом. — Барак, возьми чемодан миссис Фрэмонт.

Иордана Бен Канаан стояла перед новоприбывшими

детьми с «Эксодуса» на сцене летнего театра. Она была высокая и стройная и держалась прямо и независимо на крепких, длинных ногах. Ее огненно-рыжие волосы свободно падали ей на плечи, что еще больше подчеркивало ее поразительную красоту. Ей было девятнадцать лет и еще с университета она состояла в Палмахе. Палмах направил ее в Ган-Дафну, где она возглавляла местный отряд «Гадны», обучая военному делу всех детей селения старше четырнадцати лет. Село служило также одним из важнейших тайных складов оружия, откуда его переправляли в населенные пункты всей долины Хулы. Кроме того, Иордана работала также на передвижной и тайной радиостанции «Кол Израэль», когда передачи велись из долины Хулы. Жила Иордана в Ган-Дафне, прямо в конторе.

— Меня зовут Иорданой Бен Канаан, — обратилась она к детям. — Я здесь командир Гадны. В ближайшие недели вы научитесь, как отправляться в разведку, как доставлять донесения, как чистить оружие и обращаться с ним. Мы будем учиться также штыковому бою и будем совершать походы. Вы находитесь теперь в Палестине и вам никогда больше не придется втягивать голову в плечи и бояться только потому, что вы евреи. Работать нам придется упорно, потому что Эрец-Израэль нуждается в нас. Завтра мы отправимся в первый поход. Мы пойдем на север, в горы, где расположен Тель-Хай. Мой отец через Тель-Хай прибыл в Палестину лет шестьдесят тому назад. На этом месте погиб наш легендарный герой, Иосиф Трумпельдор. Он там и похоронен, а у могилы стоит огромный каменный лев, который так же господствует над всей Хульской долиной, как памятник Дафне. На цоколе льва высечены слова: «Нет ничего прекраснее, как отдать жизнь за родину». Я добавлю: нет ничего прекрасней, как иметь родину, за которую можно было бы отдавать жизнь.

Когда Иордана пошла в контору, ее вызвали к телефону. Она подняла трубку.

— Шалом, Иордана слушает.

— Шалом! Это има с тобой говорит. Ари приехал!

— Ари!

Иордана помчалась из конторы в конюшню. Она вскочила на белого арабского жеребца и поскакала через ворота Ган-Дафны. С развевающимися огненно-рыжими волосами, без седла она неслась галопом по дороге в Абу-Йешу.

Десяток арабов шарахнулись в сторону, когда она на всем скаку промчалась по главной улице деревни. Мужчины, сидевшие в кофейне, смотрели ей вслед и злобно шипели. Какая наглая шлюха, рыжая сука, осмеливающаяся мчаться по их улице верхом на коне и в шортах! Ее счастье, что она дочь Барака и сестра Ари!

Ари взял Китти за руку и повел ее к двери.

— Пойдем, — сказал он, — я хочу показать вам наше хозяйство, прежде чем стемнеет.

— Вы не голодны, миссис Фрэмонт?

— Я так наелась, что вот-вот лопну.

— А удобно ли вам в комнате?

— Как нельзя лучше, миссис Бен Канаан.

— Ну, тогда можете идти. Только ненадолго: обед будет готов как раз к приезду Иорданы.

Сара и Барак посмотрели вслед молодым людям, затем друг на друга.

— Она красивая женщина. Но подходит ли она нашему Ари?

— Брось ты строить из себя «а идише маме»! Ты еще, чего доброго, вздумашь устроить «а шидох» своему сыну? — сказал Барак.

— Ничего ты не понимаешь, Барак. Ты не видел, какими глазами он на нее смотрит? Неужели ты собственного сына до сих пор не знаешь? Впрочем, он ужасно устал.

Ари и Китти прошли по огороду Сары, мимо дома, к невысокой изгороди. Ари поставил ногу на перекладину и молча смотрел на поля мошава. От вертящихся разбрызгивателей тянуло прохладной сыростью, вечерний ветерок чуть-чуть колыхал листву. Воздух был насыщен острым запахом зимних роз Сары. Китти смотрела на Ари, а он стоял, не отрывая глаз от полей. Впервые с тех пор как она его знала, у Ари был спокойный вид. Ему редко выпадают такие минуты, подумала Китти, вспомнив его относительно спокойное настроение в Иерусалиме.

— Далеко до вашей Индианы, — сказал Ари.

— Ничего, сойдет.

— Ну, вам не пришлось строить Индиану на болоте.

Ари неудержимо хотелось сказать Китти гораздо больше. Он хотел сказать ей, как он тоскует по дому, как ему хочется вернуться к своим полям. Ему хотелось убедить

тельно объяснить ей, что значит для его народа обладание этой землей.

Китти стояла прислонившись к изгороди и глядела на окружающую ее красоту, на гордые достижения Яд-Эля. Она вся сияла. Ари неудержимо хотелось обнять ее и долго держать в объятиях. Но он ничего не сделал и ничего не сказал. Они повернули назад, пошли вдоль изгороди, дошли до хозяйственных построек, где их встретило кудаханье кур. До их слуха донеслось и шипенье гуся. Он открыл дверь птичника. Верхняя перекладка сломалась.

— Надо бы поправить, — сказал он. — Много кое-чего надо бы поправить. Меня никогда не бывает дома, Иорданы тоже никогда нет. Отец все время пропадает на совещаниях, и я боюсь, что работы в хозяйстве Бен Канаанов падают на плечи всего села. Но когда-нибудь мы вернемся все домой... вот тогда вы увидите что-то действительно интересное.

Они остановились у свинарника, где свиноматка каталась в луже, а дюжина жадных поросят рвались к ней, толкая друг друга.

— Зебры, — бросил Ари.

— Если б я не была старым специалистом по зебрам, я бы могла поклясться, что это свиньи, — ответила Китти.

— Шшшш... чуточку тише. Может быть, нас подслушивает кто-нибудь из работников Национального фонда. Видите, мы не должны выращивать... э... зебр на землях Еврейского национального фонда. В Ган-Дафне дети зовут их пеликанами. В киббуцах они относятся к этому более реалистически. Там их зовут товарищами.

Они миновали хозяйственные постройки, птичник и навес, под которым стояли сельскохозяйственные машины, и подошли к краю поля.

— Отсюда можно видеть Ган-Дафну. — Ари остановился за ее спиной и показал рукой вверх к горам у ливанской границы.

— Вон те белые домики?

— Нет, то — арабская деревня Абу-Йеша. Возьмите чуточку правее и дальше в гору, вон где деревья на плато.

— О, вижу, теперь вижу! Господи, да ведь селение буквально витает в облаках. А что за строение там сзади, на самой верхушке?

— Это Форт-Эстер, британская пограничная крепость. Пойдем дальше, я должен показать вам еще кое-что.

Они пошли по полям. Солнце уже садилось и бросало на горы странный, то и дело меняющийся свет. Они дошли до перелеска на краю поля, там река несла свои воды в озеро Хулы.

— Ваши негры в Америке поют очень мелодичные спиричкюэлс об этой реке.

— Неужели это Иордан?

— Это он и есть.

Ари близко подошел к Китти, и они, посерьезнев, посмотрели друг на друга.

— Нравится? А мои родители вам понравились?

Китти кивнула. Она ждала, что Ари сейчас обнимет ее. Его руки коснулись ее плеч.

— Ари! Ари! Ари! — кричал кто-то во весь голос. Он оставил Китти и резко повернулся. Прямо на них несся всадник в лучах заходящего солнца. Вскоре они смогли различить и очертания, прямую спину и развевающуюся огненную гриву.

— Иордана!

Она резко осадила жеребца, широко раскрыла объятия, радостно вскрикнула и прыгнула прямо в объятия Ари да с такой силой, что они оба грохнулись на землю. Она уселась на него верхом и покрывала его лицо поцелуями.

— Ну, будет, будет! — запротестовал он.

— Я тебя сейчас насмерть зацелую!

Иордана принялась щекотать его, и они оба покатились. Пришлось Ари положить ее на обе лопатки, чтобы унять. Китти смотрела на них и смеялась. Вдруг Иордана заметила ее, и выражение ее лица застыло. Ари, вспомнив о присутствии Китти, смущенно улыбнулся и помог Иордане встать на ноги.

— Это — моя свихнувшаяся сестра. Боюсь, что она меня спутала с Давидом Бен Амн.

— Хэлло, Иордана, — сказала Китти. — У меня такое чувство, будто я знакома с вами давно. Давид мне много рассказывал о вас.

Китти протянула ей руку.

— А вы, верно, Кэтрин Фрэмонт. Я тоже много о вас слышала.

Рукопожатие было довольно холодным, и это удивило Китти. Иордана быстро подошла к коню, подняла поводья и повела его к дому. Ари и Китти пошла за ней.

— Ты видел Давида? — спросила Иордана через плечо.

— Он остался в Иерусалиме на несколько дней. Он просил передать тебе, что он позвонит сегодня ночью и что к концу недели он и сам приедет, если только ты не поедешь в Иерусалим.

— Мне нельзя. К нам привезли новичков в Ган-Дафну. Ари подмигнул Китти.

— Ах, да, — сказал он как бы между прочим. — Я говорил с Авиданом в Тель-Авиве. Он что-то говорил о том, что... — о чем же он говорил? Вот память! А, вспомнил. Он говорил, что собирается откомандировать Давида в Эйн-Ор, в распоряжение Галилейской бригады.

Иордана рывком обернулась. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами и не могла произнести ни слова.

— Ари, неужели это правда? — сказала она наконец. — Ты меня не обманываешь?

— Вот глупышка!

— Какой же ты мерзавец! Почему ты мне сразу не сказал?

— Откуда мне было знать, что это так важно?

Иордана чуть снова не набросилась на Ари, но присутствие Китти ее удержало.

— Боже, какая я счастливая! — только сказала она.

Китти заставили поесть еще раз. Понимая, что ее отказ легко мог вызвать международный конфликт, она и не подумала отказываться и храбро села за стол со всеми. Когда с ужином покончили, Сара вынесла во двор несколько столов, заваленных угощениями для всех, кто придет в гости.

В этот вечер почти весь Яд-Эль явился к Бен Канаанам, чтобы поздороваться с Ари, а заодно посмотреть и на американку. Гости, хоть и тихо и на иврите, но возбужденно обменивались мнениями. Это был довольно грубый, но очень добродушный народ, и они прямо лезли из кожи вон, чтобы выразить Китти свои лучшие чувства. Ари не отходил от нее ни на шаг, чтобы уберечь ее от потока всевозможных расспросов, но он, к своему удивлению, заметил, что Китти и сама прекрасно справлялась с напором любопытствующих.

Чем дальше, тем явнее становилась отчужденность Иорданы, проявленная во время первой встречи с Китти. Она относилась к ней с явной неприязнью, и Китти знала почему. Она чуть ли не читала мысли Иорданы: «Откуда

ты взялась на нашу голову? Чего тебе надо от моего брата?».

Именно об этом и думала Иордана Бен Канаан, глядя, как Китти, владея собой в совершенстве, очаровывала любопытных крестьян Яд-Эля. У Китти была такая же внешность, как у изящных, бесполезных белоручек, жен английских офицеров, которые проводили дни за чаем и сплетнями в отеле «Царь Давид».

Было уже очень поздно, когда ушел последний гость, и Ари с Баракком получили возможность посидеть наедине и поговорить. Они долго говорили о хозяйстве. Хотя их подолгу не бывало дома, все шло своим чередом: обо всем заботился мошав. Конечно, если бы Барак, Ари и Иордана не отлучались так надолго, уход был бы лучше, но и так дела шли неплохо.

Барак принялся искать среди груды бутылок и угощений бутылку с остатками коньяка. Он нашел и налил Ари и себе по рюмке. Они удобно уселись, вытянув ноги и давая мышцам отдых.

— Ну, теперь расскажи про миссис Фрэмонт. Мы прямо умираем все от любопытства.

— Мне очень жаль, но придется разочаровать тебя. Она приехала в Палестину из-за одной девочки, которая прибыла на «Эксодусе». Насколько я понимаю, она хочет усыновить ее. Мы с ней друзья.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Она мне нравится, Ари. Она мне очень нравится, но она не из наших. Ты виделся с Авиданом в Тель-Авиве?

— Да. Меня пошлют, вероятней всего, в Эйн-Ор, в штаб Палмаха долины Хулы. Он хочет, чтобы я обследовал наши силы в каждом населенном пункте.

— Это очень хорошо. Тебя так долго не было с нами; мать будет ужасно рада, что сможет побаловать тебя немножко.

— А как твои дела, отец?

Барак погладил свою рыжую бороду и отпил глоток коньяка.

— Авидан хочет, чтобы я поехал в Лондон для участия в переговорах.

— Я так и думал.

— Понятно, что мы должны и дальше спорить и добиваться хотя бы политической победы. Ишув не может

позволить себе военных действий. Придется и мне поехать в Лондон и внести свой вклад. Как ни неприятно, но я мало-помалу прихожу к заключению, что когда-нибудь англичане продадут нас с потрохами.

Ари встал и заходил по комнате. Он почти уже жалел о том, что Авидан не отправил его на какое-нибудь новое задание. Когда он день и ночь работал, у него по крайней мере не оставалось времени задумываться о страшной действительности, угрожающей самому существованию Ишува.

— Ты к Тахе не собираешься в Абу-Йешу?

— Меня удивило, что его не было здесь сегодня. Что-нибудь случилось?

— Случилось то же, что случается теперь всюду в стране. Целых двадцать лет мы жили мирно и дружно с жителями Абу-Йеши. Я дружил с Каммалем добрых полстолетия. А теперь... теперь какая-то кошка пробежала между нами. Мы их всех знаем по имени, мы бывали у них дома, они учились в наших школах, мы вместе гуляли на свадьбах. Ари, что бы ни случилось, а они наши друзья. Я не знаю, где там ошибка, знаю только, что ее надо во что бы то ни стало исправить.

— Я схожу к нему завтра, как только отвезу миссис Фрэмонт в Ган-Дафну.

Ари стоял, прислонившись к книжным полкам, где стояли классики на еврейском, английском, французском, немецком и русском языках. Он провел рукой по корешкам, затем, поборов нерешительность, резко обернулся к Барраку.

— Я встретился сегодня с Акивой в Иерусалиме.

Барак остолбенел, словно его хватили обухом по голове. Он инстинктивно открыл было рот, но тут же подавил рвавшийся наружу вопрос о здоровье брата.

— Давай не будем говорить на эту тему в моем доме — ответил он тихо.

— Он сильно постарел. Ему уже немного осталось. Он умоляет тебя помириться с ним хотя бы ради вашего отца.

— Перестань, Ари. Я не хочу даже слушать об этом.

— Неужели пятнадцать лет мало?

Барак поднялся во весь рост и посмотрел сыну прямо в глаза.

— Он напустил еврея на еврея. Теперь его люди на-

страивают против нас жителей Абу-Йеши. Пускай ему Бог простит, но я ему этого не прошу никогда... никогда.

— Отец, послушай...

— Спокойной ночи, Ари.

На следующее утро Китти распрощалась с семейством Бен Канаан, и Ари увез ее по горной дороге в Ган-Дафну. В Абу-Йеши Ари сделал короткую остановку, чтобы передать Тахе, что он вернется примерно через час.

Чем выше они поднимались в гору, тем больше Китти не терпелось увидеть Карен. Вместе с тем росла и ее тревога — как все получится в Ган-Дафне? Вела ли себя так Иордана Бен Канаан просто из ревности, или она типичный представитель людей, которые способны ненавидеть других только потому, что они другие. Уже Харриэт Зальцман предупредила ее, что она здесь чужая, и что ей нет дела до Палестины. Все и вся как бы подчеркивали этот факт. Мысль о Иордане тревожила ее. Китти все время старалась быть любезной со всеми, но может быть она подсознательно отмежевалась и недостаточно ловко это скрывала. Уж какая есть, — подумала Китти, — а в той стране, откуда я приехала, людей оценивают по тому, что они действительно из себя представляют.

Пока они ехали по безлюдным горам, Китти охватило чувство одиночества и тоски.

— Мне придется сразу уехать, — сказал Ари.

— Но вы будете приезжать? — спросила Китти.

— Время от времени. А вам хочется, чтобы я приезжал, Китти?

— Да.

— В таком случае, постараюсь приезжать почаще.

Они проехали последний поворот, и перед ними представало плоскогорье Ган-Дафны. Доктор Либерман, оркестр села, администрация и учительский состав, а также те пятьдесят детей, которые прибыли на «Эксодусе», собрались вокруг статуи Дафны в центре газона. Они все устроили Китти теплую и сердечную встречу, и в эту минуту от всех тревог Китти не осталось и следа. Карен выбежала вперед, обняла ее и передала букет зимних роз. Тут же Китти окружили «ее» дети с «Эксодуса». Она успела заметить, как Ари развернул машину и уехал.

Когда возбуждение немного улеглось, доктор Либерман и Карен повели Китти по обсаженной деревьями аллее,

по бокам которой стояли чистенькие двух и трехкомнатные домики административного персонала. Миновав половину дорожки, они остановились перед белым домиком, который весь утопал в цветах.

Карен взбежала на крыльцо, распахнула дверь и, затаив дыхание, следила за Китти, которая медленно вошла в дом. Комната, которая должна была служить одновременно и гостиной, и спальней, была обставлена просто, но со вкусом. Занавески и покрывало, брошенное на кушетку, были из толстого местного полотна, и всюду были цветы. Поперек комнаты был протянут лозунг из бумаги, на котором дети с «Эксодуса» написали «Шалом, Китти!». Карен подбежала к окну, отодвинула занавес, и перед ними открылся чудесный вид на долину, лежавшую метров на шестьсот ниже Ган-Дафны. Была еще одна небольшая комнатка, рабочий кабинет, а кроме того, маленькая кухня и ванная. Все было чрезвычайно мило. Китти была тронута и невольно улыбнулась.

— Ну, а теперь иди, иди, — сказал доктор Либерман, ласково подталкивая Карен к двери. — Ты еще наговоришься с миссис Фрэмонт. Иди, иди.

— До свидания, Китти.

— До свидания, родная.

— Вам нравится? — спросил доктор Либерман.

— Мне будет здесь очень удобно.

Доктор Либерман присел на край кушетки.

— Когда дети с «Эксодуса» узнали, что вы будете работать в Ган-Дафне, они работали день и ночь. Они покрасили домик, они сшили занавески, они посадили цветы... в вашем палисаднике растут теперь все цветы, которые есть в Ган-Дафне. Прямо сладу с ними не было. Уж очень они вас любят.

Китти была тронута до глубины души.

— Я этого ничем не заслужила.

— Дети инстинктивно чувствуют, кто им действительно друг. Может быть, пройдемся теперь по Ган-Дафне?

— С удовольствием.

Китти была на целую голову выше доктора Либермана. Они медленно пошли назад к административным зданиям. Доктор Либерман то держал руки за спиной, то хлопал себя по карманам в поисках спичек, чтобы прикурить.

— Я приехал сюда из Германии в 1933 году. Мне с самого начала было ясно, что тогда назревало. Моя жена

прожила здесь недолго. После ее смерти я до 1940 года преподавал классическую филологию в Иерусалимском университете. Потом Харриет Зальцман предложила мне основать здесь молодежное селение. Это было как раз то, о чем я мечтал долгие годы. Покойный мухтар Абу-Йеши, очень великодушный человек, предоставил в наше распоряжение это плато. Вот если бы все арабы и евреи жили между собой так же мирно... У вас нет спичек?

— К сожалению, не захватила.

— Ничего, я и так курю слишком много.

Они подошли к газону в центре села. Отсюда можно было лучше всего обозреть всю долину Хулы.

— Вон там, в долине, наши поля. Их нам дал мошав Яд-Эль.

Они остановились перед статуей.

— Это Дафна. Она была из Яд-Эля, воевала, конечно, в рядах Хаганы, и погибла. Ари Бен Канаан ее очень любил. Ее именем и названо наше селение.

У Китти сжалось сердце — точно, от ревности. Пусть это только изваяние, а все-таки Дафна сильнее ее. Бронза изображала грубую крестьянскую девушку, как Иордана Бен Канаан или те девушки из селения, которые пришли вчера к Бен Канаанам.

Доктор Либерман принялся махать руками.

— Со всех сторон нас окружает история. По ту сторону долины — гора Хермон, а рядом — древний Дан. Я мог бы продолжать часами... тут каждый клочок земли пропитан историей.

Маленький горбун с гордостью смотрел на свое детище, потом взял Китти под руку и повел ее дальше.

— Мы, евреи, создали здесь в Палестине странную цивилизацию. Всюду в мире культура шла из крупных городов. Здесь происходит обратное. Извечная тоска евреев по собственной земле настолько сильна, что именно от земли берет свое начало решительно все. Наша музыка, наша поэзия, наше искусство, наши ученые и наши бойцы — все они пришли из киббуцов и мошавов. Вы видите домики детей?

— Вижу.

— Обратите внимание, что все окна выходят на долину, к нашим полям. Последнее, что они видят засыпая, и первое просыпаясь, это их земля. Хорошая половина школьных дисциплин здесь — сельскохозяйственные. Питомцы

нашего села уходили группами и создавали новые киббуцы. Мы полностью кормим себя сами. Самн выращиваем овощи, птицу и скот, в которых мы нуждаемся. Мы даже сами себя одеваем. Мы сами изготавливаем свою мебель, сами ремонтируем свои машины в наших мастерских. Все это делают сами дети; у них даже есть собственное управление, и надо сказать, очень толковое.

Они дошли до противоположного конца лужайки. Как раз перед зданием управления газон внезапно обрывался: длинная траншея шла вокруг всего плато. Китти посмотрела вокруг и увидела новые окопы и даже бомбоубежище.

— Вот это, конечно, уже не так красиво, — сказал доктор Либерман. — К тому же дети здесь уж больно восхищаются подвигами. Боюсь, что так оно и останется, пока мы не обречем независимость и не сумеем построить жизнь на более гуманных началах, чем оружие.

Они пошли вдоль траншеи. Китти поразило странное явление. На самой бровке траншеи стояли несколько деревьев. В одном месте траншея проходила так близко, что корни одного из деревьев были совершенно оголены. На стенке траншеи, под верхним слоем земли, можно было видеть толстый слой скалы. Скалу пересекали тоненькие слои земли, толщиной не больше двух-трех дюймов. Прямо не верилось, что дерево могло расти на таком месте, но корни вели упорную борьбу: они тоненькими прожилками извивались над и под скалой, сбоку, становясь толще всякий раз, когда им удавалось найти живительный слой грунта.

— Посмотрите, как упорно борется это дерево за свое существование, — сказала Китти. — Посмотрите, с каким упорством корни прокладывают себе путь в скале.

Доктор Либерман внимательно смотрел несколько секунд на корни.

— Это дерево олицетворяет историю евреев, вернувшихся в Палестину, — сказал он.

Ари стоял в высокой гостиной Тахи, мухтара Абу-Йеши. Молодой араб, его друг детства, взял какой-то плод с огромного подноса и погрыз его, не сводя глаз со своего друга, который тут же заходил по комнате взад и вперед.

— Хватит лицемерной болтовни на переговорах в Лон-

доне, — начал Ари. — Нам с тобой это ни к черту. Давай поговорим без обиняков.

Таха положил плод на стол.

— Как мне убедить тебя, Ари? На меня всячески нажимают. Но я все же не сдаюсь.

— Не сдаешься? Таха, ты забываешь, с кем ты разговариваешь.

— Но ведь времена какие!

— Постой, постой. Жители моего и твоего села пережили вместе два периода смуты и погромов. Ты учился в нашей школе. Ты жил в нашем доме, и мой отец взял тебя тогда под свою личную опеку.

— Правильно. Я обязан вам моей жизнью. Теперь ты требуешь, чтобы все село доверило вам свою жизнь. Вы сами, небось, вооружаетесь. Почему же нам нельзя? Неужели, если у нас будет оружие, вы нам не сможете больше доверять? Не мы ведь вам доверяли?

— Я тебя просто не узнаю.

— Я надеюсь, что не доживу до того дня, когда нам с тобой придется вступить в драку. Однако сидеть сложа руки теперь не приходится, и ты это прекрасно знаешь.

Ари резко обернулся.

— Таха! Какая муха тебя укусила? Ладно, если ты так настаиваешь, я напомним тебе все еще раз. Вот эти ваши каменные дома, кто их проектировал и построил? Мы! Только благодаря нам ваши дети умеют читать и писать. Благодаря нам у вас есть теперь сточные трубы, и детям не приходится умирать, не достигнув и шести лет. Мы научили вас обрабатывать землю как надо и жить по-человечески. Мы дали вам то, чего ваши собственные братья не дали бы вам и за тысячу лет. Твой отец это знал прекрасно и у него достало ума и мужества признать, что никто так не эксплуатирует арабов, как арабы же. Он и умер оттого, что знал, что евреи — ваше спасение, и он не побоялся постоять за свои убеждения.

Таха поднялся.

— А ты мне поручишься, что Маккавеи не придут в Абу-Йешу еще этой ночью и не вырежут нас всех?

— Поручиться я, конечно, не могу, но ты прекрасно знаешь, кого и что представляют Маккавеи, и кого и что представляет Муфтий.

— Я никогда не подниму руку на Яд-Эль, Ари. Клянусь тебе в этом.

Ари ушел. Он не сомневался, что Таха ему не лгал, но у Тахи не было того мужества, каким обладал Каммаль, его отец. Хотя они и заверили друг друга в том, что мир между ними не будет нарушен, но пролегла какая-то трещина между Яд-Элем и Абу-Йешей, совершенно так же, как произошла она и у всех других арабских и еврейских селений, мирно соседствовавших до сих пор.

Таха смотрел вслед своему другу, который вышел из дома и зашагал по улице вдоль реки и мимо мечети. Ари давно уже исчез из виду, а он продолжал неподвижно стоять у окна. С каждым днем нажим все больше усиливался, и даже в его собственном селе звучали упреки. Ему говорили, что он араб и мусульманин, и что ему надо принять сторону своих. Но как мог он выступить против Ари и Барака Бен Канаана? А с другой стороны, как мог он заставить молчать недовольных в селе?

Он и Ари — братья. Так-таки братья? Вот вопрос, который не переставал мучить его. С самого детства отец учил его управлять селом. Он знал, что евреи построили все крупные города страны, и шоссе, и школы; что они заново освоили землю, и что их культурный уровень гораздо выше, чем у арабов. В самом ли деле он им ровня? Не является он скорее второсортным гражданином в собственной стране, вынужденный подхалимничать, подбирать крохи и жить в тени еврейских достижений?

Да, евреи принесли ему немалую пользу. Жителям его села они принесли еще большую пользу, так как его отец понял, что от евреев можно получить гораздо большую пользу, чем от своих же арабов. Но все-таки, разве он им ровня? Реально ли его равенство, о котором все время толковали ему евреи, или оно всего лишь пустая фраза? Действительно ли они видят в нем товарища, или просто терпят его?

Был ли он настоящим братом Ари Бен Канаану, или только бедным родственником? Таха задавал себе этот вопрос все чаще и чаще. И каждый раз он все увереннее отвечал на этот вопрос: он только числился братом.

Какая цена тому равенству, в котором заверяли его евреи? Разве мог он, араб, заявить открыто, что он тайно любит Иордану Бен Канаан, и что длительное молчание совершенно его измучило? Он любил ее с тех самых пор, когда он жил в ее доме, а ей не было еще и тринадцати лет.

Докуда распространяется их равенство? Согласятся ли они когда-нибудь, чтобы он женился на Иордане? Придут ли на их свадьбу все эти проповедующие равенство мотавники из Яд-Эля?

А что произойдет, если он, Таха, пойдет к Иордане и признается ей в любви? Она вне всякого сомнения только плюнет на него.

В глубине души он чувствовал какую-то неполноценность, и это отталкивало его от них несмотря на то, что его отделяло от них гораздо меньшее расстояние, чем было между владетельным эффенди и рабом феллахом.

Он не мог поднять руку на Ари, но он не мог также признаться в любви Иордане. Он не мог воевать против своих друзей, но он не мог и выдержать нажим, который оказывали на него все те, кто убеждал его, что он араб и, следовательно, враг евреев, и что — хорошо ли это, или дурно, — а надо бороться против них.

Г Л А В А 4.

Доктор Эрнст Либерман, этот маленький смешной горбун, сумел воплотить свою беспредельную любовь к людям и вдохнуть жизнь в Ган-Дафну. Атмосфера в селении была такая же непринужденная, как в летнем лагере. Детям предоставлялась полнейшая свобода действия и мысли. Уроки велись под открытым небом; мальчики и девочки, в шортах, лежали вперемежку на траве и, таким образом, были и во время занятий близки к природе.

Дети доктора Либермана пришли из самых мрачных мест земного шара: из гетто и концлагерей. Тем не менее никаких серьезных нарушений дисциплины в Ган-Дафне не было и в помине. Грубость и воровство были неизвестны, и отношения между полами были вполне нормальными. Ган-Дафна была всем для детей, они сами управляли селением и соблюдали порядок с такой гордостью и с таким чувством собственного достоинства, что в них, как в зеркале, отражалась любовь, которой они были окружены.

Диапазон школьных и самостоятельных занятий в Ган-Дафне был чрезвычайно широк; с трудом верилось, что всеми этими дисциплинами занимались, в сущности, подростки. Библиотека была богатейшая — от святого Фомы Аквинского до Фрейда. Ни одна книга не запрещалась, ни одна тема не объявлялась слишком сложной или вольной. Дети разбирались в политике совсем как взрослые.

Обслуживающий и учительский персонал сумел внушить детям главное, а именно, сознание того, что их жизнь имеет смысл.

Персонал Ган-Дафны образовал настоящий Интернационал: учителя были выходцами из двадцати двух стран — начиная с иранцев и кончая выросшими в кибуцах сабрами. Китти была единственной нееврейкой и в то же время единственной американкой. В результате к ней относились одновременно и сдержанно, и с любовью. Ее страхи, что к ней будут относиться с неприязнью, не оправдались. В Ган-Дафне царила интеллектуальная атмос-

фера, благодаря которой Ган-Дафна была скорее похожа на университет, чем на детдом. Китти сразу заняла свое место в коллективе, высшим предназначением которого было обеспечить благополучие детей. Она быстро подружилась со многими работниками и чувствовала себя в их обществе совершенно непринужденно. Проблема религии занимала в жизни села гораздо меньше места, чем она ожидала. Еврейство Ган-Дафны основывалось скорее на глубоком национальном чувстве, чем на религиозном. Никакие религиозные обряды в Ган-Дафне не соблюдались, не было даже синагоги.

Несмотря на то, что по всей Палестине учащались кровавые стычки, дети Ган-Дафны не знали ни тревоги, ни страха. Селение находилось на достаточном расстоянии от кровавых событий. Все же и здесь не было недостатка во внешних признаках угрожающей опасности. Рядом проходила граница, Форт-Эстер был всегда на виду, на виду были окопы, бомбоубежища, оружие и военное оборудование.

Здание санчасти стояло в административном районе на краю лужайки. Санчасть располагала поликлиникой и хорошо оборудованным стационаром на двадцать две койки. Имелся также операционный зал. Врач обслуживал по совместительству и мошав Яд-Эль, но бывал каждый день. Кроме него был еще зубной врач, четыре медсестры, проходившие практику и находившиеся в непосредственном подчинении Китти, а также врач-психиатр на полной ставке.

Китти первым делом перестроила работу санчасти и добилась того, что поликлиника и больница работали как хорошо смазанный механизм. Она составила твердое расписание для приема больных в поликлинике, для обхода в стационаре, для процедур. Она была очень требовательна и вскоре завоевала себе такой авторитет, что в селе даже начали шептаться. Она хоть и незаметно, но соблюдала известное расстояние между собой и своими подчиненными и отказывалась управлять санчастью с той непринужденностью, с которой управлялось селение вообще. Она не поощряла панибратства, которое насаждало большинство учителей. Все это было необычно в Ган-Дафне. И хотя неохотно, а все отдавали ей дань уважения, так как санчасть была самой налаженной службой в селе. В своем стремлении к свободе, евреи частенько

пренебрегали дисциплиной, к которой Китти так привыкла. Все же ее отнюдь не ненавидели за методы, которыми она управляла санчастью. Наоборот, как только Китти снимала халат, вокруг нее прямо увивались все.

Если Китти была требовательна во всем, что касалось санчасти, то от всей этой строгости не оставалось и следа, когда дело касалось «ее» детей. Полста детей с «Эксодуса» так и остались «детьми с «Эксодуса», а она была «матерью «Эксодуса». Было поэтому вполне естественно, что она проявляла личное участие по отношению к некоторым наиболее нуждающимся в уходе детям с «Эксодуса». Она добровольно вызвалась помогать психиатру в его работе. С психически не совсем нормальными детьми Китти совершенно сбрасывала с себя официальность и отдавала им всю теплоту, на которую была способна. Ган-Дафна и Палестина, правда, производили сами весьма целебное действие, но пережитые ужасы все-таки вызывали кошмары по ночам, подозрительность и нелюбимость, для лечения которых требовалось много терпения, опыта, а главное, любви.

Один раз в неделю Китти отправлялась вниз в Абу-Иешу вместе с врачом. Они ходили туда чаще всего по утрам и принимали больных. До чего жалки были грязные арабские дети в сравнении с крепышами Ган-Дафны! Какая убогая была их жизнь по сравнению с кипучей жизнью молодежного села! Казалось, что арабские дети совсем не знают, что такое смех, песня, игры, и ради чего они вообще живут на свете. Это было какое-то застывшее прозябание — еще одно поколение в вечном караване и в бескрайней пустыне. У нее сжималось сердце, когда она входила в эти убогие дома, где вповалку с людьми жили и куры, и собаки, и ослики. По восемь, по десять человек спали на глинобитном полу в одном и том же помещении.

И все же Китти не могла испытывать неприязни к этим людям. Несмотря на убогие условия, это были добродушные и довольно милые люди. Им тоже хотелось лучшей жизни. Она сдружилась с Тахой, молодым мухтаром села, который нарочно никуда не уезжал в приемные дни. Очень часто у Китти было такое чувство, будто Таха хочет поговорить с ней не только о вопросах, касающихся здравоохранения села. Что-то явно рвалось у него наружу. Но Таха был арабом: женщину можно посвящать только во

вполне определенный круг вопросов, и он так и не поделился с ней своими тревогами.

Время шло, и вот наступила зима 1947 года.

Карен и Китти жили теперь неразлучно. Молодая девушка, которая даже в самых адских условиях ухитрилась найти какие-то крохи счастья, буквально расцвела в Ган-Дафне. Она за ночь стала любимцем всей деревни. Из-за рано начавшегося процесса полового созревания, Карен теперь еще больше нуждалась в советах Китти. Китти сознавала, что каждый новый день пребывания в Ган-Дафне все дальше отодвигает девушку от Америки. Все же она старалась, как могла, напоминать ей все время об Америке, а тем временем Карен продолжала разыскивать своего отца.

Хуже было с Довом. Несколько раз Китти порывалась вмешаться в его взаимоотношения с Карен — уж очень они становились близкими. Однако, сознавая, что это может только еще больше сблизить их, Китти отказалась от этого намерения. Она была поражена привязанностью, которую Карен испытывала к парню, потому что сам Дов ничего не давал взамен. Он по-прежнему ходил угрюмый и сторонился людей. Он, правда, разговаривать теперь несколько больше, чем прежде, но если надо было попросить его о чем-нибудь, то это могла сделать только Карен.

У Дова появился новая навязчивая идея: он хотел учиться. Его образование было равно нулю, зато теперь он с какой-то страстью набросился на учебу, чтобы нагнать упущенное. Его пришлось освободить от воинских и сельскохозяйственных занятий. Дов вбирал в себя все, что только мог. День и ночь он сидел за книгой. Свой природный талант он развивал тем, что делал анатомические, строительные и технические чертежи. Время от времени из-под его рук вырывался и просто рисунок, в котором отражались его незаурядный талант и энергия. Бывало, он вот-вот переборе свою нелюдимость и присоединится к обществу остальных детей, но каждый раз он снова замыкался в себе. Так он и жил, сторонясь людей, не участвуя ни в чем, а после занятий он встречался с одной только Карен.

Китти решила переговорить обо всем с доктором Либерманом. Он ведь перевидал на своем веку не одного такого Дова. Доктор Либерман заметил, однако, другое. Он видел, что у Дова Ландау очень живой и ясный ум,

а вдобавок еще и незаурядный талант. Он считал, что любая попытка навязать что-нибудь парню приведет только к противоположным результатам. Пока мальчик никого не обижает и его состояние не становится хуже, его лучше оставить в покое.

Неделя шла за неделей, а Китти огорчалась, что Ари не давал о себе знать. Статуя Дафны и мошав Яд-Эль внизу всегда напоминали ей о нем. Изредка, когда она бывала в Яд-Эле, она заходила к Саре Бен Канаан, и обе женщины сдружились. Иордана узнала об этом и ее неприязнь к Китти, которую она, кстати, нисколько не скрывала, только усилилась. Молодая красавица с огненно-рыжей гривой взяла себе за правило хамить Китти, как только представлялся случай.

Однажды вечером Китти вернулась в свой коттедж и застала Иордану перед зеркалом с одним из ее выходных платьев в руках. Иордана примеривала его к себе то так, то этак. Внезапное появление Китти нисколько не смутило ее.

— Красивая штука, если только согласиться носить такое, — сказала она, вешая платье в шкаф.

Китти подошла к плите и поставила чайник.

— Чему я обязана вашим визитом? — спросила она холодно.

Иордана без всякого стеснения продолжала оглядывать комнату Китти и безделушки, свидетельствующие о том, что здесь живет женщина.

— Несколько частей Палмаха проходят военное обучение в кибуце «Эйн-Ор», — сказала Иордана наконец.

— Я, кажется, тоже об этом слышала, — ответила Китти.

— У нас очень не хватает инструкторов. Собственно, у нас всего не хватает. Так вот мне поручили попросить вас, не согласитесь ли вы приезжать в Эйн-Ор раз в неделю и вести там курс первой помощи.

Китти раздвинула занавеску, сбросила туфли и села на койку.

— Я бы предпочла не делать ничего такого, что привело бы меня в соприкосновение с солдатами.

— Это почему же? — спросила Иордана.

— Ну, мне вряд ли удастся объяснить вам свой отказ и одновременно соблюсти приличия. Все же Палмах, я думаю, поймет и так.

— Чего тут понимать?

— Ну, хотя бы мои личные чувства. Я не хочу принимать ничьей стороны.

Иордана презрительно засмеялась.

— Я так и знала. Я даже сказала им там в Эйн-Оре, что это напрасная трата времени.

— Неужели так трудно уважать мои личные чувства?

— Миссис Фрэмонт, на всем земном шаре вы можете делать свое дело и при этом оставаться нейтральной. Только не здесь. Ехать в Палестину, работать и вместе с тем — ни во что не вмешиваться, это, согласитесь, очень странно. Зачем вы тогда вообще приехали?

Китти сердито прыгнула с койки.

— Не ваше собачье дело!

Раздался свист чайника. Китти сняла его с плиты.

— Я знаю, зачем вы приехали. Вы хотите заарканить Ари.

— А вы — нахальная девчонка, и у меня нет никакого желания продолжать этот разговор.

На Иордану это несколько не подействовало.

— Я видела, какими глазами вы на него смотрите.

— Ну, уж если бы я хотела заполучить Ари, то вас бы я во всяком случае не спросила.

— Пожалуйста, себя вы можете обманывать сколько угодно, но меня вы не обманете. Впрочем, вы ему совершенно не подходите. Вам нет никакого дела до нас.

Китти отвернулась и зажгла сигарету. Иордана подошла к ней сзади.

— Вот Дафна, это была женщина. Она его понимала. А американка никогда его не поймет.

Китти резко обернулась.

— Это что же? Оттого что я не бегаю в шортах, не лазаю по горам, не стреляю из орудий и не сплю в окопах, от этого я уже не женщина? Чем вы, или хотя бы та же статуя, лучше меня? Я прекрасно знаю, в чем дело. Вы меня просто боитесь.

— Вот это уже совсем смешно.

— Не вам меня учить, что такое женщина. Вы сами — разве женщина? Вы — зазноба какого-то Тарзана и ведете себя, словно только что выскочили из джунглей. Взяли бы расческу и щетку и привели бы себя в порядок.

Китти прошла мимо Иорданы к шкафу и распахнула дверцу.

— Подойдите вот, посмотрите. Вот что носит настоящая женщина.

У Иорданы от злости даже слезы появились в глазах.

— Впредь, если хотите меня видеть, приходите ко мне в санчасть, — холодно сказала Китти. — Я вам не кибуцница и я дорожу своей личной жизнью.

Иордана хлопнула дверью с такой силой, что весь коттедж задрожал.

После вечернего приема Карен пришла к Китти в санчасть и с ходу бросилась в кресло.

— Привет, — сказала Китти, — как у тебя сегодня дела?

Карен поймала в воздухе воображаемое коровье вымя и сделала несколько доильных движений.

— Неуклюжие у меня руки. Не гожусь я в доярки, — сказала она с молодой обидой в голосе. — Китти, а у меня действительно большая беда. Я во что бы то ни стало должна поговорить с тобой.

— Валяй!

— Не сейчас. Сейчас у нас занятия в Гадне: надо чистить какие-то венгерские винтовки.

— Ничего, подождут твои венгерские винтовки. В чем дело?

— Иона, моя соседка по комнате. Мы только-только успели сдружиться с ней. А теперь она уходит на будущей неделе в Палмах.

У Китти екнуло сердце. Господи, много ли пройдет времени, и придет эта Карен и скажет, что сама собирается туда же? Китти отодвинула бумаги.

— Послушай, Карен. Ты знаешь, о чем я подумала? У нас ведь так не хватает сестер и прочего медицинского персонала... То-есть, я имею в виду — в Палмахе, а также и в селениях. У тебя большой опыт еще с того времени, когда ты работала с детьми в лагерях для перемещенных лиц, а детей, нуждающихся в уходе, и у нас не мало. Как ты думаешь, не поговорить ли мне с директором Либерманом, чтобы он разрешил тебе работать со мной; ты бы заодно и специальность приобрела.

— Это было бы прекрасно! — Карен радостно улыбнулась.

— Очень хорошо. Тогда я попытаюсь освободить те-

бя от сельскохозяйственных занятий, и тогда ты сразу после школы будешь приходить сюда.

Карен задумалась.

— А как ты думаешь? Честно ли это будет по отношению ко всем остальным?

— В Америке в таких случаях говорят: двойной выигрыш — одним бездарным фермером меньше, зато одной толковой медсестрой больше.

— Ой, Китти, я тебе должна признаться. Пожалуйста, не говори об этом начальству, но во всем селе нет хуже меня крестьянки. Мне ужасно хочется стать медсестрой.

Китти встала, подошла к Карен и обняла девушку за плечи.

— А как ты смотришь на то, чтобы теперь, когда Иона ушла, ты поселилась со мной?

Лицо девушки прямо просияло от счастья. Только этого и было нужно Китти.

Китти просидела у доктора Либермана недолго и тут же побежала рассказать все Карен. Доктор Либерман считал, что первая обязанность Ган-Дафны заключается в том, чтобы всячески поощрять любовь, а не соблюдать какие-то правила. Он решил, что дело несколько не пострадает, если будет одним фермером меньше, и одной медсестрой больше.

Расставшись с Карен, она пересекла лужайку и остановилась перед статуей Дафны. У нее было такое чувство, будто она одержала сегодня победу над Дафной. Держа Карен около себя, она сможет помешать ребенку стать дерзкой и злой саброй. Правда, хорошо, когда у человека есть цель в жизни. Однако, если жить исключительно ради этой цели, то можно совершенно потерять женственность. Она нанесла удар Иордане по слабому месту, Китти это хорошо знала. С самого своего рождения Иордана безоговорочно посвятила себя выполнению какой-то миссии и принесла в жертву этой миссии личное счастье, карьеру и даже женственность. Иордана не могла соперничать с элегантными женщинами, приезжающими в Палестину из Европы и Америки. Она ненавидела Китти, потому что хотела походить на нее, и Китти это тоже хорошо знала.

— Китти? — раздался голос в темноте.

— Да?

— Я надеюсь, что не напугал вас.

Это был Ари. Когда он подошел ближе, ее охватило то же чувство беспомощности, которое она всегда испытывала в его присутствии.

— Мне очень жаль, что я никак не мог прийти раньше.

Иордана передала вам привет от меня?

— Иордана? Да, конечно, — солгала Китти.

— А как вы с ней вообще уживаетесь?

— Прекрасно.

— Я пришел, чтобы предложить вам вот что. Группа палмаховцев поднимется завтра на гору Табор. Вы не хотели бы пойти с нами тоже? Экскурсия будет очень интересной. Может быть, вы пойдете со мной?

— С удовольствием пойду.

Г Л А В А 5.

Ари и Китти приехали в кибуц «Бейт-Алоним» — «Дом Дубов», — расположенный у подножья горы Табор, когда только-только рассвело. В этом кибуце как раз и возник Палмах в годы войны, и здесь-то Ари и обучал бойцов.

Табор производил какое-то странное впечатление: для горы вроде недостаточно высокий, зато чересчур высокий для холма. Он внезапно вздымался посреди равнины, словно кулак, торчащий из земли.

Позавтракав в кибуце, Ари положил в рюкзаки продовольствие, фляги, одеяло, взял из склада оружия автоматический пистолет, и они отправились в путь. Ари не стал дожидаться остальных; ему хотелось воспользоваться утренней прохладой для похода. Воздух стоял свежий и бодрящий, и Китти заранее наслаждалась предстоящим ей приключением. Они прошли арабскую деревню Даббурию, расположенную у подножья горы напротив, и начали подниматься по узкой тропинке. Очень скоро перед ними открылся вид на Назарет, расположенный среди холмов на расстоянии всего лишь нескольких километров. Было прохладно, и они шли довольно быстро. Тут только Китти поняла, что первое впечатление было обманчиво: Табор поднимался на высоту в целых шестьсот метров, и день, значит, предстоит не легкий. Даббурия становилась все меньше и меньше по мере того как они удалялись, и вскоре стала походить на игрушечную деревню.

Вдруг Ари остановился и внимательно огляделся вокруг.

— Что такое?

— Козы. Разве вы не чувствуете?

Китти потянула носом.

— Нет, я ничего не чувствую.

Глаза у Ари сузились. Он пристально посмотрел вверх, куда вела тропа, затем сворачивала в сторону и совершенно скрывалась из виду.

— Вероятно, бедуны. Поступило донесение в кибуц. Видно, они все еще здесь. Пошли!

Когда они дошли до поворота, они увидели с дюжину палаток из козьих шкур, рядом с которыми паслось стадо маленьких черных коз. Два бедуина с винтовками в руках подошли к ним. Ари заговорил с ними по-арабски, затем направился следом за ними к палатке размером побольше, которая принадлежала, по-видимому, шейху. Китти оглянулась вокруг. Бедуины производили удручающее впечатление. Женщины носили мешкообразные черные платья до пят, а грязь лежала на них прямо слоями. Запаха коз она не почувствовала, зато с лихвой чувствовала запах этих женщин. Связки турецких монет свисали со лба и скрывали их лица. Дети кутались в невообразимо грязные лохмотья.

Седой мужчина вышел из палатки и поздоровался с Ари. Они что-то поговорили между собой, затем Ари шепнул Китти:

— Нам надо войти к нему в палатку, не то он обидится. Будьте пайнкой и кушайте все, что вам подадут. Ничего, отдадите потом, если стошнит.

В палатке воняло еще даже сильнее, чем на улице. Они уселись на кошме из козьей и овечьей шерсти и обменялись любезностями. Шейх был поражен, когда узнал, что Китти приехала из Америки. У него где-то была фотография Элеоноры Рузвельт.

Затем подали еду. Китти сунули в руки жирную баранью ляжку и чашку густого отвара с рисом. Китти отведала угощение под пристальным взглядом шейха. Она слабо улыбнулась и кивнула ему в подтверждение того, что яства — в высшей степени вкусные. Затем подали невымытые фрукты, а под конец — густой приторно сладкий кофе в чашках, покрытых слоем грязи. Пообедав, бедуины вытерли руки об штаны, а рты рукавом, поговорили еще немного с Ари, пока тот наконец встал и начал прощаться.

Оставив стоянку позади, Китти сделала глубокий и громкий вздох.

— Очень мне их жаль, — сказала она.

— И напрасно. Они убеждены, что они самые свободные люди на свете. Разве вы не видели еще школьницей «Песнь пустыни»?

— Видела, но теперь я знаю, что автор никогда не видел стоянки бедуинов. О чем вы с ними беседовали?

— Я сказал ему, чтобы они воздержались сегодня ночью от попыток обворовать палмахников.

— А еще о чем?

— Он хотел купить вас. Предлагал шесть верблюдов.

— Вот старый чорт! А что вы ему сказали в ответ?

— Я ему сказал, что за вас можно запросто получить не шесть, а десять верблюдов. — Ари посмотрел на солнце, которое поднималось все выше. — Сейчас начнется жара. Пожалуй, лучше снять теплую одежду и положить ее в рюкзак.

Китти осталась в обыкновенных синих шортах, взятых со склада Ган-Дафны.

— О, вы теперь ни дать, ни взять — сабра!

Они поднимались по тропинке, извивающейся на южном склоне горы Табор. Оба вспотели в лучах палящего солнца. Тропинка то и дело обрывалась, и им приходилось карабкаться по скалам. На самых крутых подъемах Ари поддерживал Китти, и было уже далеко за полдень, когда они миновали знак, указывающий на шестисотметровую высоту.

Вершина горы Табор образовала обширное круглое плато. С южного края плато открывался вид на всю Езд-релонскую долину. Вид был потрясающий, Китти смотрела на квадратные поля, на зеленые оазисы, раскинувшиеся вокруг еврейских селений, на унылые белые пятна арабских деревень, и все это тянулось вплоть до горы Кармель и дальше — до Средиземного моря. На севере лежало Генисаретское море, так что под ними простиралась Палестина во всей своей шире. Ари показал рукой и Китти увидела в бинокль Эйн-Дор, где царь Савл столкнулся с ведьмой, и лысую вершину горы Гильбоа, где был похоронен Гидеон, и где в битве с филистимлянами пали Саул и Ионафан.

«Горы Гильбоа! Да не сойдет ни роса, ни дождь на вас, и да не будет на вас полей с плодами; ибо здесь повержен щит сильных, щит Саула...».

Китти опустила бинокль.

— Что с вами, Ари? Да вы ударились в лирику!

— Это все высота. Отсюда все кажется таким далеким. Вон посмотрите туда. Это долина Бет-Шеан. Под курганом Бет-Шеан лежат следы самой древней цивилизации в мире. Давид знает обо всем этом гораздо больше, чем я. Таких курганов в Палестине — сотни. Он говорит, что если

приняться сейчас за раскопки, то наши нынешние города сами превратятся в руины к тому времени, когда мы эти раскопки доведем до конца. Понимаете, Палестина испокон веков служит как бы мостом для всемирной истории, а вы стоите сейчас на самой середине этого моста. Гора Табор была полем сражения с тех самых пор, когда люди изготавливали еще каменные топоры. Древние евреи воевали здесь против римлян, арабы против крестоносцев, когда гора раз пятьдесят переходила из рук в руки. Дебора ударила здесь по канаанеям и сбросила их вниз. Извечное поле сражения... Вы знаете, у нас бытует поговорка: пускай бы Моисей блуждая тогда еще сорок лет-зато нашел бы место попримечнее.

Они вошли в сосновый лесок, раскинувшийся на плато и усеянный развалинами римских и византийских времен периода крестоносцев и арабов: всюду валялись черепки и куски мозаики, остатки стен, просто камни.

На том месте, где, согласно Евангелию, произошло преобразование Христа и где Иисус разговаривал с Моисеем и пророком Ильей, стояли две часовни: одна греческо-православная, а другая — римско-католическая.

По ту сторону рощи находилось самое высокое место горы Табор, где стояли развалины двух крепостей: крестоносцев и сарацинов. Они с трудом прокладывали себе путь по развалинам, а под конец добрались к восточной крепостной стене, нависшей на самом краю горы. Эту стену называли «Стеной восточных ветров». Отсюда открывался вид на все Генисаретское море и на Хаттинские отроги, где курд Саладин разбил крестоносцев.

Пока они стояли на крепостной стене и ветер трепал волосы Китти, становилось снова прохладно. Целый час они просидели с Ари на стене, и он показывал рукой на все новые и новые библейские места.

Потом они вернулись к краю рощи, где начинались крепости, и снова оделись потеплее. Ари расстелил одеяла, Китти легла и, устало потягиваясь, сказала счастливым голосом:

— Какой это был чудный день, Ари! Правда, теперь все тело будет целую неделю болеть.

Ари лежал, опершись на локоть, и смотрел на нее. Он снова почувствовал страстное влечение к ней, но не подавал виду.

Когда начало темнеть, стали приходить остальные пал-

махники группами по три, по четыре и по пять человек. Тут были и смуглые восточные типы, совсем темнокожие африканцы, и блондины; было много девушек, большинство стройные, с высокой грудью. Были сабры с огромными усами и дерзким видом. Это был настоящий слет. В целях конспирации палмахники проходили обучение в разных кибуцах маленькими группами. Теперь они могли повидаться со своими друзьями, односельчанами, девушками. То и дело раздавались восхищенные восклицания, звонкие поцелуи; они хлопали друг другу по плечу, устраивали дружескую возню. Это были полные энергии молодые люди, которым либо еще не исполнилось, либо только что минуло двадцать.

Прослышав, что придет и Китти, явились также Иоав Яркони и Зеев Гильбоа, чему Китти была ужасно рада.

Пришли и Давид с Иорданой; Иордана злилась, что Давид уделяет столько внимания Китти, но чтобы не вызвать ссоры, она не подавала виду.

Когда соэсем стемнело, на вершине горы собралось человек двести молодых палмахников. У крепостной стены вырыли яму для костра, а некоторые из ребят натаскали хвороста и сучьев на всю ночь. Три бараньих туши насадили на вертелы на ужин. Когда солнце совсем зашло, костер запылал сразу со всех сторон, тут же пристроили вертелы, а ребята образовали огромный круг у костра. Китти, в качестве гостя, пришлось занять почетное место рядом с Иоавом, Зеевом и Ари.

Вскоре на вершине горы Табор зазвучали песни. Это были те же песни, которые Китти не раз слышала в Ган-Дафне. В них говорилось о чудо-брызгалках, возродивших страну; о красоте Галилеи и Иудеи, о волшебной прелести Негева. Они пели полные огня полюдные песни старых Стражей, Хаганы и Палмаха. В одной песне говорилось, что царь Давид по-прежнему жив и шествует по Израилю.

Иоав сидел, скрестив под собой ноги, а перед ним был барабан. Это был самодельный инструмент, обтянутый козьей шкурой. Кончиками пальцев, а то и кулаками он отбивал такт, в то время как другой палмахник исполнил на самодельной флейте какую-то древнюю еврейскую мелодию. Несколько девушек, приехавших из стран Востока, исполняли танец в той медленной, покачивающей и чувственной манере, в какой такие танцы исполнялись, верно, еще во дворце царя Соломона.

С каждой новой песней, с каждым новым танцем, атмосфера накалялась.

— Иордана! — крикнул кто-то. — Пусть спляшет Иордана.

Иордана вышла в круг, встреченная радостными возгласами. Аккордеон заиграл народный венгерский танец, все захопало в ладоши, и Иордана понеслась по кругу, выбирая то одного, то другого парня для дикого чардаша. Один за другим парни валились с ног, а Иордана, с развевающейся на фоне пылающего огня красной гривой все неслась по кругу. Аккордеон играл все быстрее, все быстрее хлопали зрители, пока Иордана не остановилась в изнеможении.

Теперь в круг вошли человек шесть палмахников и начали танцевать «хору» — танец еврейских крестьян. Круг «хоры» становился все шире, пока не встали все, образовав еще один внешний круг. Иоав и Ари потянули и Китти в круг. Круг двигался сначала в одну сторону, затем останавливался, затем внезапно менял направление.

Они пели и плясали уже добрых четыре часа, но ничто не указывало, что они хоть сколько-нибудь устали. Давид и Иордана незаметно ушли в сторону крепости сарацинов, переходили из одного помещения в другое, и вскоре звуки песен и барабана к ним почти совсем перестали доходить. Они нашли маленький чулан в Стене восточных ветров, где слышалось только завывание ветра из Ездрелонской долины. Давид расстелил одеяло на полу и они упали в объятия друг друга.

— Давид! Давид! — дрожащим от возбуждения голосом шептала Иордана. — Я так безумно тебя люблю!

Ветер стих на мгновение, и снова до них донеслись звуки бешеной музыки.

— Давид... Давид... Давид... — стонала она в забытьи все снова и снова, пока он покрывал поцелуями ее шею, Давид так же иступленно повторял ее имя.

Его руки жадно тянулись к ее юному телу, Иордана сбросила с себя одежду и они еще теснее прижались друг к другу, сливаясь воедино.

Долго Иордана лежала потом неподвижно в его объятиях. Его пальцы нежно гладили ее губы, глаза, волосы.

— Иордана, любовь моя!

— «Я нарцисс Саронский, лилия долин!.. — шептала она. — Вот зима уже прошла; дождь миновал, перестал;

цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей».

Стало до того тихо, что каждый слышал прерывистое дыхание и даже сердцебиение другого.

— «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете. Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему». О, Давид,... говори же, говори.

Давид прикоснулся губами к ее уху и шепнул: «О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими... Как лента алая губы твои...».

Она дотронулась до его руки, лежавшей на ее груди, и он поцеловал ее грудь... «Два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями...».

Он поцеловал ее в губы... «Уста твои как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных».

Тесно прижавшись друг к другу, Давид и Иордана погрузились в сон, полный блаженства.

В четыре часа утра подали баранов и горячий арабский кофе. Первый кусок преподнесли Китти. Песни и пляски несколько стихли; многие парни и девушки лежали обнявшись. Баранина была очень вкусная.

Иоав продолжал бить в барабан, а флейта позади него наигрывала напев столь же древний, как и сама эта страна. Одна из девушек, родом из далекого Йемена, пела таинственным и грустным голосом, таким характерным для евреев, песню, взятую прямо из Библии. Ее таинственный голос пел псалм царя Давида.

Китти Фремонд вглядывалась в лица при свете костра.

Что это за войско? Что это за армия без мундиров и званий? Что это за армия, где женщины дерутся винтовкой и штыком рядом с мужчинами? Кто они такие, эти молодые львы Иудеи?

Она взглянула в лицо Ари, и дрожь прошла у нее по телу. Как электрический ток ее обожгла мысль: это армия не простых смертных.

Это — армия древних евреев! Это были лица Дана и Реувена, Иуды и Эфраима! Перед ней были Самсоны и Деборы, Иоавы и Саулы.

Это — армия Израиля, и никакая сила на свете не может устоять перед ней, ибо с ними сам Бог.

Г Л А В А 6.

ЧЭТЭМ ХАУЗ, ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ЛОНДОН.

Сесиль Брэдшоу, угрюмый эксперт по делам Ближнего Востока, сидел над донесениями, поступившими из всевозможных источников. Вот уже три дня, как он изучал эти донесения. Департамент, ведающий делами колоний, министерство и даже дом номер 10 на Даунинг Стрит, все поторапливали его. Палестинский мандат зашел в тупик. Необходимо было срочно сформулировать совершенно новую политическую линию. Брэдшоу имел за плечами тридцатисемилетний опыт в этой области. За это время он участвовал в бесчисленных переговорах как с арабами, так и с сионистами. Как и вся официальная Англия, Брэдшоу считал, что английские интересы совпадают с арабскими. Ему не раз удавалось справиться с арабскими угрозами и вымогательствами. На этот раз, однако, они словно с цепи сорвались. Переговоры, происходившие в это время в Лондоне, никаких результатов не дали.

«Совершенно ясно, что Хадж Эмин эль-Хуссейни, муфтий Иерусалима, руководит Высшим арабским комитетом из каирской ссылки. Допущенная нами ошибка и наш отказ привлечь муфтия к суду в качестве военного преступника из страха, как бы это не привело к религиозным беспорядкам, оборачиваются теперь против нас. Позиция арабов стала совершенно безрассудной. Они отказываются сидеть за одним столом с евреями, если только тем не будут навязаны заранее определенные условия».

Брэдшоу участвовал в конференции в Сан-Ремо, где Ближний Восток разделили между англичанами и французами, он участвовал также в разработке статей мандата, он присутствовал и при провозглашении декларации Бальфура. Брэдшоу сотрудничал с группой Черчилля, отторгшей половину территории подмандатной Палестины и создавшей королевство Трансиорданию. Все годы, во время

всех беспорядков, спровоцированных иерусалимским муфтием, они ни разу не имели дела с такими отчаянными ребятами, как эти Маккавеи. Фанатизм еврейских террористов внушал форменный ужас.

«Мы снова и снова требовали от Еврейского Национального Совета и всего еврейского населения, чтобы они оказывали поддержку британским властям и помогли нам ликвидировать эти террористические банды, которые называют себя Маккавеями. Хоть Ишув и заявляет, что он не имеет никакой власти над этими людьми и даже публично осуждает их действия, все же известно, что значительные слои палестинского еврейства тайно одобряют их действия. Никакой поддержки мы от них не добились. Действия Маккавеев достигли таких размеров, что необходимо, по нашему мнению, срочно эвакуировать из Палестины всех англичан, без которых можно обойтись, а также, конечно, их семьи».

Брэдшоу прочитал еще раз донесения о все учащающихся террористических актах, от которых содрогалась Святая Земля от одного конца до другого.

«Вдобавок к нападению на нефтеочистительный завод в Хайфе, из-за которого завод остановился на целых две недели, а также к нападению на аэродром в Лидде, в результате которого была уничтожена эскадра истребителей, были устроены еще десять крупных засад и совершены пятнадцать атак на британские объекты. Поступает все больше и больше сведений, что Хагана и ее особые подразделения — Палмах — охвачены нарастающим беспорядком; возможно даже, что они приняли известное участие в недавних нападениях».

А тут эти лохани, эти плавающие гробы Алия Бет, доставляли к берегам Палестины все новые толпы нелегальных иммигрантов.

«Несмотря на усиление береговой охраны, после случая с «Эксодусом» Алия Бет заметно усилила свою деятельность. Нелегальные суда «Америка», «Сан Мигель», «Улюа», «Абриль», «Сюзанна» и «Сан Филиппо» доставили тысячи и тысячи иммигрантов из европейских лагерей для перемещенных лиц в Палестину. Есть все основания считать, что, помимо перечисленных кораблей, еще двум судам удалось прорвать блокаду и высадить иммигрантов в Палестине. Наши посольства и консульства в средиземноморских странах сообщают, что Алия Бет готовит по

меньшей мере еще пять судов для доставки новых партий нелегальных иммигрантов в Палестину в ближайшем будущем».

Британские власти располагали мощными силами в Палестине. Пятьдесят две Таггартовых крепости опутывали маленькую страну густой сетью военных укреплений. Кроме того, на границах были еще более мощные крепости, как, например, Форт-Эстер. В каждом городе стоял гарнизон регулярных полицейских сил, а главное — в распоряжении англичан был мощный Арабский легион Трансиордании. Кроме крепостей, у англичан были большие военные базы в районе Атлита неподалеку от Хайфы, казармы «Шнеллер» в Иерусалиме, и гигантский военный лагерь Сарафанд в окрестностях Тель-Авива.

«За последние месяцы мы провели ряд операций: Ной, Ковчег, Омар, Макрель, Осторожный, Одинокий, Осминог, Расквартирование и Арфа, с целью обуздать Ишув. Речь идет в основном о непрекращающейся ловле нелегальных иммигрантов, о повальных обысках, поисках оружия и контратаках в случае нападения на наши части. Из-за стопроцентной организации и круговой поруки еврейства наши меры не дали желаемых результатов. Они прячут оружие в цветочных ящиках, конторских шкафах, плитках, холодильниках, пустых ножках столов и всевозможных таких местах, так что отыскать оружие становится почти невозможным делом. Для переноски оружия используются женщины и дети, которые с удовольствием идут на это. Наши старания завербовать еврейских агентов результатов не дали. С другой стороны, евреи могут не только подкупить арабов, но они получают информацию также от сочувствующих им работников британского командования. Евреи наладили производство простейшего оружия, и их полуавтоматы, мины и гранаты становятся с каждым днем все более эффективными. Когда мы недавно пытались ворваться в такую мастерскую, устроенную в одном из кибуцов, женщины облили наших солдат кипятком...».

Не один только мандат доставлял Брэдшоу неприятности. Другие факторы, которые как будто не имели никакого отношения к мандату, причиняли ему дополнительные хлопоты. В Англии все еще действовала карточная система, население терпело лишения, и вообще экономическое положение страны было из рук вон плохим. Содержание английских войск в Палестине стоило астроно-

мические суммы. Англичане, к тому же, устали от кровопролития. Что же касается мировой политики, то американские сионисты явно перетянули президента Трумэна на свою сторону и имели в его лице убежденного союзника.

«После того как мы отклонили рекомендацию англо-американского комитета разрешить ста тысячам евреев въезд в Палестину, наш авторитет сильно упал в глазах наших союзников. Не меньший удар по нашему авторитету наносят унижительные для нас операции Маккавеев. Недавно они буквально увели британского судью, вынесшего приговор еврейскому террористу, и британский престиж, разумеется, сильно от этого пострадал».

Сесиль Брэдшоу снял роговые очки, вытер покрасневшие глаза и покачал головой. Вот беда! Он снова принялся листать донесения. Джемаль Хуссейни, племянник муфтия, снова ополчился против арабской оппозиции в Палестине и нещадно убивал своих противников из-за угла. Хагана со своей Алией Бет и эти Маккавеи Акивы создали в стране невыносимое положение. Британских офицеров публично избивали кнутом среди бела дня, а рядовых вешали в порядке возмездия. Те самые евреи, которые вели себя смирно во время беспорядков, дважды имевших место до войны, не желали теперь мириться с наглыми действиями арабов.

В официальных кругах поговаривали, что после случая с «Экзодусом» у Сесилия Брэдшоу не хватало духу принимать вызов евреев. Палестинский мандат дышал на ладан. А между тем, эта маленькая страна имела огромное экономическое и стратегическое значение. На ней вся империя сходилась как бы клином. Военно-морская база и нефтеочистительный завод в Хайфе, непосредственная близость к Суэцкому каналу, все это настоятельно диктовало необходимость удержать Палестину во что бы то ни стало.

На столе Брэдшоу раздался звонок внутреннего телефона.

— Генерал Тевор-Браун прибыл.

Брэдшоу и Тевор-Браун сухо поздоровались. Тевор-Браун был одним из немногих официальных лиц, поддерживающих евреев. Именно он предсказал в этом самом кабинете конец мандата, когда началась история с «Экзодусом». Он же потребовал, чтобы «Экзодусу» разрешили отплыть еще до объявления голодовки. Тевор-Браун всег-

да считал, что англичане должны были поддерживать не арабов, а евреев, так как евреи были верными союзниками, на которых можно положиться, чего нельзя сказать об арабах. Он всегда был за то, чтобы в Палестине было создано самостоятельное еврейское государство, которое входило бы в Британское содружество наций.

Однако взгляды Тевор-Брауна не оказывали никакого влияния на Брэдшоу и на его многочисленных единомышленников из Чэтэм-Хауз или департамента колоний. Даже теперь у них недоставало мужества, чтобы сознаться в роковой ошибке, хотя бы она и угрожала им всем гибелью. Страх перед арабским шантажом, страх за арабскую нефть и за Суэцкий канал все-таки брали верх.

— Я как раз читал донесения, — сказал Брэдшоу.

Тевор-Браун зажег сигару.

— Да, интересные донесения, ничего не скажешь. Эти евреи никак не желают сделать нам одолжение и отступить в Средиземное море.

Брэдшоу забарабанил своими пухлыми пальцами по столу. Он терпеть не мог этого самодовольного намека своего собеседника, — дескать, я предупреждал.

— Держите свои колкие замечания про себя, сэр Кларенс. Мне нужно представить проект в ближайшие недели. Я хотел посоветоваться с вами вот о чем. Мне кажется, что нам не мешало бы подтолкнуть немножко Хэвн-Херста. Ему следовало бы, пожалуй, вести себя построже с евреями.

— О, Хэвн-Херст подходит для этой цели, как никто другой. Разве только вы решитесь прибегнуть к услугам какого-нибудь эсэсовского генерала, отбывающего срок за военные преступления. Я позволю себе напомнить, что в Палестине мы как-никак все еще имеем гражданскую власть. Например, верховного комиссара.

Брэдшоу побагровел от обиды. Он с трудом совладал с собой, хотя это и становилось с каждым днем все труднее.

— Я все же полагаю, что нам надо предоставить Хэвн-Херсту больше власти.

Он протянул Тевор-Брауну письмо, адресованное командующему британскими войсками в Палестине, генералу сэру Арнольду Хэвн-Херсту, кавалеру ордена Британской империи, ордена Бани, ордена «За военные заслуги» и Воинского креста.

«Положение стало до того критическим, что если только вы не сможете предложить меры, способные обеспечить немедленную стабилизацию, я буду вынужден предложить, чтобы вопрос был поставлен перед Организацией Объединенных Наций».

— Хорошо сформулировано, Брэдшоу, — сказал Тевор-Браун. — Я уверен, что Хэвн-Херст представит вам чрезвычайно интересные предложения, если, конечно, вы любитель страшных историй и всяких ужасов.

САФЕД, ПАЛЕСТИНА.

После истории с «Эксопусом» генерала Бруса Сатерлэнда уволили в запас сразу и без шума. Он отправился в Палестину и поселился на горе Канаан, неподалеку от Сафед, древнего города, расположенного в северной Галилее, у самого входа в долину Хулы.

Наконец-то Брус Сатерлэнд, казалось, обрел покой после долгих лет душевных мук, наступивших после смерти его матери. Впервые его перестали мучить страхи по ночам. Сатерлэнд купил себе роскошную виллу на горе Канаан в трех километрах от Сафед. Во всей Палестине не было лучше воздуха, а благодаря свежему ветерку даже летом было не так жарко. Стены его особняка были оштукатурены и выбелены известью, крыша — из красной черепицы, а полы выложены плитками. Дом был открыт со всех сторон и со вкусом обставлен в средиземноморском стиле. За домом склон горы тянулся террасами на целых четыре дунама, где он разбил роскошный сад. Главной его гордостью были четыреста кустов галилейских роз.

Из сада открывался чудесный вид на Сафед, расположенный по ту сторону долины. Отсюда город в точности напоминал конус. У подножья горы начинались извилистые улицы, которые поднимались все выше до самого Акрополя, расположенного на вершине горы на высоте около тысячи метров над уровнем моря. Как многие вершины в Палестине, Акрополь в Сафед служил когда-то цитаделью евреев, восстававших против греков и римлян.

Сатерлэнд проводил дни, ухаживая за розами — его сад считался самым красивым в стране, — разъезжал по святым местам, изучал иврит и арабский, а то бесцельно шатался по кривым и запутанным переулкам Сафед. Это был поразительный город. Прижатые к горе, его по-во-

сточному узкие улицы вились без всякого видимого плана вверх к Акрополю, и дома теснились так же беспорядочно: у каждого собственная архитектура, свои причудливые решетки, окна, двери и балконы; все это жалось по обеим сторонам узких проходов, придавая городу своеобразное очарование.

Еврейские кварталы, занимающие не более десятой части города, населяли благочестивые евреи, жившие в ужасающей бедности на пожертвования единоверцев. Сафед был центром Кабалы, еврейского мистического учения. Старики проводили все свои дни над священными книгами и в молитве; их внешний вид был таким же красочным, как и вид самого города. Они брели вдоль рядов лавчонок, одетые в чужеземные восточные одежды и в жалкие остатки некогда роскошных шелковых нарядов. Это был тихий и миролюбивый народ, и именно поэтому кабалисты Сафедата натерпелись больше других в дни погромов, спровоцированных иерусалимским муфтием: они меньше всех могли постоять за себя.

История этих евреев — одно из наиболее ярких свидетельств непрерывного пребывания евреев в Святой земле. Крестоносцы изгнали евреев, но после разгрома крестоносцев кабалисты вернулись в Сафед и с тех пор и живут здесь из поколения в поколение. На кладбище имеются могилы великих ученых Кабалы, которым уже четыре или пять столетий. Все кабалисты верят, что кто похоронен в Сафедате, тот отправляется прямо в Ган-Эден — в рай, — до того воздух в Сафедате чист.

Сатерлэнд никогда не уставал ходить по кривым улочкам, где на каждом шагу попадались маленькие синагоги, наблюдать за прохожими и знакомиться с фольклором и легендами о раввинах, а то и с самой кабалой.

Арабская часть города состояла из обычных покосившихся лачуг, каких полно в каждом арабском селении. Но чудесный климат и живописная местность привлекали многих феодалов, которые построили себе в городе просторные великолепные дома. Подобно тому, как гора Канаан была застроена особняками состоятельных евреев, так в самом Сафедате проживало много богатых арабов. У Сатерлэнда были друзья и тут, и там.

Подтверждая пресловутый арабский талант строить на чужих руинах, в арабских кварталах Сафедата сохранились остатки средневековых зданий, приспособленных к совре-

менным нуждам и под жилье. Самым великолепным архитектурным памятником была мечеть дочерей Иакова, построенная на развалинах монастыря крестоносцев из Венгрии.

Жемчужиной Сафеды был Акрополь. Извилистые тропы, взбиравшиеся на самую вершину, вели мимо древней крепости Храмовников и развалин еврейского форта. С этой вершины, заросшей хвойным лесом и ковром полевых цветов, открывался великолепный вид от Генисаретского моря на юге до долины Хулы на севере, между которыми извивалась река Иордан. На самом горизонте вздымался Хермон, а на западе, по ту сторону Мерона, были видны все горы и долины Галилеи.

Раз в год евреи поднимались на эту гору, чтобы зажечь там костер. Этот сигнал передавался затем с одной вершины на другую в знак того, что наступил Новый Год. Когда еще не было календарей, наступление Великих праздников высчитывалось главными раввинами, а костры, которые зажигались — сначала на вершине горы в Иерусалиме, затем на горе Табор, на горе Гильбоа, в Сафед — оповещали всех евреев, вплоть до тех, кто проживал в вавилонском плену, о наступлении Нового Года.

Единственным диссонансом на этом чудесном и живописнейшем фоне был Таггартов форт — огромная, неуклюжая бетонная крепость, расположенная за городом у шоссе, поднимающегося на гору Канаан. Крепость была хорошо видна из особняка Сатерлэнда.

Сатерлэнд путешествовал по северу страны: к Тель-Хацору, вдоль границы с Ливаном — к могиле Эсфири у Форт-Эстер, к могиле Иисуса Навина у Абу-Йеши, и так он случайно забрел и в Ган-Дафну. Он быстро сдружился с доктором Либерманом и с Китти Фрэмонт. Оба — Сатерлэнд и Китти — были рады возобновить старое знакомство еще с Кипра. Вскоре Сатерлэнд стал заправским покровителем детей и находил в этом огромное удовлетворение. Китти частенько ездила к нему в гости и всегда привозила с собой детей, перенесших особо тяжелые душевные травмы. Очень скоро между Китти и Сатерлэндом установилась крепкая дружба.

Однажды днем Сатерлэнд вернулся из Ган-Дафны и, к немалому удивлению, застал дома своего бывшего адьютанта, майора Фреда Колдуэлла.

— Давно в Палестине, Фредди?

— Да вот, недавно приехал.

— А служите где?

— В штабе в Иерусалиме. В контрразведке. Моя функция — связь с Си-Ай-Ди. У нас там идет реорганизация. Похоже, что некоторые из наших ребят сотрудничали с Хаганой и даже с Маккавеями; можете представить?

Сатерлэнд мог себе представить это очень хорошо.

— Впрочем, сэр, я приехал к вам не только затем, чтобы засвидетельствовать свое почтение, хотя я, конечно, намеревался побывать у вас и справиться о вашем здоровье. Генерал Хэвн-Херст поручил мне снестись с вами лично, так как мы с вами вместе работали в прошлом.

— Вот как!

— Как вам, вероятно, известно, мы проводим сейчас операцию «Глушь» по эвакуации из Палестины всех англичан, без которых можно обойтись.

— Да, я слышал, только при мне ее называли операцией «Чуш», — ответил Сатерлэнд.

Фредди вежливо улыбнулся каламбуру и прочистил горло.

— Генерал Хэвн-Херст просил меня узнать, какие у вас планы?

— У меня нет никаких планов. Я тут дома и никуда отсюда ехать не собираюсь.

Фредди нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Может быть, я выразился недостаточно ясно. Генерал Хэвн-Херст велел передать вам, что когда все лишние англичане покинут страну, он не сможет больше отвечать за вашу безопасность. Если вы останетесь, это может причинить нам хлопоты.

За словами Колдуэлла явно скрывалось и нечто другое: Хэвн-Херсту были хорошо известны симпатии Сатерлэнда, и он боялся, как бы Сатерлэнд не начал сотрудничать с Хаганой. По сути дела, он просто предлагал Сатерлэнду убраться из Палестины.

— Передайте генералу Хэвн-Херсту, что я ему весьма благодарен за заботу и что мне совершенно ясна его позиция в этом вопросе.

Фредди собирался настаивать, но Сатерлэнд быстро поднялся, поблагодарил Колдуэлла за визит и проводил его к крыльцу, где в штабной машине ждал сержант. Он следил глазами за машиной, спускавшейся по шоссе в сторону Таггартова форта. Как всегда, Фредди и на этот раз

не справился с поручением: уж очень неуклюже он передал предостережение Хэвн-Херста.

Сатерлэнд вернулся в дом и принялся обдумывать все это. Ему, конечно, угрожала опасность. Маккавеи очень легко могли придрататься к английскому генералу в отставке, у которого вдобавок были друзья среди арабов. Хотя он и жил на горе Канаан один, все же Маккавеи дважды подумают, прежде чем решатся убрать его. Хаганы бояться было нечего. Он поддерживал связь с этими людьми и знал, что они не только осуждают террор, но и действительно к нему не прибегают. С другой стороны, трудно сказать, что предпримет Хуссейни. У Сатерлэнда было много друзей среди евреев; некоторые из них вполне могли быть Маккавеями, а Сатерлэнд мог об этом не знать.

Брус Сатерлэнд вышел в парк. Ранние розы цвели всюю. Он посмотрел вниз на Сафед. Он нашел здесь покой и умиротворение. Не стало кошмаров. Нет, он не уедет отсюда — ни завтра, ни вообще никогда.

Уехав от Сатерлэнда, Колдуэлл завернул в Таггартов форт. За стенами казарм и служебных помещений, во внутреннем дворе находился учебный плац, тут же была и стоянка для машин. Его встретили и велели зайти в Си-Ай-Ди.

— Вы думаете вернуться в Иерусалим еще сегодня, майор Колдуэлл? — спросил инспектор Си-Ай-Ди.

Фредди взглянул на часы.

— Да. Если я сейчас выеду, то доеду засветло.

— Очень хорошо. У меня тут один еврей, которого мне надо отправить в Иерусалим на допрос. Маккавей... опасный тип. Не исключена возможность, что Маккавеям известно, что он у нас. Может быть, они даже устроят засаду, если мы его отправим под конвоем. Будет лучше, если вы заберете его с собой.

— С удовольствием возьму.

— Приведите жиденка.

Два солдата втащили в кабинет мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати, связанного по рукам и ногам. Во рту у него торчал кляп, а его разбитое в кровь лицо свидетельствовало о том, что Си-Ай-Ди уже успело подвергнуть его допросу «с пристрастием». Инспектор подошел к арестованному.

— Вы не смотрите на ангельское выражение лица Бен Соломона. Это очень опасная тварь.

— Бен Соломон? Бен Соломон? Что-то не припомню такого имени.

— Мы схватили его только накануне вечером. Нападение на здание полиции в Сафед. Они пытались выкрасть оружие. Он убил гранатой двух полицейских. Вы только посмотрите на эту жидовскую тварь!

Бен Соломон не двинул и бровью, зато его глаза горели презрением.

— Вы не вздумайте вытащить кляп у него изо рта, майор Колдуэлл, а то он немедленно примется распевать псалмы. Еще, чего доброго, отпевать вас будет. Это опаснейший фанатик.

Ненавидящий взгляд мальчика раздражал инспектора. Он подступил к нему вплотную и ударил его кулаком в рот. Окровавленный мальчик, связанный по рукам и ногам, свалился на пол.

— Уведите его отсюда! — со злостью в голосе приказал инспектор.

Мальчика бросили в заднюю часть машины на пол. На заднем сидении уселся вооруженный солдат, а сам Колдуэлл сел рядом с шофером. Они выехали из крепости, направляясь в Иерусалим.

— Экий вшивый щенок! — пробурчал шофер. — Если бы послушались меня, майор Колдуэлл, так следовало бы напустить наших на парочку недель на этих евреев. Уж мы бы им показали, и это было бы только справедливо.

— Мой приятель поймал пулю на прошлой неделе, — сказал солдат сзади. — Такой был хороший парень. Жена у него недавно родила. Эти Маккавеи пустили ему пулю прямо в лоб.

Въехав в долину Бет-Шеан, трое англичан облегченно вздохнули. Здесь жили сплошь арабы, и опасность, что на них нападут, миновала. Только под Иерусалимом снова станет опасно.

Колдуэлл обернулся и посмотрел на пленного, лежавшего на полу. У него все кишки переворачивались от злости. К Брусу Сатерлэнду он испытывал одно лишь презрение. Он знал, что Сатерлэнд сочувствует Хагане. Этот Сатерлэнд прямо выслуживался перед евреями. Он сознательно спровоцировал тогда катастрофу на Кипре.

Колдуэллу вспомнилось, как он однажды стоял у ко-

лючей проволоки в Караолосе, и одна толстая еврейка плюнула ему в лицо.

Он снова посмотрел на мальчика, валявшегося на полу. Посредине заднего сидения развалился охранник. Он придавил своим кованым ботинком голову мальчика к полу и весело хихикал.

— Грязный жидовский шенок! — пробормотал Колдуэлл себе под нос.

Он насмотрелся на них на своем веку. Уайтчепель кишел бородами евреями; он помнил запах их лавчонок, помнил, как они сидели, согнувшись в три погибели, и молились. Колдуэлл видел перед собой ораву детей в черных ермолках, идущих в свою жидовскую школу.

Они въехали в Наблус, где жили одни арабы.

Колдуэлл улыбнулся, вспомнив офицерский клуб и еврейские анекдоты. Как-то, когда он был еще мальчиком, мать повела его к еврейскому врачу.

А еще говорят, что Гитлер был неправ, подумал Колдуэлл. Между тем, Гитлер знал очень хорошо, что надо с ними делать. До боли в сердце жаль, что он не успел разделиться с ними со всеми до того, как кончилась война. Колдуэлл вспомнил, как они ворвались в Берген-Бельзен с Сатерлэндом. Сатерлэнд чуть не заболел от того, что ему пришлось там увидеть. Зато ему, Колдуэллу, хоть бы что. Чем больше подыхает евреев, тем лучше.

Они въехали в арабскую деревню, жители которой были настроены особенно враждебно против Ишува. Это был опорный пункт Хуссейни.

— Останови машину, — приказал Колдуэлл. — А вы двое, послушайте. Мы сейчас возьмем и выбросим вон этого гаденыша.

— Но, майор, они же его убьют, — сказал охранник.

— Знаете, я не питаю особых симпатий к евреям, сэр, — сказал шофер, — но с нас ведь спросят; мы должны доставить арестованного в штаб.

— Молчать! — истерически взвизгнул Колдуэлл. — Я приказываю вышвырнуть его вон. Вы оба покажете под присягой, что Маккавеи устроили нам засаду и отбили его. Если кто-нибудь из нас когда-нибудь проговорится, пусть пеняет на себя. Поняли?

Заметив безумный блеск в глазах Колдуэлла, оба солдата покорно кивнули. Мальчика выбросили вон из машины, и англичане умчались в Иерусалим.

Все произошло именно так, как предусмотрел Колдуэлл. Не прошло и часа, как Бен Соломона зверски убили. Ему отрубили голову. Затем человек двадцать хохочущих арабов сфотографировались, поднимая за волосы отрубленную голову. Эту фотографию арабы разослали потом всюду в знак того, что ожидают раскола или поздних всех евреев.

Майор Фред Колдуэлл допустил роковую ошибку. Один из арабов, сидевших на корточках в кофейне и выдевших, как мальчика выбросили из машины, был переодетым Маккавеем.

Генерал Арнольд Хэвн-Херст, кавалер стольких британских орденов, дал волю душившему его гневу. Он ходил взад и вперед по своему кабинету в генштабе, расположенном в Шнеллеровских казармах в Иерусалиме, затем схватил со стола письмо Сесилия Брэдшоу и снова пробежал его.

«Положение стало настолько серьезным, что если только вы не сможете предложить мер, направленных на немедленную стабилизацию, я буду вынужден рекомендовать, чтобы вопрос был передан на рассмотрение ООН».

Объединенные Нации, вот еще! Высокий светловолосый мужчина презрительно фыркнул, затем смял письмо и швырнул его на пол. Прошла всего неделя, как генерал Хэвн-Херст отдал распоряжение о бойкоте всех еврейских магазинов.

Вот, значит, какую благодарность он получил за пять лет непрерывной борьбы с евреями! Он еще в дни Второй мировой войны предупреждал Министерство колоний не принимать этих евреев в ряды Британской армии; его, однако, не послушались. А теперь, глядишь, уплывет и мандат на Палестину. Хэвн-Херст сел за стол и начал писать ответ на письмо Брэдшоу.

«Я предлагаю немедленно принять следующие меры, которые, на мой взгляд, приведут к стабилизации положения в Палестине.

1. Роспуск всех гражданских судов и предоставление права творить суд, назначать штрафы и выносить приговоры только военным властям.

2. Роспуск Еврейского Национального Совета, разгон Поселенческого общества и всех прочих еврейских учреждений.

3. Запрещение всех еврейских газет и публикаций.

4. Тихая, но быстрая ликвидация, скажем, шестидесяти лидеров Ишува. Хадж Эмин эль-Хуссейни доказал эффективность этого метода в борьбе с собственной оппозицией. Это мероприятие могут осуществить наши арабские союзники.

5. Передача Арабского Легиона Трансиордании в наше полное распоряжение, с тем, чтобы выжать из него все, что можно.

6. Арест нескольких сотен второстепенных лидеров Ишува с их последующей высылкой в отдаленные африканские колонии.

7. Предоставление главнокомандующему права снести с лица земли любой кибуц, мошав, любую деревню или часть города, в которых будет обнаружено оружие. Проведение поголовной облавы и немедленная высылка всех нелегальных иммигрантов.

8. Наложение коллективных штрафов на все еврейское население за каждый акт террора Маккавеев, причем штрафы должны быть настолько высокие, чтобы евреи начали сотрудничать с нами в поимке этих бандитов.

9. Назначение больших премий за информацию, касающуюся ведущих террористов, агентов Алии Бет, вождей Хаганы и т. п.

10. Расстрел или повешение на месте каждого попавшегося Маккавея.

11. Проведение серии бойкотов против еврейской экономики и сельского хозяйства. Запрещение еврейского импорта и экспорта. Строгий контроль за всем транспортом евреев.

12. Ликвидация Палмаха путем вооруженных нападений на кибуцы, известные как укрытия палмаховцев.

Вверенные мне силы были вынуждены действовать в чрезвычайно трудных условиях. Нас принуждали строго соблюдать правила и воздерживаться от полного и эффективного применения наших сил. Между тем, наши противники — Маккавеи, Хагана, Палмах и Алиа Бет — не придерживаются никаких правил и всячески злоупотребляют нашей сдержанностью, считая ее слабостью. Если мне будет дозволено полностью использовать вверенные мне силы, то я могу поручиться, что порядок будет восстановлен в самый короткий срок.

Генерал Арнольд Хэвн-Херст, кавалер и проч.»

Чэтэм Хауз, Институт международных отношений, Лондон

Сессиль Брэдшоу был смертельно бледен, когда генерал Тевор-Браун добрался наконец до его кабинета.

— Что ж, Брэдшоу, вы сами попросили Хэвн-Херста доложить вам свои идеи. Теперь вы их знаете.

— Да он там с ума сошел! Господи боже мой, этот рапорт звучит не лучше «Окончательного решения» Адольфа Гитлера.

Брэдшоу взял со стола двенадцать пунктов «Доклада Хэвн-Херста» и покачал головой.

— Богу известно, что нам хочется удержать Палестину. Но убийство, сожжение деревень, виселицы, обречение на голодную смерть? Нет, такой мерзкой рекомендации я дать не могу. Если бы я даже подал, я не знаю — хватит ли в Британской армии солдат, чтобы провести все это в жизнь. Всю жизнь я стоял за империю, сэр Кларенс, и не раз нам приходилось прибегать к хитростям и жестокостям, чтобы ее удержать. Но я все-таки верую в Бога. Таким образом нам Палестины не удержать. Я умываю руки. Пускай кто-нибудь другой уполномочит Хэвн-Херста. Я этого делать не стану.

Сессиль Брэдшоу смял «Доклад Хэвн-Херста». Он положил его в большую пепельницу, поднес к нему зажженную спичку и не отрывал от него взгляда, пока доклад не сгорел.

— Возблагодарим Всемогущего, что у нас хватает мужества отвечать за свои прегрешения, — прошептал он.

Палестинский вопрос был отдан на рассмотрение Организации Объединенных Наций.

Г Л А В А 7.

Была уже поздняя весна 1947-го года, Ари совершенно исчез из жизни Китти Фрэмонт. После экскурсии на гору Табор она его больше не видела и не имела о нем никаких известий. Если он что-нибудь и передавал через Иордану, та ничего ей не сообщала. Обе женщины почти не разговаривали друг с другом. Китти пыталась быть терпимой, но Иордана не шла на сближение.

Вопрос о Палестинском мандате был передан на рассмотрение ООН. Аппарат Объединенных Наций как раз создавал специальный комитет из представителей малых и нейтральных государств, который должен был изучить проблему и представить свои рекомендации Генеральной ассамблее. Национальный Совет и Всемирная сионистская организация дали согласие на посредничество ООН. С другой стороны, арабы прибегали к угрозам, бойкотам, шантажу и прочему нажиму, чтобы только не допустить беспристрастного решения Палестинской проблемы.

В Ган-Дафне военное обучение в рамках Гадны шло вовсю. Молодежная деревня была превращена в крупный склад оружия. Дети чистили доставляемые винтовки, а затем переправляли их на грузовиках селения в населенные пункты Хулы и в подразделения Палмаха. Карен частенько отправляли на такие задания по переправке оружия. Она, как и остальные дети села, отправлялись на эти задания беспрекословно. У Китти прямо сердце замирало каждый раз, но приходилось помалкивать.

Карен упорно, хоть и тщетно, продолжала поиски отца. Надежда, казавшаяся в лагере Ля Сиотат столь реальной, сильно поблекла.

Девушка поддерживала регулярную связь с Ханзенами. Карен писала каждую неделю, и каждую неделю приходило письмо, а то и посылочка, из Копенгагена. Мета и Ааге Ханзен уже оставили всякую надежду заполучить ее назад. Если даже Карен не найдет отца, в ее письмах было нечто новое, явно указывавшее на то, что она для них навсегда потеряна. Еврейство Карен и ее связь с Па-

лестиной стали почти совершившимся фактом. Единственное исключение была Китти Фрэмонт.

Дов Ландау по-прежнему вел себя странно и противоречиво. Бывало, он вырвется из своего уединения, и в эти минуты его дружба с Карен становилась еще более глубокой. Но тут же Дов, словно испугавшись собственной отваги и белого света, забирался обратно в свою скорлупу. В те минуты, когда он бывал в состоянии трезво расценивать свое поведение, Дов ненавидел самого себя за те огорчения, которые он доставлял Карен. Но тут же он проникался жалостью к самому себе и одновременно ненавидел и любил девушку. Он чувствовал, что не должен слишком влиять на Карен, но, с другой стороны, он не мог решиться оборвать свою единственную связь со внешним миром. Когда он снова погружался в свою озлобленность, он, бывало, часами сидел и смотрел на синий номер, наколотый на его руке. Затем он с остервенением бросался на книги и чертежи и не замечал ничего вокруг. Но всякий раз Карен удавалось вытащить его снова на поверхность. Как бы он ни злобствовал, перед ней он был бессилен.

За время, проведенное в Ган-Дафне, Китти Фрэмонт стала прямо-таки незаменимой в селе. Доктор Либерман опирался на нее все больше и больше. То обстоятельство, что все относились к ней как к хоть и сочувствующему но все-таки постороннему лицу, позволяло ей частенько оказывать то особое и благотворное влияние, которое свойственно только людям «со стороны». Дружба с доктором Либерманом радовала ее бесконечно. Она совершенно вошла в жизнь Ган-Дафны и прямо творила чудеса с травмированными детьми. Но какой-то невидимый барьер все-таки оставался. Она сознавала, что она сама отчасти причина тому, но она этого хотела.

С Брусом Сатерлендом Китти чувствовала себя гораздо свободней, чем с жителями Ган-Дафны. Тут она была в своей стихии и с возрастающим нетерпением ждала тех выходных дней, когда отправлялась с Карен к нему в гости. В его обществе она еще яснее чувствовала разницу между собой и евреями.

Харизет Зальцман дважды приезжала в Ган-Дафну. Оба раза старушка умоляла Китти принять на себя руководство новым центром Молодежной Алии в районе Тель-Авива. Китти обладала незаурядными организаторскими способ-

ностями, и все у нее шло как по маслу. Это и ее богатый профессиональный опыт были очень нужны в других местах, где дела шли не так гладко, как в Ган-Дафне. Хариэт Зальцман понимала, что именно то обстоятельство, что Китти — человек со стороны, окажет в высшей степени благотворное влияние на Молодежное селение.

Китти отклонила предложение. Она хорошо устроилась в Ган-Дафне, а главное, Карен чувствовала себя там совершенно как дома. У нее не было честолюбивых стремлений и она вовсе не собиралась делать карьеру в рамках Алият Ганоар.

Главным же было то, что она не хотела занимать должности, где ей пришлось бы нести ответственность за военное обучение и нелегальную переправку оружия. Это сделало бы ее соучастником. А Китти хотела оставаться нейтральной. Ее деятельность должна оставаться и впредь чисто профессиональной, а отнюдь не политической.

К Карен Клемент Китти Фрэмонт относилась как старшая сестра, заменяющая родителей. Китти сознательно стремилась к тому, чтобы Карен не могла обходиться без нее. Память о Ханзенах блекла все больше, а поиски отца пока никаких результатов не дали. Таким образом, оставался один Дов. Но Дов ничего не давал взамен. Китти всячески поощряла зависимость девушки от нее. Она хотела, чтобы девушка не просто нуждалась в ней, но нуждалась до такой степени, чтобы это чувство зависимости могло одолеть ее тайного противника — силу «Эрец Израэль».

Так проходили недели, а с ними — и праздники.

Первым, на исходе зимы, наступил праздник деревьев «Ту-Бишват». По этому случаю евреи, фанатики разведения лесов, сажают по всей стране сотни тысяч новых деревьев.

К концу марта наступил день павших героев. Иордана Бен Канаан повела отряды Гадны в Тель-Хай, у самой границы, где Барак и Акива перешли из Ливана в Палестину. Теперь это была священная земля. Бойцы Палмаха и молодые бойцы Гадны сбрались у могилы Трумпельдора, чтобы воздать честь героям нового времени.

Затем наступил славный праздник Пурим. По всей Ган-Дафне носились ряженые, село утопало в гирляндах, венках и ярких украшениях и всюду царил атмосфера настоящего карнавала. Была прочитана вслух книга Эсфири,

где рассказывается, как царица Эсфирь спасла от гибели евреев, обитавших тогда в персидском царстве. И так как Аман амалекитянин замыслил истребить евреев, но Эсфирь разоблачила его и спасла народ свой. Могила Эсфири находилась тут же на границе, у Форт-Эстер, где и проводилась часть празднеств. Рассказ о Пурим звучал совершенно реально для детей Ган-Дафны, так как почти все они были жертвами более позднего Амана, которого звали Адольфом Гитлером.

Затем праздновали исход из Египта, еврейский праздник Пасхи.

Праздник Лаг-Баомер падает на полнолуние, ровно на тридцатый день по окончании Пасхи. В этот день отмечается второе восстание евреев против римлян. Воздается честь великим учителям, похороненным в Тивериаде, в Сафед и в Мероне. Тут находятся могилы Моисея Маймонида, бессмертного философа и врача, и ряда других великих учителей: рабби Хин, рабби Элиезера, рабби Кагана, а также великого революционера, рабби Акивы. Тут же в Тивериаде находится также могила рабби Меира Чудотворца. Празднества начинаются в Тивериаде, затем переносятся в Сафед, а из Сафеда благочестивые евреи выходят толпами в Мерон, где похоронены рабби Иоханан Гасандлар, — Сапожник, — а также Гилел и Шамай. В Мероне сохранилась часть древней синагоги с дверью, в которую должен будет пройти Мессия, когда он явится.

Однако из всех чтимых в Лаг Баомер учителей наибольшие почести воздавались рабби Шимону Бар-Иохан. Бар-Иохан восстал против римских эдиктов, запретивших иудаизм. Он сбежал в селение Пекиин и жил там в пещере. Господь дал ему в пищу рожковое дерево и родник — для питья. Так он прожил в пещере семнадцать лет. Только раз в год от отправлялся на один день в Мерон, чтобы обучать своих учеников Торе, запрещенной римлянами. И мусульмане, и христиане признают, что они обязаны своими религиями этим еврейским учителям, которые, скрываясь, уберегли иудаизм. Без иудаизма и святой Торы ни христианства, ни ислама не было бы, так как обе эти религии уходят своими корнями в Тору, и именно из принципов иудаизма почерпнули они жизнь и душу живую.

Скрываясь в пещере, Бар Иохан написал книгу «Зоггар» — «Сияние», — где излагаются основы мистического

учения Кабалы. Хасиды и члены восточных общин стекались со всех уголков Палестины в Тивериаду и Сафед, откуда отправлялись в Мерон, чтобы провести несколько суток в молитве, чтобы петь, плясать и воспевать рабби Симона Бар Иохан.

В мае дожди прекратились, долина Хулы и горы Сирии и Ливана покрылись сочной зеленью, низины густо заросли полевыми цветами, по всей Галилее пышно расцвели красные, и белые, и оранжевые ранние розы, а Ган-Дафна стала готовиться к очередному празднику. Наступил праздник Шавуот, праздник уборки первых плодов нового урожая.

Все праздники, так или иначе связанные с обработкой земли, были особенно близки сердцу палестинских евреев. В Ган-Дафне стало традицией, что на Шавуот в детское поселение съезжались делегации со всей долины Хулы, чтобы принять участие в празднествах.

И снова селение принарядилось словно для карнавала, когда мошавники приехали на грузовых машинах из Яд-Эля. Приехала и Сара Бен Канаан.

Приезжали из пограничного кибуца Кфар-Гилад, расположенного на самой границе с Ливаном; из Айелет Гашахар и из Эй-н-Ора. Приезжали из кибуца Дан на сирийской границе, и из кибуца Манара, расположенного на самой вершине.

Доктор Либерман был разочарован тем, что из Абу-Йеши прибыла делегация, не составлявшая по численности и половины против прошлых лет, и что Таха не приехал вовсе. Он сказал об этом Хариэт Зальцман и Китти. Причины были ясны всем; это были весьма досадные причины.

Китти старалась встречать каждую машину. Она надеялась, что Ари Бен Канаан придет тоже, и ей так и не удалось скрыть своего разочарования, когда он так и не приехал. Иордана, с язвительной ухмылкой на лице, внимательно следила за Китти.

Из Форт-Эстер пришло несколько английских солдат. Они принадлежали к «друзьям», которые всегда предупреждали селение, когда ожидалась облава.

Целый день не прекращалось веселье. Шли спортивные соревнования, гости знакомились с разукрашенными классными комнатами и учебными мастерскими; на лужай-

ке в центре селения танцевали Хору, а столы, расставленные под открытым небом, прямо ломились от угощений.

Когда стало темнеть, все направились в летний театр, сцена которого была встроена в выемку на одном из склонов. Вокруг театра росли хвойные деревья. Вскоре театр был забит до отказа, и сотни гостей расположились на лужайке вокруг. Внезапно на соснах всюду вспыхнули гирлянды разноцветных лампочек.

Оркестр Ган-Дафны исполнил «Гатикву» — «Надежду», — затем доктор Либерман произнес короткую приветственную речь и открыл праздничный парад. Он вернулся на свое место, где рядом сидели Китти, Сатерлэнд и Хариэт Зальцман.

Возглавила парад Карен. У Китти сжалось сердце, когда она увидела девушку верхом на белом коне, с огромным знаменем в руках, где на белом фоне красовался синий Маген-Давид. На ней были синие брюки, вышитая крестьянская блузка, на ногах — сандалии. Волосы были заплетены косичками, спускавшимися на ее маленькую девичью грудь.

Китти вцепилась в подлокотники кресла. Карен выглядела как олицетворение еврейского духа!

Неужели я ее теряю? Неужели теряю? Знамя развевалось на ветру, лошадь на мгновение закапризничала, но Карен живо справилась с ней.

Она ушла от меня, как ушла и от Ханzenов, — подумала Китти.

Хариэт Зальцман посмотрела на Китти, и та опустила глаза.

Карен отъехала в тень, а за ней на освещенный прожекторами пятачок потянулись пятеро тракторов Ган-Дафны, начищенных до блеска. Каждый трактор тащил за собой прицеп, нагруженный фруктами, овощами и снопами, возвращенными на полях селения.

За тракторами пошли джипы, грузовики и пикапы, утопающие в цветах. Продефилировали грузовики, набитые детьми в крестьянской одежде с вилами, граблями, серпами и прочими крестьянскими орудиями в руках.

Затем наступила очередь скота. Во главе шли коровы, нарядно разукрашенные лентами и цветами, лоснящиеся лошади с заплетенными гривами и хвостами. За ними последовали овцы и козы, а под конец дети весело провели и пронесли своих собак, кошек, обезьянку, морских

свинок и детские личики прямо светились любовью.

Затем другие дети пронесли одежду, пошитую из полотна, которое они сами соткали из льна, собственноручно ими возвращенного; они носили газеты, которые они сами выпускали; плакаты, корзины, керамику и прочие художественные изделия, изготовленные собственными руками. Завершили парад спортивные команды.

Когда парад подошел к концу, публика наградила участников бурными аплодисментами.

К доктору Либерману подошла его секретарша и что-то шепнула ему на ухо.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, — но меня срочно вызывают к телефону.

— Только не задерживайся, — бросила ему вдогонку Хариэт Зальцман.

Свет внезапно потух, и летний театр погрузился на мгновение в темноту. Тут же прожекторы осветили сцену. Поднялся занавес, а барабан и флейта из тростника исполнили какую-то древнюю мелодию. Дети начали разыгрывать в лицах историю Руфи. Спектакль был задуман как пантомима на фоне грустной мелодии, исполняемой двумя инструментами.

Костюмы маленьких артистов были подлинными. Их танцы в точности повторяли медленные и томные телодвижения времен Руфи и Ноэми. Затем на сцене появились танцоры, которые исполнили дикие и старинные пляски, вроде тех, которые Китти пришлось видеть на горе Табор.

Как сильно волнует этих детей воскрешение давно минувших событий их прошлого, — подумала Китти. С каким воодушевлением стремятся они восстановить славу Израиля!

И вот на сцену вышла Карен, и в публике воцарилось глубокое молчание. Карен исполняла роль Руфи. Ее телодвижения рассказывали простую и прекрасную историю девушки-моавитянки и ее свекрови-еврейки на их пути в Бейт-Лехем — Дом Хлеба. Историю про любовь и про единого Бога, которая ежегодно рассказывалась в праздник Шавуот с незапамятных времен Маккавеев.

Руфь была чужая в еврейской стране. Но от Руфи вел свое происхождение царь Давид.

Китти не отрывала глаз от Карен, когда Карен-Руфь сказала Ноэми, что она последует за ней в страну евреев.

«Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить бу-

дешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом и твой Бог моим Богом».

Китти пала духом, как никогда раньше. Разве могла она разубедить Карен? Она, Китти Фрэмонт, была чужая. Она всегда останется чужой. Иностранкой среди евреев. Она не могла сказать так, как сказала Руфь: «Народ твой будет моим народом». Значило ли это, что она потеряет Карен?

Секретарша доктора Либермана дотронулась до плеча Китти.

— Доктор Либерман просит вас сейчас же в свой кабинет, — шепнула она.

Китти извинилась и незаметно ушла. Она поднималась по тропе, затем обернулась и еще раз посмотрела сверху на театр, где дети исполняли как раз танец жнецов, а Карен прикорнула у ног «Вооза». Она повернулась и направилась в селение.

Было темно, и ей приходилось ступать осторожно, чтобы не споткнуться об пенек. Китти зажгла фонарик. Она пересекла центральную лужайку и прошла мимо статуи Дафны. Сзади продолжали звучать барабан и плачущая флейта. Освещая себе путь фонариком, Китти торопливо направилась к зданию администрации.

Она открыла дверь, ведущую в кабинет доктора Либермана.

— Боже мой! — воскликнула она, напуганная его видом. — Что произошло? У вас такой вид, словно...

— Нашли отца Карен, — прошептал он.

Г Л А В А 8.

На следующее утро Брус Сатерлэнд повез Китти и Карен в Тель-Авив. Китти воспользовалась предложением, что ей нужно сделать несколько срочных покупок; заодно она покажет девушке город. Они приехали незадолго до обеда и поселились в гостинице Гат Римон, расположенной на улице Гаяркон прямо на набережной. После обеда Сатерлэнд распрощался с ними и ушел. В полдень магазины закрыты, так что Китти и Карен побродили немного по песчаному пляжу тут же у гостиницы, а заодно искупались.

В три часа Китти вызвала такси. Они поехали в Яффу, где, как сказал ей один из сотрудников, можно купить по дешевке прекрасные арабские и персидские изделия из бронзы и меди. Китти хотела купить кое-что для своего коттеджа. Такси завез их в узкую, людную улицу, расположенную в самом центре «блошиного базара» Яфы. Ряд лавок поместился прямо в бойницах древней крепостной стены времен крестоносцев. Они остановились у одной из дыр, у входа в которую сидел грузный мужчина в красной феске, опущенной на глаза, и дремал. Китти и Карен принялись рассматривать лавку. Это было крошечное помещение размером меньше двух метров на два, сплошь увешанное утварью, урнами, подносами, подсвечниками, тазами и чем угодно. Пол не подметали уже по меньшей мере десять лет.

Толстый араб почувствовал, что явились покупатели, и тут же проснулся. Галантным жестом он пригласил дам в лавку. Он сбросил с двух ящиков какой-то медный товар, предложил женщинам сесть, а сам выбежал и послал старшего сына за кофе для почетных гостей. Вскоре кофе был подан. Китти и Карен вежливо отпили глоточек и обменялись любезными улыбками с хозяином. Сын, олицетворение тупости, остановился у порога и глазел. У входа собрались человек шесть любопытных и тоже глазели. Попытки вступить в беседу оказались тщетными. Язык пытались заменить восклицаниями, жестами, телодвижениями, хотя Карен свободно говорила по-датски, по-француз-

ски, по-немецки, по-английски и по-иврит, а Китти, кроме английского, знала еще испанский и немного разговаривала по-гречески. Зато араб ничего не знал, кроме своего арабского. Он снова услаб своего сына — на этот раз за переводчиком блошиного базара, и через несколько минут тот действительно явился. Язык переводчика только отдаленно напоминал английский, но он не жалел усилий, и торг начался.

Китти и Карен покрутились по лавке, сдувая пыль с инкрустированных изделий, покрытых вековым слоем грязи, лучше всего другого свидетельствующим о их подлинности. Порывшись с типично женской основательностью минут сорок в лавке, Китти и Карен успели осмотреть и ощупать все, что там было. Они отобрали пару ваз, три изящных арабских кофейника с удлинненным горлом, и огромный персидский поднос, сплошь покрытый ручной гравировкой, изображающей, по-видимому, какую-то длинную легенду. Китти спросила о цене, но поставила условие, чтобы все это было должным образом очищено, начищено и доставлено в гостиницу. Кучка зевак у входа подошла еще ближе, а хозяин и переводчик оживленно заговорили между собой.

Наконец переводчик повернулся к покупательницам и, вздыхая, сказал:

— Мистер Аким, его сердце совсем разбито. Расстаться эти сокровища. Поднос, он клянется Аллахом, ему триста лет.

— А сколько надо заплатить, чтобы снова склеить разбитое сердце мистера Акима? — спросила Китти.

— Только для вас, для вашей дочки, такой прекрасной, мистер Аким делает специально скидку. Берете все, тогда шестнадцать фунт стерлинг.

— Это даром, — шепнула Китти своей спутнице.

— Но Китти, ты не можешь заплатить ему, не торгуясь! — возмутилась Карен. — Ты ему испортишь все настроение, если не поторгуешься.

— Надо немедленно взять и смыться, — ответила Китти шепотом. — За один этот таз в Штатах пришлось бы заплатить триста, а то и четыреста долларов.

— Китти, пожалуйста! — взмолилась Карен. Она решительно выступила вперед, и улыбка мгновенно сошла с лица Акима.

— Девять фунтов и ни гроша больше, — твердо заявила она.

Переводчик передал это контрпредложение мистеру Акиму. Мистер Аким был оскорблен до глубины души. Он начал божиться и плакаться. Он не может, не имеет права; у него семья. Снова подвело его доброе сердце; только из-за него он назвал такую небольшую цену. Вещи, отобранные дамами, настоящие антикварные ценности. Дрэммы это прекрасно знают. Он клянется своей честью, честью своего отца, бородой пророка. Тринадцать фунтов.

— Двенадцать, но окончательно.

Аким чуть не зарыдал. Это себе же в убыток, но что он может делать: он всего навсего нищий араб. — Двенадцать с половиной.

— По рукам.

Когда сделка состоялась, снова пошли улыбки: в самой лавке и у дверей. Стороны долго трясли друг другу руки, Аким цветисто благословлял Китти и Карен, а также их потомство до седьмого колена; затем Китти оставила Акиму адрес гостиницы и велела доставить тщательно очищенные покупки в гостиницу, где с ним и рассчитаются. Протянув на чай переводчику и тупице-сыну, Китти и Карен вышли из лавки.

Они шатались по блошиному базару и не переставали изумляться, как это можно втиснуть столько товара в эти крошечные лавчонки, а заодно — столько грязи всюду. Когда они дошли до угла, мужчина с внешностью сабры подошел к Карен, пошептался с ней по-иврит и тут же скрылся.

— Чего ему надо было?

— Он по одежде определил, что я еврейка. Хотел знать, англичанка ли ты. Я ему сказала, кто ты такая, и тогда он посоветовал нам немедленно вернуться в Тель-Авив. Тут заваривается какая-то каша.

Китти окинула взглядом улицу, но мужчины и след простыл.

— Наверно, Маккавей, — сказала Карен.

— Давай уйдем отсюда.

Только когда они покинули Яфу, Китти снова успокоилась. Они подъехали к углу улицы Алленби и бульвара имени Ротшильда. Вдоль улицы Алленби шли ряды новеньких магазинов, а бульвар имени Ротшильда, нарядный и широкий, был застроен ультрасовременными трехэтажными жилыми домами и утопал в зелени. Он составлял разительный контраст блошиному рынку в Яфе. Ма-

шины и автобусы шли сплошным потоком, а пешеходы торопились, как всюду торопятся в крупных городах.

— Прямо дух захватывает, — сказала Карен. — Я ужасно рада, что поехала с тобой. Трудно даже представить, что все, кого ты здесь видишь: шофера, официанты и продавцы, — евреи. Они построили настоящий большой город... еврейский город. Ты вряд ли понимаешь, что это значит... город, в котором все принадлежит евреям.

Слова Карен раздражали Китти.

— У нас живет в Америке много выдающихся евреев, Карен, и они очень счастливы и в полном смысле слова американцы.

— Да, но это все-таки не то, что еврейское государство. Знать, что где бы ты ни находился, что бы ты ни делал, есть на свете уголок, где ты нужен, и который принадлежит лично тебе.

Китти порылась в сумке и достала оттуда клочок бумажки.

— Вот адрес. Где бы это могло быть?

Карен посмотрела на бумажку.

— Да через два квартала. Когда ты наконец научишься читать по-иврит?

— Боюсь, никогда, — ответила Китти, затем быстро добавила: — Я чуть не вывихнула себе челюсть вчера, когда пыталась сказать несколько слов.

Они нашли адрес. Это был магазин готовой одежды.

— Что ты собираешься купить? — спросила Карен.

— Я собираюсь купить тебе приличный гардероб. Это подарок от Сатерленда и от меня.

Карен остановилась как вкопанная.

— Я не могу, — сказала она.

— Но почему, дорогая?

— А чем эта одежда плоха?

— Она хороша для Гаи-Дафны... — сказала Китти.

— Никакой другой одежды мне не надо, — упорствовала Карен.

Она частенько ведет себя точь в точь как Иордана, — подумала Китти.

— Карен, не забывай, что ты молодая девушка. Никаких принципов ты не предашь, если наденешь иногда более приличное платье.

— А я горжусь тем, что...

— Да ладно тебе! — решительно оборвала ее Китти. —

Ты с каждым днем становишься все более похожей на сабру. Когда ты куда-нибудь едешь со мной, тебе нужно одеться так, чтобы мы с Сатерлендом могли немножко гордиться тобой.

Китти начинала сердиться и в ее голосе слышалась твердая непреклонность. Карен прикусила язык и пошла на попятную. Она краем глаз покосилась на разодетые манекены в витрине.

— Это нечестно по отношению к остальным девочкам, — сделала она последнее усилие.

— Мы спрячем эти платья под винтовками, если это доставит тебе удовольствие.

Несколько минут спустя она уже вертелась перед зеркалом как истая женщина и была ужасно рада, что Китти проявила такую настойчивость. Было так приятно чувствовать на себе эти вещи и смотреть на себя в зеркало! Когда еще она носила такие нарядные вещи? В Дании, пожалуй... но это было так давно! Китти была в не меньшем восторге, видя как Карен превращается у нее на глазах из крестьяночки в изящную девушку. Затем они обошли всю улицу Алленби, заходили в магазины, покупали то одно, то другое, и наконец, нагруженные свертками добрались до площади Мограби, где начиналась улица Бен Йегуды. Усталые они присели к столику ближайшего кафе тут же на тротуаре. Карен жадно ела мороженое и не сводила широко открытых глаз с улицы и с прохожих.

Она сунула в рот полную ложечку мороженого и сказала:

— Это самый прекрасный день, сколько я себя помню. Как жаль, что с нами нет Дова и Ари.

Какая она прелесть, — подумала Китти. Она так добра, что думает только о других.

Карен погрузилась в размышления, выковыривая из стакана остатки мороженого.

— Я частенько думаю, что нам с тобой досталась пара кислых лимонов.

— Нам с тобой?

— Ну, как же... ты и Ари, я и Дов.

— Я не знаю, откуда ты взяла, что между мной и мистером Бен Канааном есть что-нибудь, но если ты так думаешь, то ты глубоко ошибаешься.

— Ха-ха-ха, — ответила Карен. — Не от этого ли ты

вывихивала себе шею вчера, осматривая каждый грузовик? Кого же ты там высматривала, если не Ари Бен Канаана?

— Гм, — пробормотала Китти, отпив глоток кофе, чтобы скрыть смущение.

Карен вытерла губы и пожала плечами.

— Да хоть кого спроси, все знают, что ты к нему равнодушна.

Китти строго посмотрела на Карен.

— Уж больно ты умна...

— Ты только попробуй отрицать. Я тогда возьму и заору об этом во весь голос по-иврит.

Китти вскинула руки.

— Сдаюсь. Может быть, ты поймешь когда-нибудь, что мужчина может нравиться женщине, которой перевалило за тридцать, но что это все-таки решительно ничего не значит. Ари мне нравится, я не стану отрицать, но все-таки я должна разочаровать твое романтическое воображение: ничего серьезного между нами нет.

Карен смотрела на Китти, и ее взгляд ясно говорил, что она не верит ни единому ее слову. Девушка вздохнула, придвинулась поближе, взяла Китти за руку, словно собиралась поделиться с ней бог весть какой тайной, и с девичьей искренностью серьезно сказала.

— Ты очень нужна Ари, я это знаю точно.

Китти похлопала Карен по руке и поправила выбившийся у нее на голове локон.

— Хотела бы я быть снова шестнадцатилетней девочкой, и чтобы все представлялось мне таким простым и незапутанным. Нет, Карен, Ари Бен Канаан принадлежит к той категории суперменов, которым никто не нужен и которые полагаются исключительно на свои собственные силы. Ари Бен Канаан не нуждается ни в ком с того самого дня, когда отец всунул ему в руки воловий кнут. Его кровь состоит из малюсеньких частиц стали и льда, а сердце у него — просто насос, как вон тот двигатель у автобуса. Из-за этого ему неведомы простейшие человеческие чувства.

Она замолчала и ее взгляд неподвижно смотрел куда-то поверх головы Карен.

— Но все-таки ты его любишь.

— Да, — вздохнула Китти, — я его люблю, и то, что ты сказала, — правда. Нам с тобой досталась пара кислых

лимонов. Ну, а теперь вернемся в гостиницу. Я хочу, чтобы ты успела переодеться и нарядиться как принцесса. У нас с Брусом есть сюрприз для тебя. И прическу сделаем тебе.

Когда Сатерлэнд явился на ужин, Карен действительно выглядела как принцесса. Сюрприз заключался в том, что они все отправились в национальный театр «Габима» на «Лебединое озеро». Играл оркестр Палестинской филармонии.

В продолжение всего балета Карен сидела, нагнувшись вперед, на краешке стула и не сводила глаз с прима-балерины, плывущей по сцене. Божественная красота этого балета произвела на девушку потрясающее впечатление.

Господи, как же все это прекрасно! — думала Карен. Она уже почти забыла, что на свете существуют такие вещи, как балет. Какое это счастье, что у нее есть Китти Фрэмонт. Сцена утопала в синем свете, оркестр бурно исполнил финал, где Зигфрид побеждает злого фон Ротбарта, а на сцене лебеди превратились в женщин. По лицу девушки текли слезы радости.

Китти следила больше за Карен, чем за балетом. Она чувствовала, что разбудила в сердце девушки что-то такое, что дремало там под спудом. Может быть Карен начинала понимать, что на свете, к тому же принадлежала когда-то и она сама, есть вещи не менее важные, чем зеленые поля Галилеи. Китти снова приняла решение держать это чувство всегда живым в душе Карен. Как бы евреи ни завладели ею, а было все-таки и что-то такое, на что их власть никогда полностью не распространится.

Завтра Карен увидится со своим отцом, и ее жизнь примет новое направление. Нет, Китти все-таки добилась кое-чего за этот день.

Они вернулись в гостиницу поздно. Карен была вне себя от счастья. Она рывком открыла входную дверь, и, танцуя, прошла по вестибюлю. Английские офицеры изумленно подняли брови. Китти уснула ее наверх и велела приготовиться ко сну, а сама она подошла с Сатерлэндом к стойке бара, чтобы выпить еще по одной рюмке на сон грядущий.

- Вы ей уже сказали про отца?
- Нет еще.
- Хотите, я пойду с вами?
- Нет, я лучше... сама.

— Конечно, конечно.

— Только потом мне бы хотелось, чтобы вы были здесь.

— Буду здесь.

Китти встала и поцеловала Сатерленда в щеку.

— Спокойной ночи, Брус.

Карен все еще танцевала в номере, когда вошла Китти.

— Помнишь Одетту в последней сцене? — сказала она, подражая балерине.

— Поздно уже, и ты устала, как негр.

— Ах, какой чудесный день! — сказала Карен, опускаясь на кровать.

Китти прошла в ванную и оделась на ночь. Она слышала, как Карен напевала мелодии балета. — Господи! — шепнула Китти. — Чем же она заслужила такое наказание? — Китти закрыла лицо руками и вся задрожала. — Дай ей, господи, силу... умоляю тебя, дай ей силы.

Китти лежала в темноте с широко открытыми глазами. Вдруг Карен зашевелилась. Китти посмотрела в сторону кровати девушки. Карен встала, подошла к кровати Китти, опустилась на колени и положила головку на грудь Китти.

— Я тебя очень, очень люблю, — сказала девушка. — Родную мать, и то я не могла бы любить больше тебя.

Китти отвернулась и погладила девушку по волосам.

— Иди, иди спать, — сказала она, и что-то запершило у нее в горле. — Нам предстоит завтра утомительный день.

Китти лежала без сна, курила одну сигарету за другой, потом вставала и ходила по комнате. Каждый раз, когда она смотрела на спящую девушку, у нее сжималось сердце. Было уже далеко за полночь, а она все еще сидела у окна, прислушивалась к шуму прибора, и смотрела на Яфу, которая была еле видна за поворотом. Было уже четыре часа утра, когда Китти погрузилась в беспокойный сон.

Она проснулась утром с тяжелым сердцем, с усталым лицом и с синевой вокруг глаз от бессоницы. Она по меньшей мере раз десять пыталась начать этот тяжелый разговор, но так и не могла заставить себя. Они позавтракали на террасе. Обе молчали. Китти попивала кофе.

— А где генерал Сатерленд? — спросила Карен.

— У него какие-то дела. Он придет немного позже.

— А какие планы у нас на сегодня?

— О, всякие.

— Китти... это связано с моим отцом, правда?

Китти опустила глаза.

— Я все время догадывалась об этом.

— Я не имела в виду обманывать тебя... Я...

— А в чем дело?.. Пожалуйста, расскажи мне все... Что с ним?

— Он очень, очень болен.

Карен стала кусать ногти; ее губы дрожали.

— Я хочу его видеть.

— Он тебя не узнает, Карен.

Карен выпрямилась и посмотрела в сторону моря.

— Я так долго ждала этого дня.

— Карен, не надо...

— Каждый раз с тех пор как кончилась война — уже больше двух лет, — я засыпала и видела один и тот же сон. Я лежу, бывало, в постели и стараюсь представить себе, что мы с ним встретились. Я знала совершенно точно, какой у него вид, и что мы станем говорить друг другу. В лагерях для перемещенных лиц, затем все эти месяцы в Караолосе на Кипре я каждую ночь видела этот сон... отец и я. Ты понимаешь..., я все время знала, что он живой..., и что мы с ним свидимся.

— Карен... перестань. Все будет совсем не так, как ты это видела во сне.

Девушка дрожала всем телом. Ее ладони были мокры от пота. Она вскочила.

— Поведу меня к нему.

Китти схватила ее за руки и крепко стиснула их.

— Ты должна подготовиться к чему-то ужасному.

— Пожалуйста, Китти... пойдём к нему.

— Об одном помни... Что бы там ни случилось..., что бы тебе ни пришлось там видеть..., помни, что я с тобой. Я буду с тобой, Карен. Не забудешь?

— Не забуду.

И вот Карен и Китти сидели перед доктором.

— Вашего отца пытали в гестапо, Карен, — сказал доктор. — В начале войны они хотели заставить его сотрудничать с ними. Они прибегали к самым жестоким мерам. Все же им пришлось отказаться от этого плана. Он просто не мог работать на них, хотя бы он и подвергал этим вашу мать и ваших братьев смертельной опасности.

— Я сейчас вспоминаю, — сказала Карен. — Как-то не стало писем, и я все приставала к Ааге, не случилось ли что с родными.

— Его отправили в Терезиенштадт, а ваша мать и братья...

— О них мне все известно.

— Они его отправили в Терезиенштадт в надежде, что он передумает. Только после войны он узнал о том, что случилось с вашей матерью и с вашими братьями. Его грызла совесть, что он так задержался тогда в Германии, из-за чего ваша мать и братья попали в западню. Когда он узнал про их судьбу после долгих лет пыток, его ум помрачился.

— Но ведь он поправится?

Доктор посмотрел на Китти.

— У него психическая депрессия... крайняя механхолия.

— А что это означает?

— Карен, твой отец вряд ли поправится.

— Я вам не верю, — ответила девушка. — Я хочу видеть его.

— А вы его еще помните?

— Очень мало.

— Было бы гораздо лучше, если бы вы сохранили о нем то воспоминание, которое у вас есть, чем видеть его теперь.

— Она должна его видеть, доктор, во что бы то ни стало. Этот вопрос нельзя оставить открытым ни под каким видом, — сказала Китти.

Доктор повел их вниз по коридору и остановился перед какой-то дверью. Сопровождавшая их сестра отомкнула дверь, и доктор открыл ее перед Карен.

Карен вступила в помещение, напоминающее келью. В комнате стояли стул, этажерка и кровать. Она оглянулась вокруг и застыла на месте. Кто-то сидел в углу на полу. Человек был босой и непричесанный. Он сидел, прислонившись спиной к стене, обхватив руками колени, и тупо смотрел на противоположную стену.

Китти шагнула к нему. Он был небрит, лицо было все в рубцах. Внезапно Карен почувствовала какое-то облегчение. Все это недоразумение, — подумала она... Это какой-то посторонний человек... это не ее отец... Он просто не может им быть. Все это — ошибка! Ошибка! Она с трудом подавила желание выскочить вон и закричать: «...вы видите, все это недоразумение. Это не Иоганн Клемент, этот человек — не мой отец. Мой отец живет, но где-то в другом месте и ждет встречи со мной». Карен

остановилась перед мужчиной, сидящим на полу, чтобы окончательно удостовериться, что это не ее отец. Она пристально посмотрела в его потухшие глаза. Это было так давно... так давно, она ничего уже не помнила. Но это был не тот человек, о встрече с которым она мечтала.

Там был камин и запах трубочного табака. Там был большой бульдог. Его звали Максимилианом. В комнате рядом плакал ребенок. — Мириам, сходи, посмотри что с Гансом. Я читаю сказку девочке, а он мешает.

Карен Ханзен Клемент опустилась на колени перед этой человеческой развалиной.

В доме бабушки в Бонне всегда пахло свежеспеченным пирожным. Она пекла в продолжение всей недели, готовясь встречать родных в воскресенье.

Несчастный мужчина продолжал смотреть на стену, словно никого больше в комнате не было.

Ты только посмотри, какие смешные обезьяны в Кельнском зоопарке! Зоопарк Кельна лучше всех на свете. Когда же снова наступит карнавал?

Она тщательно изучала сидевшего перед ней человека от босых ног до рубцов на лбу. Ничего... ничего, что напоминала бы ей отца...

«Жид! Жид! Жид!» — орала толпа ей вслед, когда она с разбитым в кровь лицом побежала домой. «Будет, будет, Карен, не плачь! Папа не даст тебя в обиду».

Карен протянула руку и дотронулась до его щеки. «Папочка?» — сказала она. Мужчина не шевельнулся и даже не заметил ее.

Там был поезд, в нем было много детей; говорили, что они поедут в Данию, но она очень устала. «До свидания, папочка», — сказала тогда Карен. — Вот возьми мою куклу, она будет смотреть за тобой». Она стояла с тамбуре и не сводила глаз с папочки, стоявшего на перроне, он становился все меньше и меньше.

— Папа! Папочка! — вскричала Карен. — Это я, Карен, папочка! Это — твоя дочь. Теперь я уже большая, папочка. Неужели ты меня не помнишь?

Врач крепко держал Китти, которая стояла в дверях и дрожала всем телом.

— Пустите меня, пожалуйста! Я ей помогу, — умоляла Китти.

— Оставьте ее, — ответил врач.

А Карен все вспоминала и вспоминала.

— Да, да! — вскричала она. — Это мой отец! Это мой папа!

— Папочка! — рыдала она и обнимала его за шею. Пожалуйста, скажи мне что-нибудь. Поговори со мной! Я прошу тебя... умоляю!

Мужчина, который был когда-то Иоганном Клементом, заморгал глазами. В его лице появилось выражение какого-то любопытства, когда он почувствовал, что кто-то его обнимает. Мгновение это выражение не сходило с его лица, словно что-то в нем пыталось пробить окружающий его мрак, — потом его взгляд снова потух.

— Папа! — кричала Карен. — Папа, папочка!

Стены пустой комнаты и коридора отражали эхо ее голоса — «Папа!».

Сильные руки врача оторвали ее от отца, но девушку осторожно вывели из комнаты. Дверь снова замкнули и она рассталась с Иоганном Клементом — навсегда. Девушка душераздирающе плакала и упала в объятия Китти.

— Он меня даже не узнал. Боже, Боже... да что же это такое? Почему он меня не узнал? Боже, ответь... ответь...

— Все хорошо, дитя мое; теперь все хорошо. Вот Китти с тобой.

— Не оставляй меня, Китти, никогда не оставляй!

— Нет-нет, моя деточка... Китти никогда тебя не оставит... никогда!

Г Л А В А 9.

Весть об отце Карен дошла до Ган-Дафны еще прежде, чем она и Китти успели вернуться. Дов Ландау был потрясен до глубины души. Впервые с тех пор как его брат Мундек держал его в своих объятиях в бункере варшавского гетто, Дов Ландау мог сочувствовать кому-то другому, а не только самому себе. Сострадание, которое он испытывал к Карен Клемент, было тем лучом света, который пробил наконец его мрачный мирок.

Она была единственным человеком на свете, к которому он мог питать доверие и привязанность. Почему именно ей выпало на долю такое? Как часто Карен выражала в том вонючем лагере на Кипре твердую уверенность, что ее отец еще жив! Страшный удар, который обрушился теперь на нее, доставлял и ему глубокое горе.

Кто же теперь остался у Карен? Только он да миссис Фрэмонт. Но кто он ей? Жернов на шее и больше ничего. Бывало, ему хотелось ненавидеть миссис Фрэмонт, но он не мог, так как понимал, что это счастье для Карен, что Китти с нею. Теперь, когда нечего больше надеяться на отца, миссис Фрэмонт, может быть, увезет с собой Карен в Америку.

Но он же и мешал этому. Он знал, что Карен его не бросит. Ему, значит, оставалось только одно.

Парнишка, которого звали Мордехаем, тайно вербовал юношей в ряды Маккавеев в Ган-Дафне. Через него Дов узнал, как можно войти в контакт с подпольем. Коттеджи персонала никогда не закрывались на замок. Однажды вечером, когда все ушли на ужин, он обворовал несколько коттеджей. Он унес несколько ценных предметов и уехал в Иерусалим.

Брус Сатерлэнд немедленно явился к доктору Либману и убедил его, что Китти надо заставить провести с Карен неделю-две, пока Карен не поправится от перенесенного шока, у него в особняке.

Карен переносила свое горе с тем же мужественным

достоинством, с которым она прожила ужасные военные годы. Да и Китти не спускала с нее глаз; она ни на минуту не оставляла девушку одну.

Ужасная судьба отца и исчезновение Дова Ландау, все складывалось так, что Китти как будто одержала победу, грустную, правда, но все-таки победу. Она чувствовала, что теперь ей, может, удастся увезти Карен в Америку. Находясь в гостях у Сатерлэнда, Китти думала об этом все время. Она частенько презирала себя за то, что хочет извлечь выгоду из горя Карен, но она просто не могла не думать обо всем этом. С того самого дня, когда она впервые увидела Карен в палатке в Караолосе, вся ее жизнь вращалась вокруг этой девушки.

Однажды после обеда к Сатерлэнду приехал Ари Бен Канаан. Он вошел в рабочий кабинет и сел в ожидании, пока слуга доложит о нем хозяину, находившемуся с гостями в парке за домом. Брус извинился, а девушки остались в шезлонгах. Мужчины провели за беседой примерно час.

Покончив с делами, Сатерлэнд вдруг сказал:

— Кстати, у меня тут гостит ваша приятельница. Китти Фрэмонт проведет у меня недели две с Карен Клемент.

— Да, я слышал, что вы успели крепко подружиться с ней, — сказал Ари.

— Правильно. Кэтрин Фрэмонт — одна из самых приятных и толковых женщин, с которыми мне доводилось встречаться в жизни. Съездите в Ган-Дафну и посмотрите, какие чудеса она там творит с некоторыми из тамошних детей. Там был мальчик, который еще шесть месяцев тому назад не мог сказать и слова; теперь он не только говорит, но даже играет на трубе в школьном оркестре.

— Я слышал об этом тоже, — сказал Ари.

— Я настоял, чтобы она приехала ко мне и привезла с собой Карен Клемент. Девушка нашла своего отца. Бедняга совершенно и неизлечимо помешан. Для девушки это страшный удар, что и говорить. Пройдем к ним в парк.

— Весьма сожалею, но у меня куча дел.

— Чепуха! Не стану даже слушать. — Он взял Ари под руку и потащил его за собой.

Китти не видела Ари с самой экскурсии на гору Табор. Его вид ее прямо испугал. Ари себя явно не берег.

Ее удивило, как мягко и сочувственно Ари выразил Карен свое соболезнование. Так ласково он относился, по-

видимому, только к своим. К ней он никогда так не относился. Значило ли это, что он считает Карен своим человеком, спрашивала себя Китти. Тут же она рассердилась на самое себя. Дело дошло до того, что она начинала рассматривать каждое слово и вообще все на свете, исходя из того, в каком оно находится отношении к еврейству Карен. А может быть она частенько сама придавала всему такой смысл, какого оно в действительности вовсе не имело.

Китти и Ари пошли прогуляться по парку.

— Как она? — спросил Ари.

— Она очень крепкая и мужественная девушка, — ответила Китти. — Шок она перенесла ужасный, но она удивительно хорошо справилась с ним.

Ари обернулся и посмотрел, как Карен и Сатерлэнд играют в шашки.

— Она действительно прелесть, — искренне сказал он.

Его слова поразили Китти. Она никогда не слышала из его уст похвал и она даже задавала себе вопрос — замечает ли он вообще красоту? Дойдя до края дорожки, они остановились. Вокруг парка шла низенькая каменная ограда. По ту сторону ограды гора спускалась в долину, где лежал Сафед. Китти присела на забор и смотрела перед собой на Галилею. Ари закурил и зажег и для нее сигарету.

— Ари, я никогда не обращалась к вам с личной просьбой. Теперь попрошу кое о чем.

— Валяйте!

— Это дело с отцом Карен как-нибудь переживет со временем, но вот есть еще одно дело, с которым она, пожалуй, не справится. Дов Ландау сбежал из Ган-Дафны. Мы все думаем, что он подался в Иерусалим к Маккавеям. Вы, конечно, знаете, что она взяла на себя личное шефство над парнем. Лишившись отца, она гораздо болезненнее переживает теперь исчезновение Дова. Она прямо ест себя поедом из-за него. Я прошу вас найти его и вернуть в Ган-Дафну. Я думаю, вам будет нетрудно разыскать его. Если только вам удастся убедить его, что Карен нуждается в нем, он вернется.

Ари выпустил струйку дыма и с любопытством посмотрел на Китти.

— Боюсь, я ничего не понимаю. Ведь девушка принад-

лежит теперь всецело вам. Дов — единственный человек, который мог бы помешать вам, и он сам ушел.

Китти посмотрела на него бесстрастно.

— Вообще-то ваши слова должны были меня оскорбить, но они меня не оскорбляют, так как все это правда. Вместе с тем я не могу строить свое благополучие на ее несчастьи. Я не могу увести ее в Америку, не решив сначала проблему с Довом.

— Это весьма похвально.

— Дело тут не только в благородстве. Карен вообще-то умная девушка, только не там, где речь идет об этом мальчике. У каждого из нас имеется слабое место, не так ли? Она гораздо легче справится с этой слабостью, если он вернется в Ган-Дафну. Если же он останется у Маккавеев, его образ преобразится до неузнаваемости.

— Прошу прощения за мой примитивный образ мышления. Вы очень проникательны.

— Я люблю эту девушку, и в этом нет ничего плохого или хитрого.

— Вы хотите уверить ее, что ей ничего не остается другого, как уехать вместе с вами.

— Я хочу только, чтобы она выбрала для себя наилучший вариант. Вы мне, пожалуй, не поверите, но если бы я знала, что ей лучше остаться в Палестине, она здесь бы и осталась.

— Почему же? Может быть, я вам вполне верю.

— Скажите, можете ли вы, положив руку на сердце, утверждать, что я делаю что-то плохое тем, что хочу увести ее в Америку?

— Нет... ничего плохого в этом нет.

— Тогда помогите мне вернуть Дова.

Воцарилось долгое молчание. Затем Ари потушил сигарету об забор. Он бессознательно разорвал окурочек, рассыпал остатки табака, скомкал остаток курительной бумаги в шарик и положил его в карман. Это еще П. П. Малькольм научил его никогда не бросать окурки. Окурки сигарет очень помогали арабам установить местонахождение еврейских вооруженных сил.

— Это не в моих силах, — сказал Ари наконец.

— Нет, в ваших. Дов очень уважает вас.

— Дело не в этом. Конечно, найти его нетрудно. Я даже могу заставить его вернуться в Ган-Дафну и приказывать ему: Сиди и не рыпайся, мой мальчик, потому что дама

тревожатся о тебе. Однако Дов Ландау принял решение, а каждый еврей, проживающий в этой стране, должен так или иначе решить этот вопрос в соответствии со своими убеждениями. Мы в этом вопросе чрезвычайно щепетильны. Из-за этого мой отец и его брат не разговаривают друг с другом вот уже пятнадцать лет. Дов Ландау всеми фибрами своей души жаждет мести. Им двигают такие силы, что остановить его может только один Бог, или пуля.

— Вы говорите так, словно одобряете террористов.

— Бывает, я им полностью сочувствую. Бывает, я питаю к ним одно лишь отвращение. Но как бы там ни было, а судить их я не собираюсь. Кто вы такая, и кто я такой, чтобы сказать Дову Ландау, что он неправ. Вам известно, что ему пришлось вынести. Кроме того, вы ошибаетесь еще и в чем-то другом. Если его вернуть в Ган-Дафну, он доставит этой девушке только еще больше горя. Нет, Дов должен делать то, чего не делать он не может.

Китти спустилась с забора, отряхнула юбку, и они направились к воротам.

— Да, Ари, — сказала она под конец, — вы, пожалуй, правы.

Когда они вышли за ворота и направились к его машине, к ним подошел Сатерлэнд.

— Вы долго будете в этих краях, Бен Канаан? — спросил он.

— У меня кое-какие дела в Сафедде. Надо покончить с ними.

— А почему бы вам не вернуться поужинать с нами?

— Ну, я...

— Пожалуйста, приходите, — Китти не дала ему договорить.

— Ладно. Благодарю вас. Приду.

— Вот и прекрасно. Как только справитесь с делами в Сафедде, сразу же и возвращайтесь.

Они помахали ему, когда он поехал под гору, мимо Таггартова форта и наконец скрылся из виду.

— «Не дремлет и не спит хранящий Израиля», — сказала Китти.

— Да вы что, Китти! Никак псалмы стали цитировать?

Они прошли через ворота назад в парк.

— Вид у него изнуренный.

— Для человека, который работает сто десять часов в неделю он выглядит неплохо, — возразил Сатерлэнд.

— Я еще в жизни не видела такой преданности делу... я чуть не сказала — фанатизма. Его приезд к вам меня сильно удивил, Брус. Я и понятия не имела, что вы тоже замешаны во все эти дела.

Сатерлэнд набил свою трубку.

— Ну, я, положим, не совсем так замешан, как вы думаете. Хагана обратилась ко мне с просьбой составить ориентировочный список арабских вооруженных сил, находящихся за пределами Палестины. Им нужна всего лишь объективная оценка специалиста. Но послушайте, Китти, не кажется ли вам, что пора честно разобраться во всем этом?

— Но я же вам сказала, что не хочу брать ничьей стороны.

— Китти, боюсь, вы действуете как страус. Вы сидите на самой середине поля сражения и говорите: «Не троньте мой дом, потому что я закрыла ставни».

— Я уеду, Брус.

— Тогда вам нужно поторопиться. Если вы думаете, что вам удастся еще долго сидеть здесь и жить так, как вы до сих пор жили, то я должен сказать, что вы глубоко ошибаетесь.

— Мне нельзя уехать сейчас же. Я должна подождать, пока Карен немножко поправится.

— Только поэтому?

Китти покачала головой.

— Мне кажется, я боюсь еще решающей минуты. Временами мне кажется, что мне удалось выбить из ее головы все эти палестинские дела, а порой, как вот сейчас, я сомневаюсь и очень боюсь довести дело до решающего испытания.

Перед ужином они увидели, как полная луна повисла над городом. С виллы Сатерлэнда все было хорошо видно.

— «Три дара обещал Господь Израилю, но каждый из них будет обретен ценой страдания. Один из этих даров — Эрец Исраэль», — изрек Сатерлэнд. — Это — слова Бар Иохан, сказанные им две тысячи лет тому назад. Мудрый был мужик, ничего не скажешь.

— Уж коль мы заговорили о мудрецах, — сказал Ари, — то завтра я еду к Генисаретскому морю. Вы там уже были, Китти?

— Нет, мне не очень приходилось путешествовать.

— Вам обязательно нужно побывать там. И как можно скорее. Через несколько недель будет чересчур жарко.

— А почему бы вам не взять ее с собой? — быстро вернула Карен.

Воцарилось неловкое молчание.

— Это... это действительно идея, — сказал Ари. — Я запросто выкрою несколько дней отпуска. Почему бы нам не поехать вчетвером?

— Меня не считайте, — сказала Карен. — Я уже была там дважды с Гадной.

Брус Сатерлэнд понял намек Карен.

— На меня тоже не рассчитывай, старик. Я бывал в тех местах раз десять.

— А почему бы вам не поехать вдвоем? — не отставала Карен.

— Я лучше побуду здесь с тобой, — ответила Китти.

— Глупости, — буркнул Сатерлэнд. — Мы с Карен прекрасно справимся одни. Если хотите знать, вы нам доставите только удовольствие, если избавите нас от своего присутствия на несколько дней. Да и Ари не помешает отдохнуть несколько дней.

Китти засмеялась.

— Ари, вы чувствуете? У них заговор. Похоже, что мы имеем дело с двумя кумушками, которые только о том и мечтают, чтобы сострять «шидох».

— Нет, вы только послушайте, как она говорит! — возбужденно вскричала Карен.

— А что? Я не хуже тебя сабра. Кажется, мы с вами попались, Ари.

— Я этому очень рад, — ответил он.

Г Л А В А 10.

Рано утром следующего дня Ари и Китти сели в машину и поехали к Генисаретскому морю. Они въехали в Геносарскую долину, которая тянется вдоль северного берега. По ту сторону озера над этой очень низкой местностью — она расположена ниже уровня моря — вздымались выветрившиеся коричневые сирийские горы, а теплый, душный воздух словно застыл.

Это озеро собственность самого Господа Бога, — подумала Китти. Снова она была одна в обществе Ари, и снова она почувствовала, что теряет чувство времени, как она однажды уже потеряла его в горах Иудеи. Почему эта страна действовала на нее так сильно именно тогда, когда она была в обществе Ари?

Ари остановился у самого берега и повел ее к развалинам синагоги в Капернауме. Здесь, на этом месте, ходил Иисус, учил и лечил людей. В памяти Китти всплыли слова, которые она, казалось, совершенно забыла. «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море;... И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил».

Казалось, что Он все еще здесь. На берегу рыбаки закидывали сети в море, тут же паслось небольшое стадо черных коз, и время словно не сдвинулось с места.

Отсюда Ари повел ее к церкви, построенной якобы на том самом месте, где неподалеку от Капернаума произошло чудо с хлебами и рыбами. Пол церкви был украшен византийской мозаикой, изображающей бакланов, цапель, уток и прочую дикую птицу, до сих пор населяющую озеро.

Затем они поднялись на гору Благословений и подошли к небольшой часовне, где Иисус произнес Нагорную проповедь.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на меня. Радуйтесь и

веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

Это были Его слова, произнесенные на этом самом месте. Когда она увидела эти христианские святые места, ей пришла в голову ошеломляющая мысль, что Ари Бен Канаан, Давид Бен Ами и даже ее Карен так близки этим местам, как сама она никогда не будет.

Они промчались мимо сонной арабской деревни Мигдал, где родилась Мария Магдалина, затем проехали под отрогами Хаттина, где находилась могила Иофора, тестя Моисея и главного пророка друзов, но душевное смятение отвлекало внимание Китти.

Затем машина свернула с низин Хаттина и въехала на плоскогорье словно залитое алой краской. Поле было усеяно дикими красными цветами.

— Какой красивый красный цвет, — сказала Китти. — Остановите на минуту машину, Ари.

Он съехал с дороги, а Китти вылезла из машины. Она сорвала один цветок и пристально осмотрела его.

— Никогда в жизни я не видела ничего подобного, — взволнованно прошептала она.

— Здесь когда-то жили древние Маккавен в пещерах. Это единственное место на земном шаре, где растет этот цветок. Мы так и называем его — «Кровью Маккавеев».

Китти рассмотрела цветок внимательней. Он действительно напоминал крошечные капли крови. Она поспешно выронила цветок и вытерла руки о юбку.

Эта страна наступала на нее со всех сторон! Даже полевой цветок, и тот непрерывно напоминает о ней. Она насаждает на человека из-под земли, по воздуху, тревожит, закабаляет.

На Китти Фрэмонт напал страх. Она поняла, что ей нужно покинуть Палестину тотчас же: чем упорнее она сопротивлялась, тем больше эта страна ее закрепощала. Она смыкалась вокруг нее все теснее, проникала к ней в душу; Китти прямо задохнулась и почувствовала себя чуть ли не обреченной.

Они въехали в Тивериаду с севера через современное еврейское предместье Кирьят Шмуэль, проехали мимо еще одной громоздкой Таггартовой крепости и спустились сверху в Старый Город, расположенный на уровне самого озера. Здания были преимущественно из черного базаль-

та, а окрестные холмы прямо кишели пещерами и могилами выдающихся деятелей прошлого.

Проехав город, они завернули в гостиницу Галилейскую, расположенную на самом берегу. Стоял полдень, и было очень жарко. На обед подали местную рыбу. Китти лениво ковыряла в тарелке и все больше молчала. Она уже жалела, что вообще поехала.

— Самое святое место я вам еще не показал, — сказал Ари.

— Что за место?

— Кибуц Шошана. Там родился ваш покорный слуга.

Китти улыбнулась. Она подозревала, что Ари догадывается, что именно ввергло ее в смятение, и старается развеселить ее.

— И где же находится эта святыня?

— В нескольких километрах вниз по шоссе, там, где река Иордан впадает в море. Говорят, правда, что я чуть не явился на свет в здании турецкой полиции, прямо тут в городе. Зимой здесь полно туристов. Теперь сезон уже кончился. Зато все море в нашем полном распоряжении. Может, пойдем поплаваем немножко?

— Это действительно идея, — согласилась Китти.

Длинный, метров в тридцать, базальтовый пирс выходил в море тут же у гостиницы. Ари был уже на пирсе, когда вышла и Китти. Спускаясь, она поймала себя на том, что любит его телосложением. Он помахал ей рукой. Ари был строен, в его мускулистом теле угадывалась мощь.

— Эй, — крикнула она. — Вы уже были в воде?

— Нет, я ждал вас.

— А глубоко там?

— Да метра три. Вы сможете доплыть вон до того плота?

— Еще посмотрим, кто быстрее доплывет.

Китти сбросила купальный халат и стала надевать шапочку. Теперь наступила очередь Ари любоваться ею. У нее не было той угловатости, которая отличала девушек, родившихся уже в Палестине. Ее мягкие, округлые формы выдавали в ней американку.

Их глаза встретились на мгновение, и оба отвели взгляд в смущении.

Она пробежала мимо него и прыгнула в воду. Ари прыгнул вслед за ней. Плавала она поразительно хорошо,

и Ари стоило немало труда нагнать ее. Китти шла красивым ровным кролем, и Ари пришлось напрячь все силы, чтобы опередить ее на несколько метров. Запыхавшись и смеясь, они взобрались на плот.

— Вы неплохо разыграли меня, — сказал Ари.

— Я забыла сказать вам, но...

— Я знаю, знаю. Вы входили в команду пловцов университета.

Она растянулась на спине и глубоко вздохнула от удовольствия. Вода была прохладная, освежающая и, казалось, смыла ее дурное настроение.

Было уже далеко за полдень, когда они вернулись в отель. Они выпили коктейль на веранде, затем отправились отдохнуть перед ужином.

Ари, который очень устал в последние недели, мгновенно заснул. Рядом, Китти шагала по номеру. Она уже успела справиться со смятением, охватившим ее утром, но все равно она устала от нервного напряжения и по-прежнему побаивалась мистической силы этой страны. Китти мечтала о нормальной, разумной и размеренной жизни. Она была убеждена, что Карен тоже нуждается в этом больше всего. Она твердо решила не откладывать больше и открыто поговорить обо всем с Карен.

Вечером повеяло приятной прохладой. Китти принялась переодеваться к ужину. Она открыла шкаф, где у нее висели три платья. Поколебавшись немного, она достала то платье, которое Иордана Бен Канаан примеривала перед зеркалом в тот день, когда они поссорились. Она вспомнила, какими глазами Ари посмотрел на нее сегодня на пирсе. Этот взгляд был ей приятен. Плотное прилегающее декольтированное платье выгодно подчеркивало ее фигуру.

Все мужчины как один человек повернули головы, когда разодетая и надушенная Китти прошла по вестибюлю. Ари стоял как вкопанный и не сводил с нее глаз. Он хватился только тогда, когда она подошла совсем близко.

— У меня припасен для вас сюрприз, — сказал он, подавив смущение. Сегодня концерт в кибуце Эйн-Гева на том берегу. Мы съездим после ужина.

— А это платье достаточно прилично для концерта?

— Э... э... да, я думаю, оно подойдет вполне.

Была ясная, лунная ночь. Как раз когда катер отчалил от пристани, из-за сирийских гор показался огромный

диск луны и осветил зеркальную гладь озера таинственным сиянием.

— Какая тишина вокруг! — сказала Китти.

— Это море довольно коварно. Стоит богу разгневаться, и оно в мгновение ока превращается в бушующий океан.

За полчаса они переплыли озеро и причалили к пристани кибуца Эйн-Гев, что в переводе обозначает «Источник на перевале». Эйн-Гев был отважным кибуцом. Кибуц был оторван от всей остальной Палестины, и прямо над ним нависли горы Сирии. Над самым селением находилась арабская деревня, а поля кибуца лежали на самой границе. Кибуц был создан в 1937 году евреями, бежавшими из Германии, и занимал важное стратегическое положение, так как оттуда обозревалось все Генисаретское море.

Расположен он был в котловине, где с одной стороны протекал Ярмук, а с другой — шла граница между Сирией и Трансиорданией. В этой котловине с незапамятных времен жили люди. Не проходило дня, чтобы кибуцники не нападали на следы материальной культуры, нередко доисторической. Они находили следы примитивного земледелия и посуду тысячелетней давности — доказательства, что еще в седой древности здесь жили люди.

На самой границе между кибуцом и сирийскими горами вздымалась небольшая отвесная гора. Ее звали Суситой — Кобылой. На вершине Суситы сохранились развалины одной из девяти крепостей, построенных римлянами в Палестине. Сусита попрежнему господствовала над всей местностью.

Среди основателей кибуца было много бывших немецких музыкантов. Это были очень трудолюбивые люди. Они занимались земледелием и рыболовством. Но в поисках новых источников дохода они напали на идею. Они создали симфонический оркестр, купили два катера для перевозки туристов, приезжающих зимой в Тивериаду, и стали давать концерты. Эта затея вполне себя оправдала, концерты в Эйн-Геве стали традицией, и ни один любитель музыки, побывавший в Палестине, не упускал случая побывать в Эйн-Геве. На лужайке, окаймленной естественным лесом, прямо на берегу моря был построен огромный летний театр. Проектировалась постройка настоящего концертного зала в ближайшие годы.

Ари расстелил одеяло на траве, оба легли на краю лужайки и смотрели в небо, следя за тем, как огромная полная луна, какой она бывает в праздник Лаг-Баомер, подымается все выше и выше, становясь все меньше и освобождая место для миллиардов звезд. Оркестр исполнил концерт из произведений Бетховена, и все нервное напряжение Китти как рукой сняло. В эту минуту она почувствовала себя счастливой без остатка. Ничего более прекрасного нельзя было и придумать. Все было похоже на прекрасный сон, и Китти поймала себя на том, что она больше всего желает, чтобы этот сон никогда не кончился.

Концерт подошел к концу. Ари взял Китти под руку и увел ее прочь от зашумевшей публики. Они пошли по тропинке, ведущей вдоль берега. Не было ни малейшего ветерка, в воздухе остро пахло сосной, а Генисаретское море сияло, как отшлифованное зеркало. У самой воды стояла скамья; собственно, не скамья, а плоская каменная плита, принадлежавшая когда-то к какому-то древнему храму, лежала на двух каменных блоках, принадлежавших, по-видимому, к тому же храму.

Они сидели и глядели на мигающие огни Тивериады. Ари почти касался Китти, она повернулась и посмотрела на него. Господи, какой же этот Ари Бен Канаан красавец! Ей внезапно захотелось взять его за руку, дотронуться до его щеки, погладить его по волосам. Ей захотелось сказать ему, чтобы он берег себя немного, чтобы не был таким черствым. Ей хотелось признаться ему, как у нее хорошо на душе, когда он рядом; просить его, чтобы он относился к ней не как чужой, а нашел что-нибудь, что могло бы сблизить их. Однако Ари Бен Канаан был именно чужим, и она так и не посмела сказать ему о своих чувствах.

Тихие волны Генисаретского моря ровно и едва слышно набегали на берег. Вдруг тростник закачался от внезапного порыва ветра. Китти Фрэмонт отвернулась от Ари.

Дрожь пробежала у нее по телу, когда она почувствовала прикосновение его руки к ее плечу.

— Вам холодно, — сказал Ари, подавая ей шаль. Китти набросила ее на плечи. Они долго смотрели друг другу в глаза.

Ари внезапно встал.

— Катер вроде возвращается, — сказал он. — Нам, пожалуй, пора.

Когда катер отчалил, Галилейское море с поразительной быстротой, как и предсказал Ари, превратилось в бушующий океан. У носа вздымались волны, а пена заливала палубу. Ари обхватил Китти за плечи и притянул ее к себе, чтобы защитить от брызг. Весь обратный путь Китти так и простояла с закрытыми глазами, прижавшись головой к его груди и прислушиваясь к биению его сердца.

Рука об руку они поднимались от пирса к гостинице. Сбоку стояли три ивы, ветви которых, опускаясь до самой воды, образовали нечто вроде гигантского зонта. Китти остановилась под ивами. Она пыталась что-то сказать, но ее душило волнение, и она так и не сумела выдать из себя ни слова.

Ари потрогал ее волосы и поправил промокшую прядь, упавшую ей на лоб. Он легонько обнял ее за плечи, и мышцы его лица напряглись, когда он потянул ее к себе. Китти с готовностью повернула к нему свое лицо.

— Ари, — шепнула она. — Поцелуйте меня!

Все, что назревало месяцами, вспыхнуло ярким пламенем при этом первом поцелуе.

Ах, как ей хорошо! Какой он сильный! Китти никогда в жизни не испытала ничего подобного — даже с Томом Фремонтом. Они снова и снова целовались, она прижималась к нему всем телом и чувствовала силу его рук. Затем они отстранились друг от друга и молча поспешили к гостинице.

Китти в растерянности остановилась перед дверью своего номера. Ари хотел пройти мимо, к своей двери, но Китти схватила его за руку. С минуту они молча смотрели друг другу в глаза. Затем Китти кивнула, повернулась, быстро прошла в свой номер и закрыла за собой дверь.

Она разделась в темноте. Затем она натянула на себя ночную сорочку и подошла к балкону: у Ари горел свет. Она слышала, как он беспокойно ходит по номеру. Вдруг свет потух и там. Китти отступила в темноту. Тут же на ее балконе появился Ари.

— Я не могу больше, — сказал он.

Она кинулась к нему, прижалась к нему всем телом, дрожа от вожделения. Он целовал ее губы, щеки, затылок, и она отвечала на каждый его поцелуй с самозабвением, какого она никогда раньше не испытала. Ари поднял ее, понес к кровати, и сам опустился рядом на колени. Китти почувствовала, что вот-вот она упадет в обморок. Она

вцепилась в простыни и, всхлипывая, извивалась под его ласками.

Ари опустил бретельки ее ночной сорочки и стал гладить ее грудь.

Внезапно Китти с силой вырвалась из его объятий и соскочила с кровати.

— Нет! — вскричала она.

Ари застыл на месте.

Слезы брызнули из глаз Китти. Она прижималась спиной к стене, пытаясь изо всех сил подавить дрожь во всем теле. Она упала в кресло. Прошло несколько минут, прежде чем дрожь улеглась и дыхание снова стало ровным. Ари стоял перед ней и не сводил с нее взгляда.

— Вы меня, наверно, ненавидите, — сказала она наконец.

Он не ответил. Она посмотрела на его огромную фигуру и прочитала на его лице глубокую обиду.

— Ну, Ари... скажите что-нибудь. Чего ж вы?

Он не ответил.

Китти медленно поднялась и посмотрела ему в глаза.

— Я так не хочу, Ари. Я не хочу, чтобы меня взяли силой. Боюсь, во всем виновата луна...

— Вот уж не думал, что я имею дело со строптивой девственницей, — произнес наконец Ари.

— Ари, пожалуйста...

— Мне некогда играть в любвишь — не любвишь и заниматься болтовней. Я — не юноша, и вы — взрослая женщина.

— Как метко вы это выразили!

Его голос звучал сухо.

— Если вы не возражаете, я выйду через дверь.

Китти вздрогнула, когда дверь хлопнула. Она долго простояла у венецианского окна, ведущего на балкон и смотрела на море. Галилейское море сердито бушевало, а луна исчезла за огромной черной тучей.

Китти все еще не пришла в себя. Почему она его оттолкнула? Она никогда еще не питала такого сильного чувства к мужчине и никогда не теряла самообладания до такой степени, как в этот раз. Она испугалась собственной необузданности. Она уверяла себя, что Ари Бен Канаан вовсе ее не любит. Она ему нужна разве что на одну ночь. Ни один мужчина еще так к ней не относился.

Затем ей стало ясно, что она испугалась своего собст-

венного чувства к нему, этого вожделения, из-за которого она, чего доброго, могла остаться в Палестине. Никогда это не должно повториться. Она и Карен должны уехать отсюда, и ничто не должно препятствовать этому. Она просто боялась Ари: Ари мог разрушить все ее планы. Если бы он проявил хоть малейшее чувство настоящей любви, она бы, пожалуй, не устояла. Одна мысль о его неприступности укрепляла в ней решимость не поддаваться и успокаивала ее, но в то же время, по какой-то странной логике, и расстраивала ее.

Китти бросилась на кровать и, под завывание ветра с моря, в изнеможении заснула.

К утру море успокоилось.

Китти сбросила с себя одеяло, соскочила с кровати, и тут же на нее нахлынули события прошлой ночи. Она покраснела. Ничего страшного, правда, не произошло, но все-таки она чувствовала себя неловко. Она спровоцировала сцену, и не приходилось сомневаться, что Ари отнесся к ней, как к дешевой и, пожалуй, даже смешной мелодраме. Она одна во всем виновата. Но ничего, она переговорит с ним обо всем, ясно и недвусмысленно, и все снова станет хорошо. Она быстро оделась и спустилась в ресторан, дожидаясь Ари. Она обдумывала, как ей лучше начать разговор.

Китти попивала кофе и ждала.

Прошло полчаса, а Ари все не показывался. Она скомкала третью сигарету и подошла к администратору.

— Вы, случайно, не видели мистера Бен Канаана? — спросила она.

— Мистер Бен Канаан выписался в шесть утра.

— Он не сказал, куда он едет?

— Мистер Бен Канаан никогда не говорит, куда он едет.

— Может быть он оставил что-нибудь для меня?

Администратор обернулся. Полка была пустая, только один ключ висел.

— Понятно... Извините за беспокойство.

Г Л А В А 11.

Дов Ландау снял номер в полуразрушенной третьеразрядной гостинице на Канатной улице в Старом Иерусалиме. Он прошел, как ему велели, в кафе «Саладин» на Наблусской улице неподалеку от Дамасских ворот и оставил там свою фамилию и адрес для Бар Исраэля.

Дов заложил золотые кольца и браслеты, украденные в Ган-Дафне, и принялся изучать Иерусалим. Для бывшей крысы варшавского гетто и опытного воришки Иерусалим был чрезвычайно прост. Не прошло и трех дней, как Дов знал на зубок каждый переулок Старого города, а заодно и прилегающих торговых кварталов. Его вороватые глаза замечали, а ловкие руки уносили достаточно ценных вещей, чтобы хватало на жизнь. Скрыться потом в базарной толпе или в узких переулках было для него сущим пустяком.

Большую часть денег Дов потратил на книги и на художественные принадлежности. Он порылся во всех книжных лавках Яфской улицы и унес оттуда книги по искусству, черчению и архитектуре.

Затем он закрылся в номере со своими книгами, художественными и чертежными принадлежностями, запасом сушеных фруктов и фруктового сока в бутылках, и стал ждать, чтобы Маккавеи установили с ним связь. Дов сидел над книгами до глубокой ночи. Света не было, приходилось жечь свечи. Он совершенно не замечал великолепного вида на Мечеть Омара и на Стену Плача, открывавшегося из окна его номера на Канатной улице, расположенной как раз посередине между еврейским и мусульманским кварталами. Он читал до боли в глазах, затем клал книгу на грудь, глядел в потолок и думал о Карен Клемент. Дов не представлял раньше, что ему будет так трудно без нее; разлука с Карен причиняла ему буквально физические страдания. Он провел в обществе Карен столько времени, что почти забыл, как он жил без нее. Зато он помнил каждое мгновение, прожитое бок о бок с нею. Дни в Караолосе, а потом на «Эксодусе», когда она лежала

рядом с ним в трюме. Он вспоминал, как она радовалась и какая она была прекрасная, когда они приехали тогда в Ган-Дафну. Он вспоминал ее ласковое, выразительное лицо, ее нежное прикосновение, и ее строгий голос, когда она сердилась.

Сидя на краю койки, Дов набросал десятки портретов Карен. Он изображал ее во всех возможных видах по памяти, но тут же комкал рисунки и швырял их на пол, потому что ни один не выражал, на его взгляд, всей ее красоты.

Дов просидел в своем номере ровно две недели, выходя только в экстренных случаях. Когда вторая неделя подошла к концу, у него кончились деньги. Вечером он отправился в город, чтобы заложить еще несколько колец. Когда он вышел из ломбарда, он заметил человека в тени. Дов обхватил рукой пистолет в кармане и прошел мимо, готовый мгновенно обернуться и дать отпор.

— Стоять смирно, не оборачиваться! — раздался голос у него за спиной.

Дов застыл.

— Ты расспрашивал о Бар Израэле. Что тебе надо?

— Вы знаете, чего мне надо.

— Как фамилия?

— Ландау. Дов Ландау.

— Откуда приехал?

— Из Ган-Дафны.

— Кто послал?

— Мордехай.

— Как ты попал в Палестину?

— На «Эксопусе».

— Иди прямо вперед и не оборачивайся. С тобой свяжутся, когда надо будет.

После этой встречи Дова охватило беспокойство. Он едва не решил бросить все и вернуться в Ган-Дафну. Ему ужасно не хватало Карен. Он принялся писать ей письмо, но разорвал полдюжину листов бумаги. Надо порвать с ней... надо окончательно порвать, уговаривал себя Дов снова и снова.

Дов лежал в своем номере и читал. Его клонило ко сну. Он встал и зажег новую свечу: из-за былых кошмаров он не любил просыпаться в темноте.

Вдруг кто-то постучал в дверь.

Дов вскочил на ноги, схватил пистолет и остановился у самой двери.

— Это друзья, — раздался голос в коридоре. Дов сразу узнал голос: это был мужчина, который подкараулил его тогда на улице. Он открыл дверь. Никого в коридоре не было.

— Обернись лицом к стене, — приказал голос откуда-то из темноты. Дов выполнил приказание. Он почувствовал, что сзади к нему подошли двое. Ему надели повязку на глаза и две пары рук повели его вниз по лестнице, а затем посадили в машину, повалили сзади на пол и чем-то накрыли. Машина сразу тронулась в путь.

Дов напрягал внимание, чтобы установить по памяти, куда его везут. Машина проехала улицу Царя Соломона, затем повернула на Виа Долороза в сторону Львиных ворот. Для Дова Ландау, который столько раз пробирался в темноте по подземным каналам Варшавы, ориентироваться по интуиции было детской игрушкой.

Шофер переключил скорость и машина стала подниматься вгору. Наверно, едут мимо могил Святой Девы в сторону Масличной горы, догадался Дов. Вскоре дорога стала ровной. Теперь Дов знал, что они проезжают мимо Иерусалимского университета и медицинского центра «Гадаса» на горе Скопус.

Они проехали еще минут десять, затем машина остановилась.

Дов точно определил, что они находятся в квартале Санхедрия, близ могил Синедриона, членов высшего духовного суда евреев в древности.

Его повели в дом, где табачный дым стоял коромыслом. Там ему велели присесть. Дов почувствовал, что вместе с ним в комнате находятся еще пять или шесть человек. Его допрашивали целых два часа. Вопросы сыпались один за другим, и Дов прошиб нервный пот. Постепенно ему стало ясно, чего они от него хотят. Маккавеи узнали через свою безошибочно действующую разведку, что Дов большой специалист по подделкам, и именно в этом они больше всего нуждались. Видно, перед ним сидят важные деятели Маккавеев, может быть даже сами вожди. Наконец они удостоверились, что Дов действительно специалист по подделкам, и что на него можно вполне положиться.

— Перед тобой висит занавес, — сказал голос. — Протяни руки за занавес.

Дов послушно выполнил приказание. Как только его руки оказались за занавесом, ему положили одну руку на пистолет, а другую — на Библию. Затем он принес клятву Маккавеев:

«Я, Дов Ландау, безоговорочно и бесповоротно отдаю душу, тело и всего себя Маккавеем и их борьбе за свободу. Я беспрекословно буду выполнять любые полученные приказания. Я безоговорочно буду повиноваться вышестоящему начальству. Даже под пыткой, даже пред лицом смерти я никогда не выдам ни своих товарищей, ни вверенные мне тайны. Я буду бороться с врагами еврейского народа до последнего издыхания. Я никогда не прекращу этой священной борьбы, пока не будет создано еврейское государство по обеим сторонам реки Иордан, на что мой народ имеет естественное историческое право. Мой девиз будет гласить: Жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, руку за руку, обожжение за обожжение. Во всем этом я клянусь именами Авраама, Исаака и Иакова; Сары, Ревекки, Рахили и Лии; пророков, всех убиенных евреев и моих славных братьев и сестер, геройски павших за свободу».

Наконец Дову сняли повязку, потушили свечи на Меноре, стоявшей перед ним на столе, и включили свет в комнате. Вместе с Довом в комнате находилось шестеро суровых мужчин и две женщины. Они все поздоровались с ним за руку и назвали свои имена. Присутствовал сам старик Акива, присутствовал Бен Моше, начальник штаба, у которого в рядах английской армии погиб брат в войну, а сестра была в Палмахе. Был и Нахум Бен Ами, один из семерых братьев; остальные шесть сражались в Палмахе. Всех этих людей объединяло то, что они не могли и не желали воздерживаться от активных действий, как воздерживался весь Ишув.

Старик Акива подошел к Дову.

— Мы очень нуждаемся в тебе, Дов Ландау. Вот почему мы приняли тебя в обход обычных процедур.

— Я пришел к вам не затем, чтобы рисовать картинки, — резко сказал Дов.

— Ты будешь делать то, что тебе прикажут, — строго сказал Бен Моше.

— Дов, ты теперь Маккавей, — сказал Акива, — и, значит, имеешь право назвать себя именем какого-нибудь

древнего героя. Ты уже подобрал себе подходящее имя.

— Гиора, — ответил Дов.

В комнате раздался смех. Дов ощерился.

— Ты сказал Гиора? — спросил Акива. — Боюсь, что тебя опередили.

— Можно, пожалуй, Гиора маленький, — сказал Нахум Бен Ами. — А там, смотришь, он станет Гиорой Великим.

— Я им стану очень скоро, если только вы предоставите мне возможность.

— Твое дело организовать мастерскую по подделкам, — сказал Бен Моше, — ну, и будешь еще разъезжать с нами. Если будешь вести себя хорошо и справишься с порученным тебе делом, мы, может быть, и разрешим тебе принимать участие время от времени в каком-нибудь рейде.

Майор Фред Колдуэлл играл в бридж в большом зале британского офицерского клуба в Иерусалиме. Фредди с трудом сосредотачивался на картежной игре. Его мысли все время вращались вокруг девушки, принадлежавшей к Маккавеям, которую вот уже три дня подвергали допросу в штабе Си-Ай-Ди. Ее звали Аялой, лет ей было двадцать с чем-то, а так — писаная красавица. То есть — до того, как ее подвергли допросу. Она руководила музыкальным кружком в университете. Вела она себя на допросах в высшей степени вызывающе и не скрывала своего презрения к Си-Ай-Ди. Подобно большинству задержанных Маккавеев она беспрестанно цитировала отрывки из Библии, предсказывающие вечный позор своим мучителям или победу своего правого дела.

В это утро терпение следователей лопнуло, и ее подвергли допросу с пристрастием.

— Ваш ход, Фредди, — заметил его партнер.

Фред Колдуэлл быстро посмотрел в карты.

— Прошу прощения, — сказал он и вышел не с той карты. Он видел в своем воображении, как следователь бил Аялу по лицу резиновой дубинкой. Он явственно слышал глухие удары, обрушивающиеся на ее голову; он лично видел, как ей сломали нос, изуродовали губы, как ее лицо вздулось до неузнаваемости, а глаза совершенно заплыли.

Собственно, Фредди было наплевать — заговорит ли девушка или не заговорит. Напротив, мысль о том, что эту

еврейскую харю изуродовали как следует, доставляла ему одно лишь удовольствие.

К столу подошел вестовой.

— Прошу прощения, майор Колдуэлл. Вас вызывают к телефону, сэр.

— Извините, ребята, — сказал Фредди, бросая карты на стол рубашками вверх, и направился в противоположный конец зала к телефону. Он поднял трубку. — Колдуэлл слушает.

— Алло, майор. С вами говорит дежурный сержант из Си-Ай-Ди, сэр. Следователь Паркингтон велел немедленно связаться с вами. Он велел передать, что эта девица раскололась, и предлагает немедленно явиться в штаб.

— Вас понял. Сейчас приеду.

— Следователь Паркингтон послал за вами машину, сэр. Через пару минут она подъедет.

Колдуэлл вернулся к своим партнерам.

— Мне очень жаль, ребята, но мне нужно идти. Работа, ничего не поделаешь.

— Не везет тебе, Фредди.

Тоже сказал! Это ли называется не везет? Наоборот, он был очень рад. Он вышел из клуба. Часовые отдали честь. У самого подъезда затормозила машина, из-за руля выскочил солдат и тоже отдал честь.

— Майор Колдуэлл?

— Он самый.

— Ваша машина, сэр.

Солдат распахнул заднюю дверцу. Фредди влез в машину, солдат обошел ее спереди, занял свое место за рулем, и машина тронулась. Проехав два квартала, не доезжая до какого-то перекрестка, машина притормозила и подъехала вплотную к тротуару. В какие-то доли секунды дверцы распахнулись, трое мужчин молниеносно сели в машину, захлопнули дверцы, и машина умчалась.

У Колдуэлла стянуло горло от страха. Он вскрикнул и попытался наброситься на Бен Моше. Мужчина с переднего сидения обернулся и ударил его по лицу дулом пистолета. Бен Моше схватил его сзади за шиворот и бросил назад на сиденье. Шофер снял военную фуражку и посмотрел в зеркало.

Глаза Колдуэлла вылезли на лоб от страха.

— Что это все значит?

— Спокойно, майор Колдуэлл, — сухо ответил Бен Моше. — Не надо расстраиваться.

— Немедленно остановите машину и высадите меня, слышите!

— А как высадить-то? Таким же образом, как вы выбросили в арабской деревне четырнадцатилетнего мальчика по имени Бен Соломон? Видите ли, майор Колдуэлл, душа Бен Соломона велела нам с того света отомстить убийце.

Со лба Колдуэлла ручьями лился пот; он попадал ему прямо в глаза.

— Все это ложь... ложь... ложь...

Бен Моше что-то положил Колдуэллу на колено и осветил ему фонарем. Это был фотоснимок с отрубленной головой Бен Соломона.

Колдуэлл захныкал и начал взывать о милосердии. Он перегнулся вперед, его стошнило от страха.

— Кажется, майор Колдуэлл готов рассказать нам кое-что. Отвезем-ка мы его в штаб и порасспросим его, прежде чем сведем с ним счеты.

Колдуэлл выдал решительно все, что ему было известно о планах британской армии и готовившихся операциях Си-Ай-Ди, а под конец он подписал документ, в котором признавался, что именно он убил мальчика.

Спустя три дня после исчезновения майора Фреда Колдуэлла, его труп нашли на Сионской горе, у Малых ворот Старого города. К трупу были прикреплены фотография Бен Соломона и фотокопия с признания Колдуэлла, поперек которой были выведены слова: Око за око, зуб за зуб.

Майора Фреда Колдуэлла постигла та же судьба, что и Сисеру Канаанея, попавшегося в руки Яэль, когда он спасся бегством с поля боя, где Лебора и Барак нанесли ему сокрушительное поражение.

Г Л А В А 12.

Убийство майора Колдуэлла из мести произвело потрясающее впечатление. Вряд ли кто-нибудь сомневался в справедливости этой мести, но все-таки Маккавеи позволяли себе чересчур много.

Общественному мнению Англии палестинские дела давно уже надоели, и оно все больше нажимало на лейбористское правительство, чтобы оно отказалось от мандата. Британские войска, расположенные в самой Палестине, были охвачены гневом и тревогой.

Спустя два дня после того, как у Малых ворот нашли труп Колдуэлла, Аяла, арестованная девушка из Маккавеев, скончалась от внутренних кровоизлияний вследствие побоев, полученных во время допроса. Когда весть о смерти Аялы дошла до ушей Маккавеев, они в течение двух недель обрушивали на англичан одно возмездие за другим. Иерусалим сотрясался от террористических рейдов. Последним было отважное нападение среди бела дня на штаб Си-Ай-Ди.

За эти две «адские недели», как их стали называть, Дов Ландау проявил такую безумную отвагу, что даже бывалые террористы были поражены. Дов принял участие в четырех рейдах, в том числе и в нападении на Си-Ай-Ди. В эти дни появилась легенда о «маленьком Гиоре», чье имя стало синонимом неслыханного бесстрашия.

Затаив дыхание, Палестина ждала следующего удара. Генерал Хэвн-Херст быстро справился с охватившей его поначалу растерянностью и обрушил на Ишув серию военно-полевых приговоров, чрезвычайных мер, облав, рейдов и даже казней, совершенно парализовавших промышленность и торговлю страны. Его Операция Аркан опутала всю страну.

Убийство Колдуэлла, «адские недели», затем нападение на штаб Си-Ай-Ди явились сильным ударом по авторитету британской администрации. Пользуясь этой неразберихой, Алия Бет доставила к берегам Палестины еще три нелегальных транспорта евреев. Хотя нелегальная иммиграция

не обращала на себя такого внимания, как рейды Маккавеев, однако вреда они наносили англичанам не меньше. Английские отряды патрулировали по улицам городов и по автострадам, ожидая каждую минуту засады.

До приезда комиссии ООН оставалось уже недолго. Хэвн-Херст был полон решимости обезглавить Ишув еще до прибытия комиссии. Генерал потребовал, чтобы ему представили список английских солдат и офицеров, особо отличившихся в антиеврейских операциях. Из этого списка он лично отобрал шесть самых отчаянных головорезов: двух офицеров и четырех солдат. Все шестеро были доставлены к нему в Шнеллеровские казармы, где под величайшим секретом им было поручено особое задание. Целых пять дней разрабатывались подробности этого задания. На шестой день Хэвн-Херст дал ход этой операции, на которую он возлагал свои последние надежды.

Шестеро военных переоделись в арабов. Двое из них проехали на грузовике, в кузове которого лежали две тонны динамита, по бульвару Кинг-Джордж и остановились у здания Сионистского Поселенческого Общества. Они встали под прямым углом к воротам и повернули руль так, чтобы машина своим ходом могла подъехать к зданию по внутренней дорожке. Затем шофер замаскировавшийся под араба, закрепил руль, включил скорость, нажал на газ до отказа и отпустил педаль сцепления. В ту же секунду они оба прыгнули с машины и скрылись.

Машина рванула через ворота во двор, помчалась по дорожке, сбилась с пути, наехала на бортовые камни и свалилась у самого входа. Раздался оглушительный взрыв. От здания остались одни развалины.

В это время двое других пытались взорвать таким же точно образом здание Национального Еврейского Совета, расположенное двумя кварталами дальше. Шло как раз заседание, в котором принимали участие почти все руководство Ишува.

Этому грузовику пришлось преодолеть сначала тротуар. Ударившись о бортовые камни, машина сбилась с пути и ударила о соседний жилой дом.

Двое последних солдат подобрали, каждый в отдельной машине, своих товарищей по заданию. Обе машины умчались в Трансиорданию, где никакая опасность им уже не угрожала.

Генерал Арнольд Хэвн-Херст пытался ликвидировать

одним ударом все руководство палестинского еврейства. В здании Поселенческого Общества погибло человек сто. Из членов Национального Совета не пострадал никто. Среди убитых была и Харизет Зальцман, восьмидесятилетняя руководительница Молодежной Алии.

Прошло всего несколько минут после взрывов, а разведки Хаганы и Маккавеев принялись прочесывать всю страну в поисках поджигателей. К вечеру обе организации установили, что шестеро «арабов» были никакие не арабы, а переодетые англичане. Им удалось также установить, что сам Хэвн-Херст разработал эту операцию, но прямых доказательств им так и не удалось раздобыть. Вместо того, чтобы обезглавить Ишув, отчаянная игра Хэвн-Херста обернулась теперь против него самого. Она сплотила евреев Палестины как никогда раньше, и заставила Хагану и Маккавеев объединить свои усилия. Хагане удалось раздобыть копию «Доклада Хэвн-Херста». Если у них еще оставались какие-то сомнения, то теперь эти два взрыва доказывали неопровержимо, что Хэвн-Херст в самом деле решил уничтожить палестинское еврейство. Авидан отправил Зеэва Гильбоа в Иерусалим, чтобы он снесся с Бар Израэлем и устроил встречу между руководителями Хаганы и Маккавеев. Это было почти беспрецедентная встреча: только в начале Второй мировой войны Авидан встретился с Акивой и попросил его воздержаться от актов террора во время войны против гитлеровцев.

Встреча состоялась в час ночи в открытом поле неподалеку от Иерусалима, в том самом месте, где когда-то стоял лагерь Десятого римского легиона. Присутствовало всего четверо мужчин: Акива и Бен Моше от Маккавеев. Авидан — от Хаганы, и Зеэв Гильбоа — от Палмаха. Не было никаких рукопожатий или приветствий. Они стояли в темноте друг против друга, подозревая друг друга в подвохе. Хотя наступило лето, ночь была прохладная.

— Я попросил об этой встрече, — начал Авидан, — чтобы посмотреть, нельзя ли нам договориться о совместных действиях.

— То-есть, ты хочешь командовать нами? — подозрительно спросил Бен Моше.

— Я давно уже отказался от намерения влиять на действия вашей группы, — ответил Авидан. — Все же я думаю, что само положение вещей требует, чтобы мы объединили усилия для решающей битвы. У вас немалые

силы во всех трех городах, к тому же вы можете действовать гораздо свободнее, чем мы.

— Вот как! — крикнул Акива. — Вы, значит, хотите загрести жар нашими руками?

— Дай ему высказаться, — перебил его начальник штаба Маккавеев.

— Мне не нравится вся эта затея. Я с самого начала был против этой встречи, Бен Моше. Эти люди продавали и предавали нас в прошлом и то же они сделают и впредь.

Лысина Авидана вся побагровела от слов старика.

— Я решил не обращать сегодня внимания на твои оскорбления, Акива, потому что слишком многое стоит на карте. Я все-таки думаю, что несмотря на наши расхождения ты в первую очередь еврей и любишь Эрец-Исраэль.

С этими словами он протянул Акиве копию «Доклада Хэвн-Херста».

Старик в свою очередь протянул бумагу Бен Моше, который направил на нее свет карманного фонаря.

— Еще четырнадцать лет тому назад я утверждал, что англичане наши враги, — тихо сказал Акива.

— Я не собираюсь вступать с тобой в политический спор. Вы будете или не будете сотрудничать с нами? — спросил Авидан.

— Что ж, попытаемся, — ответил Бен Моше.

После этой встречи представители обеих организаций взялись за разработку плана совместной операции. Спустя две недели после взрывов с англичанами рассчитались за взрыв здания Поселенческого Общества и попытку взорвать здание Национального Совета.

За одну ночь Хагана совершенно вывела из строя всю железнодорожную сеть страны, полностью остановив сообщение с соседними странами.

Следующей ночью Маккавеи ворвались в здания шести британских посольств и консульств, аккредитованных в странах средиземноморского бассейна, и уничтожили массу документов, направленных на борьбу с нелегальной иммиграцией.

Палмах повредил нефтепровод Моссул—Хайфа в пятнадцати местах.

Покончив со всем этим, Маккавеи взялись за проведение последней операции — ликвидации генерала Арнольда Хэвн-Херста. Маккавеи установили непрерывное круглосуточное наблюдение за Шнеллеровскими казармами. Они

следили за каждым движением, регистрировали каждую подъезжающую легковую и грузовую машину и составили точный план казарм.

Прошло четыре дня. Было похоже, что ничего из всего этого не выйдет. Хэвн-Херст окопался в самой середине крепости, а кругом сновали тысячи английских солдат. Никто, кроме английских военных, близко к его штабу даже подойти не мог. Выезды Хэвн-Херста за пределы казарм держались в большом секрете, к тому же его сопровождала такая охрана, что Маккавеи потеряли бы по меньшей мере сотню людей, если бы они попытались напасть на него где-нибудь в городе.

Наконец они нащупали ниточку.

Они установили, что три раза в неделю частная легковая машина выезжает из казарм где-то между полуночью и первым часом утра, возвращается незадолго до рассвета. В машине сидел один только шофер в гражданской одежде. Регулярность и необычные часы этих ночных рейсов не могли не вызвать подозрений.

По номеру машины Маккавеям удалось установить хозяина. Оказалось, что машина принадлежала одному богатому арабскому семейству. Маккавеи решили, что хозяин машины, по всей вероятности, сотрудничает с англичанами, и что этим путем они вряд ли доберутся до Хэвн-Херста.

Тем временем они собирали и тщательно изучали личные сведения об Арнольде Хэвн-Херсте, касающиеся его биографии, поведения и привычек. Маккавеям было известно, что это очень тщеславный человек, и что его жена — из весьма влиятельных кругов. Этот брак обеспечил ему положение в обществе и богатство, и он всячески берег его. Хэвн-Херста считали воплощением респектабельного джентльмена, корректного и скучного до тошноты.

Покопавшись поглубже, Маккавеи установили, что несмотря на эту внешнюю респектабельность у Хэвн-Херста бывали и внебрачные связи. Даже не одна, а несколько. Среди Маккавеев были и такие, которые служили в рядах Британской армии много лет тому назад под началом Хэвн-Херста. Все время ходили слухи, что он содержит любовниц.

Встал вопрос: а не чувствует ли себя Хэвн-Херст чересчур одиноким в казармах? Он женат, занимает довольно высокое положение и не посмеет, конечно, возить к себе женщин в казарму. Но, может быть, он сам ездит

к любовнице? Было высказано предположение, что таинственная машина как раз и доставляет его регулярно к любовнице, а затем обратно в казарму.

Эта версия представлялась нелепой даже самим Маккавеем. Однако, не раскрыв должным образом тайну этой машины, отбросить эту версию было нельзя. Кто могла быть любовница Хэвн-Херста? Слухов не было никаких. Если у него где-то было любовное гнездо, он скрывал это в высшей степени ловко. Ни одна еврейка не стала бы жить с ним, а подходящих англичанок не было. Выходит, это могла быть только арабка.

Следовать за машиной было опасно: это могло раскрыть и испортить все дело. Маккавеи, конечно, могли устроить засаду и остановить ночью одинокую машину, однако командование решило, что если есть хоть малейший шанс, что в машине сидит сам Хэвн-Херст, то лучше установить, куда он едет и накрыть его там, так сказать, с поличным.

Они подошли к делу с другого конца. Они установили, что в семействе, которому принадлежала таинственная машина, была молодая девушка, которая по красоте, культурному уровню и прочим данным вполне могла покорить такого мужчину, как Хэвн-Херст. Загадка начинала принимать определенные очертания.

Маккавеи установили слежку за домом этого арабского семейства и не спускали глаз с девушки. Следующей ночью их усилия были вознаграждены. Девушка вышла из дома где-то в полночь, направилась в сторону богатого арабского квартала Эль-Бак, расположенного у Хевронского шоссе, и прошла в какой-то дом. Полчаса спустя подъехал и таинственный автомобиль, и Маккавеем удалось заметить, как Хэвн-Херст вышел через заднюю дверь и скрылся в том же доме.

В три часа того же утра Хэвн-Херста разбудил громкий голос, раздавшийся из темноты и процитировавший одно место из библии, от которого у генерала кровь застыла в жилах: «Славьте Господа, мстящего за Израиль!».

Он соскочил с кровати. Арабка дико завизжала, когда по комнате понеслись пули Маккавеев.

Несколько часов спустя в британский штаб поступила телефонограмма от Маккавеев, в которой сообщалось, где можно найти почившего главнокомандующего. В телефонограмме сообщалось также, что обстоятельства кончины

сэра Арнольда Хэвн-Херста были тщательно запечатлены на фотопленку, и что эти фотографии будут немедленно преданы гласности, если только англичане вздумают прибегнуть к контрмерам.

В генштабе сообразили, какой это вызовет скандал, когда станет известно, что английского генерала убили в постели любовницы-арабки. Англичане решили поэтому спрятать концы в воду и официально заявили, что Хэвн-Херст погиб при автомобильной катастрофе.

Маккавей не стали опровергать эту версию.

Когда генерал сошел со сцены, террористы прекратили свою деятельность. Вот-вот должна была прибыть комиссия ООН и в стране воцарилось напряженное спокойствие.

В конце июня 1947 года специальная комиссия ООН, известная под сокращенным названием ЮНСКОП, прибыла в Хайфу. Комиссия состояла из представителей Швеции, Нидерландов, Канады, Австралии, Гватемалы, Уругвая, Перу, Чехословакии, Югославии, Ирана и Индии.

В общем состав комиссии был весьма невыгоден для Израиля. Иран — мусульманская страна. Индия тоже — частично мусульманская, к тому же она входила в Британское содружество; сам индийский представитель был мусульманского вероисповедания. Канада и Австралия тоже входили в Британское содружество наций. Чехословакия и Югославия, входившие в советский блок, вели традиционную антиссионистскую политику. Представители южноамериканских стран: Уругвая, Перу и Гватемалы, были в своем большинстве католики и, как таковые, подвержены влиянию Ватикана, относящегося весьма неприязненно к сионизму. По-настоящему беспристрастными были только Швеция и Нидерланды.

Несмотря, однако, на все это Ишув приветствовал прибытие ЮНСКОП.

Арабы возражали против вмешательства Объединенных Наций. Они объявили генеральную забастовку в Палестине, созывали митинги протеста, в воздухе носились проклятия и угрозы. В других арабских странах начались кровавые антиеврейские погромы.

И снова Ишув призвал на службу Барака Бен Канаана, этого старого боевого коня. Вместе с Бен Гурионом и доктором Вейцманом он вошел в совещательный комитет при ЮНСКОП.

Г Л А В А 13.

Китти и Карен вернулись в Ган-Дафну. Китти ждала теперь удобного момента, чтобы переговорить обо всем с Карен. Когда письмо Дова Ландау наконец пришло, она решила, что откладывать больше нельзя.

Китти выжала лимон на голову Карен, затем выжала и ее длинные, густые, каштановые волосы и вытерла их насухо большим полотенцем.

— Фу! — фыркнула Карен, вытирая кончиком полотенца глаза, куда попало мыло.

Вода в чайнике закипела. Карен встала, завязала полотенце тюрбаном и налила себе чашку чая. Китти сидела за кухонным столом и делала маникюр. Она уже возилась с лаком.

— Ты о чем? — ласково спросила Карен.

— Фу ты, господи, нельзя уже и задуматься на минутку!

— Нет, у тебя что-то лежит на сердце. С тех самых пор, как ты вернулась из экскурсии к морю с Ари. Между вами что-нибудь произошло?

— Между мной и Ари произошла куча дел, но не это меня тревожит. Карен, нам с тобой нужно поговорить кое о чем. Это касается лично нас и нашего с тобой будущего.

— Я не понимаю.

Китти помахала рукой в воздухе, чтобы лак скорее высох. Затем она встала и не торопясь закурила сигарету.

— Ты, конечно, знаешь, что ты для меня значишь, и как сильно я тебя люблю?

— Думаю, знаю, — шепнула девушка в ответ.

— С того самого дня, когда я тебя впервые увидела в Караолосе, мне хочется, чтобы ты была моей девочкой.

— Мне тоже хочется, Китти.

— В таком случае ты мне поверишь, что я взвесила все самым тщательным образом и что я желаю тебе только добра. Ты должна доверять мне во всем.

— А разве я не доверяю?

— Тебе будет нелегко понять все то, что я тебе сейчас

скажу. Мне и самой нелегко сказать тебе это, потому что мне очень полюбились эти дети, и я как-то срослась с Ган-Дафной. Карен, я хочу забрать тебя домой в Америку.

Девушка посмотрела на Китти так, словно ее кто-то хватил обухом по голове. В первую минуту она даже не поняла, о чем идет речь; ей показалось, что она ослышалась.

— Домой? Но ведь... я дома. У меня нет другого дома.

— Я хочу, чтобы ты была дома со мной — всегда.

— Я тоже хочу, Китти. Больше всего на свете. Все это так странно.

— Что странно?

— То, что ты говоришь: домой, в Америку.

— Но ведь я американка, Карен, и мне хочется домой.

Карен прикусила губу, чтобы не заплакать.

— А ты говоришь — не странно! Я думала, что все у нас останется, как было. Ты останешься в Ган-Дафне...

— А ты отправишься в Пальмах,... а затем в какой-то пограничный кибуц, это ты хотела сказать?

— Именно так я и думала.

— Я очень многое полюбила в этой стране, но это не моя страна и не мой народ.

— Боюсь, что я эгоистка, — сказала Карен. — Я никогда даже не подумала о том, что тебе тоже захочется домой и ты вообще захочешь чего-нибудь для себя.

— Мне еще в жизни не приходилось слышать такого милого комплимента.

Карен налила две чашки чаю и попыталась разобраться. Китти была для нее всем,... но уехать?

— Я не знаю, как тебе это сказать, Китти, но как только я научилась читать — это было в Дании, — я все время думала над тем, что это, в сущности, значит — быть евреем? Я до сих пор не умею ответить на этот вопрос. Знаю только, что здесь, в этой стране, у меня есть что-то, что всецело принадлежит мне,... чего никто у меня никогда не отнимет. Я не знаю, что это такое, но оно самое важное на свете. Может быть, я когда-нибудь сумею выразить это лучше, но уехать из Палестины я не могу.

— Никто ничего не собирается отнимать у тебя. Евреи, проживающие в Америке и, я думаю, повсюду, испытывают то же самое, что и ты. От того, что ты уедешь, ничего не изменится.

— Но ведь они живут на чужбине.

— Нет, дитя мое... Разве ты не понимаешь, что американские евреи любят свою страну?

— Немецкие евреи тоже любили свою страну.

— Перестань! — резко вскрикнула Китти. — Мы — не такие; я и слушать не стану всю эту ложь, которой тебя пичкают! — И, тут же, спохватившись, добавила: — В Америке есть евреи, которые до того любят свою страну, что предпочтут умереть, чем дожить до того дня, когда в Америке произойдет то же, что произошло в Германии.

Она подошла к девушке сзади и дотронулась до ее плеч.

— Ты думаешь, я не знаю, как это трудно? Ты думаешь, я смогу когда-нибудь причинить тебе боль?

— Нет, — тихо ответила Карен.

Китти опустилась перед девушкой на колени и посмотрела ей в глаза.

— Ах, Карен. Ты ведь даже не знаешь, что такое мир. Ты еще ни разу в жизни не жила без страха. Ты думаешь, что станет лучше? Что здесь когда бы то ни было может стать лучше? Я всей душой хочу, чтобы ты осталась еврейкой, чтобы ты любила свою страну, но есть еще и другие вещи, которых я для тебя хочу.

Карен отвела взгляд.

— Если ты останешься здесь, ты проживешь всю жизнь с винтовкой в руке. Ты огрубеешь и очерствеешь, как Ари с Иорданой.

— Боюсь, с моей стороны было нечестно рассчитывать на то, что ты останешься.

— Поехали со мной, Карен. Дай нам пожить с тобой. Мы не можем друг без друга. И мы обе достаточно настрадались.

— Я не знаю, смогу ли я уехать... я не знаю... Не знаю, и все тут, — сказала она срывающимся голосом.

— Ах, Карен... Мне так хочется видеть тебя в сапожках для верховой езды и в плиссированной юбке; в обтекаемом Форде и на футбольном матче. Я хочу, чтобы звонил телефон, и ты перебрасывалась шутками со своим поклонником. Я хочу, чтобы твоя головка была занята очаровательными пустяками, как и подобает девушке, а не контрабандой оружия и боеприпасов. Столько есть на свете вещей, о которых ты понятия не имеешь. Тебе бы хоть познакомиться с ними, прежде чем примешь окончательное решение. Пожалуйста, Карен... прошу тебя.

Карен побледнела. Она отошла на несколько шагов от Китти.

— А как Дов?

Китти достала письмо Дова из кармана и протянула его Карен.

— Я нашла это на моем столе. Понятия не имею, как оно туда попало.

Миссис Фрэмонт!

Эти строки написаны человеком, который владеет английским гораздо лучше, чем владею им я, но я переписываю его, чтобы вы по почерку убедились, что это я. По известным вам причинам это письмо будет вам доставлено несколько необычным образом. В эти дни я очень занят. У меня тут много друзей. Это первые мои друзья за много, много лет, и это настоящие друзья. Теперь, когда я тут устроился окончательно, мне хочется сказать вам, как я рад, что мне не приходится больше жить в Ган-Дафне, где решительно все мне смертельно надоело, не исключая и вас с Карен Клемент. Я для того, собственно, и пишу вам, чтобы сказать, что мы с Карен больше не увидимся, так как я слишком занят и нахожусь среди настоящих друзей. Пускай Карен не думает, что я когда-нибудь вернусь к ней. Она же еще сущий ребенок. У меня тут настоящая женщина, одних лет со мной; с ней мы и живем. Кстати, почему вы не уезжаете с Карен в Америку? Здесь ей делать нечего.

Дов Ландау.

Китти взяла письмо из рук Карен и разорвала его в клочки.

— Я скажу доктору Либерману, что увольняюсь. Как только мы все здесь уладим, мы закажем билеты и уедем.

— Ладно, Китти. Я поеду с тобой, — ответила Карен.

Г Л А В А 14.

Каждые несколько недель главный штаб Маккавеев переезжал с места на место. После «Адской недели» и убийства Арнольда Хэвн-Херста Бен Моше и Акива решили оставить на время Иерусалим. Маккавеи были в сущности небольшой организацией; она насчитывала несколько сот полноценных членов, несколько тысяч членов, активных только время от времени, да несколько тысяч сочувствующих. Из-за необходимости быть все время на колесах главный штаб состоял всего из шести самых выдающихся вождей, не больше. Теперь, когда положение настолько обострилось, штаб пришлось сократить еще больше, и в Тель-Авив отправились только четверо: Акива, Бен Моше, Нахум Бен Ами, брат Давида, и Маленький Гиора, то есть Дов Ландау. Дов успел стать любимцем Акивы. Благодаря легендарной отваге, проявленной им в ходе операций, а также благодаря своему мастерству в подделках, он проник в высшие руководящие круги Маккавеев.

Четверо Маккавеев поселились в подвальном помещении, принадлежавшем одному из сочувствующих и расположенном на улице Бне-Брак неподалеку от центральной автобусной станции и старого базара, где всегда толпился народ. Вокруг дома расставили часовых, устроили запасной выход, словом — все было устроено почти идеально, во всяком случае — не худшим образом.

В продолжение пятнадцати лет Акива сводил на нет все усилия Си-Ай-Ди и британской разведки. В дни Второй мировой войны англичане объявили амнистию, и Акива мог передвигаться свободно, но все остальные годы за ним охотились. Ему всегда удавалось скрыться и он не раз уходил из расставленной западни. Англичане объявили премию в несколько тысяч фунтов стерлингов за его поимку.

По чистой случайности Си-Ай-Ди установило слежку за одним домом по улице Бне-Брак, расположенным всего через три дома от штаба Маккавеев. Речь шла о шайке

контрабандистов, устроивших склад товаров, доставленных в Яфский порт в обход таможи. Агенты Си-Ай-Ди, зорко наблюдавшие за домом контрабандистов из здания напротив, вскоре заметили подозрительных часовых у подвала, где находился штаб. При помощи телеобъектива они сфотографировали их и опознали среди часовых двух Маккавеев. Охотясь за контрабандистами, они случайно наткнулись на тайник Маккавеев. Их долголетний опыт борьбы с Маккавеями подсказал им, что необходимо действовать без проволочек. Они быстро стянули силы, чтобы захватить всех врасплох. Но они понятия не имели, что речь идет о самом штабе Маккавеев.

Дов сидел в одном из трех помещений полуподвальной квартиры и подделывал эль-сальвадорский паспорт. Кроме него, в штабе был один только Акива. Нахум и Бен Моше отправились на тайное свидание с Зеевым Гильбоа, связным Хаганы и Палмаха. Акива вошел к Дову в комнату.

— Ну-ка, Маленький Гиора, — начал Акива, — признавайся! Как это тебе удалось вывернуться сегодня? Ведь Бен Моше хотел захватить тебя с собой?

— Мне нужно закончить этот паспорт, — буркнул Дов в ответ.

Акива взглянул на часы и растянулся на койке за спиной у Дова.

— Они вот-вот должны вернуться.

— Вы как хотите, а я не доверяю Хагане, — сказал Дов.

— Выбирать нам не из чего. Приходится пока доверять, — ответил старик.

Дов поднял паспорт на свет, чтобы убедиться — не заметны ли подтирки, не задели ли они водяной знак и печать. Чистая работа. Даже эксперт не смог бы обнаружить, что фамилия и личные сведения подделаны. Дов снова сел, нагнулся над документом, тщательно подделал подпись какого-то эль-сальвадорского чиновника и положил ручку на стол. Он встал и принялся беспокойно шагать по комнате, проверяя то и дело — высохли ли чернила, затем снова заходил взад-вперед, нетерпеливо щелкая пальцами.

— Не будь ты таким нетерпеливым, Маленький Гиора. Ты еще поймешь, что самое худшее в подполье это то, что приходится ждать. Я частенько задаю себе вопрос, а чего, собственно, мы ждем?

— Мне уже приходилось жить в подполье, — живо ответил Дов.

— Я знаю. — Акива встал и потянулся. — Ждать, ждать и снова ждать. Ты еще очень молод, Дов. Ты должен научиться быть не таким серьезным и натянутым. Это всегда был один из моих недостатков. Я тоже всегда весь отдавался делу. День и ночь я работал для дела.

— В устах Акивы это звучит странно.

— В мои годы люди начинают болтать всякое. Мы ждем. Чего? Возможности окунуться в новое ожидание. Если мы попадемся, мы в лучшем случае отделаемся ссылкой или пожизненным заключением. Нынче они чаще всего вешают и пытаются. Вот поэтому я и говорю — не надо быть таким серьезным. У нас много девушек-маккавеек, которые были бы очень рады познакомиться с Маленьким Гиорой. Почему бы тебе не пожить, пока живется?

— Я к этому равнодушен, — твердо ответил Дов.

— Ишь ты, — засмеялся старик. — Может быть, у тебя есть девушка, и ты просто скрыл это от нас.

— У меня была девушка, — ответил Дов, — но теперь с этим покончено.

— Придется мне сказать Бен Моше, чтобы он тебе подобрал другую; ты бы тогда мог выйти с ней погулять.

— Мне никого не надо, и никуда я отсюда не уйду. У меня нет важнее дела, чем сидеть в штабе.

Старик снова прилег и задумался. Затем он опять заговорил.

— Ты неправ, Гиора, ты очень, очень неправ. Самое важное дело на свете, это вставать утром, отправляться в поле, работать там, затем возвращаться вечером и знать, что у тебя кто-то есть дома, кого ты любишь, и кто любит тебя.

Старик снова ударился в сентиментальность, — подумал Гиора. Чернила уже высохли. Он прикрепил фотокарточку. Акива задремал на койке, а Дов снова зашагал по комнате. После того как он отослал письмо миссис Фрэмонт, стало еще хуже. Теперь ему все время хотелось участвовать в операциях. Рано или поздно он попадется англичанам, те повесят его, и тогда будет покончено со всем. Никто не знал, что он именно оттого так безумно храбр, что ему на все наплевать. Он ничего так не желал, как погибнуть от неприятельского огня. Ему снова снились кошмары, и Карен больше не появлялась между ним и двер-

дой, ведущей в газовую камеру. Теперь она уедет с миссис Фрэмонт в Америку. Это хорошо. А он будет ходить на задания, пока не попадетсЯ, потому что не имеет никакого смысла жить без Карен.

Тем временем человек пятьдесят переодетых полицейских незаметно подбирались к зданию штаба. Они действовали быстро, одного за другим сняли и увели часовых, не дав им предупредить штаб. Затем они окружили плотным кольцом весь квартал.

Пятнадцать полицейских, вооруженных полуавтоматами, слезоточивыми бомбами, топорами и кувалдами, спустились в подвал и заняли позицию у двери штаба.

В дверях раздался стук.

Акива вздрогнул.

— Это, наверно, Бен Моше и Нахум. Поди открой им дверь, Дов.

Дов осторожно надел сначала цепочку, затем приоткрыл дверь. В ту же секунду кувалда обрушилась на дверь, и дверь отлетела в сторону.

— Англичане! — взвизгнул Дов.

Акива и Маленький Дов попались!

Эта ошеломляющая весть была у всех на устах. Легендарный Акива, который больше десяти лет водил англичан за нос, попался наконец.

«Измена!» кричали Маккавеи. Они обвиняли во всем Хагану. Ведь Бен Моше и Нахум встречались с Зеевом Гильбоа. Либо он сам, либо какой-нибудь другой агент Хаганы пошли за ними следом и установили, где расположен штаб. Как иначе его могли выследить? Обе организации были снова на ножах. Маккавеи не скупилась на обвинения. Ходили сотни слухов о том, каким именно путем Хагана предала Маккавеев.

Британский губернатор Палестины потребовал немедленного суда над задержанными, с тем чтобы приговор еще больше деморализовал Маккавеев. Ему казалось, что если англичане быстро приговорят Акиву, это в какой-то мере восстановит авторитет британских властей и положит конец деятельности Маккавеев, так как старик Акива долгие годы был движущей силой террористов.

Губернатор распорядился, чтобы суд был тайным. Фамилию судьи, ради его же безопасности, тоже держали в тайне. Акива и Маленький Гиора были приговорены к

смертной казни через повешение. Казнь должна была состояться спустя две недели после вынесения приговора.

Обоих посадили в неприступную тюрьму Акко.

В своей ретивости губернатор допустил роковую ошибку. Он не допустил на суд журналистов. Меж тем у Маккавеев всюду — особенно в США — были очень влиятельные друзья, которые оказывали им всяческую, в том числе и финансовую, помощь. Вопрос о виновности или невиновности Акивы и Маленького Гиоры совершенно утонул в страстном взрыве, последовавшем за преданием гласности вынесенного приговора. Подобно инциденту с «Эксодусом», приговор, вынесенный двум Маккавеем, вызвал ожесточенные нападки на англичан. Журналисты раскопали и опубликовали биографию Дова, все, что ему пришлось вынести в Варшавском гетто и в Освенциме, и это вызвало бурную волну сочувствия по всей Европе. Особое возмущение вызвало то обстоятельство, что суд был тайным. Фотографии восьмидесятилетнего Акивы и восемнадцатилетнего Маленького Гиоры, пророка и его ученика, производили глубокое впечатление на воображение читательской публики. Журналисты требовали свидания с осужденными.

Сесиль Брэдшоу входил в ЮНСКОП и находился как раз в Палестине. Наученный опытом «Эксодуса», он знал, к каким последствиям может привести вся эта шумиха. Посоветовавшись с губернатором, он тут же потребовал указаний от Министерства колоний. Инцидент выставлял англичан в очень дурном свете, и это как раз тогда, когда в Палестину приехала комиссия ООН. Вместо того, чтобы прекратить деятельность Маккавеев, все это дело могло вызвать новую волну террора. Брэдшоу и губернатор решили действовать без проволочек и показать всему миру, что британское правосудие умеет и прощать. Ссылаясь на крайне юный возраст Дова, а также на глубокую старость Акивы, они объявили, что осужденным разрешается просить о помиловании и что британские власти удовлетворят эти ходатайства. Это заявление действительно приостановило бурю протеста.

Губернатор и Брэдшоу съездили в Акко, чтобы лично передать эти хорошие вести Акиве и Дову. Осужденных повели в кабинет начальника тюрьмы, где двое высших сановников без околичностей изложили им суть предложения.

— Мы люди рассудительные, — сказал губернатор. — Мы привезли вам на подпись вот эти ходатайства. Официально это — ходатайства о помиловании, но, между нами, это чистая формальность... предлог, так сказать.

— Вам нужно всего лишь подписать эти бумаги, — сказал Брэдшоу, — и мы заключим с вами честный уговор. Мы вывезем вас из страны, вы отбудете небольшой срок в одной из наших колоний в Африке, а через несколько лет все это дело совершенно забудется.

— Я вас не совсем понимаю, — ответил Акива. — Почему это мы должны отбывать какой-то срок в Африке? Мы никакого преступления не совершали. Мы всего лишь боремся за наши естественные и исторические права. С каких это пор солдат, сражающийся за свою родину, — преступник? Мы — военнопленные. Вы не имеете никакого права приговорить нас к какому-то сроку. Мы находимся в стране, оккупированной врагом.

Лоб губернатора покрылся потом. По всему было видно, что сломить старика будет нелегко. Он не раз слышал все эти доводы из уст фанатичных Маккавеев.

— Послушайте, Акива. Мы приехали не для того, чтобы вести с вами политические дискуссии. Речь идет о вашей жизни. Либо вы подписываете эти ходатайства о помиловании, либо мы приведем приговор в исполнение.

Акива посмотрел на двух англичан, на лице которых можно было прочесть, насколько они обеспокоены. Ему было совершенно ясно, что англичане пытаются либо добиться какого-то преимущества, либо исправить какую-то ошибку.

— Послушайте, юноша, — обратился Брэдшоу к Дову. — Ведь вам не хочется болтаться на веревке, правда? Возьмите вот и подпишите, а вслед за вами подпишет и Акива.

Брэдшоу придвинул к нему ходатайство и достал свою авторучку. Дов посмотрел некоторое время на документ, затем плюнул на него.

Акива посмотрел на двух оторопевших от неожиданности англичан.

— «Своими же устами ты вынес себе приговор» — презрительно изрек он.

В печати под аршинными заголовками появились сообщения об отказе Акивы и Маленького Гиоры подписать ходатайства о помиловании. Все газеты истолковывали

этот отказ как драматический протест против англичан. Десятки тысяч евреев Палестины, которые до этого не питали особых симпатий к Маккавеям, пришли в восторг от поступка осужденных. Наутро старик и юноша стали олицетворением духа еврейского сопротивления.

Вместо того, чтобы нанести удар Маккавеям, англичане вот-вот создадут двух мучеников. Им не осталось ничего другого, как назначить срок казни: ровно через десять дней.

С каждым днем напряжение в стране все росло. Рейды Хаганы и Маккавеев, правда, прекратились, но вся страна знала, что под ней заминированная бочка с порохом.

Город Акко, сплошь населенный арабами, находился на северном конце залива, на южном конце которого расположена Хайфа. Тюрьма в Акко помещалась в уродливом здании, построенном на развалинах крепости времен крестоносцев. Оно тянулось вдоль мола, который шел от северной окраины города, где и стояла тюрьма, вплоть до противоположного конца города. Ахмад эль-Джацар — Мясник — превратил его в турецкую крепость, выстоявшую перед Наполеоном. Это было скопище парапетов, тайников, подземных ходов, башен, высохших рвов, внутренних дворов и толстых стен. Англичане превратили его в одну из худших тюрем всей британской империи.

Дова и Акиву поместили в крохотные камеры, расположенные в северном флигеле. Стены, потолок, пол — все было из камня. Размер камер был два с половиной метра. Наружная стена была толщиной в пять метров без малого. Не было ни света, ни туалета. Всюду стояли вонь, сырость. Двери были стальные с небольшим волчком посредине, который закрывался снаружи. Была еще узкая щель, пробитая высоко в стене, размером тридцать сантиметров на пять, сквозь которую в камеру попадала тонкая полоска дневного света. Сквозь эту щель Дов мог смотреть на верхушки деревьев, а также на хребет холма, носившего имя Наполеона, крайней вехи его похода на Индию.

Дела у Акивы шли плохо. С потолка и стен капало, и эта спертая сырость проникала в его ревматические суставы, причиняя невыносимую боль.

По два и по три раза на дню являлись британские должностные лица и уговаривали их пойти на компромисс и спасти этим свою жизнь. Дов не обращал на них никакого внимания. Акива прогонял их, выкрикивая цитаты из

Библии, которые долго звенели в их ушах.

До казни оставалось всего шесть дней. Акиву и Дова перевели в камеры смертников, расположенные рядом с камерой, где помещалась виселица. Это были обыкновенные камеры, забранные решеткой, но находились они в другом крыле. Камера же, где казнь приводилась в исполнение, состояла из четырех бетонных стен, глубокого отверстия под полом, замаскированного опускающейся крышкой, и стального кронштейна на потолке, на котором укреплялась веревка. Виселицу испытывали предварительно: подвешивали мешок с песком примерно того же веса, что и человеческий; надзиратель нажимал на рычаг, крышка опускалась и мешок с грохотом падал в отверстие.

Акиве и Дову выдали рубашки и штаны кровавого цвета, традиционную английскую одежду осужденных к казни через повешение.

Г Л А В А 15.

Был час ночи. Брус Сатерлэнд задремал в библиотеке над книгой. Резкий стук в дверь внезапно разбудил его. Лакей провел в библиотеку Карен Клемент.

Сатерлэнд протер глаза.

— Какая нелегкая занесла тебя сюда среди ночи?

Карен стояла перед ним, дрожа всем телом.

— Китти знает, что ты здесь?

Карен покачала головой.

Сатерлэнд усадил ее в кресло. Лицо у Карен было бледное от напряжения.

— Ты поужинала, Карен?

— Я не голодна, — ответила девушка.

— Принеси ей бутерброд и стакан молока, — распорядился Сатерлэнд. — Ну, милая, может быть, вы мне все-таки расскажете, в чем дело?

— Я должна видеть Дова Ландау. Только вы можете мне в этом помочь.

Сатерлэнд фыркнул, заложил руки за спину и зашагал по комнате.

— Если я даже смогу тебе помочь, это ничего, кроме огорчений, тебе не даст. Вы ведь уезжаете с Китти через пару недель. Ты не должна думать о нем больше, дитя мое.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Мне все эти доводы известны. И все же с тех пор, как его схватили, я не в состоянии думать ни о чем другом. Я обязательно должна видеть его еще хотя бы один единственный раз. Пожалуйста, генерал Сатерлэнд, умоляю вас — помогите мне!

— Попытаюсь, — ответил он. — Но первым делом мы должны позвонить Китти и сказать ей, что ты здесь. Она, верно, там с ума сходит от беспокойства. И разве это дело ездить одной по арабским селам?

На следующее утро Сатерлэнд позвонил в Иерусалим. Губернатор без всякого пошел ему навстречу. Англичане все еще пытались заставить Дова и Акиву изменить свое решение и были готовы ухватиться за любую соломинку. Может быть, Карен удастся сломить яростную неукроти-

мость Дова. Свидание устроили без проволочек. Китти вышла из Ган-Дафны, и Сатерленд подобрал ее в Сафедде. Потом все трое поехали на запад в сторону Нагарии. Отсюда полицейский конвой повез их прямо в тюрьму Акко, где их провели в кабинет начальника тюрьмы.

Всю дорогу Карен была словно в забытьи. Теперь, когда она находилась наконец в самом здании тюрьмы, ей это все еще представлялось каким-то сном.

Вошел начальник.

— Ну, все готово.

— Я пойду с тобой, — сказала Китти.

— Нет, я хочу его видеть одна, — твердо ответила Карен.

Двое вооруженных надзирателей ждали Карен в коридоре. Они провели ее через длинный ряд стальных дверей в безобразный каменный двор, окруженный со всех сторон окнами, забранными в решетки. Из-за решеток на Карен уставились заключенные. Во дворе гулко раздался какой-то свист. Карен шла, глядя прямо перед собой. Они поднялись по узкой лестнице в крыло, где размещались камеры смертников. Они прошли мимо огороженного колючей проволокой пулемета, затем остановились перед новой стальной дверью, охраняемой двумя вооруженными винтовками часовыми со штыками наголо.

Ее проводили в крохотную камеру. Вместе с ней в камеру прошел надзиратель, и дверь снова заперли на замок. Надзиратель открыл маленький волчок в стене.

— Вы будете разговаривать с ним через вот это отверстие, девушка, — сказал надзиратель.

Карен кивнула и посмотрела в волчок. По ту сторону стены она увидела две камеры: в первой сидел Акива, а во второй — Дов, оба в кроваво красных одеждах. Дов лежал на своем топчане и смотрел в потолок. Карен видела, как к его камере подошел какой-то надзиратель и отомкнул ее.

— Встать, Ландау! — рявкнул надзиратель. — К тебе пришли на свидание.

Дов поднял книгу с пола, раскрыл ее и принялся читать.

— Оглох, что ли? К тебе пришли на свидание.

Дов перелистал страницу.

— Встать, говорю! Кто-то хочет тебя видеть.

— Мне надоели эти ваши послы. Передай им от моего имени, пускай убираются к...

— Это не наш, а твой. Это какая-то девушка, Ландау.

Руки Дова крепко стиснули книгу. Сердце бешено заколотилось.

— Скажи ей, что я занят.

Надзиратель пожал плечами и подошел к волчку.

— Он говорит, что никого ему не надо.

— Дов! — закричала Карен. — Дов!

Ее голос гулко пронесся по камере смертников.

— Дов! Это я, Карен!

Акива нервно смотрел в сторону камеры Дова. Дов стиснул зубы и перевернул еще одну страницу.

— Дов! Дов! Дов!

— Да поговори ты с ней, парень, — заорал Акива. — Не отправляйся на тот свет молча, как по милости моего брата отправлюсь я. Поговори с ней, Дов.

Дов отложил книгу и встал с топчана. Он знаком велел надзирателю отомкнуть дверь камеры. Затем он подошел к волчку и заглянул в него. Он увидел в отверстии только ее лицо.

Карен посмотрела в его холодные, голубые и злые глаза.

— Мне осточертели все эти хитрости, — сказал он кисло. — Если тебя подослали сюда, чтобы ты мне тут начала хныкать, то лучше уходи отсюда сразу. Я у этих гадов не стану просить милосердия.

— Как ты со мной разговариваешь, Дов?

— Да ведь тебя же подослали. Я знаю.

— Никто меня сюда не послал. Клянусь тебе в этом.

— Тогда зачем ты пришла?

— Я просто хотела повидаться с тобой.

Дов стиснул зубы, чтобы не потерять самообладание. Ну, зачем она пришла? Он чуть не умирал от желания дотронуться до ее щеки.

— Как ты себя чувствуешь, Дов?

— Хорошо... вполне хорошо.

Воцарилось продолжительное молчание.

— Дов... ты тогда правду написал Китти или ты просто хотел, чтобы...

— Я написал правду.

— Мне просто хотелось знать.

— Вот ты и знаешь теперь.

— Да, знаю. Дов... я скоро покину Эрец-Исраэль. Я еду в Америку.

Дов пожал плечами.

— Пожалуй, мне не нужно было приходиться. Ты уж извини.

— Да чего там. Я знаю, тебе хотелось доставить мне приятное. Вот если бы я мог свидеться с моей девушкой, это было бы действительно приятно. Но она Маккавейка и не может прийти на свидание. Она одних лет со мной, ты знаешь?

— Да, знаю.

— Ну, все равно. А вообще ты хорошая девушка, Карен... и... э... э..., вот ты уедешь себе в Америку, там ты и постарайся забыть обо всем. Желаю тебе счастья.

— Я, пожалуй, пойду теперь, — тихо сказала Карен.

Она выпрямилась. Дов не повел и бровью.

— Карен!

Она быстро обернулась.

— Э... мы с тобой как никак друзья; давай, если надзиратель не возражает, пожмем друг другу руку на прощанье.

Карен протянула руку в отверстие, Дов крепко схватил ее, прижавшись что было силы лбом к стене и закрыл глаза.

Карен быстро схватила его руку и потянула ее к себе.

— Нет, — вырвалось у него. — Нет, нет! — но его рука была уже на этой стороне.

Она прильнула к его руке губами, затем прижала ее к щекам, снова к губам, обливая ее слезами. Затем она исчезла.

Дверь его камеры захлопнулась, и Дов грохнулся на топчан. Он за всю свою жизнь не помнил случая, когда бы из его глаз лились слезы. Но теперь ничто не могло их удержать. Он повернулся спиной к двери, чтобы ни Акива, ни надзиратель не могли видеть его лица и тихо, но от всей души, расплакался.

Барак Бен Канаан сопровождал в качестве представителя Ишува ЮНСКОП в разъездах комиссии по стране, во время которых она собирала данные. Ишув с гордостью знакомил комиссию с достижениями в деле освоения страны, устройства бездомных беженцев; с успехами кибу-

цов, заводов и новых городов. Члены ЮНСКОП были поражены контрастом между еврейской и арабской частью населения. После инспекционной поездки комиссия приступила к открытому опросу, в ходе которого каждой из сторон предоставлялась возможность изложить свои претензии.

Бен Гурион, Вейцман, Барак Бен Канаан и другие вожди Ишува ярко и в высшей степени убедительно доказывали благородные цели и справедливость еврейских требований.

Арабы же, и в первую голову Высший арабский совет, которым заправляла клика Хуссейни, развернули злобные демонстрации против Организации Объединенных Наций. Они преградили комиссии доступ в целый ряд арабских городов, где царила страшная нищета, а хозяйство велось в нечеловечески трудных, первобытных условиях. Когда приступили к опросу, арабы официально объявили ему бойкот.

Чем дальше, тем яснее становилось для ЮНСКОП, что среднего пути в Палестине быть не может.

Если исходить из соображений одной только справедливости, то Объединенные Нации должны были решить все дело в пользу евреев, однако необходимо было принять в соображение и вес арабских угроз.

Евреи уже давно дали согласие на всякие компромиссы и даже на раздел страны, но они очень опасались создания в Палестине нового гетто вроде Черты оседлости.

Покончив с инспекционной поездкой и с опросом, комиссия ООН стала собираться в обратный путь, чтобы уже в Женеве сделать более обстоятельный анализ собранных данных, пока специальный подкомитет изучал лагерь для перемещенных лиц в Европе, где в безвыходном положении все еще сидело около четверти миллиона евреев. Затем только комиссия должна была представить Генеральной Ассамблее ООН соответствующие рекомендации. Барак Бен Канаану снова поручили поехать в Женеву и продолжать там свою работу в качестве советника ЮНСКОП.

Незадолго до отъезда в Женеву он вернулся в Яд-Эль, чтобы провести хоть несколько дней с Сарой, которая несмотря на его частые отлучки все никак не могла к ним привыкнуть. Точно так же она не привыкла и к отлучкам Иорданы и Ари.

Ари и Бен Ами были как раз в кибуце Эйн-Ор, где находился штаб Палмаха в долине Хулы. Они приехали в Яд-Эль на прощальный ужин, Иордана тоже пришла из Ган-Дафны.

В продолжение всего вечера Барак был задумчив. Он почти не говорил о ЮНСКОП, о предстоящей поездке и вообще о политике. Это был довольно угрюмый ужин.

— Вы, верно, все слышали, что миссис Фрэмонт собирается покинуть Палестину, — сказала Иордана, когда ужин подошел к концу.

— Нет, я не слышал, — ответил Ари, скрывая удивление.

— Да, она уезжает. Она уже сообщила об этом доктору Либерману. Она заберет с собой эту девушку, Клемент. Я так и знала, что она сбежит, как только по-настоящему запахнет гарью.

— А почему бы ей не уехать? — сказал Ари. — Она американка, в Палестину она приехала исключительно из-за девушки.

— Ей вообще нет до нас дела, — резко бросила Иордана.

— Ну, уж это неправда, — заступился Давид.

— Чего ты всегда за нее так заступаешься, Давид?

— Она очень милая женщина, — вмешалась Сара Бен Канаан, — и мне она очень по душе. Она не раз проезжала мимо и всегда заезжала ко мне. Она очень много сделала для этих детей, и они души в ней не чают.

— Нет уж, пусть лучше уезжает, — упорствовала Иордана. — Это, правда, скандал, что она увозит с собой девушку, но она так ее вымуштровала, что теперь даже не скажешь — еврейка ли она вообще.

Ари встал и вышел из дома.

— Какая у тебя противная привычка всегда уколоть Ари! — сердито выговорила ей Сара. — Ты же знаешь, что он к ней равнодушен, да и милейший она человек.

— Она ему теперь уже никто, — отмахнулась Иордана.

— А ты кто такая, что берешься судить о том, что происходит в душе мужчины? — вмешался Барак.

Давид взял Иордану за руку.

— Ты же обещала, что мы покатаемся верхом.

— Ты тоже всегда принимаешь ее сторону, Давид.

— А что? Китти Фрэмонт мне нравится. Ну, пошли покатаемся.

Иордана вышла из комнаты, а вслед за ней вышел и Давид.

— Пускай походят, Сара, — сказал Барак. — Давид ее вмиг успокоит. Боюсь, что наша дочь просто завидует миссис Фрэмонт, в чем, впрочем, нет ничего удивительного. Может быть когда-нибудь и у наших девушек будет достаточно досуга, чтобы быть настоящими женщинами.

Барак вертел свою чашку чая, а его жена стояла у него за спиной, положив щеку на его густой рыжий чуб.

— Барак, ты не смеешь дольше молчать. Если ты сейчас с ним не поговоришь, ты будешь жалеть об этом до конца своих дней.

Он похлопал свою жену по руке.

— Ладно, пойду поищу его.

Ари стоял в саду и смотрел вверх, в сторону Ган-Дафны, когда к нему подошел Барак.

— Она тебе здорово влезла в душу, а?

Ари пожал плечами.

— Она мне и самому нравится, — сказал Барак.

— Чего уж там? Она явилась сюда из мира, заваленного шелками и духами, и туда же она теперь возвращается.

Барак взял сына под руку и они пошли по полю к тому месту, где мимо протекала река Иордан. В отдалении маячили на лошадях Иордана и Давид, даже слышен был их смех.

— Вот видишь, Иордана уже и забыла обо всем. А как дела Палмаха в Эйн-Оре?

— Как всегда, отец. Хорошие ребята, но мало их. Да и молоды они, чтобы идти в бой. С ними не выиграешь войну, которую придется вести против семи армий.

В поле завертелись брызгалки, когда солнце начало садиться за Ливанскими горами неподалеку от Форт-Эстер. Отец и сын долго смотрели на поля. Оба задавали себе вопрос — наступит ли когда-нибудь такой день, когда у них не будет другой заботы, кроме, скажем, неисправной изгороди или пахоты.

— Вернемся в дом, — сказал Ари. — Има там одна.

Ари зашагал по направлению к дому. Вдруг он почувствовал на своем плече огромную руку отца. Он обернулся. Отец стоял с опущенной головой.

— Через два дня я уезжаю в Женеву. Никогда я еще не уезжал в таком тяжелом настроении. Вот уже пятнадцать лет, как всегда за нашим столом кого-нибудь не хватает. Я всю жизнь вел себя гордо и упрямо, за что и расплачиваюсь теперь. В последнее время боль стала прямо невыносимой. Ари, сын мой, не допускай, чтобы моего брата Акиву вздернули на английскую виселицу.

Г Л А В А 16.

Иерусалим кипел всю накануне отъезда ЮНСКОП. В арабском секторе демагоги подстрекали толпу к беспорядкам. Город был разбит на отдельные районы, отделенные друг от друга колючей проволокой, вдоль которой за пулеметами залегли английские солдаты.

Ари Бен Канаан шел по городу, переходя из одного сектора в другой и обходя все известные ему места, где мог скрываться Бар Израэль, связной Маккавеев. Бар Израэль словно исчез с лица земли. С тех пор как англичане схватили Акиву и Маленького Гиору, связь между Маккавеями и Хаганой оборвалась. У Ари, однако, не было недостатка в других источниках информации, и в конце концов ему удалось узнать, что Бар Израэль проживает в районе Эль-Катамон.

Ари отправился прямо к нему домой и открыл дверь в его комнату, даже не постучав. Бар Израэль сидел и играл в шахматы. Он поднял голову, увидел перед собой Ари и снова уставился в доску.

— Уходи отсюда, — скомандовал Ари, тихонько вытолкнул свидетеля и закрыл дверь. — Не прикидывайся дурачком. Ты очень хорошо знал, что я разыскиваю тебя всюду.

Бар Израэль пожал плечами и закурил сигарету.

— Как не знать, когда ты разбросал по городу чуть ли не полсотни любовных записок.

— Почему же ты не связался со мной? Я ведь уже сутки в Иерусалиме.

— Не мог же я лишиться тебя такого драматического появления. Ладно. Чего тебе от меня надо?

— Проведи меня к Бен Моше.

— Мы с вами больше не играем. И не водим больше командиров Хаганы к нам в штаб.

— Ты разговариваешь сейчас не с командиром Хаганы, а с Ари Бен Канааном, племянником Акивы.

— Ари, лично я доверяю тебе полностью, но приказ есть приказ.

Ари сгреб Бар Израэля, поднял его со стула, опрокидывая шахматный столик, и потряс маленького восточного еврея, словно это был пустой мешок.

— Ты немедленно поведешь меня к Бен Моше, не то я сверну тебе шею.

Бен Моше сидел за письменным столом в штабе Маккавеев, где-то в Греческом квартале. Сзади стоял Нахум Бен Ами. Оба гневно смотрели на растерявшегося Бар Израэля и на Ари Бен Канаана.

— Мы все хорошо знаем Ари, — оправдывался Бар Израэль, — вот я и рискнул.

— Выйди, — прошипел Бен Моше в сторону вспотевшего Бар Израэля. — С тобой мы разделаемся потом. А ты, Бен Канаан, раз ты уже здесь, может быть, ты скажешь нам, чего тебе от нас надо?

— Мне надо знать, что вы собираетесь предпринять для спасения Акивы и мальчика.

— Предпринять? Ничего, конечно. Да и что мы можем предпринять?

— Врешь! — перебил его Ари.

— Впрочем, что бы мы ни предприняли, это не твое собачье дело, — вмешался Нахум.

Ари с такой силой ударил кулаком по столу, что его крышка треснула.

— Это мое дело! Акива доводится мне дядей!

— Хватит с нас сотрудничества с предателями, — сухо отозвался Бен Моше.

Ари нагнулся над столом и его лоб чуть не коснулся лба Бен Моше.

— Я терпеть не могу твою харю, Бен Моше, и твою, Нахум, тоже. Но я не уйду отсюда, пока не узнаю всех ваших планов.

— Ты дождешься пули в лоб.

— Ты там заткнись, Нахум, не то я вмиг сделаю из тебя отбивную.

Бен Моше снял очки, протер их и снова надел.

— Ари, в одном тебе нельзя отказать: у тебя удивительная сила убеждения, — сказал он наконец. — Так вот, мы думаем пробраться в тюрьму и освободить Акиву и Маленького Гиору.

— Я так и знал. А когда?

— Послезавтра.

— Я с вами.

Нахум хотел было что-то возразить, но Бен Моше поднял руку и не дал ему заговорить.

— А ты ручаешься честным словом, что Хагана ничего не знает о том, что ты здесь?

— Ручаюсь.

— Подумаешь, честное слово! — презрительно бросил Нахум.

— Для меня честного слова человека, носящего фамилию Бен Канаан, достаточно.

— А мне все-таки не нравится все это дело. — упорствовал Нахум.

— Тем хуже для тебя. Ты, конечно, понимаешь, Ари, что мы тут затеяли. Пришлось мобилизовать все наши силы. Ты ведь как-то сидел в Акко... и, значит, знаешь, что это за тюрьма. Если у нас это дело выгорит, англичанам уже не слобровать.

— В Акко живут сплошь арабы. Тюрьма в этом городе — самая неприступная крепость, которой англичане располагают в Палестине. Покажите мне ваши планы.

Бен Моше достал из ящика стола пачку чертежей. Это были подробнейшие чертежи всего района: генплан города, подступы к тюрьме, подробно разработанные пути отступления. Внутренние чертежи тюрьмы были совершенно точны, насколько мог судить Ари. Их, верно, сделали люди, отбывавшие там срок. Посты, склад оружия, коммуникации — решительно все было отражено.

Ари принялся изучать план операции. Все было расписано с точностью до одной секунды. План предусматривал искусное применение бомб, гранат и мин — все это изготавливали сами Маккавеи.

— Ну, что скажешь, Ари?

— Великолепно. Но у меня есть одно замечание. Вы тут до мельчайших подробностей предусматривали, как пробраться в тюрьму, как выбраться из нее, но вот побег из самого города, — Ари покачивая головой, — у вас не получится.

— Конечно, спрятаться в ближайшем кибуце было бы куда удобнее, но на это мы пойти, увы, не можем, — резко сказал Нахум Бен Ами.

— Мы знаем, что шансы на побег из города довольно слабы, — согласился Бен Моше.

— Они не просто слабы, они равны нулю. Я знаю, ко-

нечно, что для вас нет больше гордости, как погибнуть в бою. Как раз это и случится, если вы не внесете изменений в план побега.

— Я знаю, что он нам сейчас предложит, — вмешался Нахум. — Он скажет, чтобы мы привлекли к этому делу Хагану и кибуцы...

— Именно это я и хочу предложить. Если вы на это не пойдете, у вас будет целая куча новых мучеников. Бен Моше, ты храбрый парень, но ты все-таки в своем уме. Если действовать по вашему плану, то шансы на удачу составляют не более двух процентов. Если вы согласитесь, чтобы я разработал более эффективный план побега, шансы на успех станут половина на половину.

— С ним надо держать ухо востро, — вмешался Нахум. — Ишь как у него все гладко получается.

— Продолжай, Ари.

Ари разложил план операции на столе.

— Я предлагаю задержаться в тюрьме еще минут десять или пятнадцать и освободить всех заключенных. Они умчатся кто куда, англичане бросятся вдогонку за каждым и таким образом распылят свои силы.

Бен Моше кивнул.

— Что же касается наших людей, они тоже должны разбиться на маленькие группы и уйти в разных направлениях. Я уведу с собой Акиву, а вы заберете мальчика.

— И что дальше? — спросил Нахум Бен Ами. Малопомалу он начал понимать, что Ари говорит дело.

— Лично я подамся в Кфар-Масарик. Там я пересяду на другую машину, чтобы сбить их с толку, и окольными путями пробьюсь на Кармель к югу от Хайфы. Там, в друзской деревне Далият-эль-Кармил у меня верные друзья. Британцам даже в голову не придет искать меня там.

— Не так уж плохо, — вставил Нахум. — Друзам можно верить... пожалуй, даже больше, чем иному еврею.

Ари не обратил внимания на оскорбление.

— Вторая группа отправится с Довом в Нагарню вдоль берегового шоссе, а там все разъедутся кто куда. Я могу обеспечить укрытия в полудесятке окрестных кибуцов. Предлагаю, чтобы Дова забрали в кибуц Мишмар на ливанской границе. Я бывал там, когда кибуц только создавался: там множество пещер. В мировую войну твой брат Давид был вместе со мной в Мишмаре. Мы там го-

дами прятали своих вождей. Дов будет там в полной безопасности.

Бен Моше сидел неподвижно, уставившись в план операции. Он знал, что без этих укрытий в кибуцах вся операция — чистейшее самоубийство. Если он примет помощь Ари, у них все-таки будут кое-какие шансы на успех. Но мог ли он рисковать пойти на сотрудничество?

— Давай, Ари, действуй... организуй эти укрытия. Я иду на все это только потому, что твоя фамилия — Бен Канаан.

До начала операции осталось четыре дня.

Четыре дня — и Акиву с Маленьким Гиорой поведут на виселицу. Комиссия ЮНСКОП улетела в Женеву. В Палестине воцарилась напряженная тишина, предвещавшая бурю. Арабы прекратили демонстрации. Маккавеи прекратили рейды. Город Акко превратился в настоящую военную базу и кишел английскими военными, переодетыми в штатское.

До начала операции осталось три дня.

Акива и Маленький Гиора отклонили еще один, последний, призыв от имени главы британского правительства.

Наступил день операции.

Базарный день в Акко. Еще на рассвете толпы арабов стали съезжаться из двадцати галилейских деревень. Базарная площадь была забита осликами, повозками и товаром. Улицы были запружены народом.

Восточные и африканские евреи, члены организации Маккавеев, переодетые в арабов, просочились в Акко вместе с базарной толпой. Каждый мужчина и каждая женщина пронесли в город заряды динамита, патроны, шнур, гранаты, детонаторы и мелкое огнестрельное оружие. Маккавеи смешались с базарной толпой, стараясь занять место поближе к тюрьме.

Одиннадцать часов. До начала операции осталось два часа.

Двести пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин, все Маккавеи в арабских одеждах, рассеялись по Акко.

Четверть двенадцатого. Час и сорок пять минут до начала операции.

В тюрьме идет смена караула. Четверо охранников, со-трудничающих с Маккавеями, на посту.

Одиннадцать тридцать. До начала операции осталось полтора часа.

За городом, на Наполеоновой горе, собрался еще один отряд Маккавеев. Три грузовика, и на них мужчины в английской военной форме, въехали в Акко и остановились у мола, неподалеку от тюрьмы. «Солдаты» живо разбились на группы по четверо и пошли «патрулировать» по улицам. В городе было столько военных, что лишняя сотня солдат не привлекала ничего внимания.

Полдень. Час до начала операции.

Ари Бен Канаан въехал в Акко на штабном джипе в форме английского майора. Шофер остановил машину у мола к западу от тюрьмы. Ари направился к валу у северного конца мола и остановился у старого, заржавевшего орудия еще турецких времен. Прислонившись к орудю, он закурил сигарету и стал наблюдать за волнами, набегавшими внизу на мол. Пена обдавала мшистые скалы, гладко отшлифованные водой.

Пять минут первого. Пятьдесят пять минут до начала операции.

Лавки города закрываются одна за другой на двухчасовой обеденный перерыв. Солнце немилосердно палит, и арабы, сидящие в кофейнях и убаюкиваемые тягучим нытьем каирского радио, погружаются в дремоту. Английские солдаты изнемогают от жары и чуть ли не засыпают на ходу.

Десять минут первого. До начала операции осталось пятьдесят минут.

Муэдзин поднимается по винтовой лестнице на минарет мечети Эль-Джацар. Его голос раздается в полуденной тишине, а правоверные собираются в огромной белой мечети и во дворе, опускаются на колени и бьют поклоны лицом к Мекке.

Двенадцать минут первого. Сорок восемь минут до начала операции.

Маккавеи направляются к сборным пунктам. Арабы и английские солдаты едва держатся на ногах от жары.

Группами по два и по три Маккавеи, как бы слоняясь без дела, идут по узким, покрытым навозом переулкам, подбираясь все ближе к сборным пунктам.

Первый отряд собирается у кафе «Абу Христос» —

«Христово отца». Кафе лежит на самом берегу залива, а посетители смотрят, как арабские мальчики прыгают со скал и ныряют за «груш». Оттуда виден весь залив вплоть до Хайфы.

Второй отряд, побольше первого, собирается у мечети. Они тоже опускаются на колени во дворе, поближе к выходу, и делают вид, что молятся.

Третья группа направляется к «Хану», просторной площади, которая больше ста лет служила постоянным двором для караванов и базаром. Они пробираются между верблюдами и осликами, смешиваясь с толпами арабов, приехавших на базар, а теперь сидящих на земле и отдыхающих.

Четвертый отряд собирается у рыбацкой пристани.

Пятый отряд собирается на материковой части мола.

Тем временем сотня Маккавеев, переодетых английскими солдатами, отправились на свои позиции. Они могут передвигаться свободнее. Заняв позиции на крышах, они обозревают все улицы, перекрестки и подступы к тюрьме.

За городом занимает позиции последний отряд Маккавеев. Эти люди не переодеты. Они расставляют мины посреди шоссе, пулеметы на обочинах, чтобы задержать возможные английские подкрепления.

Без четверти час. Пятнадцать минут до начала операции.

Отряд, блокирующий подступы к тюрьме, занял свои позиции. Отряд, действующий за городом, тоже занял свои позиции.

Ударные силы, двести пятьдесят Маккавеев, переодетых арабами, двинулись небольшими группами со своих сборных пунктов, сосредотачиваясь вокруг того места, откуда они должны будут пойти в атаку.

Первыми туда добрались Бен Моше и Бен Ами. Они наблюдали за собирающимися людьми. Они проверили, заняты ли позиции на крышах. Они взглянули в сторону тюрьмы, где четверо «часовых» подали знак, что у них все готово.

Ари Бен Канаан подошел вплотную к валу, бросил сигарету в воду, повернулся и быстро направился к тому месту, откуда начнется атака. Шофер поехал следом за ним.

Атака должна была начаться с Хамман эль-Баши, старой турецкой бани, которой было не меньше ста двадцати

лет. Бани, построенная еще Эль-Джацаром, подходила вплотную к южной стене тюрьмы. На задворках бани был внутренний дворик, где принимали солнечные ванны. Узкая лестница вела на крышу бани, расположенной прямо у тюремной стены. Маккавеи установили, что со внутренних позиций тюрьмы просматриваются все возможные подступы, за исключением одного: со стороны бани. Именно здесь, то есть у южной стены, и было решено нанести удар.

Час дня. Час начала операции.

Под палящим полуденным солнцем город Акко погрузился в дрему.

Бен Моше, Бен Канаан и Бен Ами глубоко вдохнули и дали сигнал к атаке. Нападение на тюрьму Акко началось.

Ари Бен Канаан повел ударный отряд, насчитывавший человек пятьдесят. Они ворвались в баню, а оттуда во внутренний дворик. Все несли с собой заряды динамита и все необходимое для взрыва.

Арабы, сидевшие в парном отделении, застыли на своих местах, когда в баню ворвался отряд. Тут же началась паника, и мгновение спустя баня стала походить на преисподнюю. Другой отряд загнал голых и дико орущих арабов в одно парное отделение, чтобы они не могли выскочить и поднять тревогу.

В ту же минуту Бен Моше, оставшийся снаружи, получил сигнал, что Ари пробрался во внутренний двор, и что всех арабов согнали в одно место.

Отряд Ари быстро взбежал по лестнице, ведущей на крышу бани, подбежал к тюремной стене и в мгновение ока заминировал ее. Бойцы тут же спустились назад во дворик и бросились на землю.

Час с четвертью.

Раздался оглушительный взрыв. Город Акко задрожал до основания. В воздухе носились обломки скал. Прошло не меньше двух минут, прежде чем пыль настолько рассеялась, что можно было увидеть отверстие, пробитое в стене.

Как только раздался взрыв, четверо «часовых» приступили к выполнению задания. Первый бросил гранату на коммутатор, оборвав таким образом телефонную связь. Второй грагатой вывел из строя распределительный щит, а с ним и сирены. Третий схватил ключ башни, а четвер-

тый побежал к пролому в стене, чтобы провести Маккавеев в тюрьму.

Отряд Ари ворвался в тюрьму. Первым делом часть отряда бросилась к складам оружия. Не прошло и минуты, как все были вооружены до зубов.

Тем временем вторая часть отряда отрезала жилые помещения охранников, так что находившиеся на отдыхе не могли пробраться в тюрьму.

Каждую минуту Бен Моше пропускал в тюрьму новые группы по десять и по двадцать человек. Каждая группа знала в точности, где ей нужно ударить. Часовых прогнали с их постов, а Маккавеи продвигались все глубже, прокладывая себе путь гранатами. С момента взрыва прошло всего шесть минут, а Маккавеи уже овладели всей тюрьмой.

Наружные отряды окопались и ждали контратаки. Но английские солдаты, находившиеся в городе, а также военные в штатском, не могли пробраться к тюрьме, так как все подступы контролировались Маккавеями, занявшими позиции на крышах и на перекрестках.

Когда все двести Маккавеев ворвались в тюрьму, они принялись разбивать двери камер и освобождать заключенных. Их всех, арабов также, как и евреев, повели к пробоине в стене, а оттуда все разбежались кто куда.

Ари повел отряд из пяти человек в башню, где находились камеры смертников и виселица. Они уже вставили ключ в замок, как часовые, находившиеся в башне, открыли огонь по стальной двери. Ари велел отступить, прикрепил магнитную мину к двери и, нагнувшись, отбежал и сам. Взрыв сорвал дверь с петель. Ари переступил порог и бросил гранату. Часовые скрылись в камеру, где стояла виселица.

Группа ворвалась в башню, связали часовых и отперли двери камер. Акиву и Дова Ландау тут же повели к отверстию в стене, оттуда в баню и на свободу.

Дова посадили в кузов грузовика, до отказа набитого людьми. Бен Моше махнул рукой и машина умчалась в Нагарию. Две минуты спустя подали штабной джип, Ари усадил Акиву с собой в машину, и они умчались в противоположное направление.

Бен Моше подал сигнал к отступлению. С начала операции прошла всего двадцать одна минута.

Сбитые с толку части английского гарнизона пытались пробраться в город. Мины, засады и перекрестный огонь не давали им продвигаться. Силы, находившиеся в самом городе, бросились вдогонку за заключенными: их было около трехсот человек.

Грузовик, в кузове которого сидел Дов Ландау, мчался вдоль берегового шоссе на север. Англичане напали на его след и пустили ему вдогонку моторизованную часть, насчитывавшую не меньше десяти машин. Машина ворвалась в Нагарию. Нахум Бен Ами направился с Довом к ливанской границе, в кибуц Гамишмар, а остальные заняли позиции, чтобы задержать бросившихся вдогонку англичан. Им действительно удалось задержать англичан, пока Нахум Бен Ами и Дов Ландау успели добраться в безопасное место, но все семнадцать мужчин и женщин погибли в этом бою.

Акива и Ари сидели сзади в штабном джипе. Рядом с шофером сидел еще один Маккавей. Джип понесся во весь опор в сторону кибуца Кфар-Масарик. У Наполеоновой горы засада Маккавеев предупредила, что шоссе заминировано в ожидании английской контратаки. Эта группа Маккавеев должна была задержать две роты английских солдат, пытавшихся ворваться в город.

Ари быстро принял решение.

— Шофер, вы можете проехать вон там по полю мимо англичан?

— Попытаюсь.

Они свернули с шоссе и, буксуя, переваливаясь с одной стороны на другую, поехали по полям в обход англичан. Им удалось проехать мимо двух английских рот, после чего они снова повернули в сторону шоссе. С десятков солдат бросились вслед за джипом, стреляя на ходу. Когда передние колеса уже въехали на шоссе, залп ударил по джипу. Ари сгреб Акиву и прижал его к полу. Кругом свистели пули. Задние колеса буксовали, врываясь глубоко в землю в поисках опоры. Шофер дал задний ход, но новый залп обрушился на машину. Двое солдат с автоматами чуть не настигли их. Ари выхватил пистолет и выстрелил в заднее окно. Один солдат свалился. Второй дал длинную очередь по джипу. Огонь так и пер из дула автомата.

Едруп Акива взревел.

Снова автоматная очередь.

Ари свалился на Акиву как раз в ту секунду, когда джипу удалось наконец въехать на шоссе. Шофер нажал на газ до отказа, и машина умчалась прочь.

— У вас там все в порядке сзади? — спросил шофер.

— Мы оба ранены.

Ари поднялся с пола, сел и принялся щупать правую ногу. Внутреннюю сторону бедра словно парализовало. Видно, пуля глубоко засела. Крови было не много, боли тоже, просто жгло немножко.

Он опустил на колени, повернул Акиву лицом кверху и разорвал рубашку на его груди. Пули вспороли ему живот.

— Как он там? — спросили спереди.

— Плохо. очень плохо.

Акива был в сознании.

— Ари, — спросил он, — как ты думаешь, выживу?

— Нет, дядя.

— Тогда отвези меня в какое-нибудь укромное местечко... ты меня понял?

— Понял, — ответил Ари.

Джип въехал в кибуц Кфар-Масарик, где десяток кибуцников приготовились спрятать джип и предоставить в распоряжение беглецов грузовик. Акива потерял сознание к тому времени, когда его осторожно вынесли из машины. Ари быстро всыпал в рану сульфамид и кое-как сделал простейшую перевязку. Маккавей, ехавшие с ним, оттолкнули его в сторону.

— Старик не выдержит, если мы повезем его с собой дальше. Он должен остаться здесь, ему нужен врач.

— Нет, — сказал Ари.

— Ты что, с ума сошел?

— Послушайте, вы двое. У него нет никаких шансов выжить. Если бы он даже выжил, англичане его все равно найдут здесь. Если мы его здесь оставим и он умрет, это сразу станет известно по всей Палестине. Между тем, никто, кроме нас, не должен знать, что Акиве не удалось спастись. Англичане никогда не должны узнать, что Акива погиб.

Оба Маккавея кивнули в знак согласия. Они сели в кабину, а Ари сел в кузов, куда положили его дядю. У Ари начались боли в ноге.

Машина поехала на юг, минуя Хайфу. Затем она стала взбираться вверх по узкой горной дороге. Ари придерживал Акиву, так и не приходившего в сознание, оберегая его от толчков на ухабах и на резких поворотах. Они взбирались все выше и выше на Кармель, пока не забрались в район, где жили одни друзья.

Акива открыл глаза. Он пытался сказать что-то, но не смог. Он узнал Ари и улыбнулся ему. Затем он тяжело повис у Ари на руках.

Не доезжая полутора километров до села Далият эль-Кармил, машина въехала в небольшой перелесок. Там ждал друг Муса, солдат Хаганы, с осликом и повозкой.

Ари кое-как вылез из кузова. Он потерял ногу. Он был весь испачкан кровью Акивы.

Муса подбежал к нему.

— Я в порядке, — сказал Ари. — Понесите Акиву. Он умер.

Усталое старое тело Акивы выгрузили из кузова и понесли на повозку.

— Вы двое — Маккавеи. Вы не должны рассказывать никому, кроме Бен Моше или Нахума, о том, что Акива умер. А теперь садитесь в машину и поезжайте назад. Сначала хорошенько вычистите ее. Мы с Мусой сами похороним дядю.

Машина уехала.

Ари сел на повозку. Они объехали деревню и поднялись на южную вершину Кармеля, самое высокое место горы. Уже начинало темнеть, когда они въехали в небольшой лесок, где стоял жертвенник крупнейшего еврейского пророка Ильи. Именно здесь Илья именем Бога одержал победу над служителями Ваала царицы Иезавели.

Алтарь пророка Ильи смотрел вниз на Ездrelонскую долину. Долина словно служила вечным напоминанием, что земля эта не забыта.

Муса и Ари вырыли неглубокую могилу рядом с алтарем Ильи.

— Давай снимем с него эту красную одежду, — сказал Ари.

Они сняли британскую форму приговоренного к повешению, положили в могилу тело Акивы, засыпали ее и забросали сучьями. Муса отошел к повозке.

Ари опустился на колени перед могилой Акивы. Яков Рабинский родился во гневе и скончался в горе. Наконец-то он обрел мир, который так не давался ему при жизни. Теперь он вечно будет покоиться здесь на вершине и смотреть вниз на страну евреев. Когда-нибудь, подумал Ари, весь мир узнает, где покойся Акива, и это место станет святыней для всех евреев.

— Прощай, дядя, — сказал Ари. — Я так и не успел сказать тебе, что твой брат простил тебя.

Ари встал и зашатался. Муса подбежал к нему в ту самую секунду, когда он дико закричал от боли и свалился без чувств на землю.

Г Л А В А 17.

Китти и доктор Либерман сидели оба в подавленном состоянии, когда она пришла по какому-то делу к нему в кабинет.

— Я многое бы отдал, если бы знал, как уговорить вас остаться, — сказал доктор Либерман.

— Благодарю вас, — ответила Китти. — По мере того, как приближается день отъезда, я и сама чувствую себя какой-то опустошенной. Я понятия не имела, как сильно я успела привязаться к Ган-Дафне. Всю ночь я просидела над историями болезней. Некоторые ребята сделали огромные успехи, если учесть, что они пережили.

— Им будет плохо без вас.

— Я знаю. Мне и самой будет плохо без них. Постараюсь привести все в ажур в ближайшие дни. Есть, однако, несколько особых случаев, о которых мне хотелось бы переговорить с вами лично.

— Да, конечно.

Китти встала и собралась уходить.

— Не забудьте, пожалуйста, прийти вечером в столовую на полчаса раньше.

— Ну, зачем они это? Какие могут быть в данном случае торжественные проводы?

Маленький горбун поднял руки вверх.

— Они все настаивали. Что мне было делать?

Китти подошла к двери.

— А как Карен?

— Очень плохо. С тех пор как она была на свидании с Довом в тюрьме, она вся не своя. Вчера она узнала о рейде Маккавеев и ночью ей было особенно плохо. Скоро она, бог даст, узнает — удался ли побег или нет. Бедное дитя достаточно настрадалось: хватит, пожалуй, на целую жизнь. Может быть, мне это и не сразу удастся, но я заверяю вас, доктор, что сделаю все, чтобы она стала в Америке по-настоящему счастливой.

— Как бы мне хотелось найти в своем сердце и вы-

сказать вам честное убеждение в том, что вы совершаете ошибку, покидая нас. Но сделать этого я, увы, не могу.

Выйдя из кабинета, Китти пошла вниз по коридору, обдумывая последние известия, потрясшие весь мир. Маккавеи потеряли двадцать мужчин и женщин убитыми, а еще пятнадцать попали в руки англичан. Сколько пряталось раненых, об этом никто не знал. Бен Моше погиб. Не слишком ли высокая цена за спасение двух жизней. Но дело было не в двух жизнях: рейд нанес сокрушительный удар по моральному состоянию англичан, окончательно лишив их желания сохранить мандат на Палестину.

Китти остановилась перед дверью Иорданы. Ей очень не хотелось вступать с ней в разговор. Все же она постучала в дверь.

— Войдите.

Китти вошла. Иордана сидела за столом. Она подняла голову и холодно посмотрела на Китти.

— Прошу извинить, Иордана... Вы случайно не знаете, чем закончился вчера побег в Акко? Дов Ландау в порядке? Вы ведь знаете, как сильно Карен привязана к мальчику. Она почувствует себя гораздо лучше, если...

— Я ничего не знаю.

Китти собралась уходить и уже у двери обернулась и спросила.

— Ари тоже участвовал в рейде?

— Ари мне не докладывает о своих действиях.

— Я думала, вы просто так знаете.

— Как же мне знать? Этот рейд совершили Маккавеи.

— Ну, вы и ваши друзья каким-то образом ухитряетесь узнавать все, если только хотите.

— Если бы я даже знала, я все равно ничего бы вам не сказала, миссис Фрэмонт. Я не хочу, чтобы что-нибудь помешало вам сесть в самолет и улететь из Палестины.

— Мне было бы гораздо приятнее, если бы мы расстались друзьями, но похоже на то, что вы хотите отнять у меня последнюю возможность.

Китти быстро вышла из кабинета и направилась к подъезду. На спортплощадке дети играли в футбол и весело визжали. Дети поменьше играли в салки на лужайке, а которые постарше — лежали на траве и читали.

Круглый год в Ган-Дафне не переводятся цветы, подута Китти, и воздух всегда благоухает.

Китти спустилась по ступенькам здания администра-

ции, прошла мимо окопов в другой конец лужайки и остановилась у статуи Дафны. На этот раз она не испытывала никакой ревности. Она посмотрела вниз на долину Хулы и ее охватило вдруг шемящее чувство одиночества.

— Шалом, гиверет Китти, — здоровались с нею ребята, бежавшие мимо. Один мальчуган подбежал к ней и обхватил ручонками ее стан. Она погладила его по головке и отпустила.

У нее было очень тяжело на душе, когда она направилась к больнице. Расставание с Ган-Дафной было более трудным, чем она думала.

Войдя в кабинет, она принялась за истории болезни: нужно было часть закрыть, а часть дополнить.

Странно, подумала она; когда она оставила детдом в Салониках, у нее было не так тяжело на душе. Никогда Китти по-настоящему не пыталась стать «другом» евреев в Ган-Дафне. Почему же это вдруг на нее так навалилось?

Может быть оттого, что на этом оборвется ее приключение с Ари? Ей будет очень тяжело расстаться с ним навсегда; она долго его не забудет, может быть — никогда. Но все равно со временем все образуется, войдет в норму, и она сможет дать Карен все то, в чем девушка так нуждалась и что ей так хотелось дать ей. Им будет очень хорошо вместе, и девушка, конечно, тут же возобновит занятия балетом. А со временем образ Ари Бен Канаана, как и воспоминания о Палестине вообще, поблекнут, конечно.

Это только естественно, что сейчас ей тяжело, рассуждала Китти. Любое расставание и любой переезд с места на место причиняют известную боль.

Она принялась за свои личные заметки, касающиеся «ее» детей. В самом ли деле это безличные объекты медицинских предписаний? Не являются ли они скорее несчастными детьми, всецело зависящими от нее? Имеет ли она право бросить их просто так? Не обязана ли она ставить их интересы выше собственных?

Китти тут же отогнала от себя эти мысли. Она выдвинула ящик стола и достала свой паспорт. Рядом лежал британский паспорт Карен. Тут же были и два билета: аэропорт отправления — Лидда, аэропорт назначения — Нью-Йорк.

Марк Паркер специально приедет встречать их в Сан-

Франциско. Милый Парк... лучше него нет друга на свете. Марк, конечно, поможет ей устроиться где-нибудь в Сан-Франциско. Китти особенно любила район залива. Они могли бы устроиться в районе моста Золотых Ворот, либо в Беркли, неподалеку от университета. Театр будет рядом, и балет и Сан-Франциско, эта страна чудес.

Китти задвинула ящик.

Она снова принялась за истории болезни, затем положила их обратно в шкаф. Она безусловно имеет право уехать... в этом не может быть никаких сомнений. Сам доктор Либерман признался в этом. Она ничем не обязана этим детям. Это была работа, как всякая другая.

Китти замкнула шкаф, где лежали истории болезней, и вздохнула. Как бы она ни оправдывала себя перед собственной совестью, на душе все-таки оставалась какая-то тень. В самом ли деле она решилась на это все ради Карен, а не из-за своей эгоистичной любви к девушке?

Китти обернулась и чуть не вскрикнула. В дверях стоял араб. Он был как-то странно одет. На нем был неуклюжий шерстяной костюм в елочку, а на голове красная феска, обмотанная белой повязкой, придававшая ему странный вид. У него были огромные черные усы, с тончайшими, закрученными кончиками.

— Не пугайтесь, — сказал араб. — Можно мне войти?

— Конечно, — ответила Китти, удивленная его английской речью.

Она подумала, что он живет где-нибудь поблизости, и что у него кто-нибудь заболел дома.

Араб вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Вы миссис Фрэмонт?

— Да.

— Меня зовут Мусой. Я — друз. Вы знаете, кто такие друзы?

Она что-то слышала об этой мусульманской секте, члены которой жили в деревнях на горе Кармель, к югу от Хайфы. Она слышала также, что они относятся лояльно к евреям.

— О, вы наверно, пришли издалека.

— Я член Хаганы.

Китти инстинктивно вскочила.

— Ари! — вскрикнула она.

— Он скрывается в моей деревне. Он возглавил напа-

дение на тюрьму Акко. Он просит, чтобы вы приехали к нему.

У Китти бешено билось сердце.

— Он тяжело ранен, — сказала Муса. — Вы поедете?

— Да, — ответила она.

— Не берите с собой никаких медикаментов. Нам нужно быть осторожными. Всюду рыскают английские патрули, и если они обнаружат у вас медикаменты, это покажется им подозрительным. Ари велел посадить в машину детей. Завтра у нас свадьба в деревне. Мы скажем англичанам, что дети едут на свадьбу. У меня тут грузовая машина. Отберите человек пятнадцать детей, и пусть они с собой захватят постель.

— Через десять минут они будут готовы, — сказала Китти и помчалась в кабинет доктора Либермана.

От Ган-Дафны в Далият эль-Кармилль было восемьдесят километров. Ехать приходилось в основном по узким горным дорогам Галилеи. Старый грузовик продвигался очень медленно.

Дети, сидевшие в кузове, радовались неожиданному празднику и пели во все горло, пока машина пробиралась по горам. Одна только Карен, сидевшая рядом с Китти в кабине, знала истинную цель этого путешествия.

Китти принялась спрашивать Мусу. Ей удалось узнать только, что Ари был ранен в ногу сутки назад, что он не может встать, и что ему очень больно. О Дове Ландау он ничего не знал и ничего не сказал также о смерти Акивы.

Несмотря на полученные инструкции Китти все-таки бросила в боковое отделение пакет со стрептоцидом, сульфамидом, марлей и иодом. Такая аптечка первой помощи вряд ли вызовет подозрения.

По-настоящему Китти только два раза в жизни испытывала глубокий страх. Первый раз — в ожидалке отделения полиомиелита детской больницы в Чикаго, где она просидела трое суток, когда у Сандры был кризис. Затем — в Дворцовой гостинице на Кипре в дни голодовки детей на «Эксодусе».

Теперь ее снова охватил страх. Она не слышала пения детей сзади и не обращала внимания на попытки Карен успокоить ее. Она была вне себя от страха.

Она сидела с закрытыми глазами, ее губы произ-

вольно шевелились, произнося все снова и снова одни и те же слова.

— Кто бы ты там ни был, Бог, охраняющий Израиль. Пожалуйста, не дай Ари умереть... пожалуйста, не дай ему умереть.

Прошел час, затем еще один, затем и третий.

Нервы сдали у Китти совершенно, и она была близка к изнеможению. Она сидела с закрытыми глазами, приклонившись головой к плечу Карен.

Грузовик свернул наконец в сторону Кфар-Масарик, следуя той же дорогой, по которой Ари скрылся из Акко. Подъезжая ближе к Кармелю, они то и дело сталкивались с английскими солдатами.

На каком-то перекрестке их остановили.

— Это дети из Ган-Дафны. У нас завтра свадьба в Далият эль-Кармиле.

— Ну-ка всем слезть! — скомандовали англичане.

Они обыскали всю машину. Пришлось развязать всю постель; дважды англичане вспороли одеяла ножами. Затем полезли под машину, сняли скат с запасного колеса, подняли капот и обыскали двигатель, обыскали также всех детей. Обыск длился целый час.

У подножия горы их снова подвергли обыску. Китти сидела чуть ли не без чувств, когда Муса наконец направил машину вверх на Кармель.

— Все дружеские деревни расположены высоко в горах. Нас немного, и только высоко в горах мы можем защищаться от арабов, — пояснил Муса. — Еще несколько минут, и мы приедем.

Когда машина подъехала к деревне и сбавила скорость, пробираясь по узким улицам села, Китти сделала над собой усилие и подтянулась.

Деревня Далият эль-Кармиле лежала словно на крыше земного шара. По сравнению с грязью и запущенностью большинства арабских сел эта деревня вся сверкала белизной и чистотой. У большинства мужчин были усы, а некоторые носили европейские костюмы. Их головные уборы несколько отличались от арабских, но их главной отличительной чертой было чувство собственного достоинства, которое сквозило буквально во всем, их гордая внешность и воинственный вид, говорящий о том, что они умеют постоять за себя.

Женщины были как на подбор красивые, а дети креп-

кне и ясноглазые. Женщины носили чрезвычайно пестрые одежды, а голову кутали в белые платки.

Деревня была забита гостями. Они приехали на свадьбу из всех друзских деревень на Кармеле, а вдобавок приехали еще евреи из кибуцов и даже из самой Хайфы.

Машина медленно продвигалась мимо здания сельской управы, где толпились мужчины, пришедшие поздравить жениха и старейшин. Вдоль здания управы на склоне горы была построена терраса, а там стоял длинейший стол метров в двадцать пять, весь уставленный фруктами, рисом, бараниной, фаршированной тыквой, винами и прочими спиртными напитками. Женщины, с подносами на голове, непрерывно доставляли новые блюда, унося пустые.

Муса остановил машину недалеко от управы. Человек шесть жителей села пришли приветствовать детей. Дети выпрыгнули из кузова, разгрузили палатки и постель и пошли ставить свои палатки за управой, с тем чтобы тут же вернуться.

Муса, Китти и Карен поехали дальше по главной улице. Чуть дальше группа танцоров в сверкающих серебром рубашках и вышитых тюбетейках исполняли друзскую пляску. Построившись в колонну и положив руки на плечи передних, они притопывали одними только ногами, не нарушая строя и держа туловища неподвижно. Впереди плясал лучший друзский танцор Палестины, некий Нисим: держа один нож зубами и еще по одному в каждой руке, он неистово исполнял какую-то дикую пляску.

Рядом народный певец рассказывал какую-то сказку, выкрикивая тут же на месте придуманные стихи. Сотни людей, стоявших вокруг, подхватывала каждый стих все громче и громче, а когда певец кончил, многие слушатели выхватили пистолеты из поясов и начали палить в воздух.

Муса свернул с главной улицы и поехал по крутому переулку вниз. Включив первую скорость и нажав на тормоза, он пустил машину вниз.

Добравшись до конца спуска, Муса остановил машину. Подъем предстоял слишком крутой. Все трое вышли из машины, Китти захватила с собой пакет с медикаментами и вместе с Карен стала подниматься вслед за Мусой. Вскоре свадебного шума стало почти совсем не слышно.

Они остановились у крайнего дома деревни. Дом тша-

тельно охранял небольшой отряд вооруженных грозных на вид друзей.

Муса открыл дверь. Китти сделала глубокий вдох и вошла.

В передней стояли еще двое часовых. Китти обернулась к Карен.

— Ты постой здесь Я тебя позову, когда нужно будет. Пойдем, Муса.

В спальне было почти темно. Стояла приятная прохлада, так как дом был расположен высоко, а полы были каменные. Китти услышала стон. Она быстро подошла к окну и распахнула ставни. Сразу стало светлее.

Ари лежал на широкой кровати с бронзовыми перекладинами в головах. Он вцепился руками в две перекладки и, извиваясь от невыносимой боли, совершенно согнул их. Китти отбросила одеяло в сторону. Его одежда и матрац были все в крови.

— Помогите мне снять с него брюки, — сказала Китти.

Муса бросил на нее изумленный взгляд.

— Ну ладно, — сказала она. — Тогда хоть не мешайте. Я скажу вам, когда будет нужно.

Она осторожно распоролла его штаны и внимательно осмотрела его. У него был неплохой цвет лица, и пульс был тоже относительно ровный. Она сравнила обе ноги. Раненая не слишком опухла, и похоже было, что он потерял не слишком много крови.

Убедившись, что Ари жив и что ему не угрожает непосредственная опасность, Китти несколько успокоилась и энергично принялась за дело.

— Муса, принесите мне немного воды, мыло и чистые полотенца. Мне надо получше рассмотреть рану.

Она тщательно вымыла руки, затем осторожно обмыла рану по бокам. Бедро посинело, и кровь сочилась из пулевой раны. Место вокруг раны опухло.

У Ари задрожали веки.

— Китти? — вырвалось у него, когда он открыл глаза.

— Да, это я.

— Слава богу.

— Вы что-нибудь уже сделали с раной?

— Вчера всыпал немного сульфамида. Наложили жгут, хотя кровь лилась не очень.

— Ну, я теперь немножко повожусь. Предупреждаю, будет больно.

— Валяйте.

Он застонал, когда она дотронулась до опухоли. Его тело покрылось холодным потом от боли. Он снова вцепился в бронзовые перекладки и вся кровать заходила ходуном. Китти живо отняла руки. Ари дрожал от боли целых три минуты. Она вытерла ему лоб мокрым полотенцем.

— Вы можете говорить, Ари?

— Сейчас пройдет, — ответил он. — Эта боль то появляется, то снова проходит. Пустяковая рана, а так больно! Вам такие случаи не попадались на пункте скорой помощи?

Китти улыбнулась: смотрите-ка — не забыл!

— О, всякое бывало. Бывало, какой-нибудь ревнивый муж стрелял в любовника жены, а нам — возись с раненым.

— А все-таки что у меня?

— Я не могу сказать точно. Пули ведут себя порой очень странно. Нельзя знать заранее, куда они попадут. Пульс у вас нормальный, дыхание тоже, шока у вас нет. Нога не опухла, если не считать того места, где рана.

— А что это значит?

— По-моему, то, что внутреннего кровоизлияния не было. Главную артерию пуля не задела. Не вижу и признаков инфекции. Я бы даже сказала, что вам повезло... хотя эта боль меня и беспокоит.

— Я теряю сознание из-за этой боли каждые несколько часов.

— Держитесь. Я хочу еще раз прощупать рану.

Ари сжал зубы, но выдержал всего лишь несколько секунд. Он дико заорал, его туловище рывком взвилось вверх, затем он бессильно упал на подушку.

— Эта подлая рана меня со света сживет!

Он сцепился в простыни, повернулся ничком и задергался весь.

На этот раз припадок длился целых десять минут. Наконец боль стихла и Ари остался лежать неподвижно.

— Китти... что бы это могло быть?... Ради бога, я этого не вынесу...

— Когда вас ранило, вы могли ходить?

— Да... Что бы это могло быть, Китти? Откуда эта дикая боль?

Она покачала головой.

— Я не врач. Не могу сказать точно. Может быть, я совершенно не права.

— Скажите хоть то, что вы думаете, — взмолился он.

— Так вот, я думаю, что пуля проникла в бедро и задела кость. Она не сломала кость, а то бы вы не удержались на ногах. Она не прошла также дальше вглубь, потому что в таком случае она задела бы, вероятно, артерию.

— Что же тогда?

— Я думаю, что задев кость, пуля либо вызвала трещину, либо даже отшибла осколочек. Это одна из причин того, что вам так больно. Но я думаю, что пуля пошла по том рикошетом обратно и застряла где-то, задев нерв.

— И что же будет?

— Надо вынуть пулю. Эта боль может даже убить вас, а то — парализовать. Выехать отсюда вы не можете. В пути все может случиться... скажем, кровоизлияние или что-нибудь другое. Вас должен немедленно осмотреть врач, не то будет очень плохо. Эту пулю нужно немедленно удалить.

Ари посмотрел в сторону Мусы. Китти обернулась и тоже посмотрела на него, но тут же быстро повернулась назад к Ари.

— После вчерашнего рейда по всей Галилее скрываются раненые, — сказал Муса. — Все еврейские врачи Палестины находятся под неукоснительным наблюдением. Если я попытаюсь доставить сюда врача, вслед за ним придут и англичане.

Она снова перевела взгляд с одного на другого, затем встала и закурила.

— В таком случае вам лучше сдать англичанам добровольно, тогда вашей раной займутся немедленно.

Ари кивнул Мусе, и тот вышел из комнаты.

— Китти, — подозвал он ее.

Китти подошла к кровати. Он взял ее за руку.

— Они меня повесят. Все зависит теперь только от вас.

У нее пересохло в горле. Она отошла, прислонилась стене и задумалась. Ари совершенно успокоился к этому времени и не сводил с нее глаз.

— Нет, я не могу. Я не врач.

— Вы должны.

— Да тут и нечем...

— Все равно вы должны.

— Я не могу... Вы понимаете, не могу... Вы просто не

выдержите. Чего доброго, еще шок схватите. Нет, нет, Ари, мне страшно даже подумать.

Она упала на стул. Она вспомнила о том, что Ари возглавлял нападение на тюрьму, и что он совершенно прав, считая, что англичане его повесят, если схватят. Она подумала о Дове, о том, что перенесла Карен. Она знала что ему не на кого больше надеяться, кроме как на нее. Если она ему не поможет, это будет все равно, что приговорить его к смерти. Она вцепилась зубами в крепко сжатые пальцы и тут же рывком поднялась. На тумбочке стояла бутылка коньяка.

— Пейте. Когда вы выпьете эту бутылку, достанем еще одну. Пейте... вы должны напиться до потери сознания, потому что когда я начну вас кромсать, вы сойдете с ума от боли.

— Спасибо, Китти...

Она быстро распахнула дверь.

— Муса!

— Я вас слушаю.

— Где можно достать кое-какие медикаменты?

— В кибуце Ягур.

— Сколько потребуется, чтобы человек добрался туда и обратно?

— Добраться туда просто. Но вот вернуться... По шоссе нельзя; значит, нельзя и на машине. Пешком по горам... мы можем и не успеть к ночи.

— Так вот, послушайте. Я набросаю список того, что мне нужно. Вы должны немедленно послать человека в кибуц.

Китти задумалась. Посыльный может вернуться только ночью, а может и совсем не вернуться. В медпункте кибуца могли быть нужные ей обезболивающие средства, а могли и не быть. Так или иначе, а ей ждать больше нельзя. Она написала, что ей нужны два литра плазмы, пенициллин в ампулах, морфий, перевязочные материалы, термометр и кое-какой инструмент. Муса тут же отправил одного из часовых в Ягур.

— Карен, ты мне должна будешь помочь, но предупреждаю — будет очень грудно.

— Я все сделаю.

— Умница. Муса, неужели у вас тут ничего нет из медикаментов?

— Кое-что есть, но очень немного.

— Ладно. Обойдемся тогда тем, что у нас в аптечке. Карманный фонарь есть? И несколько неиспользованных лезвий или острый ножик?

— Найдем.

— Чудно. Прокипятите мне эти вещи в течение получаса.

Муса вышел и распорядился.

— А теперь расстелите несколько одеял на полу. Кровать чересчур неустойчивая. Его придется положить на пол. Пока мы его положим на пол, ты, Карен, убери эти грязные простыни и расстели свежие. Муса, велите принести ей чистые простыни.

— Еще что-нибудь нужно?

— Да, нам понадобится человек шесть или восемь, чтобы не дать ему шевельнуться.

Приготовления шли вовсю. На полу расстелили одеяла, а Ари тем временем пил. Четверо друзей мягко приподняли его и уложили на пол. Карен быстро сменила окровавленные простыни и привела в порядок постель. Принесли лезвия и ножик. Китти тщательно вымыла руки, затем обмыла рану и обмазала ее кругом иодом. Она подождала еще немного, пока, напившись коньяку, Ари забормотал что-то невнятное, затем подложила ему подушку под голову и всунула чистый платок в рот, чтобы ему было что кусать.

— Все, — сказала она. — Я готова. Теперь держите его крепко и давайте начнем.

Один мужчина держал Ари за голову, по два — каждую руку, двое — здоровую ногу, а один — раненую. Восьмерка друзей крепко пригвоздили Ари к полу. Карен стояла рядом, держа в руках фонарь, коньяк и убогий инструментарий. Китти опустилась на колени и нагнулась над раной. Карен светила ей фонарем.

Китти взяла лезвие и подала знак, что она начинает действовать. Она нажала острием лезвия на бедро, выбрала направление и одним быстрым движением рассклала мышцы, сделав над раной глубокий надрез длиной в пять сантиметров. Ари весь задрожал. У него потекло из носа, из глаз потекли слезы. Друзья с трудом удержали его.

Карен заметила вдруг, что Китти смертельно побледнела, а глаза у нее закатились. Она схватила Китти за волосы, запрокинула ее голову и вылила ей в рот коньяк. Китти сначала задохнулась, но тут же пришла в себя и сама

отпила еще один глоток. У Ари закатились глаза: он впал в благодетельное забытье.

Карен снова направила фонарь на надрез. Одной рукой Китти держала открытыми края надреза, а большим и средним пальцами второй руки прощупала окрестности раны. Она задела ногтем какой-то твердый предмет. Из последних сил она вцепилась пальцами в пулю и вытащила ее из раны.

Она села на пол, подняла пулю, осмотрела ее и захохотала. Друзы тоже захохотали. Китти тут же зарыдала; с ней чуть не сделалась истерика.

— Муса, — распорядилась Карен. — Положите его живо на кровать. И чтобы никто не дотронулся до раны.

Карен помогла Китти встать и усадила ее на стул. Она вынула пулю из ее рук и начисто вытерла ей пальцы. Затем девушка подошла к кровати, всыпала в рану порошок сульфамида и сделала свободную перевязку. Смочив тряпку, она обмыла его, как могла. Китти все еще сидела, скорчившись на стуле и всхлипывала.

Затем Карен велела всем выйти из комнаты, налила Китти еще рюмку и вышла тоже.

Китти выпила рюмку, подошла к Ари и пощупала пульс. Она приподняла его веки и посмотрела на цвет его лица.

Да... все хорошо, он поправится...

Она положила голову к нему на грудь.

— Ари... Ари... Ари... — шептала она сквозь рыдания.

Г Л А В А 18.

Адские боли Ари не унимались. Друз, посланный в кибуц за медикаментами, все не возвращался. Китти не могла оставить больного ни на секунду. Несколько раз ей приходилось позвать Мусу и других мужчин, чтобы удержать Ари и не дать ему повредить открытую рану.

Наверху, в центре села, песни, пляски и веселье шли своим чередом. Невесту, которая с самого утра сидела взаперти, вывели наружу. Жених, во фраке и цилиндре, сел на коня и подъехал к ней по усыпанной цветами улице, по обеим сторонам которой вооруженные друзья образовали нечто вроде почетного караула.

После свадебной церемонии многие еврейские гости, а также дети из Ган-Дафны, разложили костер и затеяли «хору» и песни. Под звуки флейты и барабана исполнялись еврейские пляски, затем в круг вошли и друзья и исполнили свои пляски.

Карен неотступно сидела в передней. Она входила в спальню только для того, чтобы сменить Китти ненадолго. К утру они обе изнемогали от бессоницы и напряжения. Китти сидела на краю кровати и вскакивала каждый раз, когда Ари стонал или делал какое-нибудь движение.

Медикаменты все еще не прибыли.

— Вам, пожалуй, придется отвезти детей назад в Ган-Дафну, — сказала Китти Мусе. — У вас тут есть еще кто-нибудь, кто говорит по-английски?

— Да. Я пошлю его сюда в ваше распоряжение.

— Хорошо. Нельзя ли поставить сюда еще одну койку или кушетку? Мне придется остаться здесь некоторое время.

— Будет сделано.

Китти прошла в переднюю, где Карен сидела на скамейке и дремала. Она нежно погладила девочку по щеке. Карен тут же вскинулась и протерла глаза.

— Он в порядке?

— Нет. У него очень сильные боли. Ты вернешься сегодня с детьми в Ган-Дафну.

— Но, Китти...

— Не спорь, пожалуйста. Скажи доктору Либерману, что я останусь здесь, пока не станет ясно, что он вне опасности.

— Но ведь мы же послезавтра должны улететь.

Китти покачала головой.

— Верни билеты. Мы потом купим новые. Мне нельзя уехать отсюда, пока не пришлют кого-нибудь, кто сможет ходить за ним. Трудно сказать, когда это будет.

Карен обняла Китти и собралась выйти.

— Еще вот что, Карен. Съезди, пожалуйста, в Сафед и скажи Брусу Сатерленду, что я здесь. Попроси его, чтобы он приехал в Хайфу. Пускай он снимет номер в лучшей гостинице. Я его найду, где бы он ни поселился. Дай ему кое-какие вещи для меня, а то переодеться мне не во что.

В полдень многочисленные гости стали разъезжаться по домам: друзья — в свои горные деревни, а евреи — в кибуцы и в Хайфу. Муса повез детей на машине назад в Ган-Дафну.

Когда все уехали, друзья немного ослабили охрану вокруг Ари. Друг, говоривший по-английски, сидел в комнате рядом.

Китти Фрэмонт осталась одна с Ари в этом странном месте. Только теперь, когда все немного улеглось, ей стало ясно значение всего того, что произошло. Она остановилась у его кровати и посмотрела на него.

— Господи боже мой, — прошептала она, — что я наделала!

Все эти месяцы борьбы, тщательно разработанное сопротивление, все сразу рухнуло в тот безумный миг, когда она решила поехать к нему. В эту минуту ей стало физически страшно той власти, которой Ари обладал над ней.

Поздно вечером явился наконец посыльный с медикаментами из кибуца Ягур. Ему пришлось пробираться по горам и подолгу скрываться: всюду рыскали британские патрули в поисках раненых.

Китти быстро влила Ари литр плазмы, затем сделала ему укол пенициллина на случай инфекции, которая, как она боялась, неизбежна, принимая во внимание условия, в которых была проведена операция. Затем она сделала ему новую перевязку и ввела ему морфий, чтобы боль немножко стихла.

Следующие двое суток Китти все время вводила Ари

морфий, чтобы приостановить боли. Ари начал явно поправляться. Надрез стал постепенно заживать. Никакой особый кризис теперь уже не предстоял. Правда, просыпался он ненадолго, принимал пищу, но был слишком апатичен, чтобы понять, что происходит вокруг него. Друзья были в восторге от деловитости и энергии Китти, женщины же приходили в восхищение от того, как она командовала мужчинами.

Когда Китти убедилась, что опасность Ари больше не угрожает, и что время теперь само все сделает, ее снова охватила тревога: ее снова начал мучить вопрос о том, уехать ли из Ган-Дафны, или остаться.

В который раз она билась над тем, вправе ли она оставить детей, которые так в ней нуждаются? Где лежит водораздел между работой по специальности и человеческой совестью? А Карен? Согласна ли она поехать в Америку только потому, чтобы не потерять Китти?

Однако больше всего Китти тревожило одно обстоятельство, которое не поддавалось логичному объяснению. Эти странные люди уже завладели ею один раз помимо воли: на Кипре она было решила не работать на них, — а потом увидела Карен. Совершенно то же повторилось и сейчас: накануне самого отъезда — эта история с Ари. Совпадение ли это, или вмешательство в ее судьбу какой-то высшей силы? Как ни отгонял здравый смысл Китти эту фантастическую идею, она ей не давала покою. Власть этой страны нагоняла на нее страх.

Благодаря уходу Китти Ари быстро поправлялся. Что ни говори, думала Китти, он необыкновенный человек. Боли, которые ему пришлось вынести, убили бы хоть кого. К концу четвертого дня она резко уменьшила дозу морфия. Убедившись, что рана заживает, и что инфекции опасаться теперь уже нечего, она перестала давать ему также пенициллин.

На пятый день Ари проснулся утром голодный, в хорошем настроении и выразил желание помыться и побриться. Но чем оживленнее становился Ари, тем глубже Китти забиралась в свою скорлупу. Она напустила на себя холодный, сухой и официальный вид. Она отдавала распоряжения, словно какой-нибудь старший сержант, и написала ему план на следующую неделю, словно он ей совершенно чужой.

— Я надеюсь, что к концу недели совершенно отпадет

надобность в морфии. Я требую, чтобы вы начали упражнять ногу и двигали ею как можно больше. Вместе с тем нужно быть осторожным и не слишком утруждать ее: шва ведь нет.

— А когда я смогу ходить?

— Без рентгена сказать трудно. Я думаю, что в кости лишь небольшая трещина. Если бы были осколки, вам бы было очень больно. Все же я могу с уверенностью сказать, что пройдет не меньше месяца, прежде чем вы сможете встать на ноги.

Ари легонько свистнул, когда она поправила под ним простыню.

— Ну, я теперь уйду ненадолго, — сказала она. — Вернусь примерно через полчаса.

— Китти, подождите минуточку. Я... э... понимаете, вы были очень добры ко мне. Вы берегли меня как ангел. Но вот с сегодняшнего утра вы почему-то злитесь. В чем дело? Я что-нибудь сделал не так?

— Я просто устала. Очень устала. Я пять ночей почти не спала. Жалею, что не в силах ни спеть, ни сплясать вам что-нибудь, чтобы было веселее.

— Не в этом дело. Тут что-то другое. Вы, верно, жалеете, что вообще сюда приехали.

— Да, жалею, — ответила она тихо.

— Вы, верно, ненавидите меня.

— Ненавидеть? Кажется, я достаточно ясно выразила что именно я чувствую к вам. Оставьте это, пожалуйста. Я устала...

— Тогда в чем же дело? Вы должны мне сказать.

— Я презираю себя за то, что равнодушна к вам... Будут еще какие-нибудь вопросы?

— У вас порой очень сложный характер, Китти Фрэмонт.

— Какой уж есть.

— Почему мы с вами всегда нападаем друг на друга, маневрируем, отступаем?

Китти бросила на него долгий взгляд.

— Может быть, потому, что я не привыкла жить по вашим несложным правилам вроде: вы мне нравитесь, я вам тоже, давайте полезем в кровать. В уставе Палмаха, где-то на четыреста сорок четвертой странице у вас, верно, записано: парни и девушки не должны ломаться. Женщины Палестины, будьте передовыми. Если вы кого-ни-

будь любите, ложитесь с ним.

— Мы не ханжи.

— А у меня не такие передовые взгляды, как у Иорданы или у вашей бессмертной Дафны.

— Замолчите! — заорал Ари. — Как вы смеете думать, что моя сестра или Дафна — шлюхи? Иордана любила в жизни только одного мужчину. Что плохого в том, что она ему отдается, когда неизвестно — доживет ли она или он до конца недели? Вы думаете, я не предпочел бы жить мирно в Яд-Эле со своей Дафной, чем чтобы ее убили тогда бандиты?

— А я вот живу не ради благородных целей. У меня все очень просто, Ари. Если я люблю мужчину, я должна знать, что я ему нужна.

— Да бросьте вы это, — ответил Ари. — Разве я не давал вам понять, что вы мне нужны?

Китти горько засмеялась.

— Да, я вам была нужна, Ари. Я вам нужна была на Кипре, чтобы пронести из Караолоса подделанные документы, а теперь я вам снова была нужна,... чтобы вытащить пулю из вашей ноги. Кстати, у вас поразительно трезвый ум. Вы были тяжело ранены, испытывали адские боли, а ничего, поди, не забыли, предусмотрели решительно все: погрузить детей в машину, чтобы не вызвать подозрений, и все такое прочее. Вам не я была нужна, Ари, а кто-нибудь, кто сумел бы обмануть бдительность англичан.

— Я вас не виню, — продолжала она. — Я сама во всем виновата. У каждого свой крест, а вы, по-видимому, мой крест. Но я все-таки не могу нести его с вашим пресловутым сабровским наплевательством.

— И это дает вам право относиться ко мне как к зверю?

— Да, потому что вы и есть зверь. Вы бесчувственный зверь, вы настолько одержимы этим вторым Исходом Израиля, что забыли, что такое человек. Вы не знаете, что такое любовь. Вы умеете только воевать. Хорошо же, брат Бен Канаан, буду воевать и я. Я побью и забуду вас. Навсегда.

Она стояла, нагнувшись над его кроватью, и от гнева у нее появились слезы на глазах. Ари лежал молча.

— Когда-нибудь вам действительно кто-то будет ну-

жен, и это будет ужасно, потому что вы не способны просить о помощи.

— Вы ведь хотели пойти куда-то? — сказал Ари наконец.

— И пойду. Можете меня больше не ждать. Сестра Фрэмонт сделала свое. Через пару дней придет кто-нибудь из Палмаха. Ничего с вами не случится.

Она резко обернулась и распахнула дверь.

— Китти, вы тут мгэго наговорили, но я так и не понял: каким все-таки должен быть ваш герой?

— Он должен уметь плакать. Мне жаль вас, Ари Бен Канаан.

В то же утро Китти уехала из Далият эль-Кармиля.

Г Л А В А 19.

Целых два дня Брус Сатерлэнд ждал Китти в гостинице «Сион» в Хайфе. У Китти было такое чувство, что она еще никогда не была так рада встрече с кем-нибудь, как теперь с Брусом. После ужина Сатерлэнд повез ее на Гар Гакармель, еврейский район города, расположенный на склонах Кармеля.

Они пошли в ночной ресторан, построенный так, что оттуда открывался вид на весь город внизу, на гавань и на весь залив вплоть до Акко и даже дальше — на Ливанские горы.

— Как девочка?

— Спасибо, Брус, гораздо лучше. Я ужасно рада, что вы приехали. — Она посмотрела вниз на город. — Я была здесь в первую ночь после приезда в Палестину. С Ари. Помню, мы беседовали тогда о том, что значит жить в постоянном напряжении.

— О, евреи привыкли к этому, как американцы к бейзболу. Оттого они такие суровые.

— Эта страна мне так вошла в душу, что я не способна больше рассуждать трезво. Чем больше я пытаюсь разобраться, тем больше берут верх чувства и какие-то необъяснимые силы. Надо бежать отсюда, пока не поздно.

— Китти, теперь уже известно, что Дов в безопасности. Он скрывается в Мишмаре. Карен я об этом еще не сказал.

— А по-моему, ей нужно знать. Брус, что теперь будет?

— Кто его знает?

— Вы думаете, ООН уступит арабам?

— По-моему, будет война.

На сцене протрубил горн. Вышел конферансье, рассказал несколько анекдотов по-иврит, затем представил публике рослого и красивого сабру. На нем была обычная белая рубашка с отложным воротничком, вокруг шеи тоненькая цепочка с Маген-Давидом; усы у него были черные. Он настроил гитару и страстно спел патриотическую песню о возвращении евреев в Обетованную землю.

— Я должна знать, что будет с Ган-Дафной.

— Видите ли, какое дело. Арабы могут собрать войска из пятидесяти тысяч палестинцев и двадцати тысяч диверсантов из-за рубежа. У них там некий Кавуки, который возглавил эти банды во время беспорядков 1936—39 гг. Он снова сколачивает банды головорезов. Арабам достать оружие гораздо проще, чем евреям... у них кругом друзья.

— А остальные?

— Остальные? Египетская армия насчитывает около пятидесяти тысяч человек. У Ирака примерно такая же армия. Саудовская Аравия тоже выделит войска, которые вольтуются в египетскую армию. Сирия и Ливан выставят около двадцати тысяч. У Трансиордании есть Легион... превосходные солдаты и хорошо вооруженные. Если приложить современные мерки, арабские армии нельзя назвать первоклассными, но тем не менее у них много по современному вооруженных частей с артиллерией, танками и авиацией.

— Вы ведь что-то вроде советника Хаганы, Брус. Что вы им сказали?

— Я им предложил создать оборонительную линию между Тель-Авивом и Хайфой и пытаться всеми силами удержать эту полосу. Потому что оборотная сторона медали, Китти, довольно неприглядная. У евреев четыре или пять тысяч палмахников, на бумаге в Хаганае числится около пятидесяти тысяч бойцов, но у них не более десяти тысяч винтовок. Маккавеи тоже соберут тысячу человек, не больше, и то — легко вооруженных. У них нет артиллерии, все военно-воздушные силы состоят из трех Пайперов, а флот — из тех лоханок, на которых они переправляли нелегальных иммигрантов, и которые стоят теперь на якоре в Хайфе. Если говорить о живой силе, то у арабов численное превосходство в сорок к одному, в населении — сто к одному, в снаряжении — тысяча к одному, а в территории — пять тысяч к одному. Тем не менее Хагана отвергла мое предложение. Не только мое, но и любого и каждого, кто предлагал им создать мощную линию обороны. Они собираются бороться за каждый мошав, за каждый кибуц, за каждый населенный пункт. Это касается и Ган-Дафны. Продолжать?

— Не надо, — сдавленным голосом ответила Китти. — С меня хватит. Не странно ли, Брус? Как-то ночью я была с этими молодыми палмахниками на горе Табор, и у меня

было тогда такое чувство, что эти люди непобедимы,... что они солдаты самого Бога. На меня сильно действуют свет костра и луна.

— На меня тоже, Китти. Все, чему я когда-либо учился, весь мой военный опыт говорит о том, что евреи не могут победить. Но когда смотришь, какие они чудеса совершили в этой стране, ты просто не реалист, если не веришь в чудеса.

— О, Брус... если бы только я могла верить!

— А какая у этих евреев армия! Парни и девушки без оружия, без знаков отличий и воинской формы, без жалования. Командующему Палмахом всего каких-нибудь тридцать лет, а командирам его трех бригад нет и двадцати пяти. Но есть вещи, которые хоть и не поддаются учету но арабам очень и очень придется считаться с ними. Эти евреи готовы пролить свою кровь до последней капли. А сколько крови готовы отдать арабы?

— Неужели они победят? Вы верите, что они победят?

— Назовите это божьим вмешательством, если вам так больше нравится, или скажем лучше, что у евреев хоть отбавляй... Ари Бен Канаанов.

Наутро Китти вернулась в Ган-Дафну. Она очень удивилась, когда застала в своем кабинете ожидавшую ее Иордану. Рыжая девушка чувствовала себя неловко.

— Вы зачем пришли, Иордана? — холодно спросила Китти. — У меня масса дел.

— Мы слышали, что вы сделали для Ари, — смущенно пробормотала Иордана в ответ, — и я хочу выразить вам глубокую благодарность.

— Вот как. Я вижу, ваша разведка снова докладывает точно. Мне очень жаль, что пришлось отложить отъезд.

Иордана заморгала и ничего не ответила.

— Впрочем, лично вы мне ничем не обязаны, — добавила Китти. — Для раненого пса я сделала бы совершенно то же.

Китти снова стала готовиться в путь. Однако доктор Либерман уговорил ее остаться еще на несколько недель. Прибыла новая партия детей, прибыл также новый персонал, и его нужно было обучить. Немедленно построили новое жилье. Многие из детей были в очень тяжелом со-

стоянии: они провели больше двух лет в лагерях для перемещенных лиц.

И снова Китти строила планы. Вскоре до ее отъезда с Карен из Ган-Дафны и вообще из Палестины осталось всего два дня.

К концу августа 1947 года комиссия ЮНСКОП представила из Женевы свои планы максимум и минимум. Каждый из этих планов предусматривал раздел Палестины на отдельные еврейскую и арабскую территории, для Иерусалима же предусматривался международный статус. С нравственной точки зрения не могло быть никаких возражений, потому что комиссия ООН призывала к немедленной иммиграции шести тысяч евреев в месяц из лагерей для перемещенных лиц, а также к отмене запрета на продажу земли евреям.

Евреи просили, чтобы пустыню Негев включили в их территорию. У арабов были миллионы квадратных миль невозделанной земли. Евреи требовали эту небольшую полосу в несколько тысяч квадратных миль, надеясь на то, что им удастся освоить эту пустыню. Комиссия ООН дала свое согласие.

Устав от полувековых изнурительных препирательств, Еврейский Национальный Совет и Всемирная Сионистская Организация заявили, что они идут на компромисс и принимают предложение комиссии ООН. Выделенная им территория, даже после включения Негева, была скорее похожа на убудка, чем на жизнеспособное государство. Это были в сущности три полосы, соединенные между собой узкими коридорами, словно кольцо сосисок. Евреи теряли свою извечную столицу Иерусалим. Им оставляли Саронскую долину и те части Галилеи, которые они отвоевали у болот. Негев — всего лишь пустыня. Продолжать борьбу не имело смысла. И хотя им предлагали убудка, они согласились.

Евреи направили свой ответ в комиссию ООН.

Арабы тоже ответили. Раздел Палестины — это война, сказали они.

Несмотря на угрозы арабов, комиссия ООН решила представить план раздела Генеральной Ассамблее ООН, сессия которой должна была состояться в Нью-Йорке в середине сентября.

Китти предусмотрела каждую мелочь. Снова наступил канун ее отъезда с Карен. Утром Брус должен был отвезти их в аэропорт, а вечером они полетят в Рим. Багаж был уже отправлен пароходом. В коттедже остался только ручной багаж, который они увезут с собой.

Китти сидела за столом и раскладывала последние истории болезни в картотеку. Затем ей оставалось только поставить карточку в шкаф, закрыть его на ключ и выйти из кабинета — навсегда.

Она открыла первую папку, достала историю болезни и прочитала ею же сделанные записи.

Минна (фамилия неизвестна), возраст — 7 лет. Родилась в Освенциме. Родители неизвестны. Предположительно из Польши. Доставлена Алией Бет в начале года. Прибыла в Ган-Дафну еле живая, физически и психически больная...

Роберт Дюбюэ, возраст — 16 лет, французский подданный. Английские войска нашли Роберта в лагере Берген-Бельзен. Ему было тогда тринадцать лет, весил он двадцать девять килограммов. До этого на его глазах умерли отец, мать и брат. Сестру, впоследствии покончившую с собой, забрали в публичный дом. Мальчик недолгим, агрессивен...

Самуил Каснович, возраст — 12 лет. Из Эстонии. Неизвестно — выжил ли кто-либо из родственников. Его прятала христианская семья, потом ему пришлось скрываться в лесах в продолжение двух лет...

Роберто Пуччели, возраст — 12 лет. Из Италии. Родственники неизвестны. Освобожден из Освенцима. Рука искалечена в результате побоев...

Марсия Класкин, возраст — 13 лет. Из Румынии. Родственники неизвестны. Ее нашли в Дахау...

Ганс Бельман, возраст — 10 лет. Из Голландии. Родственники неизвестны. Найден в Освенциме...

И так без конца. «Из родственников никто в живых не остался».

«...этой девочке снятся те же сны, что и большинству детей из Освенцима. Ей снится, что она укладывает чемодан. Мы знаем теперь, что чемодан символизирует смерть, так как чемоданы укладывались обычно накануне отправки в газовые камеры в Биркенау».

«Сны об удушливом дыме символизируют запах горелого мяса в крематориях».

Мочится под себя.

Проявляет агрессивность.

Кошмары.

Нелюдимость.

Китти достала копию с письма, которое она как-то написала Хариэт Зальцман.

Дорогой друг!

Вы как-то спрашивали, чем объяснить то обстоятельство, что мы добиваемся таких поразительных результатов у этих детей, находящихся на грани безумия. Так вот, я думаю, вы не хуже моего знаете, в чем тут дело. Вы сами подсказали мне ответ в тот день, когда я познакомилась с вами в Иерусалиме. Это чудодейственное средство называется «Эрец Израэль». Дети здесь до того сильны духом, что это представляется прямо сверхъестественным. Они мечтают лишь об одном: жить и сражаться за свою страну. Я никогда не видела такой энергии и такого подъема у взрослых, не говоря уже о детях...

Китти Фрэмонт закрыла картотеку.

Она встала, оглядела кабинет, затем быстро потушила свет и вышла.

У подъезда она остановилась на минуту. Наверху, на полпути к Форт Эстер горел большой костер. Дети из Гадны, эти десяти, двенадцати и четырнадцатилетние бойцы, должно быть, поют там и пляшут «хору».

Она зажгла фонарик, осветила себе под ноги и пошла по газону. В ее отсутствие вырыли новые окопы. У домиков, где жили дети, построили более просторные бомбоубежища.

Статуя Дафны по-прежнему стояла на посту.

— Шалом, гиверет Китти, — радостно крикнула ей кучка детей, промчавшихся мимо.

Она отперла дверь своего коттеджа. Чемоданы стояли в ряд около двери, на всех уже были ярлыки. Комната, лишенная тех пустяков, которые принадлежали ей и Карен и которые придавали ей личные нотки, производила тягостное впечатление.

— Карен, ты дома, родная?

На кухонном столе лежала записка.

«Дорогая Китти!

Ребятам захотелось устроить мне прощальный костер. Я скоро приду. Целую.

Карен».

Китти закурила сигарету и принялась ходить по комнате взад и вперед. Она затянула шторы, чтобы не видеть огня в долине. Вдруг она поймала себя на том, что не выпускает из рук занавески, которую сшили для нее дети. Человек десять из них уже успели оставить Ган-Дафну и уйти в Палмах, эту миниатюрную армию евреев.

В комнате стояла духота. Она вышла к калитке. В воздухе благоухали розы. Китти прошла по дорожке мимо рядов коттеджей, обсаженных газонами, кустами и деревьями. Она дошла до конца дорожки, затем повернулась и пошла назад. В коттедже доктора Либермана горел свет.

Бедный старик, подумала Карен. Его сын и дочь оставили университет и служили сейчас в Палмахе, в бригаде Негева. Она подошла к двери и постучала. Его домохозяйка, такая же старая и чудаковатая, как и сам доктор Либерман, повела ее в кабинет. Старый горбун сидел и списывал какой-то древнееврейский текст с черепка. Из радио лились негромкие звуки симфонии Шуманна. Доктор Либерман поднял голову и, увидев Китти, положил на стол увеличительное стекло.

— Шалом, — сказала Китти.

Он улыбнулся. Никогда до этого она не здоровалась с ним по-иврит.

— Шалом, Китти, — ответил он. — Какое это чудесное слово и как оно подходит для прощания добрых друзей.

— Шалом действительно чудесное слово, но оно еще лучше подходит для приветствия.

— Китти... моя дорогая...

— Да, доктор Либерман... Шалом... Я остаюсь в Ган-Дафне. Именно здесь мое место.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОСПРЯНЬ ВО СЛАВЕ

Помилуй меня, Боже, помилуй меня; ибо на тебя уповает душа моя, и в тени крыл Твоих я укроюсь, доколе не пройдут беды. Воззову к Богу всевышнему, Богу, благодетельствующему мне;

Он пошлет с небес, и спасет меня; посрамит ищущего поглотить меня; пошлет Бог милость Свою и истину Свою.

Душа моя среди львов; я лежу среди дышащих пламенем, среди сынов человеческих, у которых зубы — копыя и стрелы, и у которых язык — острый меч.

Приготовили сеть ногам моим; душа моя поникла; выкопали предо мной яму, и сами упали в нее.

Воспрянь, слава моя... Я встану рано...

Псалом 56

Г Л А В А I

ОСЕНЬ 1947 ГОДА.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ, НЬЮ-ЙОРК.

Шеститысячелетнее дело еврейского народа было поставлено на обсуждение перед человеческой совестью.

Хаим Вейцман, от имени мирового сионизма, и Барак Бен Канаан, один из ведущих политических деятелей Ишува, направились во главе делегации из двенадцати человек в Нью-Йорк. Делегация эта, наученная долголетним горьким опытом, не строила себе никаких иллюзий.

В номере доктора Вейцмана, расположенном в центре Манхэтена, был создан информационный штаб. Задача делегатов заключалась в привлечении как можно большего числа голосов. Сам Вейцман взял на себя задачу расшевелить евреев во всем мире и заставить их действовать и оказывать давление на свои правительства.

Барак Бен Канаан работал без шума за кулисами. Его обязанностью было следить за ежечасно меняющимся соотношением сил, анализировать ситуацию и обнаруживать слабые места противников, маневрировать своими людьми и перестраивать их на ходу в соответствии с изменившимися обстоятельствами в зале заседаний комитета.

После обычной дискуссии о процедуре, на повестку дня был поставлен Палестинский вопрос.

Арабы явились в ООН уверенные в победе. Они добились принятия в члены ООН двух мусульманских государств: Афганистана и средневекового королевства Йемен. Это увеличило число голосов арабско-мусульманского блока на Генеральной Ассамблее до одиннадцати. Все это были страны, которые не принимали активного участия в войне против гитлеровской Германии, а вступили в войну только в последний момент, дабы обеспечить себе место в Организации Объединенных Наций. Палестинское еврейство, внесшее такой важный вклад в победу Союзников, не имело права голоса.

Арабы пользовались своими одиннадцатью голосами как приманкой для малых стран. В обмен на голос, поданный против раздела Палестины, они предлагали свою поддержку при голосовании по множеству других вопросов, стоявших на повестке дня.

Арабы ловко воспользовались также холодной войной между обоими гигантами: Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, хитро натравливая их друг на друга. С самого начала было ясно, что резолюция о разделе Палестины пройдет лишь в том случае, если обе эти страны дадут на это свое согласие. До этого Соединенные Штаты и Советский Союз еще ни разу не были одного мнения, и было маловероятно, что они сойдутся во мнении сейчас.

Чтобы резолюция о разделе Палестины прошла, необходимо было большинство в две трети голосов. Таким образом, только для того, чтобы уравновесить одиннадцать арабских голосов, евреям нужно было набрать двадцать два голоса. Затем они должны были перекрывать каждый новый голос в пользу арабов двумя другими. Арифметически арабы нуждались всего лишь в шести дополнительных голосах, чтобы провалить резолюцию о разделе. Имея в запасе такой козырь, как нефть, это представлялось не таким уж трудным.

Мировая печать — неарабская, конечно, — была в общем за раздел. Больше того, на линию вышли Ян Сметс, представитель Южно-Африканского Союза, и Ян Массарик, известный своими либеральными тенденциями представитель Чехословакии. Можно было твердо рассчитывать также на датчан, норвежцев, и некоторых других. Многие относились сочувственно к разделу, но одного сочувствия было недостаточно.

И вдруг четыре великих державы, самые влиятельные, бросили палестинских евреев на произвол судьбы.

Франция, открыто сочувствовавшая нелегальной иммиграции в Палестину, повела вдруг осторожную линию. Арабы французских колоний Марокко, Туниса и Алжира зашевелились. Подача французского голоса за раздел Палестины могла вызвать взрыв в этих странах.

У Советского Союза были свои соображения против раздела. Вот уже двадцать лет, как сионизм был поставлен в СССР вне закона. Русские разработали программу постепенной ликвидации еврейства. Свобода совести, га-

рантированная на словах, в действительности не существовала. Не существовало ни еврейского театра, ни печати, школы или общественной жизни. Синагоги закрыли: во всей Москве действовала только одна. Ни один еврей, посещающий синагогу, не мог состоять членом коммунистической партии. Всеми этими мерами русские надеялись вытравить еврейское самосознание у новых поколений. Сионизм и создание еврейского государства могли напомнить русским евреям о том, что они евреи, и поэтому русские были против раздела Палестины. Мощный блок славянских государств равнялся, конечно, на Россию.

Однако наиболее чувствительный удар нанесла евреям позиция, занятая Соединенными Штатами. Президент, печать и конгресс, все относились к ним сочувственно, но политические интересы вынудили США занять двусмысленную позицию.

Поддержать раздел Палестины — это значило бы вогнать клин в самый фундамент западного единства, нарушить англо-американскую солидарность. Великобритания все еще господствовала на Ближнем Востоке; внешняя политика США шла рука об руку с британской. Голосовать за раздел Палестины — это был бы открытый вызов, брошенный Великобритании.

Больше того, Соединенным Штатам угрожала гораздо большая опасность. Арабы грозились, что развяжут войну, если будет принята резолюция о разделе Палестины. Если же дело дойдет до войны, то Организации Объединенных Наций придется принять меры для обеспечения мира, то есть Советский Союз и его сателлиты смогут послать свои войска на Ближний Восток, пусть даже в составе войск ООН. Этого американцы боялись больше всего и по этой причине они предпочли препятствовать разделу.

Из всех четырех великих держав Великобритания была самым решительным и опасным противником раздела Палестины. Когда англичане поставили вопрос о мандате на обсуждение Объединенных Наций, они рассчитывали на то, что ООН не сможет принять никакого решения и попросит Великобританию остаться в Палестине. Затем, однако, в Палестину поехала специальная комиссия ООН, она провела расследование и представила доклад, весьма неблагоприятный для Великобритании. Вдобавок мир узнал благодаря этому докладу, что стотысячная британская армия так и не сумела справиться с Хаганой, Палмахом, Мак-

кавеями и Мосадом Алия Бет, а это нанесло сильный удар по британскому престижу.

Великобритания хотела удержать свое господство на Ближнем Востоке, а для этого англичанам надо было вести проарабскую линию и сорвать раздел Палестины. Великобритания сыграла на страхе Соединенных Штатов перед тем, что русские войска придут на Ближний Восток, и заявила, что отзовет свой гарнизон в августе 1948 года. Кроме того, она не предоставит своих войск для проведения в жизнь резолюции ООН по вопросу о Палестине, если такая резолюция будет принята. Нейтрализовав таким образом Соединенные Штаты, Англия добилась от стран британского содружества обещания, что они воздержатся при голосовании резолюции, и, сверх того, оказывала нажим на малые европейские страны, связанные с Англией экономически.

Остальная часть картины была не менее мрачной для евреев. Бельгия, Голландия и Люксембург не устояли против английского нажима. Другие страны, на поддержку которых можно было рассчитывать, начинали колебаться тоже.

Позиция стран Азии была неопределенной. Эти страны меняли свою позицию чуть ли не каждый час. Но в общем и целом можно было считать, что азиатские страны примут сторону арабов, хотя бы для того, чтобы продемонстрировать перед западным миром свою неистребимую ненависть к колониализму и империализму, а также свою поддержку арабского тезиса о том, что евреи являются, дескать, представителями Запада в районе Ближнего Востока, с которыми они не имеют ничего общего.

Греция питала к арабам сильнейшую неприязнь, но около ста пятидесяти тысяч греков проживали в Египте. Египет не скрывал, что это национальное меньшинство постигнет весьма печальная участь, если Греция будет голосовать за резолюцию о разделе Палестины.

Эфиопия не питала к Египту особой симпатии, но она была связана с ним географически и экономически.

Ромуло, представитель Филиппин, был против раздела

Представитель Колумбии занимали явно антиеврейскую позицию.

Страны Центральной и Южной Америки составляли треть общего количества голосов в Организации Объединенных Наций. Большинство этих стран было совершенно

незаинтересовано в результате голосования и придерживалось нейтральной позиции. Палестинские евреи хотели, чтобы столицей их государства был Иерусалим; они чувствовали, что без Иерусалима еврейское государство будет все равно, что тело без сердца. Страны Центральной и Южной Америки были преимущественно католическими странами. Ватикан стоял за предоставление Иерусалиму международного статуса. Если евреи будут настаивать на Иерусалиме, они легко смогут потерять все латиноамериканские голоса.

Однако палестинские евреи продолжали бороться, надеясь на чудо, которое единственно могло им помочь в этом безвыходном положении. В продолжение всего сентября и октября доктор Вейцман и Барак Бен Канаан беспрестанно воодушевляли делегацию. Они никогда не приходили в отчаяние от частых и сколь угодно резких перемен в соотношении сил, и ни разу не допустили стратегической ошибки.

Главным оружием в руках евреев была правда. Все то, что Специальная комиссия ООН установила в Палестине, было правдой. Что англичане деспотически правили Палестиной, было правдой. Что арабы, несмотря на их попытки пустить пыль в глаза, так и не сумели преодолеть своей культурной, экономической и социальной отсталости, было правдой. Правда эта сказывалась в еврейских городах, возникших среди песков, в цветущих еврейских полях, отвоеванных у пустыни. Правда упорного труда и непрерывного поиска. Правда концентрационных лагерей. И, наконец, правда всего еврейского вопроса.

Представитель Гватемалы Гранадос, представитель Канады Пирсон, представитель Австралии Эватт, представитель Чехословакии Массарик, представитель Южно-Африканского Союза Смитс, уругвайский представитель Фабрегат и многие другие деятели, представлявшие страны поменьше, не дадут погибнуть правде в Флэшинг Мэдоу.

Наконец, в ноябре, осенью 1947 года, разразилось «Лейк-Саксесское чудо».

Все началось с осторожного заявления представителя Соединенных Штатов в пользу «принципа» раздела.

За ним последовало заявление, буквально потрясшее весь мир. После двадцатилетнего преследования сионизма Советский Союз сделал один из своих крутых поворотов и выступил в пользу раздела.

Весть об этом была предана гласности после секретного совещания представителей блока славянских стран.

Вышинский произнес проникновенную речь о реках пролитой еврейской крови и о справедливости еврейских чаяний об отечестве.

В действительности, за всеми этими гуманными разговорами скрывался ловкий русский маневр. Во-первых, они открыто относились к арабам с недоверием. Они понимали, что весь этот показной арабский гнев — одни лишь слова; русские могли преспокойно проголосовать сегодня за резолюцию о разделе Палестины, а завтра, если в этом будет надобность, купить снова поддержку арабов. В данный момент Советы были заинтересованы в том, чтобы заклеить Великобританию как тирана, и сделать одновременно ловкий политический ход, который позволил бы им в дальнейшем обосноваться на Ближнем Востоке. Россия знала, что если она проголосует за раздел, Соединенным Штатам не останется ничего другого, как сделать то же: в противном случае американцы предстали бы перед всем миром в весьма неприглядном виде. В свою очередь американская поддержка резолюции о разделе Палестины неизбежно нанесет страшный удар по англо-американскому единству. И, наконец, Советский Союз сильно поднимет свой престиж в результате такой «гуманной» политики. Таким-то образом евреи совершенно неожиданно нашли союзников там, где они всего меньше ждали.

Когда обе великие державы сделали свои тщательно сформулированные заявления в пользу раздела, в кулуарах ООН пронеслись самые невероятные слухи, и их с каждым часом становилось все больше.

Гигантская игра продолжалась. Во время этих драматических маневров Гранадос и Пирсон выросли в решающие фигуры. После ряда неустанных усилий они добились крупнейшей дипломатической победы, когда им удалось свести представителей США и СССР на устроенную ими конференцию. Эта конференция закончилась совместным заявлением двух великих держав о безоговорочной поддержке ими резолюции о разделе Палестины.

Арабы сделали последнюю отчаянную попытку, чтобы вообще не допустить голосования резолюции на Генеральной Ассамблее. Вскоре выяснилось, что голосование по последнему арабскому предложению будет иметь важное показательное значение. Для решения вопроса о том, по-

ставить ли резолюцию о разделе на голосование перед Генеральной Ассамблеей, требовалось, правда, только обычное большинство. Но результаты этого предварительного голосования покажут, каково соотношение сил на Ассамблее. Голосование было проведено, решение поставить резолюцию о разделе на голосование было принято, но результаты получились катастрофические для евреев: 25 голосов было подано в их пользу, 13 — против, 17 — воздержалось, а двое отсутствовало. Если такими же получатся результаты голосования по самой резолюции, то евреям не собрать необходимого большинства в две трети голосов. Франция, Бельгия, Люксембург, Нидерланды и Новая Зеландия воздержались. Парагвай и Филиппины отсутствовали.

Арабы подсчитали, что евреи потеряли много «верных» голосов в пользу раздела, и что им не собрать теперь нужного количества голосов. Уверенные в победе, даже если окажется, что они потеряли один или два голоса, арабы сами теперь настаивали на том, чтобы вопрос о разделе был поставлен на голосование на Ассамблее.

СРЕДА, 27 НОЯБРЯ 1947 ГОДА.

Бурные прения подходили к концу. Делегация Ишува сидела на специально выделенных для нее местах в зале заседаний Генеральной Ассамблеи. Вид у членов делегации был такой, словно их вели на казнь. По мере того, как прения подходили к концу, их перспективы становились все мрачнее.

Греция, вместо того, чтобы, как ожидали все, воздержаться от голосования из дружбы к США, высказалась ясно против раздела, опасаясь за судьбу своих земляков, проживающих в Египте.

Филиппины, на которые тоже надеялись, что они воздержатся от голосования из уважения к США, тоже высказались против раздела.

Гаитянце вдруг спохватились, что у них нет ясных инструкций. Либерия заняла неопределенную позицию, а Снам прямо перешел на сторону арабов.

Для евреев это была «черная среда».

Под конец друзья евреев приняли отчаянное решение: прибегнуть к обструкции с тем, чтобы голосование пришлось отложить. На следующий день был американский

праздник: День благодарения. Это был выходной день. Таким образом евреи выиграют драгоценных двадцать четыре часа и смогут использовать их на вербовку столь нужных голосов. Ораторы произносили нескончаемые речи, и заседание было отложено.

Еврейская делегация спешно собралась в отдельном помещении. Все заговорили сразу.

— Тише! — рявкнул Барак. — У нас в запасе двадцать четыре часа. Давайте без паники.

В комнату вошел взволнованный доктор Вейцман.

— Я только что получил телеграмму из Парижа, что Леон Блюм лично интервенирует, чтобы французы голосовали за нас. Народ в Париже сочувствует нам все больше и больше.

Это была хорошая новость, так как бывший французский премьер-министр, еврей по происхождению, все еще пользовался большим влиянием.

— А что если мы обратимся к Соединенным Штатам, чтоб они призвали к порядку Грецию и Филиппины?

— Тоже нашли время для щепетильности!

Зазвонил телефон. Вейцман поднял трубку.

— Хорошо... хорошо..., — сказал он. Затем, прикрыв трубку ладонью. — Это Шмуэль из южного района... Да... хорошо... Шалом.

Он положил трубку на рычаг.

— Эфиопцы согласились воздержаться, — сообщил он.

До этого все рассчитывали, что Эфиопия, под нажимом соседнего с ней Египта, будет голосовать против раздела. Решение воздержаться от голосования была актом большого мужества со стороны Хайле Селассие.

Корреспондент какой-то газеты, сочувствующий евреям постучал в дверь и вошел в комнату.

— Я подумал, друзья, что вам небезынтересно будет узнать, что в Сиаме произошел переворот и сиамская делегация теперь отозвана.

Весть о потере арабами еще одного голоса была встречена ликующими восклицаниями.

Барак быстро пробежал список наций — он его знал наизусть — и прикинул, что получается.

— Ну как, Барак?

— Если Гаити и Либерия будут голосовать за нас, а там еще и Франция то, может быть, проскочим.

Было еще рано радоваться. Они упорно и напряженно

продолжали взвешивать каждый голос. Они не могли позволить себе потерю даже одного единственного голоса на этой сессии.

В дверь опять постучали, и в комнату вошел их главный союзник, делегат Гватемалы Гранадос. В его глазах стояли слезы.

— Президент Чили прислал только что личные инструкции своей делегации: велено воздержаться от голосования. Делегация тут же подала в отставку в знак протеста.

— Не может быть! — воскликнул доктор Вейцман, — Президент Чили — почетный председатель сионистской организации Чили.

Это страшное известие, сделавшее положение совершенно безнадежным, предстало перед ними во всей своей наготе. Кто знает, какой нажим был оказан на чилийского президента? А кто знает, кто еще подвергнется нажиму в ближайшие двадцать четыре часа?

ПЯТНИЦА, 29 НОЯБРЯ 1947 ГОДА.

Прозвучал удар молотка. Заседание Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций объявлено открытым.

— При голосовании проекта резолюции о разделе Палестины мы будем вызывать каждую нацию по списку в отдельности. Для принятия резолюции требуется большинство в две трети голосов. Делегаты будут отвечать: «за», «против» или «воздерживаемся».

В огромном зале воцарилась торжественная тишина.

— Афганистан.

— Афганистан голосует против.

Евреи потеряли первый голос. Барак тут же поставил птичку в своем списке.

— Аргентина.

— Правительство Аргентины предпочитает воздержаться.

— Надо что-то сделать с этими воздерживающимися. Они могут нас зарезать, — шепнул Барак.

— Австралия.

Все подались вперед, когда Эварт, первый представитель страны, входящей в Британское содружество наций, поднялся со своего места.

— Австралия голосует за раздел, — произнес Эварт.

По залу пронесся шепот. Все высказывали какие-то предположения. Вейцман нагнулся к Бараку.

— Как по-твоему? Можно ли считать, что это — общая тенденция Содружества?

— Будем считать каждого отдельно... грудно сказать.

— Бельгия.

— Бельгия голосует за раздел.

Опять по залу пронесся шепот. На предыдущем голосовании, проведенном несколько дней тому назад, Бельгия воздержалась. В самый последний момент Спаак пренебрег давлением англичан.

— Боливия.

— Боливия голосует за раздел.

— Бразилия.

— Бразилия поддерживает раздел.

Южноамериканские страны держались дружно. Следующей была страна, чей голос имел решающее значение. Если Советский Союз замышлял какой-нибудь подвох, это станет известно всему миру в следующую минуту.

— Белоруссия.

— Белоруссия голосует за раздел.

У евреев вырвался вздох облегчения. Славянский блок с ними. Это было хорошее предзнаменование.

— Канада.

Лестер Пирсон поднялся и сказал твердо:

— Канада голосует за раздел.

— Чили.

Вместо главы делегации, подавшего в отставку в знак протеста против инструкции президента воздержаться от голосования, поднялся другой делегат.

— Чилийская делегация получила распоряжение воздержаться.

— Китай.

Китай, стремящийся установить свою гегемонию над Азией, побоялся пойти против мусульман Индии и Пакистана.

— Китай воздерживается.

Это был удар для евреев.

— Коста-Рика.

Арабы пытались подкупить делегата Коста-Рики посулами отдать ему свои голоса при выборах на какой-то важный пост в ООН. Он встал и посмотрел в сторону египетской делегации.

— Коста-Рика голосует за раздел.

Человек, не давший себя подкупить улыбнулся и сел.

— Куба.

— Куба голосует против раздела.

Это был совершенно неожиданный удар для евреев.

— Чехословакия.

— Чехословакия голосует за раздел, — сказал Ян Масарик.

— Дания поддерживает раздел.

— Доминиканская республика голосует за раздел.

— Египет.

— Египет голосует против и вообще не признает этого вопиющего нарушения его законных прав.

Раздался удар молотка и вслед за гневной вспышкой египтянина в зале постепенно воцарилась снова тишина.

— Эквадор.

— Эквадор голосует за.

— Эфиопия.

— Эфиопия... воздерживается.

Это подействовало как взрыв. Головы всех арабских делегатов повернулись в гневном изумлении в сторону эфиопца. Сириец сердито пригрозил ему кулаком.

— Франция.

Наступила очередь первой из четырех великих держав. Пароди медленно встал на ноги. Если Франция воздержится, это могло иметь роковые последствия для евреев. Неужели усилия Леона Блюма и французского народа пошли прахом?

— Французская республика голосует за раздел, — сказал Пароди голосом, в котором звучало нескрываемое удовлетворение.

В зале возбужденно зашептались. Впервые делегаты поняли, что чудо и впрямь может совершиться.

— Гватемала.

Гранадос, глашатай раздела, поднялся.

— За, — сказал он.

— Греция.

— Греция голосует против раздела.

— Гаити.

Делегация Гаити, чей голос был чрезвычайно важен, сидела вот уже два дня без соответствующих инструкций.

— Делегация Гаити только что получила указание от своего правительства голосовать за раздел.

- Гондурас.
- Гондурас предпочитает воздержаться.
- Исландия.
- Исландия голосует за раздел.

Самая старая республика в мире помогла теперь созданию самой молодой республики.

- Индия.
- Индия голосует против раздела.
- Иран.
- Иран голосует против раздела.
- Ирак.

— Ирак голосует против и никогда не признает евреев. Этот день может привести только к ужасному кровопролитию. Мы голосуем против.

- Ливан.
- Ливан голосует против раздела, — сказал Малик.
- Каков итог? — тихо спросил Вейцман у Барака.

— Пятнадцать за, восемь против, семь воздержались.

Это был не очень обнадеживающий результат. Евреям не хватало одного голоса до нужных двух третей, а чреватое опасностью количество воздерживающихся все росло.

— Ну, что скажешь, Барак?

— Вот придет очередь следующих трех латиноамериканских стран, тогда узнаем.

— По-моему, нам позарез нужно вырваться вперед. Уже почти половина проголосовала, а еще ничего не определилось, — сказал Вейцман.

- Либерия.
- Либерия голосует за раздел.
- Люксембург.

Еще одна малая страна из британской сферы влияния.

— Люксембург голосует за раздел.

Опять английскому нажиму был дан отпор. Ишув имел теперь одним голосом больше двух третей.

- Мексика.
- Мексика воздерживается.
- Весь Ишув сжался.
- Нидерланды.
- Нидерланды голосуют за раздел.
- Новая Зеландия.
- Новая Зеландия голосует за.
- Никарагуа .. за.
- Норвегия. . за..

— Пакистан голосует против раздела.

Следующие голоса были решающими.

— Панама.

— Панамская республика голосует за раздел.

— Парагвай.

— Парагвай только что получил указание не воздержаться... вернее, голосовать за раздел.

— Перу.

— Перу поддерживает раздел.

— Филиппины.

Весь мир затаил дыхание. Ромуло отозвали из Нью-Йорка. Его заместитель поднялся.

— Филиппины голосуют за раздел.

По залу опять пронесся шепот. Члены еврейской делегации ошеломленно смотрели друг на друга.

— Боже мой! — воскликнул Барак. — Кажется, мы проскочили!

— Польша.

— Польша голосует за раздел.

Евреи теперь набирали темп. Польша возместила в какой-то мере вековые преследования евреев.

Представитель Сиам отсутствовал.

— Саудовская Аравия.

Закутанный в белые одежды араб визгливым и полным ненависти голосом высказался против раздела.

— Швеция.

— Швеция — за раздел.

Наступил последний раунд. Арабы были прижаты к стене.

— Сирия — против.

— Турция голосует против раздела.

Барак быстро прикинул итоги голосования. У арабов все еще был некоторый шанс. У них было уже двенадцать голосов, и еще один верный впереди. Если теперь произойдет какое-нибудь непредвиденное изменение, все может пойти насмарку.

— Украина.

— За.

— Южно-Африканский Союз.

— За.

— Союз Советских Социалистических Республик.

Вышинский встал.

— Союз Советских Социалистических Республик голосует за раздел.

— Соединенное Королевство Великобритании.

Весь зал затих. Британский делегат встал и бледный в лице посмотрел вокруг. В этот роковой час он стоял один. Страны Содружества покинули его. Франция — покинула тоже. США — и те покинули.

— Правительство Его Величества предпочитает воздержаться, — сказал англичанин срывающимся голосом.

— Соединенные Штаты Америки.

— Соединенные Штаты Америки голосуют за раздел.

Все кончилось. Корреспонденты помчались к телефонам, чтобы оповестить весь мир о результатах голосования, как только проголосовала последняя делегация. Йемен дал арабам тринадцатый голос. Югославия воздержалась, считаясь со своим немалым мусульманским населением. Профессор Фабрегат, представитель Уругвая, и делегат Венесуэллы дали резолюции о разделе 32-ой и 33-ий голоса.

В Тель-Авиве началось безудержное ликование.

Анализ результатов показал, что евреи одержали сокрушительную победу. У арабов было всего 13 голосов, из которых одиннадцать принадлежали арабским или мусульманским странам. Двенадцатый голос был голос Греции, полученный в результате шантажа. Тринадцатый принадлежал Кубе, единственному государству, которое арабам удалось убедить какими-то доводами.

Однако мужчины, добившиеся победы в Флэшинг-Мэдоу, были реалистами. Евреи ликовали в Тель-Авиве только временно. Бен Гурион и вожди Ишува знали, что для достижения государственной независимости требуется еще одно, даже еще большее, чудо, ибо на устах у всех арабов был один и тот же иступленный крик: «Долой жидов!».

Г Л А В А 2

Куатли, президент Сирии: Будем биться на смерть за Палестину!

Каирская газета «Аль-Культа»: Пятьсот тысяч иракцев готовятся к священной войне. 150.000 сирийцев хлынут через Палестинские границы, а могущественная египетская армия сбросит евреев в море, если они посмеют провозгласить независимость своего государства.

Джамиль Мардам, премьер-министр Сирии: Перейдем от слов к делу, братья мусульмане. Вставайте все и истребим сионистскую заразу.

Ибн-Сауд, король Саудовской Аравии: Нас пятьдесят миллионов арабов. Что страшного, если мы даже потеряем десять миллионов, чтобы уничтожить всех евреев? Игра стоит свеч.

Селех Гарб паша, вожак мусульманской молодежи: Обнажим мечи против евреев! Смерть жидам! Победа будет за нами!

Шейх Хасан аль Баннах, вождь мусульманского братства: Все арабы поднимутся, чтобы истребить евреев! Мы забьем море их трупами.

Акрам Яунитар, представитель иерусалимского муфтия: Пятьдесят миллионов арабов будут драться до последней капли крови.

Хадж Эмин эль-Хуссейни, муфтий Иерусалима: Я объявляю священную войну, братья мусульмане! Бей жидов! Убивайте их до единого!

Ацам Паша, генеральный секретарь арабской лиги: Эта война — война на тотальное уничтожение; это будет гигантская резня, память о которой останется в веках, как память о монгольской резне.

Другие арабские руководители, арабская печать и радио, неистовствовали примерно в тех же выражениях в ответ на решение ООН о разделе Палестины.

Первого декабря 1947 года, назавтра после принятия резолюции ООН, доктор Халиди, возглавлявший Арабский

исполнительный комитет в Палестине, провозгласил генеральную забастовку, в ходе которой разъяренная чернь бросилась громить все и вся. Они ворвались в еврейские торговые кварталы Иерусалима, грабили и жгли на глазах у британских войск, не принимавших никаких мер.

В Алеппо, в Адене, по всему арабскому миру, такие же банды врывались с вожаками во главе в еврейские кварталы и гетто, убивая мужчин, глумясь над женщинами и грабя все, что попадало под руку.

Вместо того, чтобы создать международные полицейские силы, которые обуздали бы громил, Объединенные Нации ограничивались созданием комитетов и бесконечными разговорами. Создавалось впечатление, что они в самом деле верили, будто раздела можно будет добиться без единого выстрела.

Евреи были большими реалистами. Правда, было достигнуто законное и бесповоротное основание для создания независимого еврейского государства, но если евреи намеревались провозгласить независимость своего государства после вывода британских войск из Палестины, им придется выдержать самим натиск арабских орд.

Мог ли народ, насчитывающий всего лишь полмиллиона душ, к тому же плохо вооруженный, устоять против ярости пятидесяти миллионов арабов? Им ведь придется иметь дело не только с арабами, проживающими в самой стране, не только с арабами, окружающими их со всех сторон, но и с армиями всех арабских государств.

Хаим Вейцман занялся мобилизацией сионистов всего мира на сбор средств для покупки оружия.

Барак Бен Канаан остался в Лейк-Сакесе, чтобы в качестве главы еврейской делегации драться за каждый пункт проекта о разделе, а заодно искать оружие.

Теперь встал вопрос: «Провозгласят ли евреи свою независимость?»

Арабы не намеревались ждать до мая, чтобы получить ответ на этот вопрос. Хотя они и сдерживали свои армии, но они принялись создавать всевозможные «Армии освобождения», состоявшие якобы из добровольцев, и доставляли горы оружия палестинским арабам.

Хадж Эмин эль-Хусейни, бывший слуга нацистов, снова оказался у дел. Он разбил свой штаб в Дамаске. Деньги для палестинских «добровольцев» вымогали у всего арабского населения Ближнего Востока. Кавуки, разбойник с

большой дороги, который находился на службе у Муфтия во время беспорядков 1936—39 гг., был снова возведен в чин «генералиссимуса». Кавуки пришлось бежать из Ирака, когда была раскрыта его роль в заговоре, имевшем целью сдать Ирак гитлеровцам. Он провел годы войны в Германии, женился там, и только благодаря покровительству англичан его, как и самого муфтия, не судили как военного преступника.

Агенты Кавуки облазили все значные места Дамаска, Бейрута и Багдада, мобилизуя там подонков: воров, убийц, разбойников с большой дороги, контрабандистов, промышляющих наркотиками и живым товаром, и все это сборище он красочно назвал «Войсками Ярмука», в честь победы, одержанной арабами у этой реки столетия назад. Этих «добровольцев» Кавуки обучали другие «добровольцы» — офицеры сирийской армии. Тотчас эти вооруженные бандиты начали просачиваться через ливанскую, сирийскую и иорданскую границу в арабские села Палестины. В качестве главной базы они выбрали город Наблус, расположенный в Самарии, в местности, населенной преимущественно арабами, к северу от Иерусалима.

Тем временем евреи по-прежнему остро нуждались в оружии. Англичане продолжали блокировать Палестинское побережье. Они даже отказывали во въезде иммигрантам, содержащимся в лагерях на Кипре, где агенты Алин Бет проводили военное обучение усиленными темпами.

Агенты Ишува рыскали по всему миру, отчаянно пытаясь достать оружие.

И тут евреям был нанесен страшный удар: Соединенные Штаты Америки наложили эмбарго на поставку оружия всему Ближнему Востоку. Это эмбарго, напоминавшее бойкот республиканской Испании, боровшейся против Муссолини и Гитлера, в действительности оказывало арабам неоценимую услугу, так как оружия они могли достать сколько угодно.

Когда фронты определились, Еврейский Национальный Совет оказался перед печальным фактом, что в его распоряжении был, в сущности, один только Палмах, насчитывавший примерно четыре тысячи хорошо обученных и вооруженных бойцов. Маккавеи могли поставить под ружье еще тысячу, но рассчитывать на них можно было только частично.

Все же Авидан мог рассчитывать еще на что-то. У Ха-

ганы были в запасе несколько тысяч мужчин, которые воевали в рядах британской армии во время Второй мировой войны. Кроме того, у него была сельская оборона, созданная за два десятка лет. И он располагал хорошей разведкой. Противник же располагал почти неограниченными ресурсами в людской силе и оружии, и его сила росла с каждым днем благодаря проникновению в страну кровожадных банд Кавуки. У арабов был по крайней мере один талантливый военачальник, а именно Абдель Кадер, племянник Иерусалимского муфтия.

Ко всему этому англичане подливали еще масло в огонь. Уайтхолл надеялся, что Ишув взмолится о помощи, откажется от раздела и попросит англичан остаться. Но евреи и не думали просить помощи на таких условиях.

Теоретически англичане должны были при выводе своих войск передавать крепости Тагарта той стороне, население которой преобладало в том или ином районе. Однако, выводя свои войска из одного района за другим, британское командование часто передавало эти ключевые позиции не евреям, а арабам даже в тех случаях, когда население было преимущественно еврейское.

Вскоре в рядах «Войска Ярмука» и других «добровольческих армий» стали появляться бывшие солдаты гитлеровской армии. Впервые за все время своего существования Хагана сбросила маску, когда евреи объявили всеобщую мобилизацию.

Долго ждать не пришлось, арабы открыли огонь. В Хульской долине жители арабских сел обстреляли при поддержке бандитов коллективные села Эй-Зейтим, Бирия и Амиад. Но это были лишь одиночные выстрелы из-за угла, и атака была без труда отбита.

Враждебные действия нарастали с каждым днем. На дорогах то и дело устраивались засады, так что вскоре еврейский транспорт, жизненно важный для Ишува, подвергался опасности каждый раз, когда приходилось проезжать арабскую деревню.

В городах враждебные действия носили даже более воинственный характер. В Иерусалиме в воздухе постоянно носилась гарь от зажигалок. Арабы вели огонь со священных крепостных стен Старого города, и весь город был разбит на фронтовые участки, сообщение между которыми было смертельно опасным. На улицах, соединяю-

щих Тель-Авив и Яффу, появились баррикады и снайперские позиции:

Хуже всего было в Хайфе. Мстя за рейды Маккавеев, арабы устроили погром на нефтеочистительном заводе, где работали и арабы, и евреи, и около пятидесяти евреев погибло.

Абдель Кадар сумел организовать арабов гораздо лучше, чем Кавуки и Сафват на севере. Оперируя в окрестностях Иерусалима, Кадар разработал план, основанный на том, что ни палестинские арабы, ни банды диверсантов не в состоянии организовать продолжительные атаки. Кадар понимал также, что евреи будут стоять на смерть у каждого поселения. Ему нужны были легкие победы, чтобы воодушевить народ. Поэтому Кадар придерживался двойственной тактики: во-первых, он делал все, чтобы отрезать еврейские селения и довести жителей до изнеможения, а во-вторых, он организовывал молниеносные нападения на транспорт.

Тактика Кадара оказалась эффективной. У арабов была полная свобода передвижения, в то время как евреям приходилось удерживать свои позиции. День за днем все больше и больше еврейских сел попадали в осаду.

Абдель Кадар сосредоточил усилия на Иерусалиме. Дорога из Тель-Авива в Иерусалим шла по опасным горам Иудеи, где чуть ли не на каждом шагу были арабские деревни. Арабы располагали таким образом рядом ключевых высот. Кадар поставил себе целью обречь на голод стотысячное еврейское население Нового Иерусалима. Это был бы решающий удар по Ишуву.

В противовес этой тактике евреи стали конвоировать автоколонны бронемашинами. Тем не менее конвои были уязвимы, и вся дорога в Иерусалим была усеяна обломками машин, выведенных из строя. В самом Иерусалиме стало нехватать продовольствия, людям приходилось ездить в бронированных автобусах, а дети играли в радиусе действия снайперских винтовок.

Руководители Ишува потребовали от англичан обеспечить безопасность шоссе Тель-Авив — Иерусалим, основываясь на том, что бесчеловечно обрекать мирное население на голод. Англичане отклонили эту просьбу.

Благодаря быстрым операциям под началом умелого полководца арабы оттеснили Ишув в самом начале конфликта на весьма невыгодные позиции. Хагана распоря-

дилась превратить каждый кибуц и мошав в небольшой Тобрук. Евреи заплатили за свою страну кровью, и если арабы попытаются отнять у них страну, они заплатят за это кровью же.

Бои на дорогах открыли первый этап войны. Вопрос о том, провозгласят ли евреи независимость своего государства или нет, по-прежнему висел в воздухе.

Ари медленно поправлялся после ранения. Это ставило Авидана в трудное положение, так как он хотел назначить Ари на пост командующего одной из бригад Палмаха. Таких бригад было три: бригада «Ханита» — «Копье», — которая действовала в Галилее, Горная бригада — в Иудее, и «Крысы пустыни», действовавшие на юге.

Командирами Палмаха — вплоть до бригады — были молодые люди, не старше тридцати лет, часто своевольные, и они считали Палмах отборным войском. Подавляющую часть Палмаха составляли юноши и девушки из кибуцов. Они во всем были кибуцниками, они оставались ими и в армии. Они нередко находились в оппозиции к Национальному совету по политическим вопросам, и нередко не признавали даже авторитет Хаганы.

Ари Бен Канаан был старше умом, чем годами. Он понимал необходимость придерживаться единой тактики и выполнять приказы, а не делать что на ум взбредет. Его дисциплинированность и умение координировать действия делала его кандидатуру в командиры Палмаха весьма желательной, но Ари еще недостаточно поправился, чтобы взвалить на него этот груз. Каждая бригада действовала на обширной и трудно проходимой территории. Условия в Палмахе были очень тяжелые, а у Ари нога была еще далеко не в порядке.

Авидан назначил Ари командиром Хаганы в одном из жизненно важных пунктов Палестины, а именно в его родной долине Хулы. Вверенный ему район тянулся от северного берега Тивериадского озера, включая и Сафед, вдоль Хульской долины и вплоть до узкой полосы, вклинившейся между сирийской и ливанской границами. Чуть дальше к югу, у реки Ярмук, была граница Иордании, третьего арабского государства.

Район Ари был основной лазейкой для диверсантов Кавуки. Если начнется настоящая война, и арабские армии нападут на Палестину, они вне всякого сомнения нападут

в первую очередь на долину Хулы. Они попытаются напасть на долину со всех сторон, соединиться здесь и превратить долину Хулы в плацдарм для захвата всей Галилеи, а также для того, чтобы ударить между Хайфой и Тель-Авивом и таким образом разрезать силы евреев надвое.

В районе Ари было полтора десятка старых кибуцов, несколько мошавов и поселений, (в том числе и его родной Яд-Эль), жители которых вполне мог и справиться с диверсантами и даже с местными арабами. Села, расположенные в самой долине, лежали так близко друг к другу, что отрезать их и устроить осаду арабы вряд ли смогут.

Иначе обстояло дело в горах близ ливанской границы. Здесь Форт-Эстер был ключевой позицией. По договоренности с англичанами, эту крепость должны были передать Ари Бен Канаану, так как в долине Хулы преобладало еврейское население. Имея в своих руках Форт-Эстер, Ари мог бы отлично контролировать границу.

Ари разбил свой штаб в центральном кибуце Эйн-Ор — Источник света, — в создании которого когда-то принимал участие его дядя Акива. У него было несколько сот палмахников из бригады «Ханита». Его ближайшими помощниками были Давид, Зеев Гильбоа и Иоав Яркони. Местные организации Хаганы в каждом населенном пункте были довольны сильными: охват был стопроцентный, и люди хорошо обучены.

Узким местом был острый недостаток оружия, от которого страдал весь Ишув. Каждый день командиры с мест приставали к нему с требованием оружия. У него не было оружия. Его не было и у Авидана.

В районе Ари было два особо уязвимых места: Ган-Дафна и Сафед. Ари думал, что если только Форт-Эстер будет передан ему, он как-нибудь справится с обороной молодежного села. До тех пор, пока дорога в Ган-Дафну, ведущая через Абу-Йешу, была открыта, селу не угрожала опасность.

Хуже было с Сафедом. В сущности, ни одна местность не доставляла командиру Хаганы столько хлопот, сколько доставлял Сафед Ари Бен Канаану. Когда евреи приняли решение отстоять каждый населенный пункт любой ценой, они сделали ряд исключений. Сафед был одним из этих исключений.

Город Сафед был словно остров, окруженный морем арабских сел, в которых проживало не меньше сорока тысяч человек. Большинство жителей Сафедда состояло из кабалистов, которые ничего не понимали в военном деле. Хагана располагала во всем городе всего лишь двумястами годных к несению оружия мужчин, которым противостояли свыше двух тысяч местных арабов и диверсантов.

Муфтий избрал Сафед одной из своих первоочередных целей. В город просочились несколько сот хорошо вооруженных диверсантов, которые только и ждали вывода английских войск.

Расположение зданий в самом городе было для евреев еще более невыгодным. Все три ключевые позиции попадут в руки арабов: полицейский участок, расположенный прямо над еврейским кварталом, старая крепость наверху и крепость Тагарта на горе Канаан — все предполагалось передать арабам.

Оружия у арабов было достаточно даже в том случае, если бы воевать пришлось месяцами. У евреев было: сорок винтовок, сорок два самодельных самострела, один пулемет, одна мелкокалиберная пушка да несколько сот самодельных гранат. Этого оружия даже для ста человек не хватало.

Положение Сафедда было до того безнадежным, что англичане даже убеждали Ари позволить им эвакуировать евреев из города.

Ремез, хозяин гостиницы и командир Хаганы в городе, нервно шагал по кабинету Ари. Сатерлэнд спокойно сидел в углу и дымил сигарой.

— Я тебя слушаю, — сказал Ари наконец.

Ремез уперся рукой о письменный стол.

— Мы решили остаться в городе, Ари. Будем драться до последнего. Мы это решили твердо.

— Что ж, я рад.

Только давай оружие.

Ари гневно вскочил. Двадцать раз на дню ему приходилось слышать это «давай оружие».

— Сатерлэнд, молитесь Христу; ты, Ремез, молись Конфуцию, а я помолюсь Аллаху. Может, тогда винтовки посыпятся на нас, как манна небесная.

— Вы доверяете майору Хоксу? — спросил Сатерлэнд, имея в виду начальника британского гарнизона.

— Хокс всегда относился к нам дружелюбно, — ответил Ари.

— В таком случае, — продолжал Сатерлэнд, — может быть, вам следовало бы послушаться его совета. Он гарантирует вам свою помощь при эвакуации Сафед. В противном случае он гарантирует, что как только он выведет свои войска, в городе начнется чудовищная резня.

Ари сделал глубокий вздох.

— Хокс не сказал, когда он собирается вывести свои войска?

— Нет, он еще сам не знает.

— Покуда Хокс в Сафед, мы в относительной безопасности. Арабы не посмеют затеять что-нибудь серьезное, пока англичане в городе. А там, может быть что-нибудь изменится к лучшему еще до того, как они уйдут.

— Хокс, возможно, и неплохой парень, но ведь приказ есть приказ, — сказал Сатерлэнд.

— Арабы уже стреляют из засады, нападают на автоколонны, — сказал Ремез.

— Вот как? — с издевкой сказал Ари. — А ты уж сразу в кусты?

— Ари, — с обидой в голосе ответил Ремез. — Я родился в Сафед. Я прожил здесь всю жизнь. Я до сего дня помню улюлюканье, которое доносилось до нас из арабских кварталов в 1929 году. Мы не представляли, что это значит, пока обезумевшая толпа не обрушилась на наши дома. Это были наши друзья, но они обезумели. Я как сейчас вижу, как бедных кабалистов выволакивали на улицу и снимали им головы. Я был тогда мальчиком. То же улюлюканье мы снова услышали в 1936 году... на этот раз мы знали, что это такое. Три года подряд мы спасались в турецкой крепости всякий раз, когда в арабском квартале слышался шум. Теперь мы никуда не побегим. На этот раз мы останемся. Старики, и те никуда не побегут. На этот раз мы не дадимся так легко, можешь поверить мне на слово, Ари... Но всему ведь есть предел. Мы все делаем, но нам надо помочь кое-чем.

Ари пожалел, что говорил с Ремезом таким обидным тоном. Решение остаться в Сафед требовало большого мужества.

— Вернись в город, Ремез. Старайтесь хранить порядок и спокойствие. Ты можешь положиться на Хокса: пока он

в городе, он не выпустит власти из рук. А я обещаю снабжать вас чем смогу в первую очередь.

Когда все ушли, Ари сел за стол и на лице у него заходили желваки. Что делать? Может быть, ему удастся выделить пятьдесят человек палмахников, когда англичане уйдут. Все-таки лучше, чем ничего. А вообще ничего делать нельзя. Таких Сафедов в стране — штук двести. Пятьдесят человек — в одно место, пятьдесят — в другое. Если бы Кавуки, Сафват и Кадар знали, до чего положение отчаянное, они бы обрушили лобовые атаки со всех сторон на Палестину. Если бы начались такие атаки, их просто нечем было бы остановить. Ари все время боялся, что первая такая атака, если арабы ее начнут, тут же покажет им, до чего бедственно положение евреев в смысле оружия, и это неминуемо приведет к катастрофе.

Давид Бен Ами, только что вернувшийся из поездки по населенным пунктам, расположенным на самом севере, вошел в кабинет.

— Шалом, Ари, — сказал он. — Я встретил Ремеза и Сатерлэнда у ворот. Ремез совсем нос повесил.

— И не без оснований. Ну, что новенького?

— Арабы начали обстреливать из засад Кфар-Гилад и Метулли. В Кфар-Шолде опасаются, как бы сирийские села не принялись шкодничать тоже. Все окопались, вокруг детских учреждений всюду построены укрепления. Все просят оружия.

— Оружия!... И это ты называешь новостью? Давай лучше о другом. Где засели снайперы?

— В Аате.

— О, у меня с Аатой старые счеты, — сказал Ари. — Как только англичане уйдут, придется ударить по ней первой. Еще когда я был мальчиком и ствозил зерно на мельницу, они пытались избить меня. С тех пор они рады любому случаю, чтобы снова полезть в драку. Пожалуй, половина людей Кавуки просачиваются к нам именно через Аату.

— Или через Абу-Йешу, — ответил Давид.

Ари сердито посмотрел на него. Давид знал, что это больное место Ари.

— У меня есть друзья в Абу-Йеше, на которых можно положиться, — сказал Ари.

— В таком случае они, вероятно, уже сказали тебе, что диверсанты просачиваются через Абу-Йешу.

Ари ничего не ответил.

— Ари, ты не раз говорил, что я проявляю слабость, когда позволяю чувству взять верх над рассудком. Я знаю, насколько эти люди близки твоему сердцу, но тебе нужно пойти к ним и поговорить с мухтаром.

Ари встал и зашагал по кабинету.

— Хорошо, я поговорю с Тахой.

Давид взял донесения, которые лежали на письменном столе Ари, пробежал их глазами и положил обратно на стол. Он тоже зашагал, затем остановился у окна, выходящего на юго-восток, в сторону Иерусалима. Его лицо было грустно.

Ари похлопал его по плечу.

— Ничего, все образуется.

Давид медленно покачал головой.

— Положение в Иерусалиме становится все более отчаянным, — глухо произнес он. — Конвои подвергаются почти непрерывным нападениям. Если так пойдет дальше, в городе через пару недель начнется голод.

Ари знал, как действовала на Давида осада его любимого города.

— Тебе, конечно, хотелось бы податься в Иерусалим.

— Да, — ответил Давид, — но я не оставлю тебя одного.

— Если надо, то я тебя, конечно, отпущу.

— Спасибо, Ари. А ты справишься, сам-то?

— Конечно, справлюсь,... как только эта проклятая нога перестанет мне досаждать. Пойми меня правильно, Давид: вообще-то мне не хотелось бы отпускать тебя.

— Я останусь, пока ты выздоровеешь.

— Спасибо. Кстати, ты уже давно, кажется, не виделся с Иорданой.

— Да вот уже несколько недель.

— Почему бы тебе не податься завтра в Ган-Дафну и не познакомиться там с положением? Побыл бы там несколько дней и хорошенько все обследовал.

Давид улыбнулся.

— Агитатор из тебя что надо.

В дверь кабинета Китти Фрэмонт постучали.

— Входите, пожалуйста, — сказала она.

В кабинет вошла Иордана Бен Канаан.

— Мне хотелось поговорить с вами, миссис Фрэмонт, если вы не слишком заняты.

— Что ж, поговорим.

— Сегодня утром к нам приедет Давид Бен Ами проверять оборонительные позиции. После этого мы созовем заседание штаба.

— Я приду, конечно, — ответила Китти.

— Миссис Фрэмонт. Мне хотелось бы сказать вам еще вот что до заседания. Как вы знаете, меня назначили командиром Ган-Дафны, так что в будущем нам придется работать с вами в тесном сотрудничестве. Так вот, я хотела бы заверить вас, что я полностью доверяю вам. Больше того, я считаю, что это большое счастье для Ган-Дафны, что вы здесь.

Китти удивленно посмотрела на Иордану.

— Я убеждена, — продолжала Иордана, — что интересы села только выиграют, если мы не позволим личным чувствам влиять на наши действия.

— Я думаю, что вы правы.

— Очень хорошо. Я рада, что мы договорились об этом.

— Иордана... скажите, каково наше положение здесь?

— Нельзя сказать, чтобы особо опасное. Конечно, мы будем чувствовать себя в гораздо большей безопасности, когда Форт-Эстер передадут Хагане.

— А если произойдет что-нибудь непредвиденное, и Форт-Эстер достанется арабам? И... допустим дальше, что дорогу через Абу-Йешу закроют?

— Тогда, конечно, будет очень и очень неприятно.

Китти встала и зашагала по кабинету.

— Поймите меня, пожалуйста. Я отнюдь не хочу совать свой нос в военные дела, но если смотреть на дело реалистически — мы здесь можем оказаться в осаде.

— Такая возможность не исключена, — ответила Иордана.

— У нас тут много детей. Не лучше ли будет эвакуировать крошек, а заодно и детей младшего возраста.

— А куда их эвакуировать?

— Не знаю. Куда-нибудь, где не так опасно: в кибуц какой-нибудь, или в мошав.

— Я тоже не знаю, миссис Фрэмонт. «Кибуц, где не так опасно» — понятие относительное. Вся страна насчитывает в ширину меньше пятидесяти миль. Нигде нет безопасного кибуца. С каждым днем в осаду попадают все новые и новые населенные пункты.

— Тогда, может быть, в город?

— Иерусалим почти полностью отрезан. Бои в Хайфе, а также между Тель-Авивом и Яффой — самые тяжелые в стране.

— Выходит... некуда эвакуировать-то?

Иордана ничего не ответила. Ответа и не требовалось.

Г Л А В А 3

КАНУН РОЖДЕСТВА 1947 ГОДА

Стояла слякоть, было холодно, и первые хлопья снега носились над Ган-Дафной. Китти быстро шла по газону к своему коттеджу. Вокруг рта от дыхания образовались облачка пара.

— Шалом, гиверет Китти, — поздоровался с нею доктор Либерман.

— Шалом, доктор.

Она быстро взбежала по ступенькам и вошла в коттедж, где было тепло и где Карен приготовила горячий чай.

— Бррр, — воскликнула Китти, — прямо мороз на улице.

Комната была очень мило убрана. Карен украсила ее желудями, кружевами, а главное — воображением. Она даже выпросила разрешение срезать одну из драгоценных маленьких елочек, которую она тоже украсила клочками из цветной бумаги.

Китти села на кровать, сняла туфли и надела меховые шлепанцы. Чай был на редкость вкусный.

Карен стояла у окна и смотрела на тихо падающие хлопья снега.

— По-моему, ничего нет лучше на свете, чем первый снег, — сказала она.

— Вряд ли он тебе покажется таким уж хорошим, если нам еще уменьшат норму топлива.

— Я целый день вспоминала Копенгаген и Ханзенов. Рождество в Дании чудесное. Ты видела, какую посылку они мне прислали?

Китти подошла к девушке, обняла ее за плечи и прикоснулась губами к ее щеке.

— Рождество навевает на людей грусть.

— Ты очень одинока, Китти?

— С тех пор как не стало Тома и Сандры, я старалась не думать о Рождестве. Теперь вот снова радуюсь.

— Я надеюсь, ты искренне рада, Китти.

— Да, я счастлива... хотя несколько по-другому. Мне стало ясно, что нельзя быть хорошим христианином, не будучи, хотя бы в душе, также евреем. Всю жизнь я делала то, делала другое, а все мне чего-то нехватало. Теперь я впервые в состоянии давать без ограничений или надежды на то, что мне воздастся.

— Знаешь, что я тебе скажу? Я не могу говорить об этом с другими, потому что они: меня не поймут, но я чувствую себя здесь очень близкой к Христу, — сказала Карен.

— Я тоже, моя дорогая.

Карен взглянула на часы и вздохнула.

— Надо поужинать сегодня раньше: мне сегодня ночью в караул.

— Хорошенько одевайся. На улице очень холодно. У меня тут работа кое-какая. Я буду тебя ждать.

Карен переделась в неуклюжую теплую одежду. Китти собрала волосы девушки в узел, прежде чем надеть ей похожую на чулок коричневую шапку Палмаха, закрывающую уши.

Внезапно с улицы донеслось пение.

— Это еще что такое? — спросила Китти.

— Это для тебя, — улыбнулась Карен. — Они тайно разучивали эту песню целых две недели.

Китти подошла к окну. Пятьдесят ее детей стояли у коттеджа, держа свечи в руках, и пели рождественскую песню.

Китти накинула пальто и вышла с Карен к калитке. Позади детей, метров на шестьсот ниже, в долине мерцали огни сел. Из соседних домов то и дело выглядывали любопытные лица. Китти не разбирала слов, но мелодия песни была очень старая.

— С праздником, Китти, — сказала Карен.

У Китти по лицу текли слезы.

— Я никогда не думала, что мне доведется когда-нибудь услышать рождественскую песню в еврейском исполнении. Это самый прекрасный рождественский подарок, который я когда-либо получала в жизни.

Карен назначили в караул в один из внешних окопов под Ган-Дафной. Она вышла из села, затем пошла вдоль

шоссе, пока не дошла до позиций, с которых открывался вид на всю долину.

— Стой!

Она остановилась.

— Кто идет?

— Карен Клемент.

— Пароль?

— Хаг самеах (Веселого праздника).

Карен сменила постового, прыгнула в окоп, зарядила обойму в винтовку, щелкнула затвором и натянула ва-режки.

Хорошо стоять на посту, подумала Карен. Она посмотрела сквозь колючую проволоку в сторону Абу-Иеши. Хорошо быть здесь одной, ни о чем не думать и только смотреть вниз на долину Хулы. По тихому зимнему воздуху до Карен доносились слабые обрывки песни, которую пели дети у коттеджа Китти. Какая чудесная рождественская ночь!

Вскоре песня стихла и кругом воцарилась глубокая тишина. Снег все усиливался, и горы словно укрылись белым покрывалом.

За спиной у Карен раздался шорох в перелеске. Она спокойно обернулась и стала вглядываться в темноту. Что-то там двигалось. Она замерла и продолжала вглядываться. Точно! Кто-то двигался между деревьями. Вот тень... может быть, голодный шакал, подумала она.

Карен спустила предохранитель, подняла винтовку и прицелилась. Тень подходила все ближе.

— Стой! — резко крикнула она.

Тень остановилась.

— Пароль?

— Карен! — раздался голос.

— Дов!

Она выскочила из окопа и пустилась бежать по снегу ему навстречу, он побежал тоже, и вот они уже в объятиях друг друга.

— Дов! Дов! Неужели это ты?

Они вместе спустились в окоп, она напрягала зрение, чтобы увидеть его лицо.

— Дов, как же это может быть? У меня просто нет слов...

— Я приехал еще час назад, — сказал он. — Я ждал у твоего дома, потом пошел за тобой следом.

Карен пугливо оглянулась.

— Тебе надо быть осторожным. А что если англичане тебя поймают?

— Не беспокойся, Карен, все в порядке. Ничего англичане сделать мне уже не могут.

Ее пальцы дрожали, когда она стала его ощупывать.

— Дов, ты замерз весь. На тебе нет даже свитера. Ведь холодно как!

— Ничего... мне хорошо.

Снег все продолжал падать в окоп, но вдруг луна вышла из-за туч, и они увидели друг друга.

— Я скрывался в пещерах за Мишмаром.

— Я знаю.

— Я... я думал, ты уехала в Америку.

— Мы не смогли уехать.

— Ты, наверно, удивляешься, Карен, зачем я сюда пришел... Я... мне хочется вернуться в Ган-Дафну, но я тогда унес несколько часов и колец; они, верно, думают, что я вор.

— О, нет, Дов. Главное — ты жив и здоров.

— Так вот, ... я за все расплачусь.

— Это не имеет никакого значения. Все уже давно забыли.

Дов сидел в окопе, низко опустив голову.

— Все дни, пока я с дел в тюрьме в Акко и скрывался в пещерах, я много думал. Дов, — говорил я себе, — никто на тебя не злится. Ты сам на себя злишься. Когда я тебя потом увидел в тюрьме, я сказал себе... я подумал, что не хочу больше умирать. Ни умирать, ни убивать.

— О, Дов...

— Карен... у меня никогда не было другой девушки. Я это сказал просто так, ... чтобы ты уехала.

— Я знаю.

— Неужели ты это все время знала?

— Я заставила себя поверить, Дов, потому что я хотела верить, что я тебе не безразлична.

— Вот это мне всего больше нравится в тебе, Карен. Ты можешь заставить самое себя поверить в то, во что ты хочешь верить, а заодно и меня. Я хотел вернуться в Ган-Дафну и стать таким, чтобы ты могла гордиться мной. Мне хотелось, чтобы ты гордилась мной, хоть я и думал, что ты уехала.

Карен опустила глаза.

— Нет того на свете, чего я не сделаю ради тебя, — шепнул он.

Она подняла руку и дотронулась до его щеки.

— Дов, ты весь ооченел. Иди, пожалуйста, домой. Китти ты можешь рассказать все — она все знает о нас, и понимает. Как только я отстою смену мы пойдем с тобой к доктору Либерману. Будь осторожен. Пароль сегодня — «Веселого праздника».

— Карен, я так много думал о тебе все это время. Я никогда ничего дурного больше не сделаю, ничего такого, что доставит тебе боль.

— Я это знаю.

— Тогда разреши мне поцеловать тебя.

— Пожалуйста.

Они робко и неуклюже прикоснулись губами друг к другу.

— Я тебя люблю, Карен, — вырвалось у Дова, и он сломя голову понесся к поселку.

— «Международное право», — гневно сказал Барак Бен Канаан представителю Соединенных Штатов, — это то, чем злодей пренебрегает, а добродетельный отказывается настоять силой.

Правда, от бесед, даже очень умных, теперь уже мало зависело. Если евреи возьмут и провозгласят 15 мая свою независимость, они окажутся совершенно одни перед армиями семи арабских государств.

Диверсанты Кавуки и палестинские арабы, которыми командовали Сафват и Кадар, усиливали нажим.

Наступил решающий 1948-ой год.

Уже в первые месяцы арабы стали наглее. Враждебные действия все усиливались по мере того, как англичане ликвидировали гигантскую военную машину и оставляли одну позицию за другой.

ГАЛИЛЕЯ.

Диверсанты окружили кибуц Манара, расположенный высоко в горах у самой ливанской границы. Они отрезали еще полдесятка еврейских населенных пунктов.

Арабы обрушили пять прямых атак на Эйн-Зейтим — Источник маслин, — но все атаки были отбиты.

Зашевелились и жители сирийских сел. Они перешли палестинскую границу и напали на кибуц Дан и Кфар-

Шольд, расположенные недалеко от северной границы. Майор Хокс, командующий английскими войсками на севере страны, выделил несколько отрядов, которые помогли прогнать сирийцев назад через границу.

Арабы из Ааты, при поддержке жителей сирийских сел и диверсантов, совершили нападение на Лагавот-Хабашан — Пламя Башанских гор.

Подвергся нападению также Рамат-Нафтали, названный так в честь одного из колен древнего Израиля.

В ожидании того, что майор Хокс вот-вот выведет войска из Сафеда, арабы усиливали свои боевые операции. Уже сказывались результаты блокады города кабалистов: не хватало продовольствия и воды. Только под прикрытием англичан можно было доставить что-нибудь в еврейские кварталы.

ХАЙФА

Хайфский порт, один из крупнейших на Ближнем Востоке, был в центре внимания обеих сторон. Пока район порта находился в руках англичан, так как он был жизненно важен для вывода войск.

Хайфа была одним из немногих мест в Палестине, где еврейские позиции были расположены вверху, над арабскими, а именно — на горе Кармель. Командующий английскими войсками в районе Хайфы не скрывал своих симпатий к арабам и все время оттеснял евреев с выгодных позиций.

Маккавеи скатывали бочки со взрывчаткой вниз по склонам Кармеля в арабский квартал. Евреям удалось также задержать огромный транспорт оружия из Ливана и ликвидировать арабского командира.

Деловые отношения между обеими частями города были полностью прекращены. Амин Азаддин, офицер Арабского Легиона, прибыл в город, чтобы возглавить растущие силы диверсантов.

Англичане ставили евреям препятствия на каждом шагу, позволяя арабам набрать достаточно сил для нападения на район Кармеля.

САРОНСКАЯ ДОЛИНА.

Эта долина, расположенная в центре страны, поле битвы крестоносцев в Средние века, была самым густонасе-

ленным еврейским районом. К востоку от нее находилась Самария, самый густонаселенный арабский район, известный под названием «Арабского Треугольника». Хотя положение в этом районе и было напряженным, но район был относительно спокоен.

ТЕЛЬ-АВИВ — ЯФФО.

Район, соединяющий эти два соседних города, превратился в поле сражения. Улицы постоянно патрулировались, ежечасно возникали уличные бои. Маккавеи заняли свое место в рядах Хаганы. Обе стороны нападали друг на друга. Арабы превратили минарет в наблюдательный пункт, а британские войска не давали евреям атаковать мечеть.

ЮГ.

На огромных просторах Негева были лишь считанные еврейские населенные пункты. К тому же они были изолированы друг от друга. Арабы располагали там двумя большими базами: Беер-Шевой и Газой, известной еще со времен библейского Самсона. Арабы запросто могли блокировать еврейские селения и обречь их на голодную смерть. Евреям, правда, удавалось удерживать свои позиции, но арабы в этом районе особенно обнаглели, и положение становилось с каждым днем все более опасным. В эти дни возникли еврейские Военно-Воздушные силы. Они состояли из двух «Пайперов», которые служили в основном для связи. Еще один «Пайпер» сел в осажденном Иерусалиме. Вскоре «Пайперы» стали выполнять настоящие боевые задания, сбрасывая гранаты из окошек.

ИЕРУСАЛИМ.

Абдель Кадар все туже стягивал петлю вокруг еврейской части Иерусалима. Баб-эль-Вад, извилистое и легко уязвимое шоссе, петляющее по горам Иудеи, было блокировано намертво. Пробраться можно было только большими конвоями, и то очень дорогой ценой. Англичане упорно отказывались обеспечить безопасность на дорогах.

К югу от Иерусалима у евреев было четыре населенных пункта в горах Хеврона по дороге в Бетлехем. Эти четыре

селения, где жили религиозные евреи, были известны под названием «Гуш-Эцион». Они были так же уязвимы, как и Сафед. Район Эциона был полностью отрезан от еврейской Палестины. Вдобавок Арабский легион Трансиордании, являющийся составной частью британской армии, блокировал под этим предлогом дорогу, соединяющую эти селения с Иерусалимом.

В самом городе нехватка продовольствия и воды достигла предела. Бомбы, обстрел из засады, езда только в бронированных машинах и открытые бои стали повседневным явлением.

Дело дошло до того, что арабы устроили засаду, перехватывали автоколонну Красного Креста, следовавшую из медицинского центра «Гадасса» на горе Скопус, убили и зверски разрубили на части семьдесят семь безоружных еврейских врачей. Английские войска по-прежнему никаких мер не принимали.

Зеев Гильбоа доложил Ари, что он готов принять из рук англичан Форт-Эстер.

— Мы хоть сейчас можем выехать, — сказал Зеев.

— Очень хорошо. Сейчас и отправляйтесь. Майор Хокс сообщил, что он передаст крепость в четырнадцать ноль-ноль. Послушай, говорят, Лиора у тебя снова забеременела?

— Точно.

— Придется мне лишить тебя увольнительных, раз ты не можешь без этого, — улыбнулся Ари.

Зеев выбежал из штаба, прыгнул в кабину грузовика, включил мотор и поехал в кибуц Эйн-Ор. Двадцать палмахников, парни и девушки — должны были занять Форт-Эстер. Зеев поехал сначала по главному шоссе, затем свернул на узкую горную дорогу, ведущую к ливанской границе и к Форт-Эстер.

Зеев вспоминал свою последнюю побывку дома, в кибуце Сде-Шимшон — Поле Самсона. Лиора сообщила ему, что скоро родит снова. Он ужасно обрадовался. До армии Зеев был пастухом... но когда это было! Какое будет счастье — взять своих сыновей и облазить с ними горы, где будут пастись стада его овец...

Зеев резко оборвал свои мечты: до этого еще далеко. Вот они получают из рук англичан Форт-Эстер, тогда нужно будет первым долгом снять осаду кибуца Манара, органи-

зывать патрули вдоль границы, чтобы положить конец проникновению диверсантов.

Бетонная крепость возвышалась над всей долиной Хулы. Конечно, будет большое облегчение, когда над ней будет развеяться флаг со звездой Давида.

Ребята в кузове начали распевать песни, пока грузовик петлял по извилинам узкой горной дороги. Зеев посмотрел на часы. До назначенного срока оставалось пятнадцать минут. Он взял последний поворот. В отдалении виднелось огромное бесформенное здание крепости. Внизу белело в седловине арабское село Абу-Йеша, а над ним утопающее в зелени плато Ган-Дафны.

Метров за сто до Форт-Эстер, Зеев почувствовал в воздухе что-то неладное. Он уменьшил скорость и высунил голову из кабины. Если англичане собираются передать им крепость, почему нет никакого движения? Зеев посмотрел вверх в сторону крепостной башни. Над ней развеялся флаг диверсантов Кавуки. Не успел он разглядеть флаг, как из Форт-Эстер раздался первый залп.

Зеев резко затормозил, свернув на обочину.

— Полундра!

Ребята прыгнули с машины и бросились врассыпную. Машина была охвачена пламенем. Зеев отступил со своими людьми назад, собрал их, когда они вышли из радиуса действия орудий, и ускоренным маршем направился вниз, в кибуц Эйн-Ор.

Узнав, что Форт-Эстер сдан арабам, Ари немедленно помчался в Сафед, где на горе Канаан стояла Тагартова крепость.

Он с ходу бросился в кабинет майора Хокса, командовавшего британскими войсками в этом районе. Это был рослый, смуглый мужчина с явными следами бессоницы на лице.

— Иуда! — бешено зашипел на него Ари.

— Я тут ни при чем, — смущенно оправдывался Хокс. — Верьте слову.

— Нет, не верю; вам я подавно не поверю.

Хокс обхватил голову руками.

— Вечером мне позвонили в десять часов из генштаба в Иерусалиме. Приказали немедленно покинуть Форт-Эстер.

— Вы должны были предупредить меня.

— Я не мог, — пробормотал Хокс. — Нельзя было. Я

человек военный, Бен Канаан. Я... я всю ночь глаз не сомкнул. Сегодня утром я позвонил в Иерусалим и просил, чтобы мне разрешили вернуть Форт-Эстер.

Ари окинул майора презрительным взглядом.

— Вы можете думать обо мне, что хотите...

Ари не сводил с него взгляда.

— Ну, пусть вы правы, что теперь?

— Это ваш хлеб, Хокс. Вы не первый и не последний солдат, который идет на сделку со своей совестью.

— Что толку говорить теперь об этом. Этим дела не поправишь.

— Может быть, вас начальство похвалит за то, что вы сделали, но мне вас жалко. Не у кого-нибудь, а у вас на совести будет осада Ган-Дафны, если у вас еще осталась капля совести.

Хокс изменился в лице.

— Неужто вы оставите детей на горе? Ради бога, Бен Канаан, заберите их оттуда!

— Раньше надо было думать. Без Форт-Эстер нам ничего другого не остается, как удержать Ган-Дафну, не то мы сразу потеряем всю долину Хулы.

— Послушайте, Ари... я сам вывезу детей.

— Некуда вывозить.

Хокс сжал кулаки, ударил ими по столу и что-то проворчал себе под нос. Он вверг Ган-Дафну в смертельную опасность. Ари неотрывно смотрел на него. Майора мучили сильнейшие угрызения совести за то, что его заставили сделать.

По дороге в Сафед Ари лихорадочно искал выход из положения. Хотя придуманный им план и был весьма рискованн, он мог спасти Ган-Дафну.

— Что мне теперь делать, Бен Канаан?

— В качестве командующего английскими войсками в этом районе вы имеете полное право съездить в Ган-Дафну и посоветовать нам эвакуироваться.

— Да, но...

— Вот это и сделайте. Возьмите с собой полсотни грузовиков и съездите завтра в Ган-Дафну. Не забудьте также захватить бронемашину для охраны колонны. Если кто-нибудь спросит, куда это вы, отвечайте, что собираетесь эвакуировать детей.

— Я не понимаю. Вы, что же, согласны эвакуировать детей?

— Нет. Все остальное предоставьте мне. Вы только организуйте мне завтра конвой.

Хокс не стал допытываться, что у Ари на уме. Он в точности выполнил его указания, взял с собой пятьдесят грузовиков и под охраной бронемашин подался в Ган-Дафну. Растянувшись чуть ли не на километр, автоколонна выехала из форта Тагарта, минула шесть арабских деревень и повернула в сторону Хулы. Затем она свернула в гору, проехала по Абу-Йеше на виду у диверсантов, завладевших фортом Эстер. Автоколонна добралась до Ган-Дафны в полдень. Майор Хокс предложил доктору Либерману эвакуировать село; доктор Либерман, по совету Ари, ответил официальным отказом. После обеда автоколонна покинула Ган-Дафну и вернулась на свою базу в Сафед.

Тем временем Ари «доверительно» сообщил кое-каким своим арабским друзьям из Абу-Йеши, что майор Хокс оставил тонны оружия и боеприпасов — от пулеметов до мортир — в Ган-Дафне.

— В конце концов, — под большим секретом сказал Ари, — Хокс давно известен своим дружеским отношением к евреям; должен же он был искупить сдачу Форт-Эстер арабам.

Поползли слухи. Не прошло и нескольких часов, как все в районе были глубоко убеждены, что Ган-Дафну взять теперь уже нельзя. Дети, дескать, вооружены до зубов. То обстоятельство, что детей не эвакуировали, придавало слухам лишний вес: арабы знали, что евреи непременно вывезли бы детей, если бы им угрожала опасность.

Когда в районе утвердилось мнение, что Ган-Дафной завладеть нельзя, Ари отправился в Абу-Йешу.

Он вошел в каменный дом у реки, где жил Таха, его старый друг и мухтар села. Какими бы напряженными взаимоотношения ни были, араб обязан оказать гостеприимство каждому, кто бы ни вошел в дом. Это был очень древний обычай, но хотя Таха исполнил его тщательнейшим образом, Ари чувствовал какую-то неприязнь, которой он никогда в этом доме не чувствовал раньше.

Они вместе пообедали, болтая о пустяках. Когда Ари показалось, что приличия соблюдены в достаточной мере, он приступил к цели своего визита.

— Не кажется ли тебе, — начал Ари, — что нам с тобой пора поговорить открыто о твоих симпатиях?

— Мои симпатии не играют сегодня никакой роли.

— В таком случае я боюсь, что мне придется поговорить с тобой в качестве командира Хаганы в этом районе.

— Я заверил тебя под честное слово, что Абу-Иеша останется нейтральной.

Ари встал и посмотрел Тахе прямо в глаза. Затем он произнес слова, оскорбительные для арабского уха.

— Правильно, ты дал мне честное слово, но ты же его и нарушил.

Таха бросил на Ари гневный взгляд.

— Нам известно, — продолжал Ари, — что люди Кавуки пробираются через Абу-Иешу целыми шайками.

— А что я, по-твоему, должен делать? — зло ответил Таха. — Что мне — запретить им приходить сюда? Я их во всяком случае не звал.

— Я их тоже не звал. Послушай, мой друг... когда-то мы с тобой разговаривали не так.

— Времена меняются, Ари.

Ари подошел к окну и посмотрел на мечеть по ту сторону реки.

— Ты знаешь, Таха, как я всегда любил это место. Мы с тобой прожили немало счастливых дней в этом доме и на берегу этой реки. Помнишь, как мы отправлялись туда с ночевкой?

— Это было давно.

— Может быть, у меня и впрямь слишком цепкая память. В дни погромов и беспорядков мы с тобой, бывало, говорили о том, до чего это все глупо. Мы с тобой кровью поклялись остаться навеки друзьями. Перед тем, как прийти сюда, я всю ночь не сомкнул глаз, все думал и вспоминал то, что мы с тобой пережили вместе.

— Тебе, Ари, не к лицу ударяться в сентиментальность.

— Еще меньше мне к лицу угрожать тебе. Мухаммед Каси и его головорезы, окопавшиеся в Форт-Эстер, — ничуть не лучше тех, кто убил твоего отца, когда он стоял на коленях и молился. Как только англичане выведут отсюда свои войска, он немедленно закроет дорогу в Ган-Дафну. Если ты это допустишь, он сунет твоим людям винтовки в руки и прикажет им напасть на Яд-Эль.

— Что же мне, по-твоему, делать?

— А мне ты что прикажешь делать? — ответил Ари вопросом на вопрос.

Воцарилось тяжелое молчание.

— Ты — мухтар Абу-Йеши. Ты можешь распоряжаться своими людьми, как распоряжался, бывало, твой отец. Ты должен прекратить эти шашни с диверсантами.

— А если нет?

— Если нет, то придется нам отнестись к тебе, как к врагу.

— И тогда что, Ари?

— Тогда это может привести к гибели Абу-Йеши.

Ни Таха, ни сам Ари не верили этим словам. Ари очень устал. Он подошел к своему другу и положил ему руки на плечи.

— Пожалуйста, Таха, — сказал он, — помоги мне.

— Я араб, — ответил Таха.

— Ты в первую очередь человек. Ты умеешь отличать хорошее от дурного.

— Я г р я з н ы й араб.

— Это ты сам о себе думаешь.

— Ты еще скажешь, чего доброго, что я — твой брат?

— Ты им всегда был.

— Если я действительно твой брат, тогда дай мне Иордану. Да, ты не ослышался... дай ее мне в жены, пусть она станет матерью моих детей.

Ари размахнулся и ударил Таху в челюсть. Араб упал на четвереньки. Он тут же вскочил на ноги, инстинктивно вырвал кинжал из пояса и стал подбираться к Ари.

Ари стоял неподвижно, даже не пытаясь защищаться. Таха поднял нож, застыл, отвернулся и бросил кинжал прочь. Он со звоном упал на каменный пол.

— Что я наделал! — прошептал Ари. Он подошел к Тахе, всем своим видом умоляя о прощении.

— Ты мне все сказал, что мне нужно было знать. Вон из моего дома, жид!

Г Л А В А 4

В ООН дела приняли в высшей степени опасный поворот. Исходя из предложения, что раздел Палестины нельзя будет осуществить без вооруженной поддержки, и боясь, как бы Советский Союз не принял участия в создании международных вооруженных сил, Соединенные Штаты объявили о своем намерении отказаться от поддержки резолюции о разделе.

Ишув развернул отчаянную кампанию, чтобы убедить американцев отказаться от своей новой пораженческой позиции. В самый разгар этой важнейшей кампании Барака Бен Канаана срочно вызвали во Францию. Барак, с головой ушедший в эту кампанию, был сбит с толку этим приказом. Но он немедленно сел в самолет и улетел в Париж.

Его встретили два агента Ишува. Барака вызвали для участия в совершенно секретных переговорах, касающихся жизненно важной сделки по закупке оружия. Палестинское еврейство считало, что в связи с неблагоприятным поворотом дел в ООН, вопрос об оружии приобрел первостепенную важность, и что именно он, Барак, самый подходящий человек, кто сможет провести эту сделку. Старый друг евреев Ян Масарик, министр иностранных дел Чехословакии, сообщил им, где можно достать оружие в целом ряде европейских стран.

Прошло несколько недель столь же осторожных, сколь и секретных переговоров, и сделка была благополучно заключена. Теперь встал вопрос о том, как доставить все это оружие в Палестину, все еще находившуюся под британской блокадой.

Первым делом нужно было достать самолет, достаточно вместительный для перевозки оружия. Один агент Алип Бет раскопал в Вене списанный американский бомбардировщик типа «Либерейтор», который и купили, якобы, для «Альпийской авиакомпании».

Затем нужно было найти экипаж. Шестеро еврейских летчиков: четыре из Южной Африки и двое из США, участ-

вовавшие в воздушных боях во время Второй мировой войны, выразили готовность и дали подписку о неразглашении тайны.

Всего труднее было создать в маленькой Палестине секретный аэродром под носом у англичан. Выбор пал на покинутый англичанами военный аэродром в Ездзелонской долине, который служил в годы войны базой для английских истребителей. Зброшенный аэродром был расположен в районе, сплошь населенном евреями, так что именно здесь «Либереитор» имел больше всего шансов приземлиться и снова взлететь, не будучи обнаруженным англичанами.

Тем временем в Европе организовали сбор оружия под таким же секретом, под каким держалось истинное назначение новой «Альпийской авиакомпании».

Это была настоящая гонка. До отправки первого транспорта оружия из Европы пройдет по меньшей мере две недели. Весь вопрос заключался теперь в том — не поздно ли будет?

Каким-то чудом евреям удалось пока удержать все свои позиции в Палестине, и арабы ни одного населенного пункта занять не сумели. Зато еврейские автоколонны систематически разносили в щепки. Были отрезаны водопроводные линии, ведущие в Негев. Кое-где жители питались только картофельной кожурой и маслинами.

Самые упорные бои шли вокруг Иерусалима, где арабская тактика изоляции и блокады давали все более заметные результаты. Шоссе Баб-эль-Вад, связывающее Иерусалим с Тель-Авивом, было буквально усеяно остовами сгоревших машин. Только изредка удавалось прорваться какому-нибудь большому конвою, да и то ценой человеческих жизней и материальных потерь. Только благодаря этому город держался.

Впервые в истории по Иерусалиму был открыт артиллерийский огонь. Совершили этот «подвиг» диверсанты Кавуки.

Кавуки, Сафват и Кадар срочно нуждались в какой-нибудь победе. Их хвастливые предсказания «блестящих побед» так и не сбылись, и палестинские арабы начинали проявлять беспокойство.

И вот Кавуки, самозванный генералиссимус «Войска Ярмука», созданного иерусалимским Муфтием, решил по-

крыть себя славой завоевателя первого еврейского населенного пункта. Он тщательно выбирал цель, чтобы орешек не оказался не по зубам.

Выбор пал на село, которое казалось Кавуки особенно незащищенным. Кавуки избрал Тират-Цви — Крепость рабби Цви — в качестве первого еврейского населенного пункта, которому выпадет честь попасть в руки арабов. Тират-Цви — это был кибуц, созданный религиозными евреями, многие из которых прошли свои «университеты» в немецких концлагерях. Кибуц был расположен в южной части долины Бет-Шеан. Его нарочно построили в этом преимущественно арабском районе в качестве передовой позиции. К югу от кибуца начинался «треугольник», где жили сплошь арабы. К востоку текла река Иордан, с восточного берега которой запросто можно было обстрелять кибуц. Довершал окружение расположенный чуть севернее враждебный арабский город Бет-Шеан.

Кавуки был в восторге от своего выбора. Одна атака, предсказывал он, и верующие евреи будут уничтожены. Этот обербандит сосредоточил сотни арабов на военной базе в Наблусе, главном городе «треугольника», и стал готовить нападение.

Кавуки заранее объявил о своей победе: атака еще не началась, а он уже широко разрекламировал свою победу. Когда он построил своих бандитов, из города Бет-Шеан повалили арабские женщины с мешками и корзинами, чтобы вместе с бойцами ворваться в кибуц и разграбить его.

Стояло туманное утро, когда арабы выступили. У евреев было сто шестьдесят семь мужчин и женщин, годных к несению оружия. Они засели в обороне — в окопах и за грубо сколоченными укреплениями. Детей спрятали в здании, находившемся в центре кибуца. У защитников не было более тяжелого оружия, чем двухдюймовая мортира.

Рздались звуки горна. Офицеры арабского легиона, сабли наголо, возглавили атаку. За ними в поле повалили диверсанты, рассчитывая с ходу захватить кибуц.

Евреи подождали, пока арабы подошли к передовым позициям на расстояние двадцати метров. Только тогда они выпустили первый залп. Арабы повалились, как подкошенные.

То же было и со второй, третьей и четвертой волной:

евреи подпускали их на близкое расстояние, затем открывали огонь, кося их как траву.

Поле боя было буквально усеяно убитыми. Раненые арабы визгливо умоляли: — Мы ведь ваши братья! Милосердия, ради Аллаха!

Остатки бросились врассыпную, и началось паническое бегство. Кавуки обещал им легкую победу и богатую добычу! Он говорил, что эти верующие евреи сразу пустятся наутек, как только увидят арабов. На такое сопротивление они не рассчитывали. Арабские женщины, явившиеся с мешками, тоже бросились бежать.

Офицеры арабского легиона пытались остановить паническое бегство. Им пришлось для этого пустить в ход оружие. Наконец они собрали своих людей и стали готовиться к новой атаке, но от первоначального воодушевления арабов не осталось и следа.

В самом кибуце создалось очень трудное положение. У них не осталось боеприпасов, чтобы выдержать еще одну атаку. Больше того, если арабы изменят тактику и пойдут не напролом, а в обход, их и вовсе нельзя будет остановить. Они быстро разработали отчаянный план. Они вручили подавляющую часть боеприпасов двум десяткам снайперов, а все остальные отступили к центру кибуца, готовясь защитить детей штыками, дубинками и врукопашную. Они следили за арабами в бинокли и убедились, что их осталось вполне достаточно, чтобы захватить кибуц.

На этот раз арабы приближались гораздо медленнее, офицеры Легиона шли уже не впереди, а сзади, подталкивая своих людей дулами пистолетов.

И вдруг разверзлись небеса, и дождь полил прямо ведрами. В течение нескольких минут поле превратилось в настоящее болото. Вместо того, чтоб набрать силу, арабская атака стала на глазах выдыхаться. Совершенно так же застряли три тысячи лет тому назад канаанские колесницы, ринувшиеся против Деборы.

Когда первые офицеры Арабского легиона достигли кибуца, снайперы их мигом уложили. Рыцарское «Войско Ярмука» сочло, что с него хватит на сегодня.

Кавуки пришел в бешенство, когда узнал о разгроме у Тират-Цви. Ему срочно нужна была хоть какая-нибудь победа, чтобы спасти свою честь. На этот раз он затеял нечто гораздо более рискованное.

С точки зрения стратегической шоссе, соединяющее

Тель-Авив с Хайфой, имело даже большее значение, чем иерусалимское шоссе. Если перерезать линию Тель-Авив — Хайфа, евреи не смогут координировать свои действия, так как Галилея будет отрезана от Саронской долины. Вдоль главной автострады были расположены арабские деревни, так что евреи были вынуждены объезжать их, чтобы сообщение между двумя городами не пострадало. На одной из этих объездных дорог лежал кибуц Мишмар-Гаэмек — Страж Долины. Этот кибуц Кавуки и намеревался захватить, чтобы таким образом отрезать Тель-Авив от Хайфы.

На этот раз Кавуки решил не повторять ошибок, допущенных у Тират-Цви. Он согнал около тысячи человек, вооружил их 75-миллиметровыми горными орудиями, и они укрепились на холмах, окружавших кибуц.

Окружив Мишмар-Гаэмек со всех сторон, Кавуки открыл по кибуцу артиллерийский огонь. У евреев был всего один пулемет.

Обстрел длился целый день. К вечеру англичане приказали обеим сторонам прекратить огонь, въехали в кибуц и предложили евреям эвакуироваться. Они, разумеется, отказались, и англичане убралась восвояси, умыв руки. Они же сообщили Кавуки, что в кибуце были сосредоточены относительно слабые силы. Чего он, однако, так и не узнал, потому что у него совершенно не было разведки, так это, что вся долина кишела бойцами Хаганы. На следующую ночь два батальона Хаганы во всеоружии тайно пробрались в кибуц.

Наступил третий день, Кавуки пошел в наступление.

Вместо того, чтобы победоносно вступить в испуганный кибуц, где все попрятались, он попал под огонь двух хорошо обученных батальонов, с нетерпением ждавших его. Атака арабов была отбита.

Кавуки кое-как собрал своих людей и попытался пойти еще раз в атаку, на этот раз более осторожную. Эта атака тоже была отбита. Арабы бросались все снова и снова, но чем дальше, тем больше они падали духом. Их с большим трудом удавалось сдвинуть с места, и они тут же бросались наутек, как только по ним открывали огонь.

К концу дня Кавуки совершенно потерял власть над своими людьми. Все больше людей покидали поле боя.

Евреи, неотрывно следившие за ходом событий, организовали внезапную контратаку. В мгновение ока все переменялось. Арабы были до того напуганы одним видом

наступающих евреев, что они бросились панически бежать. Бойцы Хаганы преследовали их до самого Мегидо, где в течение веков имели место сотни и сотни сражений. Здесь, на историческом поле боя Армагеддона, евреи нанесли Кавуки сокрушительное поражение. Побойще кончилось только тогда, когда вмешались англичане и потребовали немедленно прекратить огонь.

Евреи выиграли свое первое сражение в Войне за Независимость.

В иерусалимском коридоре горная бригада Палмаха делала гигантские усилия, чтобы держать шоссе открытым. Эти отряды, состоявшие из юношей и командиров, которым только что исполнилось двадцать лет, постоянно рыскали по глубоким ущельям и чащобам Иудейских гор, нападали на арабские деревни, где скрывались диверсанты, не спали сутками, изнемогали от усталости, но все равно были всегда готовы отправиться в лишний обход, в лишний рейд, нанести лишний удар по неприятелю.

— Вот в этом вади партизанил еще царь Давид!

С глазами, налитыми кровью от бессоницы, молодые палмахники отправлялись в новый поход.

— Помни, ты дерешься на том самом месте, где родился Самсон!

— Вот в этой долине произошел бой между Давидом и Голиафом.

— Вот здесь Иисус Навин остановил солнце!

По ночам они читали Библию вслух, и это вселяло в изнемогающих бойцов те нечеловеческие силы, которые снова поднимали их на ноги под утро. Здесь, на территории Кадара, бои не прекращались ни на минуту, а арабы слепо шли за своим командиром.

В Тель-Авиве организовали большой конвой, чтобы спасти Иерусалим от голода. Бойцам горной бригады поручили взять Кастель, арабскую деревню, расположенную на развалинах крепости времен крестоносцев и нависшую над важным перевалом в горах.

Штурм Кастеля был первым еврейским наступлением в Войне за Независимость. Ценой нечеловеческих усилий бойцы вскарабкались под покровом ночи на почти неприступную гору, добрались до вершины окровавленные и в полном изнеможении, но ринулись в рукопашный бой и захватили деревню.

Взятие Кастеля сильно подняло настроение всего Ишува. Тут же огромная автоколонна выехала из Тель-Авива, пробила себе путь по Баб-эль-Вад и въехала в Новый Иерусалим. Еврейское население города было спасено от голода.

Кавуки вызвал к себе в штаб, расположенный в Наблусе, Мухаммеда Касси, командующего бандами диверсантов в долине Хулы и окопавшегося в Форт-Эстер.

Кавуки позарез нужна была победа. Месяц за месяцем он выпускает один бюллетень за другим, хвастая победами, которых не было и в помине. В качестве главнокомандующего войсками иерусалимского муфтия Кавуки мечтал втайне командовать когда-нибудь арабской армией, которая будет владеть всей территорией от турецкой границы до Гибралтара. Каждый раз, когда он терпел поражение, он ссылался на «британское вмешательство», не дававшее ему, мол, захватить еврейские населенные пункты. Когда, однако, англичане вывели свои войска, ссылаться ему стало не на что.

Кавуки, по традиции, поцеловал Мухаммеда Каси в обе щеки, потом они долго говорили о своих блестящих победах. Касси хвастливо рассказал, как он «захватил» Форт-Эстер, а Кавуки не менее хвастливо говорил о том, какие ловкие и сильные удары он нанес кибуцам Тират-Цви и Мишмар-Гаэмек.

— Я получил послание от Его Святейшества из Дамаска, — сказал Кавуки. — Пятнадцатого мая, в день, когда истекает срок британского мандата, Хадж Эмин эль-Хусейни победоносно вернется в Палестину.

— Какой это будет праздник для всего Ислама! — воскликнул Мухаммед Каси.

— Его Святейшество избрал Сафед в качестве временной столицы, пока не будут полностью уничтожены сионисты. Ну, теперь когд майора Хокса, этого закадычного друга евреев, не стало, нам не потребуется и недели, чтобы занять Сафед.

— Я несказанно рад слышать такие новости!

— Вместе с тем, — продолжал Кавуки, — пока в долине Хулы останется хоть один еврей, безопасность Сафеда будет обеспечена не полностью и, значит, Его Святейшество муфтий не сможет туда въехать. Долина Хулы — это

кинжал, направленный нам в спину. Нам нужно во что бы то ни стало стереть их с лица земли.

Мухаммед Каси побледнел.

— Хула, если я не ошибаюсь, — ваш район, брат мой. Нужно, чтобы вы немедленно захватили Ган-Дафну. Как только Ган-Дафна будет в ваших руках, мы будем держать всю долину Хулы за горло.

— Мой генералиссимус, разрешите мне заверить вас, что каждый из моих добровольцев отважный как лев и воодушевлен благородной задачей истребить сионистов до последнего. Они все поклялись драться до последней капли крови.

— Вот и прекрасно. Кстати, мы им и платим чуть ли не по доллару в месяц.

Каси погладил свою бороду, затем поднял указательный палец, украшенный богатым бриллиантовым кольцом.

— Мы, однако, не должны забывать одну вещь. Всем известно, что майор Хокс оставил в Ган-Дафне три тысячи винтовок, сто пулеметов и десятки орудий.

Кавуки вскочил на ноги.

— Вы что — боитесь детей?

— Клянусь бородой Аллаха, что евреи направили в Ган-Дафну тысячу палмахников. Я их видел собственными глазами.

Кавуки одну за другой вцепил Мухаммеду Каси две щеки.

— Ты возьмешь Ган-Дафну, ты сравнешь ее с землей, ты умоешь руки в крови проклятых жидов, не то я брошу твой вонючий труп коршунам!

Г Л А В А 5

Мухаммед Каси первым делом послал сотню своих людей в Абу-Йешу. Несколько жителей селения тут же отправились в кибуц Эйн-Ор и доложили об всем Ари. Ари знал, что большинство жителей Абу-Йеши на стороне евреев. Он ожидал, что они что-нибудь предпримут теперь.

Арабы Абу-Йеши были не очень довольны появлением диверсантов. Они десятками лет жили в добрососедских отношениях с евреями Яд-Эля; их дома построили евреи. У них не было никакого зла на своих соседей, еще меньше им хотелось драться, и они смотрели на Таху, своего мухтара, ожидая, что он прикажет им прогнать диверсантов Каси.

Таха затаился в странном молчании, не выступая ни за, ни против появления диверсантов. Когда старейшины села приставали к нему с уговорами сплотить людей на совместные действия, он отказывался обсуждать эту тему. Его молчание решило судьбу Абу-Йеши, потому что феллахи были бессильны без руководителя. Они покорно смирились с оккупацией села.

Каси быстро воспользовался равнодушием и бездействием Тахи. Чем дольше Таха молчал, тем наглее и активнее становились головорезы Каси. Они отрезали дорогу в Ган-Дафну. Многие жители села злились, но дальше недовольного ворчания дело не шло. Затем четверых жителей Абу-Йеши поймали на том, что они тайком переправляли продовольствие в Ган-Дафну. Каси немедленно велел их убить, отрубить головы и выставить их в предостережение на сельской площади. С этого момента село было покорено целиком и полностью.

Ари ошибся. Он был уверен, что жители Абу-Йеши заставят Таху принять какое-нибудь решение, тем более что речь шла о том — быть Ган-Дафне или не быть. Но они ничего не сделали, а теперь дорога в Ган-Дафну была перерезана. Это поставило его в ужасное положение.

Перерезав дорогу, Каси стал круглосуточно обстрели-

вать Ган-Дафну из горных орудий, расположенных в Форт-Эстер.

Евреи готовились к этому с того самого дня, когда Ган-Дафна была создана. Каждый точно знал свои обязанности. Переход от мирной жизни к чрезвычайному положению произошел быстро и спокойно.

Все дети старше десяти лет принимали активное участие в обороне села. Цистерну с водой обложили со всех сторон мешками, набитыми песком. Генератор, медицинское оборудование, склады оружия, боеприпасов и продовольствия находились с самого начала в подземных помещениях.

Жизнь шла своим чередом, хотя в убежищах. Школьные занятия, обеды, игры и все повседневные дела велись теперь под землей. На ночь дети отправлялись в специальные спальни, оборудованные вагонкой и помещавшиеся в огромных бетонных трубах, погруженных глубоко в землю и перекрытых толстым слоем грунта, а сверху еще мешками с песком.

Когда артиллерийский обстрел прекращался, дети и работники села выходили из убежищ, чтобы поиграть, распрямить застывшие члены и ухаживать за газонами и клумбами.

Не прошло и недели, как воспитателям удалось убедить детей, что свист и взрывы снарядов — обыкновенная неприятность, нередко встречающаяся в повседневной жизни.

Внизу, в кибуце Эйн-Ор, Ари лихорадочно искал решение. Все остальные населенные пункты должны были сами позаботиться о своей обороне, но в Ган-Дафне проживало человек шестьсот детей, к тому же селение было расположено в самом опасном месте, непосредственно под крепостью Форт-Эстер. Запасов продовольствия должно было хватить на месяц, в воде тоже не будет недостатка, если в цистерну не попадет снаряд. Хуже было с топливом. Ночи в горах были очень холодные, а Ари знал, что доктор Либерман согласится скорее замерзнуть, чем вырубить и пустить на топливо драгоценные молодые деревца. Телефонная линия была перерезана, и пришлось установить систему световой сигнализации между Ган-Дафной и Яд-Элем. Детское село было совершенно отрезано от внешнего мира, и добраться туда можно было только по крутому западному склону, в высшей степени опасному: нужно было с опасностью для жизни карабкаться по скалам вверх на высоту 600 метров, да и то лишь ночью.

Но не снабжение и не связь волновали Ари. Он боялся кровавой резни. Он не имел ни малейшего понятия, когда лопнет пущенный им слух о «неприступности» Ган-Дафны.

Перебрав все запасы оружия, Ари наскреб для селения с дюжину испанских винтовок выпуска 1880 года, 23 самодельных ружья и ветхое венгерское противотанковое орудие с пятью зарядами.

Зееву Гильбоа с группой в двадцать палмахников поручили доставку этого оружия. Все, конечно, пришлось навьючить на себя. Противотанковое орудие предварительно разобрали на части. Когда стемнело, отряд пустился в путь; карабкаться по западному склону пришлось всю ночь.

В одном месте они прошли всего в нескольких шагах от Абу-Йеши. Это был один из самых опасных участков: пришлось покрыть по-пластунски расстояние в четверть километра под самым носом у диверсантов.

Вид у Ган-Дафны был печальный. Много зданий было повреждено, клумбы — все перерыты, статуя Дафны сбита с пьедестала. Тем не менее дети хранили удивительное хладнокровие, а система обороны работала безотказно. Зеев не смог удержать улыбки, когда навстречу отряду вышел доктор Либерман с пистолетом на боку. Весь поселок облегченно вздохнул, когда пришло такое подкрепление.

Артиллерийский обстрел продолжался еще дней десять. Горные орудия разрушили здание за зданием. Вскоре последовали и людские потери: снаряд разорвался неподалеку от вход в убежище, и двое детей погибло.

Но Кавуки требовал действий. Каси пытался организовать две или три робких вылазки. Каждый раз его люди попадали в засаду и погибали, так как Зеев растянул оборону Ган-Дафны чуть ли не до самых стен Форт-Эстер. Палмахники — парни и девушки — пробрались к крепости, а также к Абу-Йеше, и следили за каждым движением арббов.

Тем временем из Тель-Авивского штаба Хаганы явился курьер. Ари немедленно созвал командиров всех селений. В Тель-Авиве приняли решение относительно детей, проживающих в прифронтовой полосе. Штаб предлагал перевезти детей в Саронскую долину, поближе к Тель-Авиву и к морю, где положение было не таким критическим и где их с удовольствием приютят кибуцы и мошавы. Между строк можно было прочесть, что положение стало на-

столько опасным, что Хагана уже сейчас принимала меры на случай, если детей придется эвакуировать морем, чтобы спасти от поголовной резни в случае победы арабов.

Это был не приказ: каждый кибуц и мошав должны были сами принять решение. С одной стороны, люди будут драться самоотверженнее, если дети будут при них; но с другой стороны, нельзя было не считаться и с угрозой массовой резни.

Для этих людей эвакуация детей была вдвойне тягостна, так как она означала еще одно отступление. Большинство из них приехало сюда, спасаясь от ужасов, и эти поля были в их глазах последним рубежом, за которым нет отступления. За пределами Палестины надеяться им было не на что.

Каждое селение решило этот вопрос по-своему. Некоторые более старые селения наотрез отказались отпустить своих детей. Другие заявили, что они будут стоять до последнего, а если придется умереть — то всем вместе: они не хотели, чтобы их дети знали, что такое отступление. Третьи, отрезанные в горах и терпящие нужду во всем, каким-то образом вывели детей из окружения для дальнейшей эвакуации.

Ответственность же за Ган-Дафну лежала буквально на всех.

Разведчики донесли Ари, что Кавуки всюду нажимает на Мухаммеда Каси, требуя наступления. Продовольствия становилось все меньше, а топлива давно уже не было. Прямые попадания повредили цистерну. Хотя никто и не жаловался, но жизнь в убежищах сказывалась на всех.

Командиры долины Хулы единогласно решили, что младших детей необходимо вывезти из Ган-Дафны. Весь вопрос был в том, как это сделать? Просить о временном прекращении огня не имело смысла, так как в этом таилась двойная опасность: во-первых, Каси непременно нарушит его, а во-вторых, это значило бы показать свою слабость. Если Ари попытается направить в Ган-Дафну автоколонну, то ему придется для этого сосредоточить все силы Хулы; только тогда он сможет пробить себе дорогу. Речь шла не о том, выиграть или проиграть очередное сражение. Поражение в этом случае было равносильно гибели детей.

И как уже столько раз в прошлом, Ари предстояло найти выход из почти безвыходного положения. И так как у

него другого выхода не было, ему пришлось разработать фантастический план, который превосходил по дерзости все, что он до сих пор совершил.

Предусмотрев все мельчайшие подробности, Ари поручил Давиду подобрать отряд для проведения плана в жизнь, а сам отправился в Ган-Дафну. Карабкание по скалам причиняло ему сильную боль буквально на каждом шагу. Нога все время ныла, а несколько раз и совсем отказывалась служить, пока он взбирался ночью на гору. Зато очень помогало то, что он был хорошо знаком с местностью еще с детства. Он добрался в Ган-Дафну на рассвете и немедленно созвал совещание в штабном бункере. На совещание явились все начальники отделений, среди них Зеев, Иордана, доктор Либерман и Китти.

— У нас здесь двести пятьдесят детей моложе двенадцати лет, — начал Ари без предисловий. — Завтра ночью мы их всех вывезем отсюда.

Он посмотрел в изумленные лица присутствовавших.

— В мошаве Яд-Эль сейчас собирается отряд, — продолжал он. Нынешней ночью Давид Бен Ами поведет четыреста человек со всей Хулы по западному склону горы в Ган-Дафну. Если все пойдет хорошо, то-есть, если их не обнаружат, они доберутся сюда завтра на рассвете. Следующей ночью двести пятьдесят мужчин понесут вниз столько же детей. Остальные полтора ста будут сопровождать и охранять их. Добавлю для вашего сведения, что мы выдали этим людям решительно все автоматическое и скорострельное оружие, которым мы располагаем в долине Хулы.

Десяток с лишним человек, присутствовавших на совещании, уставились на Ари, словно он был не в своем уме. Прошла целая минута; никто не проронил ни слова.

Наконец Зеев Гильбоа встал на ноги.

— Ари, боюсь, что я тебя не понял. Неужели ты в самом деле собираешься понести двести пятьдесят детей вниз по обрыву, да еще ночью?

— Так точно.

— Да ведь это же опаснейший спуск для мужчины, идущего налегке днем, — вмешался доктор Либерман. — Понести на спине детей, да еще ночью, это... это просто невымыслимо. Некоторые обязательно свалятся.

— Приходится идти на риск.

— Но Ари, — сказал Зеев, — им придется пройти совсем близко к Абу-Йеши. Их непременно обнаружат.

— Мы примем все меры, чтобы их не обнаружили.

Все в один голос запротестовали.

— Молчать! — крикнул Ари. — У нас тут не митинг. Смотрите, не проговоритесь. И без паники. А теперь расходитесь все: у меня еще куча дел.

В течение всего дня арабы обстреливали Ган-Дафну особенно упорно. Ари разработал с каждым начальником отделения план эвакуации до малейших подробностей. Был составлен график, где было предусмотрено все минута в минуту.

Все те, кто знал о готовящейся операции, ходили в задумчивости, со страхом в сердце. Столько могло произойти непредвиденного! Кто-то мог поскользнуться и вызвать панику... арабские собаки в Абу-Йеше могли почуять их и залаять... Каси мог пронюхать обо всем, воспользоваться тем, что все селения в долине остались без оружия и напасть на них...

Вместе с тем они понимали, что ничего другого придумать было нельзя. Еще неделя, еще десять дней, и положение в Ган-Дафне все равно станет отчаянным.

Вечером Давид Бен Ами, который собрал свой отряд в Яд-Эле, просигнализировал в Ган-Дафну, что как только стемнеет, они отправятся в путь.

Всю ночь четыреста добровольцев карабкались по скалам и в полном изнеможении добрались в Ган-Дафну еще до рассвета. Ари встретил их в окрестностях села и велел спрятаться в лесу. Нельзя было допустить, чтобы арабы заметили их из Форт-Эстер, и в самом селении лучше, чтобы их не видели во избежание паники.

Они остались в лесу до самого вечера. В шесть часов без десяти минут, ровно за сорок минут до захода солнца, приступили к проведению операции.

Детей, подлежащих эвакуации, накормили ровно без пяти минут шесть: в их молоко всыпали снотворное. В шесть пятнадцать детей уложили спать на подземных нарах. Они еще попели немножко, но вскоре крепко заснули.

В 6,32 солнце зашло за Форт-Эстер.

В 6,46 Ари созвал всех взрослых на совещание перед детским убежищем.

— Слушайте внимательно, — строго сказал он. — Через несколько минут мы начинаем эвакуацию детей. Вас

вызовут каждого по имени и каждый получит соответствующее задание. Все должно идти строго по утвержденному графику. Помните, что малейшее отступление от графика подвергнет опасности жизнь детей, жизнь бойцов, а также вашу собственную. Никаких вопросов или споров. Против каждого, кто не выполнит точно порученного ему задания, будут приняты самые строгие меры.

В 6,45 Иордана Бен Канаан выставила вокруг Ган-Дафны караул из детей старших возрастов. Караул был вчетверо больше обычного, чтобы исключить проникновение лазутчика и раскрытие операции. Зеев Гильбоа и его двадцать палмахников двинулись в горы, чтобы прикрыть Ган-Дафну сверху.

Как только поступило донесение, что караул расставлен, двадцать пять жителей селения спустились в убежище, чтобы тепло одеть спящих детей. Китти обошла всех детей, чтобы удостовериться, что снотворное подействовало. На губы каждого ребенка наложили пластырь, чтобы они не заплакали во сне. В 7,30 все дети были готовы к отправке. Только тогда Ари вызвал отряд из леса.

Тут же расставили цепь и передавали детей из рук в руки. Детей сажали в специально сшитые из ремней седла, укрепляли их на спине у бойцов, чтобы обе руки были свободны для спуска и обороны.

В 8,30 двести пятьдесят бойцов и их сонный груз подвергли окончательной проверке. Затем они двинулись к воротам селения, где их уже ждал охранный отряд в полтора раза бойцов, вооруженных автоматами. С Ари во главе они перешагнули через край обрыва. Один за другим люди исчезали в ночи, пока не скрылся последний.

Оставшиеся молча стояли у ворот. Делать было больше нечего. Оставалось только ждать. Они отправились в убежища, чтобы провести там бессонную ночь и дрожать за судьбу детей и конвоя.

Китти Фрэмонт осталась у ворот. Больше часа она смотрела вперед, в темноту.

— Да, ночь нам предстоит длинная, — раздался голос у нее за спиной. — Не лучше ли вам вернуться, а то ведь холодно.

Китти обернулась. Рядом с ней стояла Иордана. Впервые с тех пор, как они познакомились, Китти была искренне рада этой рыжей сабре. После того как она решила остаться, она все больше и больше проникалась уважением

к Иордане. Именно благодаря ее усилиям в Ган-Дафне царил такой образцовый порядок. Она сумела внушить юношам и девушкам из отрядов «Гадны» какое-то заразительное спокойствие, и они вели себя как выдавшие виды вояки. Несмотря на все трудности, обрушившиеся на Ган-Дафну в дни осады, Иордана оставалась спокойной и энергичной. На ее плечах лежала немалая ответственность, а ей еще двадцати лет не было. Зато она обладала теми неуловимыми качествами вождя, которые вселяют в окружающих уверенность и спокойствие.

— Да, нам предстоит очень длинная ночь, — в тон ей ответила Китти.

— Давайте проведем ее вместе, — предложила Иордана. — Я выдам вам маленький секрет: у меня в штабном бункере припрятана бутылка коньяка. Мне кажется, что сегодняшняя ночь — наиболее подходящий случай, чтобы распить ее. Подождите меня в бункере. Мне надо только снять кое-кого с поста. Через полчаса я вернусь.

Китти не двигалась с места. Иордана взяла ее за руку.

— Пошли, — тихо сказала она. — Делать все равно больше нечего.

Китти сидела в бункере и нервно курила одну сигарету за другой. Наконец вернулась и Иордана. Она сняла коричневый шлем и длинные рыжие локоны упали ей на плечи. Она потирала то щеки, то руки, чтобы согреться, затем достала бутылку коньяка, которая была припрятана в стене бункера и слегка присыпана землей. Она сначала вытерла бутылку, затем налила Китти и себе по рюмке.

— Лехайм, — сказала Иордана, отпив глоток. — Вот это хорошо.

— Сколько им потребуется, чтобы миновать Абу-Йешу?

— Не раньше полуночи, — ответила Иордана.

— Я все время стараюсь уверить себя, что все будет хорошо. Но тут же начинаю думать о том, что может случиться то одно, то другое...

— Как же можно не думать об этом! — ответила Иордана. — Все это теперь в божьих руках.

— В божьих? Да, в этой стране Бог действительно творит особые дела.

— Если вы в Палестине не уверуете в Бога, — сказала Иордана, — то вряд ли вообще уверуете. Я не помню, когда мы могли обходиться без веры. Опереться-то нам больше не на что.

В устах Иорданы Бен Канаан эти слова одновременно звучали и странно — и нисколько не странно. Судя по внешности Иорданы, нельзя было сказать, что она верующая женщина... но что же, если не вера, давало ей силы выдержать все трудности и напряжение?

— Китти, — сказала вдруг Иордана. — Я вам должна в чем-то признаться. Мне ужасно хочется, чтобы мы стали друзьями.

— Почему?

— Потому что вы меня научили кое-чему... чему-то такому, в чем я ошибалась. Я смотрела, как вы работаете с детьми, и, кроме того, я знаю, что вы сделали для Ари. Когда вы решили остаться здесь, я что-то поняла... я поняла, что такая женщина, как вы, может не уступать в мужестве... любой из нас. Раньше я думала, что женственность — признак слабости.

— Спасибо, Иордана, — слабо улыбнулась Китти, — но боюсь, что мне бы сейчас пригодилась капля вашей веры, или мужества, или как это правильное назвать. У меня такое чувство, что я вот-вот развалюсь на части.

Китти закурила еще одну сигарету, а Иордана налила ей еще рюмку коньяка.

— Я все время думаю... — сказала Иордана, — вы очень подходите к Ари.

Китти покачала головой.

— Нет, Иордана. Мы с ним, как у нас говорят, хоть и хорошая пара, но не созданы друг для друга.

— Это очень жаль, Китти.

Китти взглянула на часы. Она знала еще с совещания, что примерно в это время колонна должна добраться до первого почти отвесного обрыва. Им придется спускаться с детьми на спине по веревкам, один за другим. Спускаться нужно было по меньшей мере метров десять. Оттуда они должны будут ползти вниз по мягкому грунту.

— Расскажите мне лучше о себе и о Давиде, — быстро сказала Китти.

Иордана вся просияла.

— О, мой Давид, мой милый, чудесный Давид.

— Где вы с ним познакомились?

— В Иерусалиме, в университете. Я только поступила туда и уже на завтра я с ним познакомилась. Мы только увидели друг друга и с первого взгляда полюбили. И никогда не переставали любить.

— У меня с мужем все было точно так же, — сказала Китти.

— Мне, конечно, понадобился весь первый семестр, чтобы хорошенько дать ему понять, что он меня любит.

— Мне понадобилось больше, — улыбнулась Китти.

— Да, мужчины бывают порой удивительно недогадливы. Но когда наступило лето, он уже ясно сознавал, что без меня он жить не может. Мы с ним отправились тогда в археологическую экспедицию в Неgev. Мы пытались установить точный маршрут Моисея и десяти колен по пустыням Син и Паран.

— Я слышала, те месте — не ахти какие обжитые.

— Ну, уж нет. Там находятся развалины сотен древних набатейских городов. В цистернах до сих пор есть вода. Если повезет, можно наткнуться на интереснейшие находки.

— Это интересно.

— Это и впрямь интересно, хоть работа очень тяжелая. Давид любит раскапывать развалины. Он очень живо чувствует древнюю славу нашего народа. Впрочем, не он один... От этого-то и нельзя оторвать евреев от этой земли. У Давида великие планы. Как только война кончится, мы с ним вернемся в университет. Мне осталось получить звание магистра, а Давиду — доктора. Тогда он приступит к раскопкам большого, большого древнееврейского города. Он хочет проводить раскопки в Хацоре, прямо здесь в Хуле. Пока все это, конечно, одни мечты. Для этого нужны большие средства... и мир. — Иордана проницательно засмеялась. — Мир, конечно, абстрактное понятие, иллюзия. Я прямо не могу представить, что это такое — мир.

— Может быть, вам покажется скучно.

— Не знаю, — ответила Иордана, и в ее голосе слышалась усталость. — Хоть бы один раз в жизни увидеть, как люди живут нормальной жизнью.

— А путешествовать вы не хотите?

— Путешествовать? Нет. Я делаю все то, что делает Давид. Иду туда, куда идет он. Но, признаться, мне бы хотелось когда-нибудь поехать куда-нибудь. Всю жизнь мне втолковывали, что у нас не может и не должно быть ничего, кроме Палестины. Но... время от времени я чувствую какое-то удушье. Многие из моих друзей уехали из Палестины. Похоже, что мы, сабры, для того и родились,

чтобы воевать. Мы просто не можем жить в другом месте. Рано или поздно все возвращаются в Палестину. Правда, женщины тут быстро стареют. — Иордана внезапно замолчала. — Это все коньяк, наверно, — сказала она. — Вы, конечно, знаете, что сабры совсем пить не умеют.

Китти улыбнулась Иордане и впервые почувствовала сострадание к этой девушке. Она потушила сигарету и снова взглянула на часы. Время шло ужасно медленно.

— Где они теперь?

— Все еще у первого обрыва. Для спуска им потребуется по меньшей мере часа два.

Китти тихо вздохнула, а Иордана уставилась в пространство.

— О чем задумались?

— О Давиде... и о детях. В то первое лето мы нашли в пустыне кладбище, которому было не меньше четырех тысяч лет. Мы нашли там прекрасно сохранившийся скелет маленького ребенка. Может быть, он умер по пути в Обетованную землю. Давид смотрел на этот скелетик и плакал. Такой он. Осада Иерусалима не дает ему покоя ни днем, ни ночью. Я знаю, он вынашивает какой-то безумный план, чтобы выправить положение. Я это знаю точно... Почему бы вам не прилечь, Китти? Нам еще долго сидеть и ждать.

Китти допила коньяк, растянулась на койке и закрыла глаза. Она видела в своем воображении нескончаемый ряд мужчин, спускающихся один за другим по веревкам вниз со спящими детьми на спине; ей мерещились арабы, рыскающие вокруг колонны, следящие за каждым ее движением и расставляющие ей западню.

Нет, спать было невозможно.

— Я схожу к доктору Либерману в убежище, посмотрю, как они там.

Она натянула шерстяную кофту и вышла. С вечера огонь прекратился. Китти встревоженно подумала: а вдруг Мухаммед Каси что-нибудь пронюхал и вывел всех своих людей из Форт-Эстер! Эта мысль не давала ей покоя. Слишком ярко светила луна. Ночь была слишком ясная и тихая. Ари должен был дожждаться более темной ночи, чтобы эвакуировать детей. Китти посмотрела вверх и различила очертания Форт-Эстер. Они, верно, все заметили, подумала она.

Она вошла в один из школьных бункеров. Доктор Ли-

берман и весь остальной персонал сидели на своих койках с застывшим выражением на лице, бледные от напряжения. Никто не говорил ни слова. Атмосфера в бункере была такая тяжелая, что она не выдержала и снова вышла.

Карен и Дов — оба были в карауле.

Она вернулась в штабной бункер, но Иордана тоже куда-то ушла.

Она снова растянулась на койке и прикрыла ноги одеялом. Опять ей представились бойцы, спускающиеся по обрыву. Слишком тяжелый выдался день. Она впала в забытие. Так проходил час за часом.

Полночь. Первый час ночи. Китти беспокойно ворочалась на койке. Ей виделись страшные кошмары. Вот арабы, оглушительно визжа, набрасываются на колонну с саблями наголо. Вот уже все мужчины убиты, и арабы копают яму, чтоб бросать туда детей...

Китти вскочила и спустила ноги с койки. Она была вся в поту, а сердце бешено билось. Дрожа всем телом, она мотнула головой. Вдруг до ее слуха донесся какой-то звук. Она вытянула шею и стала прислушиваться. Ее глаза застыли в ужасе!

Это были далекие звуки выстрелов!

Она вскочила на ноги. Точно! Это была пальба. Стреляли где-то у Абу-Йеши! Ей это не приснилось! Колонну действительно обнаружили!

Она бросилась вон. У входа она столкнулась с Иорданой.

— Пустите!

— Китти, не надо!

— Они там убивают моих детей! Убийцы! Убийцы!

Иордана изо всех сил пыталась удержать Китти, но та совсем обезумела. Она царапалась, схватила Иордану за волосы. Тогда девушка рывком подняла ее над головой и бросила через плечо на землю.

— Послушайте, Китти! Эта пальба, которую вы услышали, ее Зеев Гильбоа со своими ребятами ведут нарочно, чтобы отвлечь внимание арабов. Они специально напали на Абу-Йешу с противоположной стороны. К колонне это не имеет никакого отношения.

— Это неправда!

— Нет, правда; клянусь вам. Я должна была оповестить всех только перед самым началом атаки. Я уже была

здесь, но вы спали; тогда я пошла предупредить всех остальных.

Иордана нагнулась к Китти и помогла ей подняться на ноги. Затем она повела ее к койке.

— Тут еще осталось немного коньяка. Выпейте.

Китти с трудом заставила себя выпить пару глотков. Вскоре она взяла себя в руки.

— Извините, пожалуйста, что я сделала вам больно, — сказала Иордана.

— Пустяки... вы поступили правильно.

Иордана присела рядом с Китти и принялась массировать ей затылок. Китти прислонилась головой к плечу Иорданы и тихо заплакала. Потом она встала и оделась.

— Карен и Дов должны прийти вот-вот с поста. Я пойду к себе и приготовлю им чаю.

Часы медленно тянулись один за другим — казалось, этой ночи не будет конца. Где-то люди ползли во тьме мимо Абу-Йеши; палмахники тем временем инсценировали ложную атаку на противоположную окраину деревни; еще немного — и они смогут побежать вниз быстрее...

Д в а ч а с а. Т р и ч а с а. Теперь уже все, в том числе и Иордана, застыли в ожидании и опустошенно молчали. В пять с четвертью все вышли из убежищ. Утро было морозное. Тонкий слой инея покрыл газон в центре селения. Они вышли все к тому месту, где часовой лежал у самого обрыва и наблюдал.

Часовой неотрывно вглядывался в бинокль, ища какой-нибудь признак жизни у подножья горы. Ничего не было видно.

— Гляньте!

Часовой протянул руку. Все посмотрели в сторону мошава Яд-Эль, где замигал сигнальный фонарь.

— Что они говорят? Скорее!

— Да вот, не пойму что-то... Исх1416.

Все растерянно переглянулись. Из Яд-Эля повторили сигнал: Исх1416.

— Они в безопасности, — сказала Иордана Бен Канаан. **«А ты подними жезл твой и прости руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше».** Книга Исхода, глава четырнадцатая, стих шестнадцатый, — восторженно воскликнула она, улыбаясь Китти.

Г Л А В А 6

Спустя четыре дня после эвакуации маленьких детей из Ган-Дафны, к Ари поступил ряд донесений. Начальники обороны селений сообщали, что нажим арабов стал слабеть. Когда потом Ари узнал от верных друзей из Абу-Иеши, что Каси отозвал половину своих людей из села в Форт-Эстер, он понял, что атака на Ган-Дафну может произойти в любую минуту.

Ари взял еще двадцать палмахников, последних, которых ему удалось наскрести во всей Галилее, и снова взобрался через обрыв в Ган-Дафну, чтобы самому возглавить оборону.

Всего у него теперь было человек сорок палмахников, человек тридцать боеспособных жителей селения, да юноши и девушки Иорданы из «Гадны» — всего около двухсот человек. Из оружия у него было: полтораста старых винтовок и самодельных ружей, два пулемета, несколько сот самодельных гранат, мин и бомб, и ветхое венгерское противотанковое орудие с пятью зарядами.

Как доложила разведка, у Мухаммеда Каси человек восемьсот диверсантов и неограниченное количество оружия и боеприпасов, в том числе и орудия, а сверх того — еще, пожалуй, сотня арабов из Ааты и других враждебных арабских деревень, расположенных на границе с Ливаном.

У Ари положение с боеприпасами было весьма плачевным. Он знал, что как только начнется атака, ему необходимо разбить арабов немедленно. Единственное его преимущество состояло в том, что он хорошо знал неприятеля. Мухаммед Каси, иракский разбойник с большой дороги, не имел никакого понятия о военном деле. Он пристал к Кавуки в надежде, что сможет грабить и присваивать добычу. Его люди были тоже не особенно храбры, но их можно было науськать, а когда чаша весов склонялась в бою на их сторону, их кровожадность не знала предела. Ари намеревался воспользоваться невежеством арабов и отсутствием у них воображения. Он разработал

план обороны, основываясь на предположении, что Каси попытается предупредить лобовую атаку кратчайшим путем. С тех пор, как он себя помнил, арабские диверсанты прибегали к лобовым атакам. Поэтому он сосредоточил свои силы в одном месте.

Ключевой позицией Ари было ущелье, которое вело в Ган-Дафну, суживаясь воронкой. Если Ари сможет заманить Каси в это ущелье, его шансы сильно возрастут. Зеев Гильбоа засел в скалах и буреломе в непосредственной близости к Форт-Эстер. Оттуда он вел непрерывное наблюдение за каждым движением арабов. Он подтвердил, что Каси действительно сосредотачивает силы.

Спустя три дня после прибытия Ари в Ган-Дафну на командный пункт примчался молодой посыльный и доложил, что Каси вывел своих людей — около тысячи человек — из крепости и повел их вниз. Не прошло и двух минут, как объявили тревогу, и все жители Ган-Дафны: мужчины, женщины и дети, заняли свои места.

Глубокая седловина в горах прикрывала арабов, пока они не появились на возвышении, расположенном прямо над Ган-Дафной, на расстоянии примерно в шестьсот метров от северной окраины селения и в двести от воронкообразного ущелья.

Защитники Ган-Дафны стояли в окопах и молча ждали.

Вскоре на краю возвышенности показались люди. Через несколько минут вся местность кишела арабами. Они остановились и смотрели вниз на совершенно стихшее селение. Эта тишина показалась арабским офицерам подозрительной. Ни та, ни другая сторона не выпустила еще ни одного выстрела.

Мухаммед Каси сидел в башне Форт-Эстер и смотрел в мощный полевой бинокль. Он довольно улыбнулся, когда его войско добралось до возвышенности над Ган-Дафной. То обстоятельство, что евреи не дали ни одного залпа, вселяло в него уверенность, что он запросто захватит селение. Орудийный залп из крепости послужил сигналом к атаке.

В Ган-Дафне люди слышали обрывки арабских команд. Это офицеры прикрикивали на своих людей. Но никто не покидал вершины. Тишина внизу действовала на них ошеломляюще. Все больше арабов стали показывать вниз и орать. Их громкая брань и злоба становилась все истеричнее.

— Это они нарочно на себя напускают, — шепнул Ари.

Дисциплинированные защитники Ган-Дафны не показывали ни носа, ни оружия, хотя чесались руки. Эти арабские вояки кого угодно выведут из терпения.

Прошло еще несколько минут неистовых выкриков и похвалы и арабская орда с диким визгом бросилась вниз по склону. Их штыки и сабли сверкали на фоне неба.

Наступил момент, когда должно было выясниться, удастся ли первая часть плана, разработанного Ари. Ночь за ночью он высылал патрули, которые закладывали на местности самодельные мины. Эти мины можно было привести в действие на расстоянии — из Ган-Дафны. Они были заложены по обеим сторонам таким образом, что они создавали коридор, который вел прямо в ущелье.

Зеев Гильбоа, занявший позицию далеко впереди, дождался пока атака арабов не достигла высшей точки. Когда арабы добежали до минного поля, Зеев взмахнул зеленым флажком. В Ган-Дафне Ари рывком включил рубильник.

Два десятка мин — по одному с каждой стороны — взорвались одновременно. Раскаты взрывов понеслись по горам. Мины разорвались на флангах, и арабы немедленно сбились в кучу, ринувшись прямо вниз в ущелье.

Ари расставил своих сорок человек палмахников по краям ущелья, отдал им оба пулемета, а также все гранаты и бомбы, которые у него имелись. Когда арабы появились на дне ущелья прямо под ними, палмахники открыли по ним перекрестный огонь из пулеметов, и ущелье было вмиг усеяно телами. Взрывались самодельные зажигательные бомбы, и десятки диверсантов превращались в живые факелы, а палмахники вдобавок обрушили на атакующих ливень гранат.

Палмахники заранее заготовили также множество пустых бомб, расставили громкоговорители в лесу, которые многократно усиливали гул и треск настоящих и пустых взрывов, оглушая арабов и вселяя в них дикий ужас.

Мухаммед Каси, следивший за атакой из Форт-Эстер, пришел в бешенство. Он приказал открыть артиллерийский огонь по краям ущелья. Растерянные артиллеристы действительно открыли огонь, но половина их снарядов угодила в своих. Им удалось под конец вывести из строя один пулемет палмахников.

Первая волна арабов была буквально превращена в

щепки, но за ними шли другие. Они довели себя до такой степени истерии, что обезумев от страха, они по инерции продолжали идти вперед.

Второй пулемет прекратил огонь лишь тогда, когда перегорело его дуло. Палмахники оставили свои позиции по краям ущелья и отступили в Ган-Дафну, чтобы встретить там нападающих. Арабы добежали, дико визжа и сбившись в кучки, чуть ли не до самого селения. Их отделяло теперь от Ган-Дафны не больше каких-нибудь ста метров. Тем временем Давид Бен Ами успел снять маскировку и мешки с песком с венгерского противотанкового орудия. Вместо снарядов заряд состоял теперь из дробы. В каждом залпе содержалось около двух тысяч ружейных зарядов. Если все пойдет хорошо, орудие успешно заменит роту стрелков.

Толпа обезумевших арабов была уже в пятидесяти метрах... в сорока... в тридцати... в двадцати..

Пот лился ручьями по лицу Давида Бен Ами, когда он нацеливал орудие на кратчайшее расстояние в упор.

Десять метров...

— Пли!

Ветхое противотанковое орудие содрогнулось. Зато оно обрушило ураган дробы прямо на атакующих. Дикие предсмертные вопли смешались с дымом. Давид быстро втолкнул в орудие новый заряд и сквозь дым успел заметить горы убитых и раненых. Оставшиеся в живых, дико жестикулируя, остановились в панике. Их догнала новая волна атакующих.

— Пли!

Вторая волна тоже упала, как подкошенная.

— Пли!

От третьего залпа орудие раскололось, но свое дело оно сделало. Три залпа дробы уложили около двухсот арабов. Атака была приостановлена.

Арабы снова пошли в атаку. Снова около сотни арабов добежали вплотную к Ган-Дафне. На этот раз их встретил залп из окопов, где засели юноши и девушки Иорданы Бен Канаан.

Истекая кровью, арабы поползли в панике назад в ущелье. Зеев Гильбоа кликнул своим палмахникам и бросился вдогонку. Со своими сорока бойцами пастух преследовал по пятам несколько сот панически бежавших

арабов. Он погнал их вверх на плато, но этим не ограничился, а продолжал гнаться за ними.

Ари наблюдал за всем из бинокля.

— Этот сумасшедший, — вскричал он, — попытается взять Форт-Эстер. Я приказал ему прекратить преследование у возвышенности.

— Какая муха его укусила? — сквозь зубы буркнул Давид.

— Пошли! — крикнул Ари. — Нужно остановить его во что бы то ни стало.

Ари быстро дал команду Иордане организовать со своими ребятами сбор оружия, брошенного арабами, но не мешкать, а сразу вернуться в Ган-Дафну.

Итак, его план удался. Правда, он истратил за какую-нибудь четверть часа почти все боеприпасы, зато почти половина людей Каси валялись мертвыми или ранеными.

Когда Мухаммед Каси увидел, как его люди со всех ног мчатся назад в Форт-Эстер, в самой крепости тоже началась паника. Зеев Гильбоа оторвался от своих палмахников метров на двадцать пять. Арабы открыли огонь по своим, пытаясь остановить палмахников. Кое-кто из арабов успел добежать до крепости. Остальные, за которыми следом бежали палмахники, не успели проскочить и подверглись орудийному обстрелу. Зеев миновал внешнее ограждение из колючей проволоки и находился уже всего в сорока метрах от форта.

— Ложись! — крикнул он своим ребятам. Он и сам бросился на землю и давал очередь за очередью из своего автомата по форту, пока все палмахники не залегли. Убедившись, однако, что ничего из его затей не получится, он пополз назад. Град пуль понесся из крепости, и Зеева ранило. Он поднялся во весь рост и побежал. Опять в него попала пуля. На этот раз он упал на колючую проволоку и повис на ней.

Палмахники, окопавшись, готовились уже отправиться к нему на выручку, как к ним подползли Ари с Давидом.

— Вон там Зеев, — доложили палмахники. — Он повис на колючей проволоке.

Ари подполз к валуну и осторожно выглянул. Зеев лежал в ста метрах в открытом поле. Кое-где, правда, можно было укрыться за валунами, но вокруг Зеева место было совершенно открытое.

Внезапно огонь прекратился и воцарилась тишина.

— Что такое? — недоуменно спросил Давид.

— Они хотят воспользоваться Зеевом как приманкой. Они видят, что сам он не может двигаться, и ждут теперь, чтобы мы пошли к нему на выручку.

— Вот суки! Почему же они его не прикончат?

— Неужели ты не понимаешь? Он потерял автомат. Они ждут теперь, чтоб мы либо подползли туда тоже, либо ушли — и тогда они возьмут его живым. На нем они и хотят отыграться за все.

— Господи боже мой! — вырвалось у Давида. Он вскочил на ноги, но Ари тут же схватил его и потащил назад.

— Дайте-ка мне парочку гранат, — сказал Ари. — Ладно. Ты, Давид, отведи ребят назад в Ган-Дафну.

— Неужели ты отправишься туда один, Ари?...

— Выполняй приказание, чорт возьми!

Давид молча отвернулся и приказал ребятам отступить назад. Отползнув прочь, Давид оглянулся и видел, как Ари осторожно пополз к Зееву.

Арабы не отрывали глаз от Ари. Они знали, что кто-нибудь придет на выручку к Зееву. Теперь они решили подождать, пока он подползет ближе, ранят и его, затем подползет еще один... и еще один.

Ари вскочил, понесся во весь опор, затем нырнул за обломок скалы. Арабы по-прежнему не стреляли.

Затем он снова пополз и залег всего в двадцати метрах от Зеева.

Ари решил, что арабы подождут, пока он не подползет вплотную к Зееву, и только тогда они откроют огонь.

— Назад...! — крикнул Зеев. — Сейчас же назад!

Ари осторожно выглянул из-за укрытия. Он теперь ясно видел Зеева. Кровь текла по его лицу и из живота. Он совершенно запутался в колючей проволоке. Ари посмотрел в сторону Форт-Эстер. Дула винтовок, направленных на Зеева, блестели на солнце.

— Назад! снова крикнул Зеев. — У меня все кишки вывалились наружу. Мне осталось не больше десяти минут. Убирайся отсюда!

Ари снял гранаты с пояса.

— Послушай, Зеев. Я тебе подброшу парочку гранат, — крикнул он по-немецки. Ари поставил гранаты на предохранитель, так что взорваться они не могли. Он молниеносно приподнялся и бросил Зееву обе гранаты. Одна упала совсем рядом.

Зеев достал гранату и прижал ее к раненому животу.

— Она у меня,... теперь убирайся!

Ари во весь опор понесся вниз по склону. Арабы были захвачены врасплох. Они ждали, что он еще ближе подползет к Зееву. Когда они открыли огонь, Ари был уже в безопасности. Он продолжал свой путь в Ган-Дафну.

Зеев Гильбоа остался один. Силы все больше и больше покидали его. Арабы подождали с полчаса, боясь подвоха все еще надеясь, что кто-нибудь придет к Зееву на выручку. Они хотели взять его живым.

Наконец ворота крепости открылись. Около тридцати арабов направились к раненому Зееву.

Зеев сорвал предохранитель, прижал гранату к своей голове. Раздался взрыв.

Ари услышал взрыв и остановился. Он весь побледнел и его раненая нога согнулась. У него все внутренности переворачивало. Затем он пополз на четвереньках в Ган-Дафну.

Ари уединился в командном бункере. Его лицо было мертвенно-бледное, и только желваки на лице свидетельствовали о том, что он жив. Его глубоко запавшие глаза недвижно уставились в пространство.

Евреи потеряли убитыми двадцать четыре человека одиннадцать палмахников, три палмахницы, шесть жигелей селения и четверо детей. Еще двадцать два были ранены. Потери Мухаммеда Каси составили: четыреста восемнадцать человек убитых и сто семьдесят раненых.

В руки евреев попало столько оружия, что вряд ли Мухаммед Каси отважится напасть на Ган-Дафну еще раз. Но Форт-Эстер по-прежнему был в руках арабов, и они продолжали контролировать дорогу, ведущую через Абу-Йешу.

В бункер вошла Китти Фрэмонт. Она тоже, казалось вот-вот свалится.

— Раненых арабов всех доставили в Абу-Йешу, кроме тех, кого вы хотите подвергнуть допросу.

Ари кивнул.

— А как наши раненые?

— Двое детей, кажется, в безнадежном состоянии. Остальные более или менее в порядке. Вот... я принесла вам немного коньяка, — сказала она.

— Большое спасибо.

Ари отпил глоток и погрузился в молчание.

— Я принесла вам вещи Зеева Гильбоа. Их совсем немного — всего... пара личных вещей.

— Да, у кибуцника мало личных вещей. Все, в том числе и его жизнь, принадлежит не ему, — сказал он чуть иронически.

— Я очень любила Зеева, — сказала Китти. — Еще прошлой ночью он говорил мне, как он тоскует по своим овцам, как он мечтает вернуться к ним. Так или иначе... его жена, я думаю, будет рада этим вещам. Кстати, она вот-вот должна снова родить.

— Набитый дурак, этот ваш Зеев! — прошипел Ари. — Зачем он пошел к крепости?

Ари взял в руки носовой платок, на котором лежало все богатство Зеева.

— Лиора — хорошая девушка. Она — крепкая. Справится. — Ари бросил платок с вещами в керосиновую печку. — А мне вот заменить его будет трудно.

Глаза у Китти сузились.

— Неужели вас беспокоит только то, что... вам будет нелегко найти ему замену?

Ари встал и закурил сигарету.

— Ну, такие ребята, как Зеев, на деревьях не растут.

— Неужели вам действительно ничего на свете не дорого?

— Вы вот что мне скажите, Китти. Что, по-вашему, сделал командир вашего мужа, когда он погиб у Гвадальканала? Он панихиду, что ли, по нему устроил?

— Я думала, что здесь это не совсем то, Ари. Все-таки вы знали Зеева еще с детства. Эта девушка, его жена, она ведь из Яд-Эля. Она жила всего в двух дворах от вас.

— Что же я, по-вашему, должен сделать?

— Плакать, рыдать, жалеть бедную девушку!

По лицу Ари прошла судорога и его губы задрожали. Однако он тут же совладал с собой.

— Подумаешь, невидаль: человек пал в бою. Оставьте меня, пожалуйста, одного...

Г Л А В А 7

Осада Сафед началась на следующий же день после принятия в ООН резолюции о разделе от 29 ноября 1947 года. Когда англичане оставили Сафед весной 1948 года, они, как и следовало ожидать, передали ключевые позиции в городе арабам: здание полиции, расположенное прямо над еврейской частью города, Акрополь, господствующий над всем городом и крепость Тагарта на горе Канаан за городом.

Сафед имеет форму опрокинутого конуса. Еврейскую часть города составлял небольшой участок, занимающий не больше одной восьмой всей территории города. Арабы окружали еврейскую часть города буквально со всех сторон. У евреев было всего человек двести плохо обученных членов Хаганы. Однако, следуя традиции древних евреев, они отказались эвакуироваться и решили стоять до конца. Кабалисты Сафед, которые меньше всего могли постоять за себя, были издавна излюбленным объектом нападений арабов. Арабская чернь и раньше устраивала погромы в Сафед, и благочестивые евреи только и делали, что прятались. Теперь они твердо решили сопротивляться до последней капли крови. В еврейском квартале с его тесными и кривыми переулками царил необычайный душевный подъем.

На следующий день после ухода англичан, Ари тайно откомандировал Иоава Яркони вместе с тридцатью парнями и двадцатью девушками из Палмаха в еврейский квартал Сафед. Им устроили восторженную встречу. Была как раз суббота, ребята Яркони сильно устали и проголодались за время похода по неприятельской территории. Впервые за много столетий кабалисты нарушили субботу и приготовили бойцам горячую пищу.

Кавуки, стремясь обеспечить условия для превращения Сафед во временную резиденцию Муфтия, приказал своим людям захватить еврейскую часть города. Арабы сделали несколько попыток, но каждый раз терпели поражение. Очень скоро они поняли, что еврейский квар-

тал можно захватить только после упорных боев за каждую улицу, за каждый дом. Они решили прибегнуть к своей старой тактике осады и убийства из-за угла.

Евреев возглавляли Ремез и Давид Яркони. Бригадный генерал Сатерлэнд переехал из своей виллы на горе Канаан в туристскую гостиницу Ремеза. Время от времени к нему обращались за советом, но он должен был признать, что евреи прекрасно справляются и без его помощи.

Ремез поставил задачу расчистить первым делом полосу между евреями и арабами, чтобы можно было вести огонь. Еврейский и арабский кварталы тесно примыкали друг к другу, и арабы могли запросто проникнуть в еврейский квартал и ударить по его обороне, и без того не слишком сильной. Евреям нужно было некоторое пространство, которое отделяло бы их силы от арабов. Яркони взял с собой небольшой отряд, ворвался в арабский квартал, захватил с десятков крайних домов, и из них открыл огонь по арабам. Затем он вернулся к себе. Когда потом вернулись и арабы, Яркони снова захватил те же дома и снова открыл оттуда огонь по арабам. Так повторялось несколько раз. Наконец арабы сами взорвали эти дома, чтобы евреи не пользовались ими в качестве огневых позиций. Именно этого и добивался Ремез: теперь между евреями и арабами было свободное пространство, обеспечивавшее лучшую видимость, а следовательно, и оборону.

Затем Ремез и Яркони прибегли к новой тактике. Яркони начал досаждать арабам круглые сутки. Каждый день три или четыре отряда палмахников отправлялись в арабские кварталы. Они наносили внезапные удары, каждый раз в другом месте, и тут же уходили. Если арабы сосредоточивали свои силы в каком-нибудь месте, лазутчики сразу сообщали евреям, так что те всегда точно знали, где можно ударить и какие места нужно обходить стороной. Подобно маневрам ловкого боксера, эти удары, нанесенные среди бела дня, сбивали арабов с толку.

Но что больше всего ввергало арабов в ужас, это были ночные операции Палмаха. Яркони вырос в Марокко и хорошо знал противника. Арабы очень суеверны и очень боятся темноты. Яркони решил поэтому превратить ночь в своего союзника. Достаточно было палмахникам взорвать несколько самодельных хлопушек — и арабское население впадало в панику.

Ремез и Яркони знали, конечно, что все эти меры ничего не решают. Нанести противнику серьезный удар они были не в силах. Превосходство арабов в живой силе, в оружии, в позициях было подавляющим и мало-помалу изматывало евреев. Если какой-нибудь палмахник или боец Хаганы выходил из строя, заменить его было некем. Не менее трудным было положение с продовольствием. А боеприпасов до того не хватало, что если кто-нибудь зря расходовал хотя бы одну пулю, его подвергали штрафу.

Но несмотря на все это евреи не отступали ни на шаг и не падали духом. Их единственной связью с внешним миром был радиоприемник. Тем не менее в школах занятия шли как всегда, ежедневно выходила газетка, и верующие не пропускали ни одной молитвы в синагоге. На письмах — их выносили специальные посыльные — наклеивались самодельные почтовые марки, которые не только имели хождение, но и пользовались глубоким уважением евреев всей Палестины.

Осада продолжалась всю зиму и всю весну. Под конец Яркони, Сатерленду и Ремезу пришлось посмотреть горькой правде в лицо. Евреи потеряли пятьдесят лучших бойцов, у них осталось не больше дюжины мешков муки, а боеприпасов было от силы на пять дней. У Яркони не стало даже самодельных петард. Арабы чувствовали слабость противника и становились все наглее.

— Я обещал Ари, что не буду морочить ему голову требованиями, но боюсь, что придется все-таки пойти в Эйн-Ор и поговорить с ним, — решил Яркони. Той же ночью он тайком выбрался из Сафед и отправился к Ари в штаб.

Иоав сделал обстоятельный доклад о положении в Сафед. Он закончил следующими словами:

— Мне очень не хотелось беспокоить тебя, Ари, но положение такое, что дня через три нам придется есть крыс.

Ари буркнул. Стойкость Сафед воодушевляла весь Ишув. Теперь этот город был не просто важной стратегической позицией, он стал символом неслыханного мужества.

— Если мы удержим Сафед, мы нанесем сокрушительный удар по моральному состоянию арабов всей Галилеи.

— Ари, каждый раз, когда надо израсходовать хотя бы один патрон, мы сначала устраиваем совещание.

— У меня идея, — сказал Ари. — Пойдем.

Ари распорядился, чтобы особый отряд доставил ночью кое-какое продовольствие в осажденный город, затем взял с собой Иоава на склад оружия. Там он показал марокканцу какую-то диковинную махину состряпанную из чугунного литья, гаек и болтов.

— Это еще что такое? — изумился Иоав.

— Иоав, ты видишь перед собой «Давидку».

— Давидку?

— Да... маленького Давидку, плод еврейской смекалки.

Иоав почесал подбородок. Если хорошенько присмотреться, то при желании можно было уловить какое-то сходство с пушкой, хоть и очень странной конструкции. Вообще же... ничего подобного нигде на свете не было; в этом Иоав не сомневался.

— А что оно может делать?

— Мне сказали, что его можно зарядить гранатами.

— И оно стреляет?

— Как будто.

— А как?

— Чорт его знает. Мы его еще не испытали. У меня есть только рапорт из Иерусалима: говорят, очень эффективное оружие.

— Для кого эффективное: для нас или для арабов?

— Вот что мы сделаем, Иоав. Я приберегу эту штуку именно для такого экстренного случая. Возьми Давидку в Сафед.

Иоав обошел диковинную штуку со всех сторон.

— Господи, боже мой! Чем только нам не приходится воевать! — пробормотал он.

Ночной отряд, который нес продовольствие в Сафед, доставил туда и Давидку вместе с тридцатью фунтами зарядов. Как только он вернулся в город, Иоав созвал командиров Хаганы и Палмаха. Всю ночь они судили и ряздили о том, как же все-таки действует эта пушка. Каждый из десяти присутствовавших высказывал догадки.

Наконец кто-то предложил позвать генерала Сатерленда. Пошли в гостиницу, разбудили его среди ночи и сонного потащили в штаб. Он долго смотрел на Давидку, затем в сомнении покачал головой.

— Только еврей мог придумать такую штуку, — сказал он наконец.

— Говорят, в Иерусалиме эта штука действовала безотказно, — вставил Иоав.

Сатерлэнд принялся нажимать на все рычаги, рукоятки и кнопки. Через час у них была какая-то схема, по которой эта пушка могла действовать, но могла и не действовать.

На следующее утро Давидку доставили на специальную площадку и навели более или менее на здание полиции находившееся в руках арабов; там же по соседству были арабские дома, в которых засели снайперы.

Снаряды Давидки были не менее диковинны на вид чем само орудие. Они имели форму дубинки: головка состояла из стального цилиндра, набитого динамитом и снабженного детонатором. Толстая рукоятка соответствовала диаметру дула. Предполагалось, что от выстрела рукоятка выбрасывается с такой силой, что весь снаряд долетает к цели. Сатерлэнду мерещилось, что снаряд полетит не дальше двух-трех метров и тут же над ними и взорвется.

— Если эта головка просто выпадет из дула, — а я очень боюсь, что именно это и произойдет, — предупредил Сатерлэнд, — это запросто уничтожит все еврейское население Сафеда.

— А может быть привязать длинную веревку, чтоб можно было дать выстрел с безопасного расстояния? — подсказал Ремез.

— Я так и не понял, как эта штука наводится на цель, — вмешался Яркони.

— Не думаю, чтобы какая бы то ни было наводка имела смысл, когда имеешь дело с таким чудовищем, — сказал Сатерлэнд. — Надо просто повернуть в нужное направление и молиться богу.

Главный раввин и многие кабалисты со своими женами толпились тоже вокруг Давидки и вели продолжительные споры о том, наступил или еще не наступил день страшного Суда. Под конец главный раввин благословил орудие и помолился Богу, прося о милосердии, которое община вполне заслужила своим благочестием и богоугодными делами.

— Ну, приступим, — хмуро сказал Ремез.

Кабалисты поспешно отошли на безопасное расстояние. В дуло высыпали взрыватели, затем вставили длинную рукоятку одного из снарядов. Цилиндр с динамитом угрожающе торчал снаружи. К курку орудия привязали длин-

ную веревку. Потом все спрятались и воцарилось гробовое молчание.

— С богом — пли! — с дрожью в голосе скомандовал Яркони.

Ремез дернул за веревку, и произошло невероятное: Давидка выстрелила!

Рукоятка вырвалась из дула, и весь снаряд, кувыряясь в воздухе, полетел вверх. Он уносился все дальше и дальше, и становился все меньше и меньше. Снаряд издавал странный вой, от которого кровь стыла в жилах. Снаряд упал на арабские дома неподалеку от здания полиции.

Сатерлэнд стоял и смотрел, разинув рот.

Усы Яркони встали дыбом.

У Ремеза глаза вылезли из орбит.

Старые кабалисты, молившиеся поодаль, остановились на полуслове и смотрели во все глаза.

Затем раздался громовой взрыв и город задрожал до оснований. Казалось, разнесло по меньшей мере половину горы.

После минутного молчания последовал новый взрыв — взрыв восторга, взаимных объятий, громких благословений и счастливого смеха.

— Клянусь богом... — только и мог произнести Сатерлэнд. — Клянусь богом...!

Палмахники тут же образовали круг и сплясали хору вокруг Давидки.

— Дадим еще один залп!

Арабы хорошо слышали, как радуются евреи, и они так же хорошо знали, что именно вызвало эту радость. Один свист проносащегося по воздуху странного снаряда мог хоть кого напугать до смерти, а тем более его взрыв. Никто из арабов, ни палестинские, ни диверсанты, ничего подобного не ожидали и во сне. Каждый новый залп из маленького Давидки сеял смерть и разрушение. Арабы пришли в неопикуемый ужас, а евреи отомстили наконец хотя бы частично за столетия мучений.

Иоав Яркони передал Ари, что Давидка вверг арабов в панику. Ари счел момент подходящим и решил рискнуть. Он собрал по несколько человек из каждого села и сколотил две роты. Они пробрались ночью тайком в Сафед, захватив с собой еще снаряды для Давидки.

Шшшш... бух!

Чудовище, собранное на болтах, и его разрушительные снаряды буквально сносили город. Шшшш... бах!

На третий день после прибытия Давидки в Сафед, разверзлись небеса и дождь полил как из ведра. Ари Бен Канаан воспользовался этим дождем, чтобы пустить самую крупную утку в этой войне, где утки и слухи служили немаловажным оружием. Он велел Ремезу собрать всех арабских агентов и провел с ними короткое совещание.

— Вам, верно, уже известно, братья, — сказал он им по-арабски, — что у нас имеется секретное оружие. Я не могу говорить о нем подробнее, укажу лишь на то, что после каждого атомного взрыва идет дождь. Вы меня, конечно, понимаете.

Через несколько минут среди арабов распространился слух, что Давидка — новое секретное оружие. Еще через час все арабы Сафедра говорили лишь об одном: евреи обладают атомной бомбой!

Шшшш... бах! Маленький Давидка, выпускал залп за залпом, дождь лил все сильнее, а с ним росла и паника. Не прошло и двух часов, и все дороги, ведущие из города были забиты бегущими арабами.

Ари Бен Канаан повел своих триста бойцов в атаку. Атака была организована не слишком тщательно, и Хагане так и не удалось захватить Верхнюю крепость. Ари понес немалые потери, но арабское население города продолжало бежать.

Три дня спустя, когда город почти полностью опустел, и многие диверсанты тоже дезертировали, Ари Бен Канаан, Ремез и Иоав Яркони развернули новую атаку на Акрополь, на этот раз гораздо более тщательно продуманную. Наступление вели сразу с трех сторон, и Верхняя крепость была взята.

Теперь евреи и арабы поменялись местами: взяв Акрополь, евреи господствовали над зданием полиции. Теперь те, что десятками лет мучили, громили и убивали беспомощных кабалистов, должны были дать бой. Но они предпочли бежать от ярости евреев. Здание полиции пало тоже, и Ари Бен Канаан тут же бросился за город к крепости Тагарта на горе Канаан, самой укрепленной позиции арабов. Каково же было его удивление, когда оказалось, что арабы бросили и эту крепость, которую почти невозможно было бы взять. Теперь, когда и крепость Тагарта была в

руках евреев, бой за Сафед можно было считать законченным.

Победа в Сафедде была чудом. С позиции, которую почти невозможно было отстоять, евреям удалось перейти в наступление и завоевать весь город, располагая всего лишь несколькими сотнями бойцов и странным орудием, носившим имя «Давидка».

Высказывались всевозможные теории, велись нескончаемые споры о том, как эта победа оказалась возможной. Даже мнения кабалистов разделились. Рабби Хаим, раввин ашкеназим (европейских евреев), не сомневался, что здесь не обошлось без небесного вмешательства, как, впрочем, и было предсказано в книге Иова: «Когда будет чем наполнить утробу его, Он пошлет на него ярость гнева Своего, и одождит на него болезни в плоти его. Убежит ли он от оружия железного...».

Рабби Меир, представитель сефарадим (восточного еврейства), тоже не сомневался в факте божественного вмешательства, но он ссылаясь на пророчество Иезекииля:

«И содрогнутся от шума стены твои... Он будет входить в ворота твои, как входят в разбитый город... И памятники могущества твоего повергнет на землю...».

Брус Сатерлэнд вернулся в свой дом на горе Канаан. Арабы опустошили его: они растолтали розовые клумбы и унесли все, что плохо лежало, даже дверные ручки. Сатерлэнд не особенно огорчился: это все поправимо. Он пошел с Яркони и Ремезом на заднюю террасу и они долго смотрели оттуда вниз на Сафед. Они выпили, конечно, немало коньяка и посмеялись еще того больше.

Ни они, ни вообще никто еще не знал тогда, что бегство арабского населения Сафедде открыло новую трагическую главу в истории Палестины: это бегство положило начало проблеме палестинских беженцев.

Где-то в Галилее ветхий «Биберейтор», экипаж которого состоял из добровольцев американцев и южно-африканцев, сбавил высоту и искал на земле два синих сигнала.

Наконец летчик заметил сигналы и приземлился, что называется вслепую, если не считать сигналов нескольких карманных фонарей. Самолет сильно бросало из стороны в сторону, пока он не вырулил по кочкам посадочной дорожки. Когда самолет наконец остановился, летчик тут же выключил двигатель.

На самолет сразу набросились толпы людей и вмиг

его разгрузили. Это был первый транспорт современного оружия. Винтовки, пулеметы, минометы, огромное количество боеприпасов, наваленных в хвостовой и боковых частях и всюду, где только было свободное место — все было тут же выгружено из самолета.

Разгрузив самолет, все оружие тут же погрузили на десяток грузовиков, и они умчались в разные стороны. В десятке кибуцов молодежь из «Гадны» немедленно принялась за чистку оружия, и его тут же переправили в населенные пункты, на которые наседали арабы. Самолет развернулся, с трудом оторвался от земли и полетел назад в Европу за новым грузом.

Наутро явились британские войска. Арабы донесли, что они слышали, как где-то неподалеку приземлился самолет. Англичанам не удалось найти ни малейшего следа, и они приписали все необузданному воображению арабов.

Когда прибыл четвертый, затем и пятый транспорт, евреи начали одерживать победы. Они взяли Тивериаду, город на берегу Генисаретского моря. Мощную Тагартову крепость «Гешер» тоже захватили евреи, и ряд атак со стороны иракских диверсантов отбили.

После взятия Сафед а евреи развернули первое наступление более крупных масштабов, а именно, операцию «Железная метла», целью которой было очистить Галилею от вражеских селений. Операцию «Железная Метла» провели при помощи джилов, на которых были установлены пулеметы: машины врывались в деревни и уничтожали базы диверсантов одну за другой. Падение Сафед нанесло сильный удар боевому духу арабов, и этот упадок духа в свою очередь благоприятно отразился на операции «Железная метла».

Одержав ряд местных побед и сознавая, что они в силах организовать успешно наступление, бойцы Хаганы двинулись на Хайфу.

Отряды Хаганы ринулись вниз с вершины Кармеля, падая одновременно на четыре сильнейших арабских позиции. Арабские силы, состоявшие из палестинцев, сирийских, ливанских и иракских диверсантов, оказывали поначалу сильное сопротивление и успешно отбивали атаки. Англичане, которые все еще контролировали район порта, то и дело навязывали евреям прекращение огня, мешали наступлению и даже выбивали евреев из некоторых занятых ими после тяжелых боев позиций.

Арабы продолжали сопротивляться натиску евреев. И вдруг, когда бои достигли высшей точки, командующий силами арабов тайно собрал свой штаб и бежал. Понятно, что сопротивление арабов сильно ослабло и под конец совершенно прекратилось. Как только евреи двинулись в арабские кварталы, англичане снова объявили прекращение огня.

В этот момент произошло нечто совершенно невероятное: арабы вдруг заявили, что все население желает покинуть город. Повторилось то, что произошло в Сафед. Странно было видеть, как все арабы Хайфы направились на север к границе с Ливаном, и никто их не преследовал.

Акко, чисто арабский город, битком набитый беженцами, попал в руки Хаганы после недолгого сопротивления, которое длилось всего лишь дня три. За Акко пришла очередь Яффы, где действовали Маккавеи. Они пошли в атаку, захватили древнейший порт мира, а арабское население Яффы тоже сбежало.

В иерусалимском коридоре Абделю Кадару удалось выбить евреев из Кастеля, но Хагана и Палмах пошли в контратаку и снова заняли эту жизненно важную вершину. Кадар попытался выбить евреев еще раз, но погиб в этом бою. Гибель самого толкового арабского командира явилась новым ударом по боевому духу арабов.

Приближался май 1948 года. У англичан осталось всего две недели для завершения эвакуации. Срок мандата истекал.

На границах стояли наготове жаждущие реванша армии Сирии, Йемена, Ливана, Трансйордании, Египта, Саудовской Аравии и Ирака. Они ждали той минуты, когда они ринутся через границы и разобьют евреев вдребезги.

Наступали решающие дни: посмеют ли евреи провозгласить независимость своего государства, или не посмеют?

Г Л А В А 8

В период между ноябрем 1947 и маем 1948 года Ишув показал всему миру удивительное зрелище: почти ничего не имея, он успешно выстоял против значительно превосходящих его сил. За эти месяцы евреи превратили Хагану из подпольной самообороны в ядро настоящей армии. Они обучили новых бойцов и офицеров, организовали военные курсы, штабы, тыловые части и транспорт — словом, все то, что отличает настоящую боевую армию от партизанских отрядов.

Военно-Воздушные Силы, состоявшие первоначально из нескольких «Пайперов», с которых сами пилоты сбрасывали гранаты, насчитывали теперь уже несколько самолетов типа «Спитфайр», а управляли ими бывшие летчики американских, британских и южно-африканских ВВС. Военно-морской флот, начавший с ветхих пароходов нелегальной иммиграции, располагал теперь несколькими корветами и торпедными катерами.

Евреи с самого начала поняли значение организации управления и разведки. Они с каждым днем приобретали все больше опыта, а победы вселяли в них уверенность в собственных силах. Они доказали, что в состоянии организовать и координировать достаточно широкие операции: снабжение Иерусалима, оборону ряда городов и другие боевые действия на местах.

Они приняли вызов и вышли победителями. Но они знали, что до сих пор им приходилось вести войну не особенно крупных размеров против врага, который не слишком горел желанием воевать. У арабов не было ни настоящей организации, ни умелого руководства, а главное, они не могли вести длительную войну. Разгром арабов явился лишним доказательством, что на одних воинственных лозунгах далеко не уедешь, и что нужно нечто большее, чем ярость, чтобы побудить человека не жалеть крови и самой жизни.

Авиатранспорты легкого оружия помогли Ишуву выстоять. Однако, по мере того, как приближался решающий

час, становилось ясно, что этим же оружием придется воевать против настоящих армий, вооруженных танками, артиллерией и современной авиацией.

Те, кто думал, что угрозы арабских стран незачем принимать всерьез, очень скоро убедились в обратном, когда Арабский Легион Трансиордании нагло опрокинул всякое понятие о воинской чести. Британская администрация поручила Арабскому Легиону полицейские функции в Палестине. Эти «Британские полицейские силы» совершенно открыто начали действовать против отрезанных поселений группы Эцион, расположенных вдоль Вифлеемского шоссе.

В этих четырех селениях жили верующие евреи. Подобно жителям всех остальных селений, они решили остаться и отстоять свои селения. Возглавляемый английскими офицерами трансиорданский Арабский Легион подверг эти четыре селения беспощадному артиллерийскому огню и совершенно отрезал их от внешнего мира.

Первой целью Легиона был кибуц Эцион. Разбомбив кибуц, Легион напал на измученное осадой и голодом селение. Религиозные евреи кибуца Эцион дрались буквально до последнего патрона и только тогда сдались. Арабские крестьяне, следовавшие за Легионом, набросились на кибуц и вырезали почти всех, кто был еще в живых. Легион сделал слабую попытку приостановить резню, но когда все кончилось, в живых осталось всего четверо евреев.

Хагана немедленно обратилась к Международному Красному Кресту с просьбой взять под свою опеку остальные три селения группы Эцион, у которых боеприпасы тоже были на исходе и которые тоже вот-вот должны были сдаться. Только благодаря этому в этих селениях не произошло массовой резни.

В Негеве, недалеко от Мертвого моря Арабский Легион снова напал на еврейские населенные пункты.

На этот раз они ударили по кибуцу, построенному евреями в самом низком и жарком месте земного шара. Этот кибуц назывался «Бейт-Гаарава» — «Дом в пустыне». Летом жара здесь доходила до пятидесяти градусов в тени. Когда евреи пришли сюда, это были совершенно безжизненные солончаки, где с незапамятных времен ничего не росло. Они промыли почву акр за акром, чтобы очистить ее от солей, создали оросительные каналы, плотины и водохранилища для задержания весенних вод, и таким образом создали современное хозяйство.

Так как ближайший еврейский поселок находился от них на расстоянии в полтораста километров, и так как силы были слишком неравные, кибуцу пришлось сдаться Легиону. Евреи покинули Бейт-Гаараву, предав огню дома и поля, созданные ценой нечеловеческих усилий.

Таким образом, арабы одержали наконец первые победы: Бейт-Гаарава и залитые кровью селения группы Эцион.

В ночь на 14 мая 1948 года британский Верховный комиссар Палестины Сесшумно покинул ввергнутый в войну Иерусалим. Юнион-Джек, британский флаг, в Палестине — символ произвола и злоупотребления властью, был спущен по-видимому навсегда.

14 МАЯ 1948.

Вожди Ишува и Всемирной сионистической организации собрались в Тель-Авиве, в доме Меира Дизенгофа, основателя и первого городского головы Тель-Авива. У подъезда стояли часовые, вооруженные автоматами. От наседавшей толпы не было отбоя.

Глаза всего мира — Каира и Нью-Йорка, Иерусалима и Парижа, Лондона и Вашингтона — были обращены на этот дом. Все сидели у приемников и жадно слушали.

— Вы слушаете «Кол Израэль» — «Голос Израиля», — четко говорил диктор. — К нам только что поступил документ, касающийся окончания британского мандата над Палестиной. Мы сейчас зачитаем этот документ.

— Тише! Тише! — просил доктор Либерман толпу детей, собравшихся в его доме. — Пожалуйста тише!

«Еврейский народ вырос в стране Израиля. Здесь сложился его духовный и политический облик; здесь он жил полной государственной жизнью и творил ценности культуры — национальной и общечеловеческой, — которые он завещал миру в Книге Книг.»

Брус Сатерлэнд и Иоав Яркони прекратили игру в шахматы в гостинице Ремеза и вместе с хозяином самозабвенно слушали.

«Только грубая сила принудила его покинуть отечество. Но он остался верен этому отечеству во всех странах рассеяния и не переставал надеяться на то, что вернется туда и обновит там свою политическую свободу.»

В Париже помехи заглушали голос диктора. Барак Бен Канаан и другие представители Ишува лихорадочно крутили ручки приемника.

«В силу этой исторической и традиционной связи евреи всех времен стремились поселиться снова на своей древней родине. Последние поколения возвращались сюда толпами; пионеры, прокладыватели новых путей и защитники поселений воскресили пустыни, возродили еврейский язык, построили деревни и города и положили начало палестинскому еврейству, строящему день за днем свою хозяйственную и культурную жизнь, ищущему мира с соседями и умеющему обороняться от них; несущему достижения прогресса всему населению...».

В Сафедде каббалисты слушали, затаив дыхание, эти слова, которые, казалось, произносились во исполнение древних пророчеств. Слушали изнемогающие от усталости палмахники Горной бригады в Йерусалимском коридоре; слушали жители осажденных селений в ослепительной пустыне Негева.

«...Это право было признано в Декларации Бальфура от 2 ноября 1917 года, и подтверждено в мандате от имени Лиги Наций, который подчеркнул международное признание...».

Давид Бен Ами ворвался в штаб кибуца Эй-н-Ор. Ари поднял палец к губам и показал на радиоприемник.

«...Беспримерное бедствие, постигшее еврейский народ в последнее время, бесчеловечное истребление миллионов евреев в Европе, выявили снова всю необходимость...».

Сара Бен Канаан сидела у приемника в Яд-Эле и вспоминала тот день, когда она впервые увидела Барака на белом коне в Рош-Пине, с огромной развевающейся рыжей бородой на фоне белой накидки.

«...решить проблему еврейского народа, лишенного родины и самостоятельности, путем возрождения Еврейской государственности, что откроет ворота родины перед каждым евреем и сделает еврейский народ полноправной нацией в семье народов...».

Дов и Карен молча сидели, держась за руки, в столовой и слушали слова, лившиеся из громкоговорителя.

«Во время Второй мировой войны еврейство Палестины полностью внесло свой вклад в общее дело борьбы... 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании Еврейского Государства в Палестине... Это признание за еврейским народом права на воссоздание своего государства не может быть отменено. Это

естественное право еврейского народа жить, как все народы, самостоятельно, в своем суверенном государстве.

Мы провозглашаем настоящим восстановление Еврейского государства в Палестине, а именно Государства Израиль.»

Китти Фрэмонт слышала, как у нее бьется сердце. Иордана улыбнулась.

«...Израильское государство откроет свои врата перед иммиграцией, в интересах воссоединения рассеянного по миру народа; будет заботиться о развитии ресурсов страны в интересах всех ее жителей; будет зиждиться на основах свободы, мира и справедливости, в свете идеалов израильских пророков; осуществит полное общественное и политическое равноправие всех его граждан, без различия веры, расы и пола; обеспечит свободу вероисповедания, совести, образования и культурной жизни; будет охранять Святые места всех религий, и будет хранить верность принципам Хартии ООН...».

«...В разгар кровавого нападения на нас, продолжающегося уже месяцы, мы обращаемся к сынам арабского народа, живущим в государстве Израиль, с призывом сохранить мир и принять участие в строительстве государства на основах полного гражданского равноправия и соответствующего представительства во всех наших учреждениях...».

«...Мы протягиваем руку мира всем соседним государствам и их народам и предлагаем им добрососедские отношения, взаимопомощь и сотрудничество...».

«...С глубокой верой в провидение, мы подписываем эту декларацию, на сессии Временного Государственного Совета, на родной земле, в городе Тель-Авиве, в канун субботы, четырнадцатого мая 1948 года».

По истечении двух тысяч лет государство Израиль возродилось к новой жизни.

Спустя несколько часов Соединенные Штаты Америки через своего президента Гарри Трумэна первые среди государств мира признали государство Израиль.

Но пока восторженные массы народа плясали хору на улицах Тель-Авива, египетские бомбардировщики брали курс на город с целью уничтожить его, и армии арабских государств двинулись к границам новорожденного государства.

Г Л А В А 9.

Когда армии арабских государств пересекли границы Израиля, они тут же начали хвалиться одной победой за другой и издавать хвастливые коммюнике, в которых ярко описывались эти мнимые победы. Арабы во всеуслышание объявили, что у них готов «генеральный план», чтобы сбросить всех евреев в море. Если такой единый план и существовал, то единого командования, во всяком случае, не было. У каждого арабского государства были собственные планы в части того, кому управлять Палестиной. Багдад и Каир оба претендовали на руководящую роль в арабском мире и в создании «великого арабского государства»; Саудовская Аравия претендовала на такую же гегемонию в арабском мире на том основании, что на ее территории находились священные арабские города Мекка и Медина; Иордания предъявляла права на Палестину как часть британского мандата; Сирия по-прежнему толковала, что Палестина — южная часть бывшей оттоманской империи. Так «единые» арабские силы пошли в наступление.

НЕГЕВ

Широко разрекламированное египетское войско двинулось со своих баз на Синайском полуострове вдоль полосы Газы, находившейся в руках арабов, на север. Эта первая египетская армия, в состав которой входили бронетанковые силы, артиллерия и даже авиация, двигалась по береговому шоссе, ведущему параллельно с железнодорожной линией в сторону временной израильской столицы, Тель-Авива. Египтяне были уверены, что стоит евреям увидеть грозную египетскую армию, и они в панике бросят свои селения и побегут куда глаза глядят.

Добравшись до первого кибуца, Нирим, египтяне бросились очертя голову в атаку, но были с позором отбиты. То же сопротивление им оказали и второй, и третий населенные пункты, которые они пытались взять. Это встревожило египетское командование, и оно решило переме-

нить тактику, а именно: обходить стороной эти упорные селения и двигаться дальше на север. Но тогда они должны были растянуть свои силы, что открывало перед евреями возможность нападения на тылы. Хотели ли они этого или нет, а в важнейших стратегических пунктах они были вынуждены остановиться и дать сражение.

Египетская артиллерия обрушивала на еврейские селения мощный огонь, с воздуха их бомбила авиация. После ряда кровопролитных боев, египтянам удалось взять три населенных пункта. Однако подавляющее большинство населенных пунктов держались, и их пришлось обойти стороной.

Самой важной стратегической точкой на пути египтян был кибуц Негба — Врата Негева, — расположенный у перекрестка, где сходились шоссе, ведущее на север к Тель-Авиву, и другое шоссе, ведущее вглубь страны. Этот населенный пункт египтяне должны были взять во что бы то ни стало.

Чуть больше, чем в километре от кибуца Негба стоял Тагартов форт Сувейдан — Чудовище холма. Сувейдан был конечно передан англичанами арабам. Из этой крепости египтяне могли разнести Негбу в щепки. У Негбы же не было ни одного орудия, которое могло бы ударить по форту.

Жители Негбы хорошо понимали, как важно для противника овладеть этой решающей позицией. Они сознавали также, насколько плохо они вооружены. Они знали, что их ждет. Тем не менее они решили остаться и принять бой. Когда орудия Сувейдана сравнивали с землей буквально каждое строение Негбы, норма воды, которую выдавали защитникам селения, довели до нескольких капель в день, а продовольствия не стало почти совсем, они продолжили оказывать сопротивление. Атаки следовали одна за другой, но евреи отбивали их. Во время одной из египетских атак, в которой участвовали танки, у евреев осталось всего лишь пять противотанковых гранат. Тем не менее они подбили четыре танка. Неделя проходила за неделей, а Негба продолжала сражаться. Люди не хотели и слушать о том, чтобы сдаться. Защитники Негбы сражались, как сражались когда-то их предки в Масаде, и Негба стала первым символом негибкости нового государства.

Египетская береговая армия оставила большие силы у Сувейдана и продолжала свой путь вдоль побережья на

север. Она подошла к Тель-Авиву на угрожающее расстояние.

В Ашдоде, расположенном всего в тридцати с небольшим километрах от Тель-Авива, израильтяне создали мощную оборону. Туда лихорадочно переправлялось оружие, боеприпасы и новички-иммигранты, только что прибывшие в страну. Нужно было остановить египтян во что бы то ни стало.

Египтяне остановились, чтобы перестроиться, подтянуть тылы и приготовиться к решительному наступлению, в результате которого они надеялись завладеть Тель-Авивом.

Вторая половина египетских вооруженных сил, напавших на Израиль, двинулась вглубь страны, в Негев. Пока они двигались по ненаселенной или населенной одними арабами территории, естественно никто им сопротивления не оказывал. Они заняли арабские города Беер-Шеву, Хеврон и Бет-Лехем, а тем временем каирское радио и египетская печать захлебывались от восторга, хвастая «одной победой за другой».

Имелось в виду, что эта вторая армия покроет себя «славой» взятия Иерусалима. Она должна была ударить с юга, а Арабский Легион одновременно с востока. Но египтяне решили ни с кем победу не делить и сами пошли в наступление на Иерусалим.

Сосредоточив свои силы в Бет-Лехеме, они напали на Рамат-Рахель — Холм Рахили, — кибуц, расположенный на южных подступах нового Иерусалима, где, по преданию, праматерь Рахиль оплакивала изгнание своих детей из Израиля.

Жители Рамат-Рахель дрались, пока у них хватило сил. Под конец им пришлось сдать кибуц и отступить по направлению к Иерусалиму. Там, на окраине города, они получили подкрепление от Хаганы, перестроились, ринулись в контратаку, выбили египтян из селения и погнали их в Бет-Лехем. Кибуц был снова в руках его жителей.

ИЕРУСАЛИМ

Когда англичане ушли из Иерусалима, Хагана быстро двинулась в кварталы, занятые раньше англичанами и организовала ряд атак на те кварталы, где окопались диверсанты Кавуки. Бои велись за каждую улицу, подростки из

Гадны служили связными, а сражались люди, одетые в штатское.

Следующей задачей Хаганы было взять арабское предместье, которое отделяло гору Скопус, где жило много евреев и находились важные еврейские учреждения, от нового Иерусалима. Когда и это было достигнуто, нужно было принять важное решение. Евреи были сейчас в состоянии взять Старый город. Если бы им удалось осуществить это, у них был бы сильный в стратегическом отношении фронт. Без Старого города они оставались уязвимыми. Но высшие политические соображения, страх перед тем, как бы не повредить Святые места, и сильный нажим извне заставили их отказаться от взятия Старого города, хотя за крепостной стеной жило несколько тысяч благочестивых евреев.

По просьбе монахов евреи покинули наблюдательный пункт в башне Армянской церкви, расположенной в Старом городе. Как только евреи ушли, башню тут же захватили диверсанты, и на них никакие уговоры, конечно, не действовали. Несмотря на это, евреи полагали, что арабы не посмеют напасть на Старый город, священный для верующих трех религий, и последуют примеру евреев по крайней мере в том, что касается этого самого святого места на всем земном шаре.

Вскоре Хагана, увы, убедилась, что недооценила предательство противника. Глаб-паша, главнокомандующий Арабского Легиона, дал торжественное заверение, что как только англичане уйдут из Палестины, Арабский Легион будет тоже выведен в Иорданию. Но стоило англичанам тайно уйти из Иерусалима, как Арабский Легион пошел в атаку и сумел захватить ряд позиций, занятых раньше Хаганой. Оборону предместья, отделявшего гору Скопус от нового Иерусалима, поручили Маккавеям. Они не смогли отстоять его, предместье попало в руки Легиона, и таким образом гора Скопус была отрезана. Затем Глаб отдал Легиону приказ атаковать Старый город!

Евреи слишком долго имели дело с арабами, чтобы еще строить иллюзии, но это нападение на величайшую святыню мира переходило все границы. Остановить арабов было некому, так как те несколько тысяч глубоко верующих евреев, которые жили в Старом городе, не шевельнут и пальцем в свою защиту. Евреи спешно переправили в Старый город сколько удалось набрать бойцов Хаганы, за ни-

ми пошли также несколько сот добровольцев-Маккавеев. Попав в Старый город, они выйти оттуда уже не могли.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ КОРИДОР.

Шоссе, которое вело из Иерусалима в Тель-Авив, должно было оставаться самым кровавым полем сражения. Горные части Палмаха сумели расчистить с десятков вершин в горах Иудеи. Кастель был прочно в их руках, они взяли также Цуву и достаточно других ключевых позиций, так что могли держать опасное шоссе Баб-эль-Вад открытым.

И тут произошло событие, которое легло темным пятном на историю евреев. Маккавеям поручили оборону вершины, рядом с которой было расположено арабское село Неве-Садий. В ходе ряда неясных и странных происшествий, Маккавеев почему-то охватила паника и они вдруг открыли столь же беспощадный, сколь и ненужный огонь по селу. Раз начав, они уже не могли остановиться. Более двухсот жителей села были убиты. Этой резней в Неве-Садий Маккавеи, которые имели немало заслуг в прошлом, запятнали молодое государство, и должны были пройти десятилетия, прежде чем это пятно удастся стереть.

Хотя горная бригада открыла Баб-эль-Вад, но арабам было легко держать блокаду Иерусалима, и это благодаря тому, что англичане передали им Тагартов форт у Латруна. Латрун, где до этого находилась английская политическая тюрьма, в стенах которой в разное время содержались почти все вожди Ишува, был расположен на важном перекрестке, блокировавшем въезд в Баб-эль-Вад.

Таким образом, Латрун был теперь самым важным объектом израильских атак. Сформировали специальную бригаду, которая пыталась захватить крепость. Эта бригада состояла главным образом из иммигрантов, недавно прибывших с Кипра или из лагерей для перемещенных лиц в Европе. Командиры были тоже недостаточно обучены для проведения такой сложной операции. Кое-как обучив и снарядив бригаду, ее бросили в ночную атаку. План атаки был плохо продуман и еще хуже выполнен. Арабский легион отбил атаку.

Бригада пыталась организовать еще две атаки в следующие ночи, но они кончились так же плачевно. Затем горная бригада, которой и без того доставалось на ее протяженном участке, жизненно важным для снабжения

Иерусалима, в свою очередь, пошла в атаку на Латрун и чуть не взяла крепость.

Бывший полковник американской армии Майки Маркус, известный под кличкой Стоун, вступил в ряды израильской армии. Его направили в Иерусалимский коридор, где особенно нуждались в его военном опыте и организаторских способностях. Вскоре его усилия стали давать плоды. В короткий срок он реорганизовал транспорт и укрепил моторизованные части, которыми израильтяне успешно пользовались во время операции «Железная метла». Свою главную задачу Маркус видел в том, чтобы быстро создать хорошо обученное подразделение, которое бы возглавили умелые командиры и которое могло бы провести успешную операцию против узкого места в Латруне. Он был уже близок к завершению этой задачи, когда Израиль постигло новое несчастье: Маркус погиб.

Иерусалим так и остался отрезанным.

ДОЛИНА ХУЛЫ — ГЕНИСАРЕТСКОЕ МОРЕ.

Сирийская армия ринулась в Палестину с восточного берега Генисаретского моря. Одновременно они пересекли реку Иордан и направились вглубь страны несколькими колоннами при поддержке танков и авиации.

Первая сирийская колонна выбрала в качестве объектов для нападения три старейших населенных пункта Палестины: Шошану, где родился Ари Бен Канаан, Деганию А и Деганию Б, расположенные в окрестностях Генисаретского моря.

У евреев до того не хватало людей в этом районе, что они ежедневно гнали пустые грузовики из Тивериады в эти населенные пункты и назад, чтобы заставить сирийцев поверить, будто они доставляют туда подкрепления и боеприпасы.

Жители этих трех селений остро нуждались в оружии. Они послали делегацию к Ари Бен Канаану. Хотя их селения находились за пределами района, которым он командовал, они надеялись, что он им поможет, тем более, что он родился в Шошане. Но у Ари своих дел было по горло: у него был Мухаммед Касси и Ган-Дафна, был Сафед, и была еще одна сирийская колонна. Он сказал делегации, что их может спасти одно — злость. Он посоветовал им приготовить побольше молотовских коктейлей и

дать сирийцам войти в селения. Один вид арабов, топчущих их превыше всего любимую землю, больше всего другого вдохновит евреев на сопротивление.

Своей первой целью сирийцы избрали Деганию А. Командиры местных отрядов Хаганы приказали защитникам не открывать огня, пока танки, идущие впереди, не доберутся до центра селения. Вид сирийских танков, топчущих их клумбы, поверг кибуцников в бешенство, и когда они забросали горячим танки с близкого расстояния, они ни разу не промахнулись. Сирийская пехота, следовавшая под прикрытием танков, вообще не составляла проблемы. Она в панике бежала, и никакие силы не могли повернуть ее вспять.

Вторая сирийская колонна наступала дальше на юге, в Иорданской долине Бет-Шеан. Сирийцам удалось взять Шаар-Хаголан и кибуц Масаду, где протекал Ярмук. Когда евреи пошли в контратаку, сирийцы предали оба селения огню, унесли с собой все, что можно было унести, и пустились бежать. Крепость Гешер, которую Хагана взяла еще до этого, евреи удержали, как они отстояли и все остальные населенные пункты долины Бет-Шеан.

Третья колонна пересекла Иордан в районе долины Хулы. Это была территория Ари Бен Канаана. Они ринулись на Мишмар-Хаярден — «Страж Иордана» — и взяли его. Затем они перестроились, готовясь к решающей атаке, которая должна была открыть им путь в центр долины Хулы, где они намеревались соединиться с диверсантами Кавуки у границы с Ливаном. Однако Яд-Эль, Айелет-Гашахар, Кфар-Шольд, Дан и остальные населенные пункты оказывали упорное сопротивление, терпеливо переносили артиллерийский огонь, ответить на который у них было нечем, зато когда сирийцы попадали в радиус действия их винтовок, они били без промаха. В Айелет-Гашахар одному стрелку даже удалось сбить сирийский самолет. к вящей гордости всех членов кибуца.

Тут же на еврейские населенные пункты в горах и в районе Метуллы стали наступать ливанцы. Ливанцы, в большинстве своем арабы-христиане, насчитывали среди своих руководителей и таких, которые сочувствовали сионизму; им, конечно, не особенно хотелось воевать. Они вступили в войну главным образом затем, чтобы избегнуть неприязни и мести всех остальных арабских государств, и продемонстрировать пресловутое «арабское единство».

Как только ливанцы сталкивались со серьезным сопротивлением, они тут же отступали.

Ари не дал арабским силам соединиться в долине Хулы. Вскоре он получил новую партию оружия и немедленно стал готовить контрнаступление. Он разработал план, который был одновременно оборонительным и наступательным. Этот план состоял в том, чтобы те населенные пункты, которые не подвергались нападению, не сидели сложа руки в ожидании нападения, а атаковали сами. Этим путем Ари удалось совершенно сбить с толку сирийцев. Он ловко перебрасывал людей и оружие туда, где положение было особенно трудным, он организовал коммуникации и транспорт таким образом, что долина Хулы стала одним из самых сильных районов Израиля. Единственное, с чем он еще не справился, это был Форт-Эстер.

Наступление сирийцев выдыхалось. Если не считать Мишмар-Гаярден и двух-трех незначительных удач, сирийцы потерпели жестокое поражение. Чтобы как-нибудь отыграться, они сосредоточили все свои силы против одного кибуца. Этот кибуц, Эйн-Гев, был расположен на восточном берегу Генисаретского моря и славился тем, что там проводились зимние музыкальные фестивали.

В руках сирийцев были высоты, окружавшие кибуц с трех сторон. Позади кибуца было море: Сирийцы засели на отвесной горе «Сусита» — «Кобыла» — на которой когда-то стояла древняя римская крепость, и которая нависла прямо над кибуцом. Эйн-Гев был совершенно отрезан от внешнего мира, и добраться туда можно было только ночью на лодках из Тивериады.

Сирийская артиллерия била по кибуцу день и ночь, и евреям пришлось уйти под землю. Ночью они вылезали из убежищ и обрабатывали поля. Лишения, выпавшие на долю Эйн-Гева, можно было сравнить с обороной Негбы в Негеве.

Во всем кибуце не осталось ни одного целого здания. Сирийцы подожгли поля. У евреев не было орудий, чтобы ответить на огонь. Они были буквально оставлены на произвол судьбы.

После непрерывного артиллерийского обстрела, продолжавшегося неделями, сирийцы пошли в атаку. Они тысячами ринулись вниз со склона. В селе насчитывалось не больше трехсот боеспособных кибуцников. Стреляя без промаха и сразив одного за другим сирийских офице-

ров, они устояли. Сирийцы бросались в атаку снова и снова, все больше и больше отодвигая евреев к морю. Но отважные защитники не сдавались. У них осталось не больше двенадцати зарядов, когда сопротивление сирийцев было наконец сломлено.

Еврей удержали Эйн-Гев и вместе с ним свое право на Генисаретское море.

САРОНСКАЯ ДОЛИНА, ТЕЛЬ-АВИВ, ТРЕУГОЛЬНИК.

Обширная территория, расположенная в Самарии между тремя арабскими городами Дженином, Туль-Кармом и Рамаллой, составляла так называемый «Треугольник». Наблус, служивший еще до этого базой диверсантов Кавуки, стал теперь главной базой иракской армии. Иракцы пытались форсировать реку Иордан в районе долины Бет-Шеан, но потерпели жестокое поражение и потому обосновались в той части Самарии, где проживали одни арабы.

Прямо против Треугольника — на западе простирается Саронская долина. Это был очень уязвимый район: в руках евреев была только узкая полоса земли вдоль шоссе Хайфа—Тель-Авив. От морского берега и до Треугольника местами было не больше двадцати километров. Если бы иракцам удалось пробить там брешь, они перерезали бы Израиль надвое.

Но, иракцы отнюдь не горели желанием воевать. Когда евреи начали ряд слабо организованных атак на Дженин, иракские офицеры сбежали, и только тот факт, что артиллеристы были привязаны к своим орудиям цепями, помешал им сбежать тоже. Уже одна мысль о том, чтобы атаковать густо населенную Саронскую долину, была в высшей степени неприятна иракцам; нет уж, иракцы не желали иметь с этим делом ничего общего.

Тель-Авив перенес несколько налетов египетской армии, когда евреи еще не располагали зенитными орудиями; когда оно прибыло, налеты сразу прекратились. Тем не менее арабская печать сообщала по меньшей мере раз десять, что египетские бомбардировщики сравняли Тель-Авив с землей.

Евреям удалось ввести в бой несколько самолетов и они одержали крупную воздушную победу, прогнав египетский крейсер, явившийся чтобы подвергнуть Тель-Авив бомбардировке с моря.

ЗАПАДНАЯ ГАЛИЛЕЯ.

Прошло шесть месяцев, пока диверсантам Кавуки удалось наконец овладеть первым еврейским населенным пунктом. Кавуки перенес свой штаб в район центральной Галилеи, у Назарета, где население было в основном арабским. Здесь он ждал, рассчитывая соединиться с сирийцами, ливанцами и иракцами. Как известно, он так и не дождался прибытия своих союзников. В районе Назарета проживало много арабов-христиан, которые не желали иметь ничего общего с этой войной и не раз требовали от Кавуки, чтобы он убрался из Тагартовой крепости в Назарете.

Большая часть западной Галилеи была очищена еще до нападения арабских армий. Хайфа досталась евреям, а операция «Железная метла», проведенная бригадой «Ханита» разделалась со многими неприятельскими селениями. После взятия Акко евреи владели всей территорией вплоть до границы с Ливаном. Галилея была вся очищена от врагов, кроме Кавуки, все еще державшегося в центре.

Широко разрекламированный «генеральный план» арабов потерпел полное поражение. Еврейское государство не только появилось на свет, но и успешно отразило нападение, которому оно подверглось со всех сторон. Во всех странах мира военные ушам своим не верили и в сомнении покачивали головами. Евреи выстояли в гражданской войне на бесчисленных фронтах; они одержали победу на десятке других фронтов против во много раз превосходящих их регулярных армий противника.

Кое-какие победы одержали и арабы. Главного успеха добился Легнон, который продолжал удерживать Латрун, ключ к осажденному Иерусалиму. Все остальные арабские армии вместе взятые сумели захватить только несколько отдельных селений, но ни одного города или даже местечка. Все же им удалось добраться угрожающе близко к Тель-Авиву.

Оружие лилось теперь потоком в Израиль, и с каждым днем его армия крепла. В тот самый день, когда была провозглашена независимость, шесть новых поселений справили новоселье. И в самый разгар арабского нападения иммигранты создавали все новые и новые населенные пункты. Одно государство за другим признавало вновь созданное израильское государство.

Эйн-Гев, Негба и сотни других селений, оказывавшие упорное сопротивление; палмахники, которые сражались сутками без пищи и без воды; новые иммигранты, которые сразу по прибытии отправлялись на фронт; смекалка, заменившая оружие; неслыханный героизм, благодаря которому подвиги стали обычным делом; — все это остановило арабов.

Были еще и другие факторы. Господний промысел, судьба, предсказанная древними пророками, наследие народа, сражавшегося за свою свободу тысячелетия назад, традиции Царя Давида, Бар-Гиоры и Бар-Кохбы, силы и вера, почерпнутые из невидимого источника — все это тоже остановило арабов.

Г Л А В А 10.

Барак Бен Канаан заключил несколько сделок по покупке оружия, и выполнил ряд дипломатических поручений в Европе. Он сильно тосковал по дому и прямо взмолился, чтобы его откомандировали назад в Израиль. Ему уже минуло восемьдесят и он начинал заметно сдавать, хотя ни за что бы в этом не признался.

Он приехал в Неаполь, чтобы там сесть на пароход и вернуться домой. Там его встретили израильтяне, у которых был штаб в Неаполе. Это были главным образом бывшие агенты Алии Бет, занятые теперь тем, чтобы срочно эвакуировать евреев из лагерей для перемещенных лиц, расположенных в Италии, и как можно быстрее переправить их в Израиль. Для этого еще надо было изыскивать транспорт. Люди из лагерей были ужасно нужны в Израиле. Тех, кто помоложе, тут же по прибытии обучали военному делу, а остальные рыли окопы в пограничных населенных пунктах.

По случаю приезда Барака Бен Канаана все собрались, и в израильском штабе свет горел далеко за полночь. Выпили немало коньяка, а Бараку все снова и снова приходилось рассказывать про «Чудо в Лейк-Саксесе» и про заключенные им тайные сделки в Европе.

Под конец заговорили и о войне. Все были очень озабочены положением в Иерусалиме; только что сообщили, что отбита еще одна атака на Латрун. Один бог знает, сколько еще выдержит стотысячное население Иерусалима.

К двум часам утра речь зашла о небольшой частной войне, которую израильтяне вели здесь против одного итальянского теплохода водоизмещением в четыре тысячи тонн. Теплоход звали «Везувием». Сирийцы загрузили его оружием, чтобы доставить в Тир. Все оружие было куплено в Европе: десять тысяч винтовок, не меньше миллиона патронов, тысяча пулеметов, столько же минометов и куча другого оружия.

Еще месяц тому назад «Везувий» был готов к отплытию. Однако израильтяне пронюхали обо всем, и в ночь

перед отплытием несколько смельчаков подплыли к теплоходу и подложили магнитные мины у бортов. Мины пробили три неплохих отверстия в теплоходе, но груз, вопреки ожиданиям, не взорвался. Теплоход хоть и погрузился глубже, но ко дну не пошел. С тех самых пор вокруг «Везувия» шла непрерывная игра в кошки-мышки.

Полковник Фавзи, ответственный за этот груз стоимостью в миллионы и миллионы долларов, велел поднять теплоход, отбуксировать его в док и заделать отверстия. Он вызвал человек пятьдесят арабских студентов из Рима и Парижа и поручил им охрану судна. Одновременно с этим он уволил команду и заменил ее двенадцатью арабами. Только капитан и его два помощника были итальянцами: они служили в пароходной компании, которой принадлежал и сам теплоход. Капитан терпеть не мог надутого сирийского полковника и тайно обещал израильтянам свою помощь, взяв с них слово, что они не повредят снова его судно. И вот они узнали, что «Везувий» снова готов к отплытию.

Израильтяне не могли допустить, чтобы этот груз доставили в Тир. Но как это сделать? Они обещали итальянским властям, а также капитану, что не взорвут судно в порту. А когда оно уйдет в море, израильский флот, состоящий всего лишь из трех корветов, не сумеет его отыскать.

Вся эта история сильно подействовала на Барака Бен Канаана. Он не раз сталкивался с такими сложными задачами в прошлом и не раз решал такие задачи. Не может быть, чтобы он не придумал чего-нибудь и на этот раз. И Барак Бен Канаан принялся думать. К утру у него был готов во всех подробностях еще один фантастичный план.

Два дня спустя «Везувий» поднял якорь и покинул порт. Накануне отплытия Фавзи из предосторожности освободил второго помощника капитана, итальянца, от обязанностей радиста. Израильтянам, однако, радиосвязь была ни к чему: им и без того был известен точный час отплытия. Не успело судно выйти из гавани, как итальянский таможенный катер подплыл к нему, сигналив что было мочи.

Фавзи, который не понимал по-итальянски, поднялся в рубку и спросил у капитана, что это все значит.

— А кто его знает? — ответил капитан, пожал плечами.

— Алло, там на «Везувии»! — продолжал греметь мегафон. — Приготовьтесь к таможенному осмотру.

Человек двадцать в форме итальянской таможни поднялись по лесенке на борт теплохода.

— Будьте любезны, объясните, что это все значит! — гневно заорал Фавзи.

Начальник команды, огромного роста мужчина с седеющей рыжей бородой, удивительно похожий на Барака Бен Канаана, выступил вперед и сказал Фавзи по-арабски:

— У нас имеются сведения, что член экипажа судна подложил мину в одном из трюмов.

— Этого не может быть! — вскричал Фавзи.

— По имеющимся у нас сведениям, он был подкуплен евреями, — серьезно заявил великан. — Вам необходимо немедленно отплыть подальше, прежде чем судно взорвется.

Фавзи растерялся. Ему отнюдь не улыбалась перспектива взорваться вместе с «Везувием». С другой стороны, ему так же мало нравилась мысль отплыть подальше с этими странными итальянскими «таможенными инспекторами» на борту. Однако, не мог же он трусливо попросить их снять его с судна.

— Вы лучше постройте свою команду, — сказал бородастый. — Мы вмиг найдем виновного, и он уж признается нам, где именно он подложил мину.

Команду немедленно вызвали на палубу и подвергли «допросу». Пока велся допрос, «Везувий» вышел из трехмильной зоны, а таможенный катер повернул обратно в Неаполь. Замаскированные агенты Алии Бет вытащили вдруг пистолеты и вмиг связали как Фавзи, так и всю его арабскую команду. Немного погодя, когда они вышли в открытое море, команду посадили в спасательную лодку дали компас и карту, на том их и отпустили. Полковника Фавзи посадили под арест в его каюте. Сами израильтяне возложили на себя обязанности судовой команды, и теплоход поплыл полным курсом вперед.

Тридцать шесть часов спустя к «Везувию» подплыли два корвета, над которыми развевался пиратский флаг — череп с костями. Корветы пришвартовались к бортам теплохода, перенесли груз к себе в трюмы, забрали также команду, вывели из строя рацию на теплоходе и исчезли «Везувий» взял курс назад в Неаполь.

Полковник Фавзи бесновался и исходил злостью. Он по-

требовал расследовать этот акт пиратства. Итальянская таможня, которую арабы обвиняли в том, что она предоставила евреям катер и форменную одежду, заявила, что ей ничего об этом не известно. Каждый выезд катеров тщательно регистрируется, а в журнале ничего об этом происшествии нет, в чем легко убедиться. Арабская команда, верная арабскому обычаю никогда ни в чем не сознаваться, лгала направо, и вскоре было двенадцать различных версий о случившемся. Итальянские власти заявили, что если и было пиратство, то они во всяком случае ничего об этом не знали, тем более что капитан судна и его два помощника показали под присягой, что арабская команда немедленно дезертировала, как только стало известно, что в трюмах находится оружие.

Вскоре целая армия адвокатов до того запутала все дело, что не было никакой возможности добраться до фактов. Израильяне в Неаполе завершили эту путаницу тем, что распустили слух, будто в самом деле это было еврейское судно, что увели его арабы и что Фавзи был еврейским агентом.

Полковнику Фавзи оставалось только одно. Он симулировал самоубийство и исчез навсегда; вряд ли кто-нибудь пожалел об этом.

Спустя два дня после перегрузки оружия с борта «Везувия» на борт двух корветов, корветы, на этот раз с развешивающимся Маген-Давидом на мачтах, под всеобщее ликование доставили Барака Бен Канаана домой.

Г Л А В А 11.

Ари Бен Канаан получил приказ явиться в Тель-Авив. Штаб был расположен в особняке в Рамат-Гане. Один его вид поразил Ари. Над особняком развевался флаг с Маген-Давидом, и всюду можно было видеть часовых, одетых в форму новой израильской армии. Органы безопасности проверяли личные удостоверения, прежде чем допустить кого-нибудь в здание штаба. Перед зданием стояло множество джипов и мотоциклов и всюду царило какое-то особое военное оживление.

В здании безостановочно работал коммутатор. Ари повели через зал оперативных совещаний, где на стенах висели огромные карты, на которых флажками было отмечено положение на фронтах; через помещение связи, где целая батарея радиостанций переговаривалась с различными участками фронта и с населенными пунктами. Глядя на всю эту роскошь, Ари невольно подумал, как все это не похоже на бывший передвижной штаб Хаганы, где кроме стола ничего не было.

Авидан, бывший командир Хаганы, официально подал в отставку, передав командование молодым военным, которые приобрели боевой опыт в рядах британской армии или, как Ари, в непрерывной борьбе с арабами. Он служил теперь связующим звеном между армией и Временным правительством и хотя он не занимал официальной должности, но он все еще пользовался огромным авторитетом как «отставной главнокомандующий».

Авидан тепло поздоровался с Ари. Трудно было определить, устал Авидан или только что проснулся, огорчен он или доволен, так как у него было всегда одно и то же серьезное выражение лица. Когда они вошли в его кабинет, он распорядился ни под каким видом не мешать ему.

— Ну и лавочку вы себе тут завели, — сказал Ари.

— Да, не то, что когда-то было, — согласился Авидан. — Я сам никак не могу привыкнуть. Бывает, я приезжаю сюда утром и меня не покидает чувство, что вот-вот нагрянут англичане и бросят нас всех в тюрьму.

— Мы все были ошеломлены, когда узнали, что ты сам подал в отставку.

— Для организации нашей молодой армии и для ведения такой большой войны требуются молодые силы. А я на старости лет буду заниматься политикой.

— А как война идет? — спросил Ари.

— Иерусалим... Латрун, вот наша беда. Мы вряд ли продержимся долго в Старом городе. Один бог знает, сколько продержится и Новый город, если только мы не пробьемся туда скоро. Впрочем... сам ты неплохо поработал на своем участке.

— Нам повезло.

— Это где же повезло? В Сафед, что ли, или с великолепными ребятами в Ган-Дафне? Брось, Ари, скромничать. У нас, кстати, и в Бен-Шемене дети находятся в осаде... атаковать иракцы пока не смеют. Ари, Кавуки все еще в центральной Галилее. Надо разделаться с этим сукиным сыном. Из-за этого я тебя и вызвал. Мы собираемся расширить твой участок и поручить всю эту операцию тебе. Через парочку недель мы подкинем тебе еще один батальон, да оружие кое-какое.

— А как ты себе представляешь все это? — спросил Ари.

— Если мы займем Назарет, я думаю, все будет в порядке. Вся Галилея будет тогда в наших руках, все дороги, соединяющие западную часть с восточной.

— А как же арабские деревни?

— Большинство из них, как тебе известно, христианские. Они уже послали к нам делегации. Они потребовали от Кавуки убраться вон. Так или иначе, а воевать они не очень хотят.

— Это хорошо.

— Но прежде чем мы приступим к этой операции, нужно, чтобы ты полностью очистил свою территорию, Ари.

— Форт-Эстер? — спросил Ари.

Авидан кивнул.

— Чтобы взять Форт-Эстер, мне нужна артиллерия. Я уже писал тебе об этом. По меньшей мере три или четыре Давидки.

— А золотой тарелочки тебе не нужно?

— Послушай, Авидан. У них там две деревни на границе, которые прикрывают подступы к Форт-Эстер. Без дальнобойного оружия я там ничего не сделаю.

— Ладно, получишь. — Авидан резко поднялся и стал шагать взад-вперед по кабинету. На стене висела большая карта фронтов. Ари все время не покидало предчувствие, что Авидан вызвал его в Тель-Авив не только для того, чтобы обсудить с ним план операции. Теперь, видно, Авидан подбирался к главному.

— Ари, — медленно начал лысый великан. — Тебе еще две недели тому назад приказали взять Абу-Йешу.

— Вот, значит, для чего ты меня сюда вызвал.

— Я думал, будет лучше, если мы с тобой переговорим обо всем, прежде чем этим займется генштаб.

— Но ведь я тебе рапортовал, что, по-моему, Абу-Йеша не составляет для нас угрозы.

— Это по-твоему. Мы придерживаемся другого мнения.

— Как командующему тем участком фронта мне, я думаю, виднее.

— Да перестань ты, Ари. Эта твоя Абу-Йеша — самая обыкновенная база Мухаммеда Каси. Через нее просачиваются диверсанты и она блокирует дорогу в Ган-Дафну.

Ари застыл и отвел глаза в сторону.

— Мы с тобой слишком хорошо знаем друг друга, чтобы уклоняться от прямого разговора.

Ари помолчал еще с минуту, потом сказал:

— Я дружу с арабами Абу-Йеши с тех пор, как себя помню. Мы вместе гуляли на свадьбах, мы вместе справляли похороны. Мы им построили дома, а они нам выделили землю, чтобы построить Ган-Дафну.

— Я все это знаю, Ари. У нас таких сел — десятки. Но... мы ведь не в бирюльки играем, речь идет о том, быть нам или не быть. Мы не звали арабских армий, чтобы они на нас напали.

— Но ведь я хорошо знаю этих людей, — вскричал Ари. — Они не враги нам. Они — обыкновенные крестьяне, которые хотят лишь, чтобы их оставили в покое.

— Ари, — резко перебил его Авидан. — У нас немало арабских сел, у которых достало мужества оказать сопротивление Кавуки и арабским армиям. Жители Абу-Йеши решили иначе. Ты выдаешь желаемое за действительное, когда утверждаешь, что Абу-Йеша не враг нам. Надо с ней покончить...

— Иди ты к чорту! — сказал Ари и встал на ноги.

— Не уходи, — спокойно сказал Авидан. — Пожалуй-ста, не уходи. — Этот рослый крестьянин теперь выглядел

действительно усталым. Его плечи опустились — Тысячу раз мы просили палестинских арабов не соваться в эти дела. Никому не хочется прогнать их с насиженных мест. Те деревни, которые проявили лояльность, никто не трогает и трогать не собирается. Но по отношению к другим у нас просто нет иного выхода. Противник превратил их в склады оружия, в учебные полигоны, в базы, с которых совершаются нападения на наши автоколонны, и наши села обрекают на голодную смерть. В Иерусалиме голодает сто тысяч мирных жителей. Из-за кого? Все из-за них же. Мы обсуждали эту проблему неделями. У нас не из чего выбирать. Вопрос стоит так: либо убить, либо быть убитым.

Ари подошел к окну и закурил сигарету. Он в тоске смотрел на улицу. Авидан был прав, и он это хорошо понимал. У арабов было из чего выбирать, в то время как нашим селам ничего другого не оставалось. Им оставалось только стоять насмерть... драться до последнего, не то зарежут.

— Я, конечно, легко мог бы поставить другого вместо тебя, и тот другой, без колебаний возьмет Абу-Йешу. Но мне очень не хочется этого делать. Если ты действительно считаешь, что не можешь выполнить этого приказа, я советую тебе подать заявление с просьбой о переводе на другой участок фронта.

— Зачем? Чтобы сделать то же с таким же селом только под другим названием?

— Ари, не торопись с ответом... Я знал себя еще ребенком. Тебе еще пятнадцати лет не было, когда ты стал бойцом. У нас таких, как ты, немного. За все годы ты ни разу не отказался выполнить приказ.

Ари обернулся. На его лице отражались горе и безысходная тоска. Он опустился в кресло.

— Ладно, сделаю, раз иначе нельзя, — шепнул он.

— Тогда свяжись со штабом, — сказал Авидан.

Ари кивнул головой и направился к двери.

— Кстати, тебя повысили в звании. Ты теперь полковник.

Ари коротко и язвительно засмеялся.

— Мне тоже нелегко, поверь мне. Очень и очень нелегко, — сказал Авидан на прощанье.

Полковник Ари Бен Канаан, его заместитель и его

адъютант, майоры Бен Ами и Иоав Яркони сидели и разрабатывали операцию Пурим, целью которой было взятие крепости Форт-Эстер, а также ликвидация базы в Абу-Йеше. Успешное проведение этой операции должно было окончательно обезопасить долину Хулы.

Орудия, которые обещал Авчдан, так и не прибыли, но Ари не особенно рассчитывал на них. Он перевез Давидку из Сафед и приготовил штук пятьдесят снарядов.

Без артиллерии не могло быть и речи о лобовой атаке на Форт-Эстер со стороны Ган-Дафны. Каси все еще располагал четырьмя сотнями людей в районе, он располагал и оружием получше, а главное, занимал гораздо более выгодную позицию. Ари знал также, что люди Каси окажут упорное сопротивление в обороне, под прикрытием бетонных стен.

Ари имел теперь дело с тремя арабскими деревнями. Первой была Абу-Йеша, расположенная по дороге в Форт-Эстер. Высоко в горах, у самой ливанской границы еще две деревни прикрывали Форт-Эстер с флангов. В обеих деревнях окопались люди Мухаммеда Каси. Ари собирался напасть на Форт-Эстер сзади. Для этого ему нужно было обойти стороной эти две деревни.

Наступление на Форт-Эстер должно было вестись по плану тремя колоннами. Первую колонну возглавил сам Ари. Ночью они тайком пробрались в горы, следуя звериными тропами на север к ливанской границе. Они взяли с собой Давидку и снаряды. Целью похода была первая арабская деревня. Дорога туда была в высшей степени трудная и опасная. Надо было сделать большой крюк, чтобы пробраться к деревне с тыла, к тому же незамеченными. Крутой подъем, тьма вокруг, тяжелый груз — словом, поход предстоял нелегкий. Тридцать пять парней и пятнадцать девушек несли на себе снаряды. Еще пятьдесят человек прикрывали колонну.

Нога Ари все еще болела, но он повел колонну форсированным маршем вгору. Им необходимо было добраться к цели еще до рассвета; в противном случае вся операция могла провалиться.

В четыре часа утра они добрались до вершины. Люди изнемогали от усталости, однако ни о каком отдыхе не могло быть и речи; не замедляя шага, они пошли дальше в сторону деревни. Пришлось сделать большой крюк, там их встретил патруль дружественного бедуинского племе-

ни, который наблюдал за деревней. Бедуины доложили, что неприятельских сил нет поблизости.

Ари и его отряд чуть ли не бегом добрались до развалин небольшой крепости времен крестоносцев, расположенной в трех с лишним километрах от деревни. Они из последних сил окопались среди развалин и с рассветом погрузились в дремоту, полумертвые от усталости. Они скрывались до самого вечера, а бедуины стояли на часах.

Следующей ночью из Эйн-Ора вышли остальные две колонны. Майор Давид Бен Ами повел своих людей по уже знакомому обрыву вверх в Ган-Дафну. Он достиг села перед рассветом и залег со своими людьми в лесу.

Последняя колонна, возглавляемая майором Иоавом Яркони, пошла по следам Ари, проделав тот же крюк по тропинкам вгору. Эта колонна передвигалась быстрее, так как у них не было с собой ни Давидки, ни снарядов. Зато им и путь предстоял длиннее, так как, дойдя до первой деревни, где залег Ари, они должны были обойти Форт-Эстер и пробраться ко второй деревне. Бедуины встретили и эту колонну на вершине горы и довели ее незамеченной к цели.

К вечеру второго дня Ари послал бедуинского вождя в соседнюю деревню и предъявил жителям деревни ультиматум. Тем временем Ари и его люди выбрались из развалин и подошли вплотную к деревне. Мухтар деревни и человек восемьдесят наемников Мухаммеда Каси подумали, что их хотят взять хитростью: не может быть, что евреи сумелись взобраться незамеченными на гору. Бедуины вернулись к Ари и доложили, что арабы требуют доказательств. Пришлось Давидке дать два залпа.

В деревне рухнули два десятка глиняных хижин. Теперь арабы убедились. Не успел отгреть второй залп, как командиры диверсантов со всех ног бросились впереди своих людей стремглав к границе с Ливаном, а в самой деревне взвилось море белых тряпок. Ари действовал быстро. Он оставил небольшой отряд для охраны деревни, а с остальными людьми устремился ко второй деревне, где Яркони уже пошел в атаку.

Не прошло и двадцати минут после прибытия Ари, не успел Давидка дать три залпа, как была взята и эта деревня, и еще сотня диверсантов пустились наутек к ливанской границе. Давидка снова отличился, сея панику и разрушение в рядах неприятеля. Обе деревни взяли с та-

кой быстротой, что в Форт-Эстер не успели хватиться. Когда до них донеслись отзвуки пальбы, они думали, что это их собственные люди балуются.

На рассвете третьего дня Давид Бен Ами вышел со своей колонной из леса и устроил засаду на подступах к Абу-Йеше, где Мухаммед Каси разместил еще сотню своих людей. Когда Бен Ами отрезал путь возможным арабским подкреплениям, силы Ари и Яркони двинулись к Форт-Эстер с тыла. У Каси было не больше ста людей в крепости к моменту, когда Давидка открыл огонь по крепости: остальные были либо в Абу-Йеше, либо уже в Ливане. Залп за залпом снаряды с динамитом со свистом неслись по воздуху, обрушиваясь на бетонные стены крепости. Каждый последующий залп бил ближе к цели — по задним стальным воротам. Когда раздался двадцатый залп, ворота полетели в воздух, а следующие пять снарядов угодили уже во двор крепости.

Ари Бен Канаан возглавил первую атаку. Они поползли на животах под пулеметным огнем и под оглушительными залпами Давидки к крепости.

В сущности повреждения, нанесенные форту, были небольшие, но грохот и быстрота атаки совершенно сбили с толку Мухаммеда Каси и его горе-воjak. Ожидая подкрепления, они оборонялись кое-как. Но подкрепление могло прийти только из Абу-Йеши и оно попало прямехонько в западню, расставленную Давидом Бен Ами. Каси видел все в бинокль. Он был полностью отрезан. Евреи были уже у задних ворот. Над крепостью Форт-Эстер взвился белый флаг.

Яркони взял с собой в крепость человек двадцать бойцов, разоружил арабов и погнал их в Ливан. Каси, теперь сильно присмиревший, и трое его офицеров были взяты под стражу, а над крепостью взвился флаг с Маген-Давидом. Ари повел остальных бойцов вниз к тому месту, где Давид устроил засаду. Они могли теперь приступить к последнему этапу операции и ликвидировать базу диверсантов в Абу-Йеше.

Жители Абу-Йеши слышали и видели, что произошло. Они знали, что теперь очередь за их деревней. Ари послал к ним делегацию и велел передать, что им дают двадцать минут на то, чтобы оставить деревню. Если кто-нибудь останется, ответственность целиком и полностью ляжет на него самого. Со своего наблюдательного пункта он видел,

как многие его старые друзья покидали село и направлялись к границе с Ливаном. У Ари сердце обливалось кровью.

Прошло полчаса, затем и час.

— Пора приступать к делу, — сказал Давид.

— Подождем еще немного. Надо, чтобы ушли все.

— Да вот уже полчаса, как никто больше не уходит. Кто хотел, тот уже давно ушел.

Ари отвернулся и отошел. Давид последовал за ним.

— Хочешь, я поведу людей в бой, — предложил он.

— Хорошо, — шепнул Ари в ответ.

Ари остался на возвышенности, когда Давид повел людей вниз к седловине, где приютилось село. Он сильно побледнел, когда раздались первые выстрелы. На подступах к селу Давид построил своих людей в шеренгу. Их встретил залп из пулеметов и винтовок. Евреи тут же бросились на землю и поползли на животах.

Около ста жителей деревни, возглавляемые Тахой, решились сражаться. Создалось положение, которое почти не имело равного в этой войне: на этот раз евреи превосходили арабов как в живой силе, так и оружием. Они открыли по арабам сильный огонь из автоматов, а затем бросали передовые позиции арабов гранатами. Один арабский пулемет был выведен из строя, защитникам села пришлось отступить, и евреи проникли в деревню.

Давид начал теперь драться за каждую улицу, за каждый дом. Пришлось разделить на отряды поменьше; стреляли чуть ли не из каждого дома. Дело шло медленно, и кровь лилась ручьями. Это были не глиняные дома, а настоящие, каменные, а арабы, оставшиеся в селе, отчаянно дрались за каждый дом.

Шел час за часом. Ари не шевелился на своем наблюдательном пункте. До его слуха доносились звуки выстрелов, взрывы гранат и даже крики людей.

Арабы сдавали одну позицию за другой, так как неумолимое наступление евреев совершенно отрезало сражающиеся группы и отдельных арабов друг от друга. Наконец, евреям удалось загнать оставшихся в живых в один переулок на окраине деревни. Более семидесяти пяти арабов погибло в этом бою, где арабы с таким неслыханным упорством защищали свою деревню; ничего подобного за всю войну не происходило. Это был трагический бой: ни евреи его не хотели, ни арабы.

Последние восемь арабов окопались в крепком каменном доме мухтара, стоявшем у реки напротив мечети. Давид потребовал Давидку. Дом был разрушен вдребезги. Его защитники, в том числе и Таха, погибли.

Уже темнело, когда Давид поднялся на гору к Ари. Давид сильно устал.

— Все кончено, — сказал он.

Ари посмотрел на него невидящим взглядом и не произнес ни слова.

— Их там было человек сто. Погибли все до единого. Наши потери... четырнадцать парней, три девушки. Есть и десяток с лишним раненых: их доставили в Ган-Дафну.

Казалось, Ари ничего не слышит. Он пошел вниз, направляясь к деревне.

— А что будет с их полями? — прошептал Ари. — А они сами... куда они теперь денутся...?

Давид схватил Ари за руку.

— Не ходи туда, Ари.

Ари посмотрел вниз на плоские крыши домов. Теперь там было так тихо.

— А дом у реки,... — начал Ари вопросительно.

— Его нет больше, — ответил Давид. — Ты можешь только вспоминать его, но не видеть.

— Что же с ними будет теперь, со всеми? — упорствовал Ари. — Ведь они же мои друзья.

— Мы ждем твоего приказа, Ари.

Ари посмотрел на Давида, заморгал, покачал головой.

— В таком случае я сам отдам приказ.

— Нет, — прошептал Ари. — Я сам. — Он последний раз посмотрел на деревню. — Сравнить с землей Абу-Йешу, — сказал он.

Г Л А В А 12.

Давид спал в объятиях Иорданы.

Она крепко прижимала его голову к своей груди. Она не могла заснуть. Она лежала с широко раскрытыми глазами и смотрела в темноту.

Ари дал ей отпуск, так что она и Давид могли съездить в Тель-Авив и провести там выходной. Послезавтра они снова расстанутся, и один бог знает, когда они увидятся вновь, если вообще увидятся. Иордана все время знала, что Давид добровольно возьмет на себя такую миссию. С тех самых пор, как началась осада Иерусалима, он ел себя поедом. Каждый раз она видела горе в его глазах.

Он зашевелился во сне. Она нежно поцеловала его в лоб и провела рукой по его волосам. Он улыбнулся во сне и снова успокоился.

Не принято, чтобы сабра говорила возлюбленному, что до смерти боится за него. Она должна улыбаться и подбадривать его, страх надо прятать глубоко в душе. А она была прямо больна от страха. Она прижималась к нему все теснее, и ей больше всего хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончилась.

Все началось в тот день, когда Ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе Палестины. На следующий день Высший арабский комитет объявил всеобщую забастовку, которая выродилась в поджоги и грабежи в еврейских торговых кварталах Иерусалима. Пока арабы неистовствовали, англичане никаких мер не принимали.

Тут же началась осада города. Абдель Кадар немедленно мобилизовал арабские деревни, расположенные вдоль шоссе, чтобы закрыть дорогу еврейским автоколоннам, идущим из Тель-Авива. Пока в коридоре шли непрерывные бои за перевалы, за Кагель и другие арабские деревни, евреи Иерусалима мерзли, голодали, страдали от жажды, и все это под непрерывным орудийным обстрелом Кавуки и Кадара. Горные отряды Палмаха отчаянно дрались, чтобы держать дорогу открытой, а Ишув организовал огром-

ные конвои, которые пытались пробить путь по Баб-эль-Ваду, буквально усеивая горы Иудеи обгоревшими грузовиками.

В самом городе начали с бомб и засад, но вскоре это переросло в настоящую войну. Хагана обрушила огонь на территорию между гостиницей «Кинг Дэвид» и крепостной стеной старого города, где было засели диверсанты. Все эти развалины назвали потом Бевинградом. Командир Хаганы в Иерусалиме сталкивался теперь с проблемами, которые выходили за пределы воинской тактики. На нем лежала ответственность за огромное население города, которое нужно было кормить и обеспечить всем необходимым во время осады. Положение осложнялось тем, что большая часть гражданского населения состояла из религиозных фанатиков, которые не только не хотели братья за оружие, но и мешали Хагане, пытавшейся защищать их. Еще в древнем Израиле перед защитниками Иерусалима стояли совершенно те же проблемы. Во время осады Иерусалима римлянами zeloty* внесли раскол в ряды евреев, что ускорило падение Иерусалима и привело к тому, что вырезали около шестисот тысяч евреев. Правда, тогда они выдерживали осаду в течение трех лет, что вряд ли им удастся теперь.

Итак, религиозные фанатики отказывались от борьбы, Маккавеи тоже сотрудничали с Хаганой только частично, а остальное время они вели собственную войну. Но даже тогда, когда они поддерживали Хагану, они тоже особенно не блистали. Горной бригаде Палмаха приходилось вести непрерывные бои в горах Иудеи; бойцы прямо выбивались из сил, да и не очень стремились подчиняться приказам командира Хаганы в Иерусалиме. Все это вместе взятое создавало безвыходное положение, в котором командир Хаганы мало что мог сделать.

Великолепный Иерусалим превратился в кровавое поле битвы. Египтяне нападали с юга, обстреливали его из орудий и закидывали бомбами с воздуха. Арабский легион окопался за священной крепостной стеной старого города. Потери исчислялись тысячами. Отвага и смекалка снова стали главными средствами обороны евреев. Опять пришлось прибегнуть к Давидке. Его перевозили с места на место, чтобы арабы подумали, будто у евреев много орудий.

За пределами города дела обстояли не лучше. Когда

Арабский легион занял Латрунскую крепость, он обещал, что насосная станция будет работать по-прежнему, и гражданское население не будет страдать от недостатка питьевой воды. Однако арабы тут же взорвали насосную станцию, и в Иерусалиме стало не хватать воды. Было известно, что где-то под городом должны существовать подземные водохранилища, которым две или даже три тысячи лет. Евреи нашли эти резервуары, в которых каким-то чудом сохранилась вода. Пока спешно прокладывали временный водопровод эти цистерны буквально спасли евреям жизнь.

Так шли дни за днями, недели за неделями и месяц за месяцем. Иерусалим по-прежнему не сдавался. Бои шли за каждый дом. Мужчины, женщины и дети рвались в бой с таким презрением к смерти, что их, казалось, никогда не удастся сокрушить.

У Давида Бен Ами сердце обливалось кровью при одной мысли о Иерусалиме. Он неотступно думал об осаде.

Он открыл глаза.

— Почему ты не спишь? — спросил он Иордану.

— Выплюю, когда ты уйдешь, — ответила она.

Он поцеловал ее и сказал, что очень ее любит.

— О, Давид... мой Давид!

Ей хотелось попросить его отказаться от этого задания. Ей хотелось зарыдать и сказать ему, что если с ним что-нибудь случится, то ей незачем будет жить. Но она ничего этого не сказала, так как говорить так было нельзя. Один из его шести братьев погиб в кибуце Нирим, в бою с египтянами, а другой умирал от ран, полученных при попытке прорваться в Негбу. Третий брат, Нахум, маккавей, отправился в Старый город, где он и находился сейчас.

Давид явственно слышал, как сильно бьется сердце Иорданы.

— Давид, любовь моя! — шептала она.

В Старом городе арабская чернь, ворвавшаяся вместе с Легионом, бросилась уничтожать синагоги и святые места; арабы грабили каждый еврейский дом, который попадал в их руки.

Верующие, а также Хагана и Маккавей, пытавшиеся защитить их, отступали все дальше назад, пока у них оста-

лось всего два дома. Одним из них была знаменитая си нагога Хурва. Пройдет еще несколько дней, и они будут окончательно выбиты из Старого города.

Свет нового дня разбудил Иордану. Она потянулась в постели и, довольно мурлыча, протянула руку к Давиду. Его не было.

Она в испуге открыла глаза и увидела, что он стоит над ней. Давид впервые надел израильскую военную форму. Она улыбнулась и откинулась на подушку, а он опустился на колени рядом с кроватью и принялся гладить ее огненно-рыжие волосы.

— Вот уже час, как я на тебя смотрю, — сказал он. — Ты очень хороша во сне.

— Шалом, майор Бен Ами, — шепнула она ему на ухо и нежно поцеловала его.

— Становится поздно, дорогая. Мне нужно идти, — сказал он.

— Я сейчас оденусь, — ответила она.

— А зачем тебе идти со мной? Я лучше пойду один.

На мгновение у Иорданы сердце перестало биться. Она чуть не схватила его за руку, но тут же совладала с собой и улыбнулась.

— Конечно, милый, — сказала она.

— Иордана... Иордана... любовь моя!

— Шалом, Давид. Тебе пора.

Она отвернулась к стене, почувствовала его поцелуй на щеке, потом хлопнула дверь.

— Давид... Давид, — шептала она. — Вернись! Пожалуйста, вернись ко мне.

Авидан повез майора Бен Ами на квартиру Бен Циона, начальника генштаба, жившего неподалеку от штаба. Генерал Бен Цион, человек в возрасте тридцати одного года, был тоже жителем Иерусалима. С ним был адъютант, майор Альтерман.

Они обменялись приветствиями и соболезнованиями по поводу гибели брата Давида в Нириим.

— Авидан говорит, что у вас что-то интересное на уме, — сказал Альтерман.

— Да, — тихо ответил Давид. — С тех самых пор как приняли резолюцию о разделе, я ни на минуту не перестаю думать о Иерусалиме. Помните «На реках Вавилонских»? — Если я забуду тебя, Иерусалим...

Бен Цион кивнул. Он очень хорошо понимал Давида. Его жена, дети, родители — все остались в Иерусалиме.

Давид продолжал:

— Дорога до Латруна почти полностью в наших руках. За Латруном, в Баб эль-Ваде, Палмах тоже захватил большинство важнейших высот.

— Мы все знаем очень хорошо, что именно Латрун — наша главнейшая беда, — язвительно перебил его Альтерман.

— Дай человеку высказаться, — сердито прикрикнул Бен Цион.

— Я долго думал об этом... Я знаю район Латруна как своих пять пальцев. Вот уже шесть месяцев, как я исследую эту местность в уме дюйм за дюймом. Я совершенно уверен, что Латрун можно обойти стороной.

В комнате воцарилось гробовое молчание.

— Что вы имеете в виду? — спросил наконец Бен Цион.

— Если провести дугу вокруг Латруна от одного участка шоссе к другому, то получается расстояние в шестнадцать километров.

— Дугу на карте провести можно, но дороги там нет. Холмы там — совершенно дикие и непроходимые.

— Есть и дорога, — ответил Давид.

— Это какая-то чушь! — воскликнул Авидан.

— Вдоль доброй половины этой дуги ведет древняя римская дорога. Ей, правда, две тысячи лет, она вся завалена камнями, землей, буреломом, но она существует. И есть еще вади, по которым я проведу любую колонну с закрытыми глазами.

Давид подошел к карте, висевшей на стене, и провел полукруг вокруг Латруна, который соединял оба участка шоссе.

Авидан и Бен-Цион неотрывно смотрели на карту. Альтерман смотрел тоже, но иронически. Авидан, которому Ари Бен Канаан уже рассказал кое-что о планах Давида, относился к ним критически.

— Давид, — сказал Авидан сухо, — допустим, тебе удастся найти эту римскую дорогу; допустим также, что ты найдешь и тропинку вдоль вади. Что тогда? Отсюда до снятия осады Иерусалима — очень далекий путь.

— Я предлагаю вот что, — без колебаний сказал Давид.

— Нам необходимо расчистить древнюю римскую дорогу, привести ее в порядок, где нужно — проложить новые участки, и отказаться от штурма Латруна, зато пойти в обход.

— А подумал ли ты, Давид, о том, — спросил Бен Цион, — что нам придется прокладывать эту дорогу, как ты ее провел по карте, под самым носом у Арабского легиона, закрепившегося в Латруне?

— Еще бы не подумал! — ответил Давид. — Нам не нужно бог весть какое шоссе. Нам нужна только колея, достаточно широкая, чтобы могла пройти грузовая машина. Иисус Навин остановил солнце у Латруна. Может быть, нам удастся остановить ночь? Если из Иерусалима выйдет один отряд, а другой — из Тель-Авива; если будем работать по ночам и не шуметь, я уверен, что все это дело отнимет у нас не больше месяца. Что касается Арабского легиона, то вы не хуже меня знаете, что Глабб ни под каким видом не выведет его из крепости. Он ни за что не вступит в открытый бой, а будет и дальше отсиживаться в безопасном месте.

— Ну, в этом мы не уверены, — сказал Альтерман. — За дорогу он, пожалуй, станет драться.

— Если бы Глабб не боялся открытого боя, почему он не напал на Треугольник и не попытался разрезать Израиль надвое?

На этот вопрос никто, конечно, ответить не мог. Можно было только предположить, что Давид прав. В штабе считали, что Глабб чересчур разбросал свои силы, и что он избегает боя за пределами Иерусалима, коридора и Латруна. Кроме того, он хорошо знал, что израильские части только и ждут возможности схватиться с ним в открытую.

Бен Цион и Авидан сидели молча и взвешивали предложение Давида.

— Хорошо, а что тебе для этого нужно? — сказал наконец Бен Цион.

— Дайте мне джип на одну ночь, чтобы я пробрался сначала один.

Авидана не оставляла тревога. Еще в первые дни Ханы он тяжело переживал гибель каждого бойца. Для него это было, как если бы речь шла о собственном сыне или дочери. В такой маленькой, сплоченной общине, как Ишув, каждая жертва задевала всех лично. Теперь, в войну, потери евреев исчислялись тысячами, а для такой ма-

ленькой страны это были опустошающие потери в полном смысле этого слова. Большинство погибших принадлежали к лучшей части молодежи страны. Ни один народ, как бы многочислен он ни был, не может рисковать жизнью таких одаренных юношей, как Давид Бен Ами — подумал Авидан. Это задание, которое хочет взвалить на себя Давид, чистое самоубийство. Может быть, Давиду только кажется, что он знает какую-то дорогу; людям часто желаемое представляется действительным.

— Джип и двадцать четыре часа... — просил Давид.

Авидан посмотрел на Бен Циона. Альтерман покачал головой. То, что затеял Давид, было неосуществимо. Тревога за Иерусалим мучила каждого, Иерусалим был сердцем, душой еврейства, но... Бен Цион даже подумал, не была ли с самого начала безумием попытка удержать город.

На долю родителей Давида выпало достаточно страданий, — подумал Авидан. Один сын погиб, второй умирает от ран, третий возглавляет заранее обреченный на гибель отряд Маккавеев в Старом городе.

Давид смотрел горящими глазами то на одного, то на другого.

— Вы не можете не пустить меня! — воскликнул он.

Постучали. Альтерман подошел к двери, взял донесение и протянул его Бен Циону. Начальник генштаба смертельно побледнел. Он протянул бумагу Авидану. Никто никогда не видел, чтобы Авидан потерял самообладание. На этот раз, однако, его руки дрожали, а в глазах появились слезы.

Дрожащим голосом он сказал.

— Старый город пал.

— Не может быть! — вскричал Альтерман.

Давид упал в кресло.

Бен Цион сжал кулаки и стиснул зубы.

— Без Иерусалима нет еврейской нации! — крикнул он. Он повернулся к Давиду.

— Отправляйся в Иерусалим, Давид... сейчас же.

Когда Моисей подвел колена Израилевы к Красному морю, ему нужен был человек, вера которого в могущество Бога настолько незыблема, что он без колебаний первый ступит ногой в море. Такой человек нашелся. Его звали Нахшоном. Операцию Давида Бен Ами называли «Нахшон».

Когда стемнело, Давид выехал из Реховота, города к югу от Тель-Авива, и взял направление на горы Иудеи. У подножья гор, неподалеку от Латруна, Давид свернул с шоссе и поехал по бездорожью в дикие, заваленные скалами, испещренные рытвинами и заросшие буреломом горы. Хотя Давид Бен Ами был во власти навязчивой идеи, но сознание важности задания умеряло его страстный пыл. Вдобавок он, как никто другой, знал каждую пядь этой местности.

Джип бросало и ударяло об скалы, и казалось, что он вот-вот выйдет из строя. То и дело выключая мотор, Давид тихо спустился на первой скорости вплотную к Латруну. Опасность, что какой-нибудь патруль Легиона обнаружит его, была велика.

Он напряг все внимание, когда впереди замаячили очертания крепости. Дюйм за дюймом он спускал машину по коварному, крутому склону, ища древнюю римскую дорогу, заваленную вековым мусором. Он ехал по следам смытых потоками камней и щебенки и остановился в одном месте, где сходились два ущелья. Он слез с машины и откопал несколько глыб. Их форма и структура убедили его, что дорога проходит именно здесь. Теперь, когда он определил общее направление дороги, по которой двигались еще римские легионы, он мог передвигаться значительно быстрее.

Давид Бен Ами объехал Латрун стороной, не жалея ни себя, ни машину. Он то и дело выключал двигатель, прислушиваясь — нет ли неприятеля поблизости. Не раз ему приходилось ползти на животе по острым скалам в поисках дороги. Этим шестнадцать километров, казалось, не будет конца. Зато ночь проходила чересчур быстро, и с каждым часом опасность, что его обнаружат, возрастала.

Рассвело. Бен Цион и Авидан сидели с запавшими от бессонной ночи глазами и тревожно ждали. Они теперь понимали, какое безумное дело затеял Давид; они были убеждены, что больше его никогда не увидят.

Зазвонил телефон. Авидан поднял трубку.

— Это из шифровального отдела, — сказал Авидан. — Они только что получили радиограмму из Иерусалима.

— А что в радиограмме?

— 1358.

Они лихорадочно принялись листать Библию. У Бен

Циона вырвался глубокий вздох облегчения. Он прочитал вслух:

— Исаия, глава тридцать пятая, стих восьмой: «И будет там большая дорога, ...Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на нее,... а будут ходить искупленные...».

Итак, Нахшон все-таки прорвался в Иерусалим! Давид Бен Ами нашел дорогу, по которой можно объехать Лаг-рун. Для Иерусалима еще не все потеряно.

Тысячи добровольцев дали клятву тайну не разглашать. Они высыпали из Иерусалима, чтобы проложить дорогу вдоль маршрута Давида Бен-Ами. Давид вернулся в Тель-Авив, где другой отряд добровольцев вышел строить дорогу с противоположной стороны.

Днем оба отряда скрывались, а ночью лихорадочно работали под самым носом у Арабского легиона. Они работали без усталости, но молча; они расчищали дорогу и неслышно относили мусор. Прокладывая себе путь по рытвинам и ущельям, следуя вдоль древней римской дороги, оба отряда дюйм за дюймом приближались друг к другу. Давид Бен Ами попросил, чтобы его совсем перевели в Иерусалим. Его просьба была удовлетворена.

Иордана очень нервничала, с тех пор как рассталась с Давидом в Тель-Авиве. Она вернулась в Ган-Дафну, где работы был непочатый край. так как нужно было восстановить пострадавшее от артиллерийского обстрела селение. Большинство зданий было повреждено. Дети, которых эвакуировали, вернулись теперь в Ган-Дафну. Коттедж Китти пострадал меньше других, так что Иордана поселилась с Китти и Карен. Женщины быстро сдружились. Иордана могла признаться Китти в таких вещах, в которых она ни за что не призналась бы другим, из страха, как бы в этом не усмотрели слабость.

Хотя Иордана пыталась скрыть свою тревогу под маской деланной грубости, Китти прекрасно знала, в каком она находится состоянии после возвращения из Тель-Авива. Однажды вечером, спустя две недели после того как она рассталась с Давидом, Иордана сидела с Китти за чаем. Китти что-то говорила, и вдруг Иордана смертельно побледнела, встала и выбежала из комнаты. Китти побежала за ней и успела подхватить ее не дать ей упасть на землю. Китти с трудом потащила совершенно обессилевшую Иор-

дану к себе в санчасть. Она положила ее на кушетку и влила ей в рот немножко коньяку.

Прошло десять минут, прежде чем Иордана пришла в себя. Она приподнялась и блуждающим взглядом посмотрела вокруг себя.

— Что с вами? — спросила Китти.

— Не знаю. Никогда этого со мной не случилось. Я сидела и слушала вас, и вдруг оглохла. Не только оглохла, но и ослепла. Стало совершенно темно в глазах, а по телу пробежала ледяная дрожь.

— Я слушаю...

— И вдруг я... я услышала, как кричит Давид... Это было ужасно.

— Ну вот, теперь послушайте меня, девушка. Это все нервы. Они у вас до того напряжены последнее время, что вы в любую минуту можете взорваться. Я требую, чтобы вы взяли отпуск на несколько дней и отправились в Яд-Эль к матери.

Иордана вскочила на ноги.

— Нет! — воскликнула она.

— Сейчас же садитесь, — приказала Китти.

— Все это ужасно глупо. Я веду себя прямо невозможно.

— Вы ведете себя вполне нормально. Если бы вы давали себе изредка волю, поплакали бы немножко, а не таили все в себе, вы бы не довели себя до этого состояния.

— Давид презирал бы меня, если бы он знал, как я себя веду.

— Да бросьте вы это, Иордана! Ну ее к чорту, эту вашу гордость сабры! Вот я дам вам сейчас таблетку, а вы будьте любезны, сейчас же — в постель.

— Нет! — резко ответила Иордана и выбежала из кабинета.

Китти вздохнула. Что делать с девушкой, которая считает, что проявлять какое бы то ни было чувство — равносильно слабости. Годы напряжения и борьбы выдубили толстую кожу у этих сабр. Их неукротимая гордость переходила все границы.

Спустя три дня после этого случая, Китти вернулась вечером в свой коттедж. Карен она велела пойти к Дову. Иордана сидела над какими-то донесениями. Китти села напротив. Иордана посмотрела ей в лицо, улыбнулась, за-

тем, заметив выражение лица Китти, мгновенно посерьезнела. Китти мягко взяла ручку из ее рук.

Прошла минута. Никто не сказал ни слова.

— Давида не стало, — сказала Иордана.

— Да.

— А как это случилось? — спросила Иордана ровным голосом.

— Ари только что позвонил мне. Подробности еще не все известны. Кажется, несколько пахмахников сколотили там отряд; присоединились и Маккавеи, и ребята из Хаганы. Никто никакого разрешения не давал... Похоже, что Давид не выдержал вида стен Старого города. Они бросились в атаку, пытаясь захватить Старый город. Они действительно взяли Сионскую гору...

— Я слушаю, — сказала Иордана.

— Это была, конечно, безумная затея. Чистейшее самоубийство.

Иордана сидела неподвижно. Она даже не повела бровью.

— Вот и все. Что тут можно добавить? — закончила Китти.

Девушка поднялась, высоко держа голову.

— Обо мне, пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала она четким голосом.

Если Иордана и оплакивала Давида, никто никогда ее слез не видел. Она унесла свое горе в развалины Абу-Йеши. Там она просидела без пищи и воды четверо суток. Затем она вернулась в Ган-Дафну. Подобно тому, как Ари никогда не произносил имени Дафны, Иордана ни разу больше не произнесла имени Давида.

Прошел месяц с того дня, когда Давид Бен Ами нашел кружную дорогу в Иерусалим, так называемую «Бирманскую дорогу», и однажды ночью обход Латруна был завершен. Автоколонна промчалась по новой дороге и благополучно добралась в Иерусалим. Осада Иерусалима кончилась на вечные времена.

До сих пор ни у кого не было полной уверенности, что Израиль выстоит. В ту минуту, когда ребята из иерусалимского отряда пожали руки ребятам из тель-авивского отряда, евреи выиграли войну за Независимость.

Г Л А В А 13.

Предстояли долгие месяцы упорных и кровавых боев, но открытие «Бирманской дороги» сильно подняло дух евреев, а в этом они сейчас нуждались больше всего.

Когда евреи остановили первое наступление арабских армий, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций сумел добиться временного прекращения огня. Обе стороны приветствовали его. Арабам срочно нужна была передышка, чтобы подтянуться и перестроиться. Они пали в глазах мирового общественного мнения, не сумев сломить сопротивление евреев и захватить страну. Израильтянам тоже нужна была передышка, чтобы достать еще оружия и укрепить свои вооруженные силы.

Временное правительство контролировало положение далеко не полностью, так как Палмах, крайние религиозные круги и Маккавеи соглашались сотрудничать только условно. К чести Палмаха нужно сказать, что он отказался от своего привилегированного положения и полностью влился в ряды Армии Оборона Израиля, когда ему угрозили, что его части снимут с передовой, если он откажется выполнять приказы командования. Маккавеи тоже влились частично в израильскую армию, но создали свои особые батальоны и потребовали, чтобы этими батальонами командовали их офицеры. Зато ничего не могло сломить упрямство верующих фанатиков, которые продолжали возлагать все надежды на Мессию и толковать Библию дословно.

Когда, казалось, вот-вот будет достигнуто единство всех этих разнородных элементов, произошло трагическое событие, которое окончательно отдалило Маккавеев. Стронники Маккавеев в Америке закупили большое количество дефицитного оружия, а также транспортный самолет, который называли «Акивой».

Они собрали не только оружие, но также сотню молодых добровольцев для пополнения особых батальонов Маккавеев. По условиям соглашения о прекращении огня, ни одна из сторон не должна была ни вооружаться, ни

укреплять свои позиции. Однако ни одна сторона не обращала внимания на это распоряжение ООН: как арабы, так и евреи тайком завозили оружие и людей, стараясь всячески укрепить свои позиции.

Израильские агенты в Европе узнали о существовании «Акивы». Временное правительство потребовало, чтобы самолет вместе с оружием передали ему. Израиль теперь единое государство, — толковали они, — в войне участвуют все как один; на что особые батальоны Маккавеев, они ведь являются составной частью израильской армии. Маккавеи не соглашались. Они хотели сохранить свою обособленность и настаивали, что это оружие куплено специально для них.

Тогда правительство поставило вопрос иначе: существует соглашение о прекращении огня, запрещающее доставку оружия. Если этим делом займется Временное правительство, шансов на то, что никто об этом не узнает, во много раз больше, чем если этим займутся сами Маккавеи. На это Маккавеи возражали, что их прекращение огня не касается, так как они, не подчиняются единому командованию. Ожесточенный спор не утихал: Временное правительство настаивало, что в стране может быть только одна центральная власть, а Маккавеи стояли на своем.

«Акива» все-таки вылетел из Европы с первой партией оружия и добровольцев на борту. Правительство, которое остро нуждалось как в людях, так и в оружии, было вынуждено приказать Маккавеям отослать самолет назад без посадки. Этот приказ вверх Маккавеев в бешенство.

Когда, вопреки приказу, «Акива» все-таки появился над израильским аэродромом, там были государственные представители, Маккавеи и наблюдатели ООН. Правительство передало экипажу самолета последнее предупреждение по радио и потребовало немедленно повернуть обратно в Европу. «Акива» отказался. Тогда Временное правительство приказало истребителям подняться в воздух, и «Акиву» сбили.

Между Маккавеями и армией начались стычки. В гневе Маккавеи отозвали свои батальоны из рядов израильской армии. Обе стороны бросали друг другу оскорбления и взаимные обвинения, пока все факты инцидента с «Акивой» безнадежно утонули в потоке брани и упреков. Маккавеи были полны озлобления.

Зато инцидент окончательно выяснил отношения. В

годы британского мандата Маккавеи своей непримиримой борьбой немало содействовали ослаблению власти англичан в Палестине и даже свержению этой власти. Теперь, когда англичане ушли, террор был скорее вреден, чем полезен; между тем Маккавеи отнюдь не были склонны подчиниться дисциплине, без которой невозможна настоящая армия. Их значение как боевой силы очень упало. Единственная одержанная ими победа была в Яфе, городе, где боевой дух был и без того не слишком высок. В других местах они потерпели поражение. Резня, устроенная ими в селе Неве-Садж, лежала несмываемым пятном на евреях. Маккавеи были отважные бойцы, но они по самой своей природе не признавали никакой власти. После случая с «Акивой» они превратились в озлобленную политическую группировку, главный принцип которой заключался в том, что все проблемы надо решать силой.

Переговоры с обеими сторонами длились уже целый месяц. Граф Бернадот и его американский помощник Ральф Банч, представлявшие Организацию Объединенных Наций, так и не смогли посадить стороны за один стол. Нельзя было ликвидировать за один месяц то, что создавалось в продолжение трех десятилетий. Кавуки в центральной Галилее то и дело нарушал соглашение о прекращении огня. Египтяне тоже не стали дожидаться, пока истечет срок соглашения о прекращении огня, и возобновили военные действия.

Это была большая ошибка, так как это дало повод евреям развернуть новое наступление. Если военные эксперты всего мира были ошеломлены стойкостью, с которой евреи отражали нападения, то теперь наступление израильской армии совершенно сбило их с толку.

Новая фаза войны началась с того, что израильские самолеты подвергли бомбежке Каир, Дамаск и Амман с тем, чтобы арабы не смели впредь бомбить Тель-Авив и Иерусалим. И действительно: с этих пор арабы не бомбили больше израильских городов. Израильские корветы перенесли войну на неприятельскую территорию, подвергнув бомбардировке ливанский город Тир, один из главных портов, куда арабы доставляли оружие.

Кибуц Эйн-Гев, расположенный на восточном берегу Генисаретского моря, долгие месяцы подвергался осаде. Жители кибуца дважды отражали атаки сирийцев. Теперь они сами перешли в наступление. Отважной ночной ата-

кой они взобрались на гору Суситу и сбросили оттуда сирийцев.

В центральной Галилее Ари Бен Канаан пошел на штурм Назарета, где окопался Кавуки. Войска Ари напрягая усилия до предела и выжав из боевой техники все, что можно было выжать, нанесли арабам сокрушительное поражение. Личный генерал иерусалимского муфтия получил звонкую пощечину и потерял Назарет. После падения Назарета пали и все остальные неприятельские деревни в центральной Галилее, а сам муфтий в панике сбежал во главе своей армии в Ливан. Теперь вся Галилея и все дороги находились в руках евреев.

В Баб эль-Ваде и в иерусалимском коридоре Горная бригада все больше раздвигала проход и двинулась на Бет-Лехем.

В Негеве евреи мертвой хваткой держали египтян за горло. Когда-то Самсон поджег хвосты тысячи лисиц и напустил их на филистимлян. Теперь моторизованные части, состоящие из джипов, вооруженных пулеметами — их так и называли: «Самсоновские лисицы» — молниеносно обрушивались на египетские тылы и арабские деревни. Осаде Негбы положили конец.

Но самую блестящую победу израильтяне одержали в Саронской долине, лежащей прямо против Треугольника. Все на тех же джипах, с бывшей бригадой «Ханита» во главе, они ворвались в Лидду и Рамле, арабские города, которые блокировали дорогу в Иерусалим. Они захватили аэродром в Лидде, самый крупный во всей Палестине, а затем повернули на север, с целью окружить Латрун. По пути они наголову разбили иракские части и прорвали осаду вокруг другого молодежного села, Бейт-Шемен. Как раз в тот момент, когда окружение Латруна должно было завершиться, арабы в один голос взмолились о новом прекращении огня.

Все израильские победы были одержаны всего за каких-нибудь десять дней.

Пока Бернадот и Банч вели переговоры о втором прекращении огня, арабский мир охватила паника. Абдалла, правитель Трансиордании, первый заметил надпись на стене. Он вступил в секретные переговоры с Временным правительством и обещал удержать Арабский легион от военных действий. Это позволило бы евреям сосредоточить все

внимание на египтянах. Взамен евреям пришлось обещать не наступать на Старый Иерусалим и на Треугольник.

Кавуки снова нарушил соглашение о прекращении огня, развязав наступление из Ливана. Когда срок прекращения огня истек, евреи провели «Операцию Хирам», названную так по библейскому царю Ливана, и навсегда превратили в дым честолюбивые мечты Кавуки и иерусалимского муфтия. Израильская армия разбила диверсантов наголову и преследовала их по пятам до ливанской территории. Ливанские деревни напоминали море простыней, вывешенных в знак того, что они сдаются. Покончив с Кавуки, израильские части вернулись на свою территорию, хотя ничто им теперь не мешало пойти на Бейрут или на Дамаск.

Очистив Галилею, восстановив порядок в Саронской долине, договорившись с Абдаллой, израильская армия взялась за египтян.

Тем временем арабы делали отчаянные усилия, чтобы найти какое-нибудь объяснение израильским успехам. Абдалла, правитель Трансиордании, обвинял во всем Ирак: иракским войскам не удалось, мол, напасть из Треугольника и разрезать территорию евреев надвое; и вообще иракцы сделали себя посмешищем. Ирак, который мечтал о создании Великого арабского государства, которым они правили бы, оправдывался, что им приходилось чересчур растягивать свой фронт. Неистовее всех орали сирийцы: они обвиняли американцев и западный империализм. Саудовская Аравия, выделившая солдат для укрепления египетской армии, обвиняла всех и вся. Египтяне обвиняли Трансиорданию, правитель которой, Абдулла, по их словам, продался евреям. Вместе с тем, одним из самых интересных побочных явлений войны за Независимость было то, как египетские радио и печать превращали каждое египетское поражение в победу. Если спросить самих египтян, то их армия шла от победы к победе. Ливанцы и немцы все больше отмалчивались: они были не слишком заинтересованы в этой войне.

Под непрерывными ударами израильских вооруженных сил миф о пресловутом арабском единстве лопнул окончательно. Взаимные объятия, рукопожатия, клятвы в вечном братстве уступили место распрям, взаимным угрозам и, наконец, убийствам. Абдаллу убили фанатики, когда он возвращался из мечети Омара в Старом городе. Египет-

ского короля Фарука свергла клика милитаристов, язык которых поразительно походил на язык «Майн Кампф» Гитлера. Интриги и убийства, извечная арабская игра, снова свирепствовали повсюду.

В Негеве израильская армия, теперь хорошо оснащенная и действующая более слаженно, завершала последний этап войны. Сувейдан, чудовище пустыни, так долго мучившее кибуц Негбу, пал. Именно здесь, в Сувейдане, египтяне сопротивлялись мужественнее всего.

В Фалудже египтяне попали в окружение. Впоследствии, когда было заключено перемирие, евреи сняли осаду с Фалуджи. Среди египетских офицеров, попавших в окружение, находился молодой капитан, которому предстояло сыграть впоследствии ведущую роль в свержении короля Фарука. Это был Гамаль Абдель Насер.

Гордость египетского флота, крейсер Фарук, попытался обстрелять одну еврейскую позицию буквально накануне перемирия, чтобы таким образом заполучить тактический козырь. Израильские мотолодки, нагруженные динамитом и пущенные на крейсер, во весь опор налетели на него, взорвали и потопили.

Беер-Шева — Семь родников, — город праотца Авраама, пал осенью 1948 года в результате неожиданной израильской атаки. Египтяне окопались и построили такую сильную оборону, что казалось — пробить ее ни под каким видом не удастся. И снова евреи использовали хорошее знание местности. Они нашли древнюю Набатеюскую тропу, которой была уже не одна тысяча лет, по ней они обошли укрепления египтян и напали с тыла.

С этих пор началось паническое бегство. Израильская армия погналась за бежавшими египтянами, обошла полосу Газы и проникла на Синайский полуостров.

« Господь послал в него дух опьянения; и они ввели Египет в заблуждение во всех делах его, подобно тому, как пьяный бродит по блевотине своей. И не будет в Египте такого дела, которое совершить умели бы голова и хвост, пальма и тростник. В тот день египтяне будут подобны женщинам, и вострепещут и убоятся движения руки Господа Саваофа, которую он поднимет на них».

Слова пророка Исайи сбылись!

Англичане, сидевшие на Суэцком канале, забеспокоились. Видя разгром египтян, они испугались, как бы евреи не добрались до самого канала. Они потребовали поэтому,

чтобы евреи остановили продвижение, в противном случае им придется иметь дело с британской армией. В виде предостережения англичане подняли в воздух самолеты «Спитфайр». Было логично, что последние боевые действия Войны за Независимость евреям пришлось вести против англичан. Израильские Военно-Воздушные Силы сбили шесть английских истребителей. Потом Израиль уступил международному нажиму и дал египтянам спастись. Разбитая египетская армия кое-как успела снова построиться и с невероятной наглостью вступила в Каир и устроила там «парад победы».

Война за Независимость вошла в историю!

Переговоры вокруг заключения перемирия длились месяцами. Веками еще будут спорить о том, как это все случилось. Эксперты были сбиты с толку, и реалисты растерялись.

Арабское население Палестины давно уже примирилось с возвращением евреев и было готово жить в мире, тем более что принесенный после тысячелетнего застоя прогресс обещал самим арабам немалую выгоду. Они и раньше не хотели воевать, а теперь и подавно. Их обманули демагоги, которые в минуту опасности первыми спасались бегством. Их толкало не мужество, а массовая истерия. Их сбили с толку трескучими фразами, которых они не понимали и в которые еще меньше верили. Им вдалбливали в головы расистские теории, а главное, страх перед «воинственным» сионизмом, которого никогда и в помине не было. Арабские вожди злоупотребляли невежеством масс в собственных корыстных целях.

Небольшая часть арабов и их армий сражалась мужественно. О подавляющем большинстве этого сказать нельзя. Им обещали легкие победы, добычу, свободу грабить. Они подбадривали друг друга ложной иллюзией арабского единства. На поверку же оказалось, что «дело» не стоило того, чтобы проливать за него кровь.

Ни у кого не возникало ни малейших сомнений в готовности евреев отдать жизнь за Израиль. В конце концов они остались одни и кровью добились того, что совесть всего человечества еще до того признало их законным правом.

И вот, Маген-Давид, шестиконечная звезда Давида, которая двадцать веков была в загоне, снова засияла от Эйлата до Метулы, чтобы никогда больше не заходить.

В результате Войны за Независимость возникла одна из самых запутанных проблем века; проблема, вокруг которой велись нескончаемые и ожесточенные споры, а именно — проблема арабских беженцев. Свыше полумиллиона палестинских арабов покинули свои дома и переехали в соседние арабские страны. Все разговоры о том, как быть с этими людьми, тут же вырождались в гневные препирательства, во взаимные обвинения, в результате чего все до того безнадежно запуталось, что превратилось в политическую мину замедленного действия.

И снова Барак Бен Канаан был призван сослужить службу своему отечеству. Правительство Израиля поручило ему тщательно изучить, казалось, безвыходное положение. Он всесторонне исследовал проблему и изложил свои выводы в подробном докладе, занявшем несколько сот страниц.

В сопроводительном коротком резюме Барак внес ясность в эту проблему, как будто не поддававшуюся разрешению.

ВЫВОДЫ ПО ВОПРОСУ АРАБСКИХ БЕЖЕНЦЕВ.

Самым спорным событием, в результате Войны за Независимость является проблема палестинских беженцев. Эта проблема стала могущественнейшим политическим оружием в арабском арсенале.

Арабы пространно расписывают страдания этих жертв войны, выставляя лагеря, в которых живут арабские беженцы, как образец пресловутой еврейской жестокости. И действительно, каждый, кто видит этих несчастных, не может не испытывать к ним сострадания.

Арабы хотят внушить мировой общественности, что во всем мире только и есть что палестинские беженцы. Между тем это совершенно не соответствует действительности. После каждой войны имеются бездомные беженцы и перемещенные лица. Даже сегодня, пять лет после Второй мировой войны, в Европе и Азии насчитываются десятки миллионов беженцев. Такова природа войны.

Если бы арабские руководители приняли к исполнению решение высшего международного форума и сами не нарушили бы закона, никакой проблемы арабских беженцев не возникло бы. Эта проблема возникла как непосред-

венный результат агрессивной войны, развязанной арабами с целью уничтожения народа Израиля.

Арабы сами создали проблему палестинских беженцев. После принятия в ноябре 1947 года резолюции ООН о разделе Палестины, палестинское еврейство умоляло арабов сохранить спокойствие, добрососедские отношения, уважать неотъемлемые, законные права еврейского народа.

Несмотря на открытую агрессию, государство Израиль протянуло в своей Декларации о Независимости руку дружбы арабским соседям, которые как раз в это время нарушили его границы.

В ответ на дружеское обращение Израиля арабы недвусмысленно заявили о своем стремлении истребить еврейский народ и уничтожить государство Израиль.

Как ни странно, а большинство палестинских арабов бежало еще до нападения на Израиль. Они бежали, главным образом, из Яффы, Хайфы и Галилеи, где бои были сравнительно не слишком упорными.

Главная причина состояла в том, что палестинским арабам внушили дикий страх. Десятилетиями руководители-расисты вдабливали им в голову идею массовых убийств. Эти вожди играли на невежестве, суеверии и фанатизме феллахов. Они никогда не исходили из интересов феллахов, а только из своих собственных. Они продавали и предавали народ без зазрения совести. Слепой страх и невежество обусловили первое бегство арабов. Был ли этот страх оправдан? Нет! Только в одном населенном пункте, в Неве Садий, имела место непростительная резня ни в чем не повинных людей. Всех остальных арабов, оставшихся в Палестине, не трогали. Ни одна арабская деревня, не принимавшая участия в военных действиях, не пострадала от действий евреев.

Что же касается Неве Садий, уместно добавить, что этот единственный случай еврейской жестокости — имевший, к тому же, место в разгар войны — бледнеет перед множеством кровавых погромов, организованных арабами в течение трех десятилетий формального мира.

Вторая причина бегства палестинских арабов заключается в том, что, как это неопровержимо установлено, арабские вожди сами подбивали мирное арабское население покинуть Палестину, чтобы таким образом получить в руки политическое и военное оружие.

Арабские генералы планировали поголовное истребле-

ние евреев многочисленное мирное арабское население только мешало бы свободе их действий.

Политические деятели хотели доказать бесчеловечность евреев, ссылаясь на то, что арабов будто бы «выгнали силой» из их домов. Военные действия, имевшие место в дальнейшем, только усугубили проблему арабских беженцев. Те арабские деревни, которые активно воевали против государства Израиль, были взяты в бою, а арабы высланы. Никому и в голову не придет, что мы должны просить у кого-нибудь извинения за это.

Имеются неопровержимые документы, подтверждающие, что арабам обещали возможность вернуться по домам после арабской победы и грабить побежденный Израиль. Враждебность арабов по отношению к Израилю после войны — общеизвестный факт. В нарушение международных соглашений они закрыли перед израильскими судами Суэцкий канал; они бойкотируют экономику Израиля, шантажируют иностранные фирмы, нападают на пограничные села и непрерывно грозятся развязать новую войну и уничтожить Израиль. Принимая во внимание все это, просто немисливо, чтобы Израиль даже подумал о возможности возвращения враждебно настроенного меньшинства, открыто заявляющего о своем стремлении уничтожить Израиль.

Мы подошли к самому ужасному обстоятельству, касающемуся арабских беженцев. **Эти люди не нужны арабским государствам.** Их держат взаперти, как зверей, и сознательно пользуются их страданиями как политическим оружием. Приведем только один пример. В Газе шоссе заминированы и постоянно контролируются, чтобы беженцы не могли пробраться в Египет.

Объединенные Нации создали фонд в двести миллионов долларов для устройства палестинских беженцев. На огромной территории арабского мира, насчитывающей семь миллионов квадратных миль, имеются большие просторы плодородной, но не обрабатываемой земли. Взять, например, долину, расположенную между Тигром и Ефратом. Это одна из самых плодородных долин в мире, а проживает там кучка бедуинов. В одной этой долине можно поселить не только полмиллиона беженцев, но и еще десять миллионов.

Из всего фонда ООН на устройство беженцев не был использован ни один цент.

С другой стороны, Израиль, бедная страна, чьи семь тысяч квадратных миль — наполовину бесплодная пустыня, принял уже свыше полумиллиона еврейских беженцев из арабских стран и готов принять еще столько же.

Арабы утверждают, что палестинские беженцы сами не хотят, чтобы им помогли устроиться на новом месте, а требуют свои хозяйства в Палестине. Это чистейший вздор. Арабы проливают крокодиловы слезы по поводу великой любви, которую эти бедные феллахи якобы питают к родным местам. Факты же говорят о том, что эти же арабские вожди обманули феллахов, использовали их в своих собственных целях, затем предали, и теперь снова используют их. Их держат взаперти, их пичкают ненавистью, и все это только для того, чтобы поддерживать ненависть арабов к Израилю на точке кипения.

Если бы арабы Палестины действительно любили свою страну, их нельзя было бы прогнать оттуда, а тем более они бы не убежали сами, когда и причины настоящей не было. Арабам нечего было любить, и подавно не ради чего было воевать. Так не поступают люди, которые любят свою страну.

Человек, который любит свою страну, будет стоять за нее на смерть.

Арабы распространяют по всему миру сказки, что государство Израиль преследует, дескать, экспансионистские цели. Уму непостижимо, как нация, не насчитывающая даже одного миллиона человек, может преследовать захватнические цели по отношению к пятидесяти миллионам.

Арабам нужно по меньшей мере сто лет мира.

Арабам нужны настоящие руководители, а не шейхи пустыни, владеющие тысячами рабов; не пылающие ненавистью религиозные фанатики; не военные клики; и не люди, образ мыслей которых полностью принадлежит к средним векам. Арабам нужны руководители, которые обеспечат им гражданские свободы, образование, медицинское обслуживание, земельные реформы, равноправие.

Им нужны руководители, у которых хватит мужества взяться за решение настоящих проблем: невежества, безграмотности, болезней, вместо того, чтобы размахивать знаменем напыщенного ультра национализма и проповедывать преступную идею, что уничтожение Израиля решит все их проблемы.

Увы, каждый раз когда появляется такой просвещенный

арабский руководитель, его обычно тут же убивают. Арабы не желают устройства беженцев, облегчения их положения, и подавно они не желают м и р а.

Израиль является сегодня важнейшим фактором, призванным вывести арабов из средневековой тьмы.

Только тогда, когда у арабских народов появятся руководители, готовые пожать протянутую им руку дружбы с Израилем, они смогут приступить к решению тех проблем, из-за которых они до сих пор прозябали в нравственном и физическом отношении.

Барак Бен Канаан.

К Н И Г А П Я Т А Я

НА ОРЛИНЫХ КРЫЛЬЯХ

**Глас вопиющего в пустыне: приготовьте
путь Господу, прямыми сделайте в степи
стеzi Богу нашему.**

**А надеющиеся на Господа обновятся в силе;
поднимут крылья как орлы, потекут и не
устанут,
пойдут и не утомятся.**

Исаия.

Г Л А В А 1

НОУМ, АЛЯСКА. КОНЕЦ 1948 ГОДА.

Весь воздушный парк авиалинии «Северный полярный круг» состоял из трех грузовых машин, списанных из Военно-воздушных сил и приобретенных Стречем Томпсоном в кредит.

Стреч служил на Аляске во время войны. Он прослыл там неглупым малым с богатейшим воображением, в особенности когда речь шла о том, чтобы увильнуть от честного труда. Зимой ночи на Аляске длинные, и у Стреча Томпсона было много досуга для размышлений. Его размышления вращались главным образом вокруг того, как бы использовать нетронутые богатства Аляски и избежать честного труда. Чем длиннее становились ночи, тем упорнее Стреч напрягал свой мозг. И однажды ночью его осенило: крабы!

Вдоль всего берега тянулись девственные залежи гигантских северо-атлантических крабов, достигавших шестнадцати дюймов в поперечнике. Не может быть, чтобы при некоторой инициативе нельзя было приучить американскую публику к этим крабам. Они прямо пальчики оближут! Ему потребуется не больше года, и его крабы станут в Америке таким же деликатесом, как омары, черепахи и мидии. Он мог бы упаковывать этих гигантских ракообразных в лед и доставлять их в Штаты самолетом. Перекупщики с руками оторвут. Не успеешь оглянуться, как он разбогатеет. Вся страна будет знать Стреча Томпсона, короля крабов.

Получилось все не совсем так, как предусмотрел Стреч. Оказалось, что человечество еще не доросло до его Королевских крабов. Всегда получалось так, что самолет, бензин, зарплата летчика обходились ему дороже, чем выручал он за своих крабов. Однако Стреч был не из тех, кто сразу сдается. Хитроумной бухгалтерией и своим бойким языком ему удавалось отбиваться от кредиторов и, хорошо

ли, плохо ли, он продолжал ходить в директорах авиакомпаний. Пусть у него и не было ничего, кроме проволоки, слюны да жевательной резинки, но он все-таки ухитрялся держать на лету свои три машины. Когда казалось, что никакой надежды больше не осталось, его всегда выручал какой-нибудь выгодный груз.

Единственное, в чем Стречу везло, так это с главным — частенько единственным — летчиком, Фостером Джи Мэк Уилльямсом, известным под кличкой «Текс» и родом, конечно, из Техаса. Фостер Джи служил в ВВС еще в войну и был, как выражался Стреч, «самым чертовским старшим пилотом, когда-либо служившим в этих чертовских авиакомпаниях». Ловкость Фостера Джи Мэк Уилльямса была до того велика, что никто в Ноуме не решился бы поставить против него и цента, если бы он взялся, скажем, посадить свой Си-47 на самом краю айсберга в лютую пургу и будучи вдребезги пьяным. Собственно, Стреч не раз даже пытался организовать такое пари, достаточно крупных размеров, чтобы игра хоть стоила свеч, но каждый раз что-нибудь мешало: то стихала пурга, а то Фостер никак не пьянел...

Мэк Уилльямс был истым бродягой. И он любил летать. Не просто летать по скучной трассе с заранее расписанным маршрутом и на первоклассной машине. Скучно. Вот рискованные полярные полеты — это другое дело.

В один прекрасный день Мэк Уилльямс зашел в будку, стоящую в самом конце взлетной дорожки и служившую одновременно конторой, диспетчерской и жильем для Стреча Томпсона.

— Ну его к чорту, Стреч! — буркнул он. — Мороз сегодня такой, прямо кишки коченеют.

Стреч состроил невинное лицо пресловутой кошки, только что проглотившей канарейку.

— Фостер, — сказал он, — а как ты смотришь на то, чтобы податься в более теплые края? Полный расчет, это само собой.

— Тебе все до шуток, а меня от них прямо тошнит.

— Я не шучу, Текс. Ты в жизни не отгадаешь...

— А что такое?

— Угадай.

Фостер пожал плечами:

— Ты продал свою лавочку.

— Точно.

Фостер Джи Мэк Уилльямс свистнул.

— Где ж ты дурака такого нашел?

— Мне их анекдотные данные ни к чему. Я проверил их чек, и он оказался настоящим. Вот и все, что мне нужно, как сказала детка в кабачке.

— Да неужели! Но это же чудно, Стреч. Эта твоя лавочка мне уже так или иначе начала надоедать. А сколько мне, по твоему, причитается?

— Вместе с премиальными что-то около четырех тысяч. Фостер Джи Мэк Уилльямс свистнул.

— Ого, вот мне теперь будет лафа! Назююкаюсь так, что до самой Южной Америки хватит. Потому что я беру курс именно туда, Стреч. Подхалтурю там немножко. Я слышал, они там платят шальные деньги за переправку динамита через Анды.

— Да, но тут есть одна загвоздка..., — сказал Стреч.

— Я так и думал.

— Дело в том, что мы должны доставить наши три машины новым хозяевам. Двух парней я уже нашел, а вот для третьей машины — никак никого не найду.

— Ты хочешь сказать этим, что кроме меня нету дурака, который согласился бы летать на этом твоём примусе номер три? Что ж, пускай так. Куда надо доставить?

— В Израиль.

— Куда?

— В Израиль.

— В жизни не слышал.

— Я как раз сам искал на карте, когда ты вошел.

Стреч Томпсон и Фостер Джи Мэк-Уилльямс облазили карту обоих полушарий вдоль и поперек. Они искали добрых полчаса. Все тщетно. Наконец Текс выпрямился.

— Ты знаешь что, Стреч. Кажись, кто-то подшутил над тобой.

Они съездили в Ноум, обошли все кабаки, все распрашивая, где бы мог находиться этот Израиль. Один или двое что-то слышали о нем, но точно ничего сказать не могли. Стреча уже стал было прошибать пот несмотря на мороз, когда кто-то посоветовал им разбудить хозяина книжной лавки.

— Да ведь это же Палестина, — сердито заорал хозяин. — И ради этого вы врываетесь ко мне среди ночи!

Поискав еще немного на карте, они наконец нашли.

Фостер в сомнении покачал головой:

— Чорт возьми, Стреч, — проворчал он, — да ведь эта страна свободно вместится на айсберге средних размеров. Если не держать ухо востро, запросто пролетишь мимо.

Три недели спустя Фостер Джи Мэк-Уильямс посадил машину номер три авиакомпании «Северный полярный круг» на аэродроме в Лидде. Стреч Томпсон вылетел за неделю до этого и встретил его в аэропорту. Фостера провели в контору, на двери которой была прибита табличка, гласившая: ПАЛЕСТИНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АВИАКОМПАНИЯ, С. С. ТОМПСОН, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР.

Фостер Джи Мэк-Уильямс сразу почувствовал, что дело нечисто.

— Как слетал, старик? До чего же я рад видеть твою рожу!

— Чудненько слетал. Теперь гони валюту, старик, и я быстренько смотаюсь в Париж. У меня наклеывается выгоднейшее дельце, через месяц мне нужно явиться в Рио.

— Конечно, конечно, — ответил Стреч. — У меня уже и чек для тебя выписан. Вот он у меня здесь в сейфе.

Фостер Мэк-Уильямс таращил глаза на чек.

— Ого, четыре тысячи пятьсот монет и никаких нолей, — вслух прочитал он.

— Последние пять бумажек я подбросил, чтобы доказать тебе, что Стреч Томпсон не жмот.

— О, ты парень-гвоздь, я это всегда говорил.

— Между нами, Текс, это в высшей степени занятное место.

— Тут все — сплошь евреи. Я уже неделю тут и никак не привыкну.

Фостер не решался спросить Стреча, чего ему здесь надо. Под конец он все таки спросил.

— Посмотри на табличку, она тебе все расскажет. Палестинская Центральная Авиакомпания. Название я лично придумал. Тут видишь какое дело: эти ребята понятия не имеют о том, как приступить к созданию первоклассной авиакомпании. Они предложили мне взяться за это дело. Я им сказал: — Первым делом, ребята — если, конечно, вы хотите иметь настоящую авиакомпанию, первым делом вам нужно позаботиться, чтоб у вас был первоклассный старший пилот. У меня как раз есть на примете са-

мый чертовский старший летчик из всех, кто когда-либо служил...

— Ну, ладно; мне, брат, некогда. Будь здоров, когда-нибудь встретимся, — сказал Фостер, быстро встав с места.

— Да ты словно на пожар.

— Пожар, не пожар, но мне нужно в Париж.

— Я тебе дело предлагаю.

— Не надо мне никаких дел.

— Да ты хоть послушай.

— Чего ж, послушать можно, но я предупреждаю: ничего из этого не выйдет. Мне нужно в Париж. Хоть вплавь, но доберусь.

— Ну, так вот. Как я тебе уже сказал, тут везде одни евреи. Они купили у меня «Северный полярный круг», чтобы доставить сюда еще евреев. Ты только послушай, этих евреев во всем мире — хоть пруд пруди, и все они хотят сюда. Наше с тобой дело — доставка. Неужели ты не понимаешь? Рейс — и деньги на бочку! За каждое рыло. Да ведь тебе никогда такое и не снилось, Текс, дружище! Ты ведь меня знаешь... я зря трепаться не стану. Ты только держись за меня, Текс, и будешь прямо купаться в деньгах.

— Нет уж, я лучше выкупаюсь в другом месте. Напишу тебе открытку из Рио.

— Что ж, Фостер... буду с удовольствием вспоминать вас.

— Ну вот, ты уже сердисься!

— Кто сердится? Никто не сердится.

— Все-таки мы с тобой хорошо поработали там в Ноуме.

— Еще бы! Я себе там все кончики пообморозил.

— Ладно, дай лапу, — сказал Фостер. Стреч вяло пожал ему руку на прощание.

— Ну тебя к богу в рай, Стреч! У тебя такая рожа, будто я тебе нож собираюсь всадить в ребра.

— Буду с тобой откровенен, Фостер. У меня беда. Получилась молния, что где-то, в каком-то Адене сидит куча этих евреев и ждет не дождется, чтобы их оттуда вывезли. Я было нанял пилотов, но они меня подвели.

— Не повезло, значит. Что ж, от души сочувствую. Но помочь ничем не могу. Я отправляюсь в Париж.

— Конечно, — ответил Стреч, — лети, если так уж приспичило. Я на твоём месте тоже улетел бы. Я к тебе не в претензии. Эти ребята, которых я было нанял, сразу

дали тягу, как только услышали, что это довольно опасный рейс: арабы могут еще открыть огонь по самолету.

Фостер был уже почти у двери. Он внезапно остановился и обернулся к Стречу.

— Валяй, валяй, Фостер. Ты, конечно, прав, какой тебе смысл рисковать? Еще, чего доброго, собьют. Скажу тебе правду, это опасный рейс... пожалуй, даже опасней, чем переправка динамита через Анды.

Фостер Джи Мэк-Уильямс провел языком по губам. Стреч подлил еще масла в огонь, но он уже знал, что Фостер клюнул.

— Я тебе вот что скажу, Стреч. Чтобы выручить тебя, я, пожалуй, слетаю в этот рейс. Но ты уж загодя поищи других ребят к тому времени, когда я вернусь. Этот рейс — ладно, но только этот. Ну, где этот твой Аден?

— Понятия не имею.

— Тогда давай сюда карту, поищем.

Когда Фостер Джи Мэк-Уильямс, американский бродяга, в прошлом летчик «Северного полярного круга», а теперь «Палестинской Авиакомпании» поднялся в воздух с аэродрома в Лидде, он открыл новую фантастическую страницу хоть и двадцатого века, но взятую словно из «Тысячи и одной ночи».

Он взял курс на Аден, британский протекторат на южной оконечности Аравийского полуострова, напрямик вдоль Красного моря.

Эта сказка началась, в сущности, за три тысячи лет до Фостера в древней Саве. В дни Царицы Савской южная часть Аравийского полуострова была богатейшей страной. Жители этой страны овладели искусством строить каналы, плотины и водохранилища, и благодаря этому превратили свою страну в цветущий сад.

Когда Царица Савская приехала с визитом к Царю Соломону, группа подданных царя Соломона выехала из Израиля в Саву, чтобы проложить торговый путь через пустыню вдоль Красного моря и обосноваться там. Евреи прибыли в Саву еще в библейские времена, задолго до падения первого храма.

Евреи столетиями процветали в Саве. Они создали там собственные поселения и прекрасно ладили с многочисленными местными племенами. Они заняли со временем ру-

ководящее положение при дворе и пользовались в стране всеобщим почетом.

Затем наступили страшные годы. Медленно, но неумолимо плодородная земля превращалась в песчаную пустыню. Вади высохли, и дождевая вода бесследно исчезала в выжженной солнцем земле. Люди и животные изнывали под палящим солнцем, и борьба за каплю воды стала в буквальном смысле слова борьбой за жизнь. Сава, страна изобилия, и соседние с ней страны распались на враждующие между собой племена, и войнам не было конца.

Когда по миру победоносно пронесся Ислам, евреи пользовались вначале не только религиозной свободой, но и уважением. Законы, написанные самим Магомедом и обязательные для всех мусульман, предписывали благожелательное отношение к евреям.

Однако равноправие евреев было недолговечным. Вскоре во всех мусульманских странах к каждому гражданину, не исповедующему Ислам, стали относиться с презрением как к неправовверному. По-своему, арабы, хоть и неохотно, а все-таки питали к евреям известное уважение и относились к ним с некоторой терпимостью. Еврейские погромы в арабских странах не имели ничего общего с умышленным европейским геноцидом, а были, скорее, внезапными взрывами насилия. Арабы были слишком заняты собственными распрями, чтобы уделять внимание маленьким ручным евреям, населявшим страну, которую звали теперь уже не Сава, а Йеменом: вековой гнет лишил этих евреев какой бы то ни было воинственности.

Как и во всех арабских странах, евреи считались и здесь неполноценными гражданами. Они подвергались обычной дискриминации, с них взимались специальные налоги, их всячески преследовали, им отказывали в равных гражданских правах с мусульманами. Степень преследования была не всюду одинакова: она вариировала в зависимости от того, кто был как раз у власти в той или иной стране.

Были, однако, и постоянно действующие законы: еврей не имел права повышать голос в присутствии мусульманина, строить дом выше мусульманского, дотрагиваться до мусульманина или обходить его с правой стороны. Еврей не имел права ездить верхом на верблюде, так как в таком случае его голова возвышалась бы над мусульманами. В стране, где верблюд был основным транспортным сред-

ством, это было весьма чувствительное ограничение. Евреи жили в «меллах», восточной разновидности еврейского гетто.

Мир развивался и менялся. В Иемене время застыло на месте. Он оставался таким же первобытным, как джунгли, и таким же недосыгаемым, как Непал или Внешняя Монголия. В Иемене не существовало ни больниц, ни школ, ни газет, типографий, радио, телефона или автострад.

Это была страна пустынь и трудно доступных гор, по которым извивались только тропы верблюжьих караванов. На высоте в три тысячи метров гнездились городишки, а вокруг простиралась тысячи квадратных километров пустыни. Население было почти полностью безграмотным. Таков был Иемен: отсталый, всеми забытый, брошенный, дикий — его границы, и те никогда точно установлены не были.

Правил Иеменом Имам, потомок Магомета и личный представитель Аллаха, Всепрощающего и Премилосердного. Имам Иемена правил в полном смысле слова самодержавно. Он распоряжался жизнью каждого подданного. Он распоряжался всем золотом страны и кофейными плантациями подданных. Он не отвечал ни перед каким Советом министров. Он не создавал никаких ни гражданских, ни общественных учреждений. Он правил страной, ловко лавируя между племенами, натравливая их друг на друга, поддерживая то одних, то других, и разжигая все снова и снова взаимные распри в жаркой пустыне. Непокорные племена он обуздывал тем, что похищал их вождей и держал их заложниками. У него были сотни рабов. Утопая в роскоши и скрестив под собой ноги, он чинил суд над подданными, сообразуясь исключительно со своим здравым смыслом или произволом, повелевал отрезать носы у проституток и отрубать руки у воров. Он презирал цивилизацию и делал все, что было в его силах, чтобы не дать ей проникнуть в его владения, хотя ему и приходилось изредка идти на уступки из-за северного могущественного соседа, правившего Саудовской Аравией и любившего участвовать в международных интригах.

Имам страшился цивилизации еще и потому, что цивилизованный мир всячески стремился наложить руку на его страну. Как ни бедна была его страна, но она была расположена в таком месте, откуда открывался путь на Восток через Красное море. То и дело Иемен превращал-

ся в поле битвы из-за вожделений колонналистов завладеть этой страной.

По отношению к евреям Имам с давних времен вел себя с известной благожелательностью. Поскольку евреи оставались покорными, постольку он им оказывал некоторое покровительство. Имам был осторожным деспотом: евреи были самыми искусными мастерами в стране. Поколения мастеров довели до очень высокой ступени обработку серебра и ювелирное искусство, скорняжное и кожевенное дело, столярное и сапожное искусство и сотни других ремесел, которым большинство арабов так и не научилось. Арабы занимались либо сельским хозяйством, либо разбоем на большой дороге. Таким образом, благодаря своему мастерству евреи пользовались известным покровительством.

Тот факт, правда, что евреи Йемена остались евреями, граничил с чудом. В продолжение трех тысяч лет эти люди не поддерживали связей со внешним миром. Им жилось бы, конечно, гораздо легче, если бы они перешли в ислам. Однако иеменские евреи неукоснительно придерживались Торы, соблюдали ее предписания, субботу и остальные религиозные праздники, несмотря на века полнейшей изоляции. Многие из них не знали арабской грамоты, но древнееврейский язык они знали все. Печатных станков не было: все священные книги были тщательнейшим образом написаны от руки и передавались из поколения в поколение.

Временами на них сильно нажимали, чтобы они отреклись от еврейства и перешли в ислам, но они не поддавались. Когда Имам начал забирать сирот и обращать их в мусульманство, евреи ввели правило немедленно женить сирот, не считаясь с их возрастом. Были случаи, когда женили детей, которым не было еще и года.

Своей внешностью, одеждой, образом действий и мышления современные евреи Йемена очень напоминали древних пророков. Как и в библейские времена, среди них было распространено многоженство. Они верили в дурной глаз и в дурное поветрие, они верили во всевозможных злых духов, против которых они защищались амулетами. Они верили в каждую букву, содержащуюся в Библии.

Проходили века за веками, а иеменские евреи никогда не переставали тосковать по Иерусалиму. Они терпеливо ждали Господнего слова, которое приказало бы им «пу-

ститься в путь». Время от времени отдельные люди или небольшие группы евреев ухитрялись выбраться из Йемена. Они немедленно переезжали в Палестину и создали там небольшую общину.

Наконец они дождались Господнего слова, как оно и было обещано пророками!

После провозглашения независимости Израиля, Йемен объявил войну Израилю и направил небольшое войско в ряды египетской армии. Это послужило иеменским евреям доказательство, что Израиль воспрял. Их раввины утверждали, что именно это и было долгожданным посланием от Господа. Царь Давид вернулся в Иерусалим! Их долгое ожидание пришло к концу! Хахамы — то-есть мудрецы — общины велели им подняться и отправиться в Землю Обетованную на орлиных крыльях!

Когда первые слухи об этом иеменитском Исходе дошли до Израиля, война за независимость была еще в полном разгаре. Сколько этих иеменитов, каким образом их доставить в Израиль, что с ними делать, никто точно не знал.

Главный хахам отправился к Иمامу и потребовал от него, чтобы он отпустил евреев. Из ряда политических и экономических соображений Всемиловый предпочитал евреев не отпускать. В ответ раввин подал Иمامу добрый совет: хорошенько познакомиться с соответствующими главами книги Исхода.

Скрестив под собой ноги, Имам просидел несколько дней в гареме и усиленно думал. Хахам попал прямо в точку. Мысль о десяти казнях не выходила из головы Иمامа. Незадолго до появления раввина, в стране свирепствовал тиф, в результате которого погибла добрая четверть населения. Он решил, что это Аллах его предостерег.

Имам дал согласие на выезд евреев, но поставил ряд условий: они должны оставить все свое имущество, они должны внести особую пошлину, они должны оставить в стране несколько сот заложников, которые бы обучили мусульман ремеслам.

Иеменские евреи оставили свои земельные участки и дома. Они собрали все, что могли унести, и пустились в путь по диким, непроходимым горам, под палящим солнцем и сквозь песчаные бури пустыни.

Они шли на запад, в сторону Аденского протектората, низкорослые добродушные люди с кожей оливкового цве-

та и тонкими чертами лица. Головным убором им служила чалма, а одеждой им служили те же полосатые халаты, какие носили еще при дворе царя Соломона. Женщины Сааны носили черные балдахины с белой каймой, а детей они носили в платках на спине. Так они тащились во исполнение древнего пророчества, служа легкой добычей для арабских племен, отнимавших их убогие пожитки под видом дорожного побора.

Британские протектораты, расположенные вдоль побережья Аравийского полуострова, состояли из множества больших и малых арабских княжеств и бедуинских племен, которые тянулись от самого Красного моря вдоль Аденского залива через Аравийское море к Персидскому заливу.

Англичане правили всем этим районом на основе множества всевозможных договоров, обеспечивавших им нефтяные концессии взамен денег и оружия. Вместе с тем англичане пытались утихомирить враждующие между собой племена и обеспечить безопасность в районе.

Ключем всего Западного протектората была британская колония Аден. Аденский порт, населенный греками, англичанами, арабами и евреями, служил связующим звеном между Востоком и Западом. В нем, как в калейдоскопе, пестрела восточная лень и азиатская экзотика вперемежку с английской чопорностью и зачатками промышленного прогресса, а над всем этим царила невообразимая суматоха портового города. Этот город вызывал в одно и то же время захватывающий интерес и брезгливое отвращение.

Порт Аден и был целью иеменитского Исхода. Сначала англичане не знали хорошенько, как им быть с этими людьми, хлынувшими караван за караваном через границу, словно со страниц Библии. Они все еще злились на евреев из-за потерянного мандата, но к иеменитам они не могли питать неприязни. Англичане разрешили иеменитам перейти границу и разбить палатки на Аденской территории, но поставили условие, чтобы израильтяне их тут же забрали в Израиль.

У евреев, прошедших весь путь из Иемена, был ужасный вид. Они дотащились одетые в лохмотья, грязные и истощенные от голода и жажды. Почти все, что у них было с собой, разграбили в пути арабы. Однако каждый мужчина принес свою библию, и каждая деревня везла с собой священную Тору из сельской синагоги.

В Хашеде, неподалеку от Адена, спешно построили лагерь.

Израильские бойцы несли охрану вдоль границы между Западным протекторатом и Йеменом. Как только проносился слух, что новый караван на подходе, они немедленно направляли машины к границе и доставляли беженцев в Хашед. В самом Хашеде не хватало ни персонала, ни вообще ничего. Лагерь никак не успевал угнаться за все прибывающими новыми массами беженцев.

Вдобавок работники лагеря столкнулись с новой трудностью: на этот раз выдавшие виды израильтяне имели дело с полудиким народом в полном смысле этого слова. Йемениты никогда в жизни не видели ни водопровода, ни туалета, ни электрического света. Эта община внезапно перепрыгнула расстояние в три тысячи лет. Автомобили, медицина, западное платье и тысячи других вещей внушали им подозрение и страх. Это была нечеловечески трудная работа.

Женщины оглушительно визжали, когда врачи и сестры пытались снять с них завшивевшие лохмотья и переодеть их в чистое платье. Они ни за что не соглашались, чтобы их подвергли медицинскому осмотру и яростно отбивались от прививок и уколов. Работникам лагеря приходилось все время воевать с ними, чтобы отобрать у них детей, нуждавшихся в срочной госпитализации вследствие острого недоедания.

К счастью, они все-таки нашли выход из положения, и только благодаря этому врачи и сестры могли продолжать свою работу. Работники лагеря, в большинстве своем израильтяне, хорошо знавшие Священное писание, напали на мысль обращаться каждый раз к раввинам общины и отсылать их к соответствующему месту из Библии. Этим путем всего можно было добиться. Если только так написано в «Книге», иемениты сразу соглашались на все.

Лагерь в Хашеде все рос и рос, а иемениты все прибывали и прибывали. По соглашению, заключенному с англичанами, Израильское Временное правительство было обязано срочно вывести их из Адена. Таким-то образом «Северный полярный круг» перевоплотился в «Палестинскую центральную авиакомпанию», а Фостер Джи Мэк-Уилльямс сам того не ведая, исполнил незапамятное пророчество, спустившись с неба на первом из гигантских «орлов».

Прибытие самолета вызвало неопишемое возбуждение.

Первая группа забрала свою Тору и свои бурдюки и последовала на аэродром. Они смотрели на «орла» и многозначительно кивали: это его Господь послал, как Он, впрочем, и обещал. Когда их, однако, попросили подняться на борт, они наотрез отказались. Раввин группы вспомнил вдруг, что сегодня суббота. Начался жаркий спор. Начальник лагеря втолковывал им, что тысячи и тысячи людей ждут не дождутся отправки в Израиль, и что просто нечестно задержать «орла» хотя бы на один лишний день. Однако никакие уговоры не могли заставить иеменитов нарушить субботу. Они упрямо сидели под крыльями «орла», не желая сдвинуться с места. Раз уж три тысячи лет ждали, они подождут еще один день.

Фостер Джи Мэк-Уилльямс смотрел на этих странных людей, слушал их непонятный спор, потом коротко, но крепко выругался, отправился в город и напился до потери сознания.

Его разбудили на следующее утро и отвезли на аэродром. Накануне он пил попеременно греческое «узо», рисовую водку и виски, и теперь у него голова прямо разламывалась от боли. Он постоял с минутку, глядя как иемениты поднимаются на борт, таща с собой Тору и бурдюки.

— Иисус Христос! — вырвалось у него при виде этой процессии.

— Капитан Мэк-Уилльямс, — раздался вдруг голос у него за спиной. Он обернулся и увидел рослую, стройную «сабру», которая назвала себя Ханой. Ей было на вид лет двадцать с небольшим, на ней были синие шорты и блузка, как носили в кибуцах, а на ногах — сандалии. — Я полечу вместе с вами и позабочусь о пассажирах.

Вот когда рейс стал для Форстера по-настоящему интересным. Хана не обращала ровно никакого внимания на него, хоть он и не спускал с нее глаз.

— У вас есть какие-нибудь особые инструкции? Это ведь наш первый такой рейс.

— Какие, к черту, инструкции! Вы только держите этих козлов подальше от кабины. Вас, конечно, это не касается; вы можете войти... в любое время. И, пожалуйста, зовите меня «Текс».

Фостер снова стал наблюдать за посадкой. Очереди иеменитов не было конца.

— Гей, полегче там! Сколько человек вы думаете посадить в машину?

— У нас сто сорок человек по списку.

— Что? Вы в своем ли уме? Да мы с места не сдвинемся! Сделайте одолжение, Хана, сбегайте к кому следует и передайте от моего имени, чтоб забрал любую половину.

— Капитан Мэк-Уилльямс! — взмолилась девушка. — Они ведь такие легкие.

— Фисташки тоже не тяжелые, это, однако, не значит, что можно погрузить миллиард.

— Ну, пожалуйста! Я обещаю вам, что никаких хлопот у вас с ними не будет.

— Еще бы! Не успеем добраться до конца взлетной дорожки, и никого из нас в живых не останется.

— Капитан Мэк-Уилльямс! Мы в отчаянном положении. Англичане приказали немедленно вывезти их из Адена. Они прямо сотнями валят каждый день через границу.

Фостер что-то буркнул и принялся изучать таблицу весов. Работники лагеря, стоявшие рядом, затаили дыхание, пока он что-то высчитывал. И тут он совершил ошибку: он посмотрел Хане в глаза. Он снова принялся считать, немножко смухлевал, и получилось, что при некотором везении старая лохань наберет достаточно пару, чтобы подняться в воздух. А уж там он ей как-нибудь не даст упасть.

— Пускай так, — буркнул он. — Мне-то что! Это так или иначе мой первый и последний рейс.

Начальник лагеря передал ему окончательный список. В самолет село сто сорок два человека. Хана понесла на борт продукты и медикаменты. Наконец по лесенке взбежал и сам Фостер.

Страшная вонь ударила ему в нос!

— Мы не успели выкупать их, — извинилась Хана. — Мы даже не знали, когда вы прилетите.

Он наклонился и заглянул внутрь. Самолет был битком набит этими тщедушными человечками. Испуганные, они сидели на полу, скрестив под собой ноги. Вонь в самолете стояла ужасная.

Фостер вошел, закрыл за собой дверь и запер ее на ключ. Как только не стало вентиляции, вонь развернулась вовсю, при пятидесятиградусной-то жаре. Он прокладывал себе путь дюйм за дюймом. Когда он добрался наконец до кабины, его лицо приняло какую-то необычную серо-зеленую окраску. Он распахнул окошко, чтобы подышать свежим воздухом, но вместо этого его обдал жаркий по-

рыв ветра. Он включил мотор и пока он выкруливал, он перегнулся через окошко и дал ход мучившей его рвоте. Его тошнило и тогда, когда машина, набрав скорость, еле-еле оторвалась от земли. Он пососал лимон, набирая высоту, и только когда стало немножко прохладней, судороги в животе стихли.

Подувало, и самолет качало, пока он набирал высоту. Над проливом Баб-эль-Мандеб он «повернул за угол» и полетел над серединой Красного моря, имея справа Саудовскую Аравию, а слева — Египет.

Вошла Хана. Она тоже вся позеленела.

— Уймите, пожалуйста, машину, — сказала она. — Их там тошнит всех.

Фостер выключил печку.

— Пройдите туда и включите вентиляторы. Я попытаюсь подняться повыше. Холодный воздух их живо огревит.

Головная боль не проходила. Какой он дурак, что поддался на удочку этого Стреча Томпсона!

Не прошло и получаса, как Хана снова вошла в кабину.

— Они там ужасно мерзнут все. Впрочем, я сама тоже.

— Как угодно. Если я сейчас снова включу печку, они опять начнут блевать.

— Тогда пусть лучше мерзнут, — пробормотала Хана и вернулась к своим пассажирам.

Немного погодя, она ворвалась в кабину вне себя, что-то выкрикивая по-иврит.

— Говорите по-английски!

Хана показала рукой на кузов самолета:

— Пожар... они разложили костер, чтобы погреться!

В самолете было автоматическое управление. Включив его, Фостер сорвался с места и бросился в кузов, швыряя мешавших ему пассажиров направо и налево. Посредине самолета на полу теплился небольшой костер. Он его вмиг растоптал, а когда злость у него немножко прошла, вернулся к Хане, у которой подгибались колени от пережитого страха.

— Вы умеете разговаривать с этими людьми?

— Да, по-иврит.

Фостер вложил ей микрофон в руки и приказал:

— Передайте им, что каждый, кто сдвинется с места, имеет шанс искупаться в Красном море.

Имениты никогда до этого не видели громкоговори-

тель. Когда раздался голос Ханы, они стали показывать пальцами на потолок, жалобно визжать и корчиться от страха.

— Что это на них нашло вдруг? Что вы им сказали?

— Они не знают, что это такое громкоговоритель. Они думают, что это сам Бог с ними разговаривает.

— Очень хорошо. Пускай так и думают.

Дальше все шло гораздо лучше. Правда, не обошлось без происшествий, но не опасных для самолета. Фостер только начал чувствовать себя лучше, как снова начался переполох. Он закрыл глаза.

— Боженька, — вздохнул он, — обещаю стать с этого дня добрым христианином, только пускай уже кончится этот день.

Хана вернулась в кабину.

— Я прямо боюсь спросить вас, в чем там дело, — буркнул Фостер.

— Текс, — воскликнула она. — У вас крестник родился!

— Чего?

— Там одна женщина как раз родилась.

— Не может быть!

— Честное слово, — сказала Хана. — У них это просто. Оба, мать и сын, чувствуют себя хорошо.

Он снова закрыл глаза и глотнул порцию воздуха.

Целый час они летали спокойно. Что-то тут не так, — подумал Фостер. Однако маленькие пассажиры успели привыкнуть к рокоту моторов «орла» и, устав от всего пережитого, начали дремать. Ханна принесла Фостеру чашку горячего бульона, и они вдвоем начали смеяться над страхами этого дня. Фостер долго расспрашивал Хану о нементах и о войне в Палестине.

— Где мы сейчас находимся?

Фостер, капитан самолета, он же помощник капитана штурман и радист, посмотрел на карту:

— Еще немножко, и мы повернем на север над Акабским заливом. По пути в Аден я разглядел боевые позиции в пустыне.

— Будем надеяться, что война скоро кончится.

— Да, брат, война — это скверная штука. Но скажите какого чорта вы-то влезли в это дело? Сколько бы они вам не платили, эта работа стоит вдвое больше.

— Да мне ничего не платят, — улыбнулась Хана.

— Ничего не платят?

— Нет. Меня сюда просто послали. Теперь меня, может быть, пошлют строить поселение с этими людьми, а может — и дальше придется летать по этому маршруту.

— Это до меня не доходит.

— Это трудно объяснить. Посторонние часто не понимают наших чувств. Для нас деньги — это ничто. Зато доставить этих людей в Израиль — это все. Когда-нибудь я, может быть, объясню вам это получше.

Фостер пожал плечами. Странные вещи происходили в мире. Ну, да мне-то что, — подумал он. Что и говорить, интересный получился рейс, но с него хватит.

Немного погодя он кивнул головой:

— А вот и Израиль, — сказал он.

Хана схватила микрофон.

— Эй, что вы делаете?

— Пожалуйста, Текс! Разрешите мне сказать им об этом. Они ждут этого мгновения... вот уже тысячи лет.

— Они, чего доброго, разобьют мне машину.

— Я обещаю вам... ничего не будет. Я заставлю их сидеть тихо.

— Что ж... тогда валяйте!

Он снова включил автоматическое управление и подошел к двери, чтобы они не разошлись сверх меры. Хана объявила им через микрофон, что они пересекают в эту минуту границу Израиля.

На борту самолета началось светопреставление. Слезы и смех, молитвы и пляски, обрывки песен, объятия и крики радости — все смешалось.

— Господи боже мой! — изумился Фостер. — Такого не было даже на матче со сборной Политехники в Джорджии.

Одна женщина схватила его руку и поцеловала ее. Он отскочил назад и снова уселся за руль. Песни и ликования не прекращались до самой Лидды. Когда самолет коснулся края посадочной площадки, из-за радостного шума не слышно было шума моторов.

Фостер в изумлении смотрел, как они, спускаясь с самолета, первым делом бросались на колени и, рыдая, целовали израильскую землю.

— Ну, прощайте, Текс, — сказала Хана. — Жаль, что вы уезжаете, но все равно я желаю вам приятного времяпрепровождения в Париже.

Фостер Джи Мэк-Уильямс медленно спустился по трапу. Он смотрел на сутологу вокруг. Машины скорой помощи и автобусы стояли наготове. Десятки девушек, похожих на Хану, смешались с толпой иеменитов, успокаивая их и радуясь вместе с ними. Фостер долго стоял у трапа, и странное чувство, никогда до этого не испытанное, поднималось в его душе.

Он даже не заметил Стреча Томпсона, когда тот подбежал к нему.

— С прелезом, мальчик! Как она себя вела?

— Чего?

— Да машина. Как она шла?

— Как орел.

Работники отдела иммиграции долго трясли руку Фостера и хлопали его по плечу.

— А они, как они-то себя вели?

Фостер промолчал.

— Чего ж ты молчишь? Рейс как рейс?

Фостер пожал плечами:

— Вот именно. Рейс — как рейс.

Стреч увел Фостера прочь от ликующей толпы. Фостер остановился на мгновение и посмотрел назад. Хана помахала ему рукой, он помахал тоже.

— Ну, Фостер, теперь ты можешь смотаться в свой Париж. Я нашел себе ребят, у меня теперь даже еще одна есть машина.

— Если тебе это очень нужно, Стреч, я, пожалуй, смог бы слетать еще раз. Но это было бы действительно — в последний раз.

Стреч почесал затылок.

— Прямо не знаю, что тебе сказать... Может быть, я и смогу устроить тебе еще один рейс. Ты бы, кстати, попробовал нашу новую машину.

Ключнул! — с трудом скрывая свою радость, подумал Стреч. — Он у меня в руках теперь, сукин сын!

Так началась операция «Ковер-самолет».

Стреч Томпсон, бывший король Королевских крабов, набрал видавших виды американских летчиков, участвовавших когда-то в создании Берлинского воздушного моста. Каждый новый летчик и каждая новая команда сразу загорались миссией доставки иеменитов в их Обетованную землю.

Не раз случалось, что самолеты были на шаг от крушения. И тем не менее они ни одного самолета не потеряли, хотя машины работали в буквальном смысле слова на износ. Пилотам «Ковра-самолета» начинало казаться, что пока они перевозят иеменитов, о них заботится само Провидение.

Фостер Джи Мэк-Уилльямс так и не поехал в Париж. Он летал по Аденскому маршруту, пока не эвакуировали всех иеменитов. Затем он принялся за операцию «Али-Баба», где речь шла о евреях Багдада. Во всей истории воздухоплавания никто столько не работал, сколько работал Фостер. Как только он приземлялся в Лидде, он тут же, прямо в аэропорту, заваливался спать, пока машину готовили к новому рейсу, и тут же снова поднимался в воздух. За какую-нибудь пару лет Фостер слетал четыреста рейсов, покрыл миллионы километров, и доставил в Израиль около пятидесяти тысяч евреев.

Каждый раз он чертыхался и клялся, что это его последний рейс, но под конец он женился на Хане и снял квартиру в Тель-Авиве.

Операция «Ковер-самолет» была только началом. Они приезжали из захолустьев Курдистана, Ирака и Турции.

Пропавшее без вести еврейское племя из Восточного Протектората пробило себе дорогу из Хадрамаута в Аден.

Они хлынули из лагерей для перемещенных лиц в Европе.

Прибывали евреи из Франции и Италии, Югославии и Чехословакии, Румынии и Болгарии, Греции и Скандинавских стран.

По всей северной Африке они покидали свои «меллахи» в Алжире и Марокко, Египте и Тунисе.

Они приезжали из Южной Африки, где проживала богатейшая еврейская община, члены которой были самыми горячими сионистами в мире.

Они прибывали из Китая и Индии, куда попали три тысячи лет назад.

Они прибывали из Австралии, Канады и Англии.

Они прибывали из Аргентины.

Многие добирались пешком по знойным пустыням.

Многие прибывали на самолетах, которым давно пора было в утиль.

Они прибывали в битком набитых трюмах, служивших обычно для перевозки скота.

Они прибывали на роскошных трансатлантических пароходах.

Они прибывали из семидесяти четырех стран.

Из стран рассеяния и ссылки все эти отверженные и никому не нужные люди приезжали в тот единственный уголок мира, где слово «еврей» не звучало больше как ругательство.

Г Л А В А 2

Ручеек превратился в мощную реку, а затем и в настоящий людской потоп.

Вскоре Исход увеличил вдвое, затем и втрое население Израиля. Экономика страны, и без того пострадавшая в войну, казалось, вот-вот рухнет совсем от наплыва иммигрантов. У очень многих было только то, что на них. Прибывало много стариков, еще больше больных и очень много совершенно неграмотных. Но это не имело никакого значения: как ни трудно было положение страны, как ни велико было бремя, которое она на себя взваливала, принимая все новые и новые массы иммигрантов, ни одного еврея, стучавшегося в ворота Израиля, не отослали обратно.

Это была не реторта, это был настоящий плавильный горн, потому что иммигранты прибывали буквально из всех уголков земного шара, и не было на свете условий, в которых не пришлось бы жить той или иной общине.

По всей стране, от Галилеи до самого Негева, как грибы после дождя, вырастали палаточные городки и уродливые поселения из ржавой гофрированной жести. Сотни тысяч человек ютились в палатках, наспех сколоченных бараках, ставя перед органами здравоохранения, просвещения и социального обеспечения непосильные задачи.

Однако вопреки всему этому всюду в стране господствовал оптимизм. С той самой минуты, когда эти униженные и угнетенные ступали на израильскую почву, они испытывали такой прилив чувства собственного достоинства, пользовались такой свободой, какие им никогда и не снилось. Именно эта свобода и равноправие и окрыляли их на подвиги, которым не знала равных история.

Каждый божий день возникали новые сельскохозяйственные поселения. Иммигранты бросились осваивать пустоши и пустыни с тем же воодушевлением, с каким первые пионеры взялись за осушение болот.

Города всех размеров возникали буквально каждый день. Южноафриканские, канадские, южноамериканские

евреи вкладывали средства в промышленность. Строились фабрики и заводы, и вскоре промышленный потенциал страны догнал потенциал самых передовых стран Азии и Африки. Медицина, сельское хозяйство, научно-исследовательская деятельность достигли очень высокого уровня.

Тель-Авив вырос в кипучую метрополию, и его население перевалило вскоре за четверть миллиона. Хайфа превратилась в один из самых крупных портов Средиземноморья. В обоих городах возникла тяжелая промышленность. Новый Иерусалим, столица и духовный центр вновь созданного государства, стремительно рос вширь, застраивая окрестные холмы.

Строились химические, фармацевтические, строительные, обувные, текстильные, горнорудные предприятия — список можно продолжать до бесконечности. Были построены автосборочные и автобусные заводы, выпускали шины и строили аэродромы, по всей стране протянулась сеть автострад.

Жилье, жилье, жилье — люди нуждались в жилье, и новые бетонные жилые кварталы чуть ли не ежечасно раздвигали границы городов. Стук молотков, визг дрелей, грохот бетономешалок и шипение сварочных аппаратов ни на минуту не смолкали в Израиле!

Пышно расцветало искусство. На улицах Герцля и Алленби появились все новые и новые книжные магазины. В каждом кибуце, в каждом доме и в каждом мошаве полки ломились от книг, написанных на десятках языках. Композиторы, художники и писатели запечатлевали новое, бурно развивающееся общество, на холстах, в книгах и звуках.

От Метуллы до Эйлата, от Иерусалима и до Тель-Авива, везде царил напряженная атмосфера сплошного, непрерывно растущего города, и жизнь всюду была ключом.

Но жизнь была трудная. Израиль был бедной, не слишком плодородной страной, и буквально каждый шаг вперед приходилось делать в поте лица. Рабочие трудились до изнеможения, а получали ничтожную зарплату. В селениях люди жили и работали в почти невыносимых условиях. Все население страны облагалось неслыханно высокими налогами, только чтобы можно было принимать непрекращающийся поток новых иммигрантов. Выбиваясь из сил, в поту и крови напрягая до предела мышцы и ум, маленький народ все рос и креп.

В небе летали самолеты израильской авиакомпании «Эл-Ал», израильский торговый флот бороздил моря под флагом Маген-Давида и появлялся в самых отдаленных уголках земного шара. Народ Израиля пробивал себе дорогу с такой решимостью, что весь цивилизованный мир проникся к нему симпатией. Молодое государство светило как маяк всему человечеству, воочью доказывая, чего можно добиться, когда есть воля и любовь. Никто в Израиле не трудился ради собственной выгоды в настоящем: все было нацелено в будущее, для детей, для новых иммигрантов. И в пылу этого процесса возникло цепкое поколение сабр, поколенье, которое никогда не знало унижений только оттого, что человек родился евреем.

Израиль стал грандиозной эпопеей в истории человечества.

Добрую половину территории Израиля занимал Негев. Это была, большей частью, дикая пустыня, а некоторые районы напоминали поверхность луны. Именно здесь, в пустыне Паранской и Синской блуждал Моисей в поисках Земли Обетованной. Это было нагромождение голых скал, где пятидесятиградусный зной нещадно жег бескрайнюю каменную пустыню, изборожденную бездонными провалами и ущельями. Ни травинки не было на этом скалистом высокогорье, тянувшемся без конца и края. Ни одно живое существо, даже орел-стервятник, не отваживалось заглянуть сюда.

Освоение Негева стало почетной задачей Израиля. Израильтяне поселились в пустыне. Они не обращали внимания на беспощадный зной и строили поселения на скале. Они брали пример с Моисея: так же, как и он, они тоже добывали воду из скалы, и вызвали пустыню к новой жизни.

Они искали полезные ископаемые. Из Мертвого моря они доставали поташ. Они заставили медные копи царя Соломона, бездействовавшие целую вечность, выдавать снова зеленую руду. Они обнаружили следы нефти. Беер-Шева, город на северной окраине Негева, превратился в оживленный центр и его очертания росли на фоне пустыни буквально с каждым днем.

Особенно большие надежды возлагали на Эйлат, расположенный на южной оконечности Негева на берегу Акабского залива. Когда израильские войска добрались сюда к концу Войны за Независимость, весь Эйлат состоял

из двух саманных хижин. Израиль мечтал о том, чтобы построить здесь порт, который непосредственно свяжет страну с Востоком, когда Египет снимет блокаду Акабского залива. Они усиленно строили город в ожидании этого дня.

Именно сюда, в пустыню Негева, и отправился добровольно полковник Ари Бен Канаан по окончании Войны за Независимость. Ему поручили изучить каждый дюйм этого района, блокированного тремя заклятыми врагами: Египтом, Иорданией и Саудовской Аравией.

Ари повел свое подразделение по непроходимым скалам и ущельям в такие места, где еще не ступала человеческая нога. Он обучал своих бойцов так интенсивно, что это было бы под силу лишь очень немногим армиям мира. Ари лично подвергал каждого кандидата в командиры беспощадному испытанию, и тот должен был проявлять максимум физической выносливости.

Отряд Ари стал известен под кличкой «Звери Негева». Это были ребята, которые прошли, как говорится, огонь и воду и медные трубы; они терпеть не могли Негев, когда находились в нем, и тосковали по нему, когда его оставляли. Два десятка прыжков с парашютом, сотни километров форсированного марша, походы в разведку и рукопашный бой — все это было непременным условием зачисления в этот отряд, и это делало «Зверей Негева» самым отборным воинским подразделением. Только самые выносливые попадали туда. В израильской армии не было принято давать медали за отвагу — каждый боец считался таким же мужественным, как и всякий другой, — но кто носил значок «Зверей Негева», к тому относились с особым восхищением.

Штаб Ари находился в Эйлате. На его глазах Эйлат вырос в город отважных пионеров. В город провели воду, и медные рудники заработали на полную мощность. Тропинки превращались в шоссе, евреи вовсю укрепляли опорный пункт на юге.

Люди шептались о странностях полковника Бен Канаана. Его никогда не видели смеющимся, с его лица редко сходило суровое выражение. Казалось, какое-то скрытое горе гложет его, толкает его подвергать самого себя и своих бойцов нечеловеческим трудностям. В течение двух лет он решительно отказывался покинуть пустыню.

Китти Фремонт удостоилась вскоре звания «Друга». Это звание было присвоено до сих пор одному лишь П. И. Малколму, основателю Ночных отрядов. После Войны за Независимость, Китти посвятила себя работе по приему и устройству иммигрантов и Поселенское Общество вскоре стало перебрасывать ее на самые трудные участки.

В январе 1949 года, когда началась операция «Ковер-самолет», Китти предложили покинуть на время Ган-Дафну, поехать в Аден и организовать там медицинскую помощь в детских отделах лагеря Хашед. Китти великолепно справилась с задачей. Она внесла порядок в господствовавший там хаос. Требовательная и неумолимая в работе, она в то же время была очень мягкая в обращении с детьми иеменитов. Прошло всего лишь несколько месяцев, и она стала ведущей фигурой в Поселенческом Обществе.

Из Адена она отправилась прямо в Багдад для проведения операции «Али-Баба», размером вдвое большей, чем «Ковер-самолет». Когда она наладила работу в Ираке, она тут же умчалась в Марокко, где десятки тысяч евреев покинули свои «меллахи» в Касабланке, чтобы «вернуться» в Израиль.

Так она переезжала с одного места на другое, в зависимости от того, где шла «алия». Она несколько раз слетала в Европу, когда в лагерях для перемещенных лиц создавались пробки. Она рыскала по всему материка в поисках персонала, медикаментов и инвентаря. Когда волна немного схлынула, Китти отозвали в Иерусалим, где Сионистское Поселенческое Общество поручило ей работу в рамках «Молодежной алии».

В свое время она помогла привезти детей. Теперь она принялась за то, чтобы сделать из них полноценных членов сложного израильского общества. Лучше всего для этой цели подходили такие поселения, как Ган-Дафна, но их было слишком мало в сравнении с прибывающими массами детей. Дети постарше получали воспитание в рядах Армии Обороны Израиля, которая стала вскоре крупнейшим воспитательным учреждением в стране, обучая каждого новобранца, помимо многого другого, еще и грамоте на языке иврит.

Сама Китти Фрэмонт уже свободно разговаривала по-иврит. Она чувствовала себя как дома, находясь с Фостером Мэк-Уилльямсом на борту самолета, доставлявшего

туберкулезных детей в Израиль, или в каком-нибудь пограничном кибуце. — Шалом, гверет Китти! — то и дело можно было слышать в сотнях таких мест, где находились ее дети.

А потом произошло нечто такое, что одновременно обрадовало и сильно огорчило Китти. Она все чаще встречала девушек, которых она знавала еще в Ган-Дафне, и которые вышли с тех пор замуж и жили в разных местах. Некоторые из них были еще совсем детьми на «Эксопусе», а теперь у них у самих были дети. На глазах Китти аппарат «Молодежной алии» вырос и окреп, так что он теперь мог самостоятельно справиться с любыми трудностями. Она помогла в создании этого аппарата, обучала людей, начиная с их первых неуверенных шагов и вплоть до того, когда аппарат стал работать как хорошо смазанная машина. Теперь Китти вдруг поняла с тяжелым сердцем, что она свое дело сделала. Ни Карен, ни Израиль больше в ней не нуждаются, и она решила покинуть страну навсегда.

Г Л А В А 3

Бараку Бен Канаану исполнилось восемьдесят пять лет.

Он ушел от общественной жизни и был рад, что имеет наконец возможность отдаться полностью ведению своего хозяйства в Яд-Эле. Именно об этом он мечтал в продолжении полустолетия. Даже в глубокой старости он сохранил свою физическую мощь и ясный ум и запросто работал в поле от зари до зари. Его огромная борода была теперь почти вся белая; кое-где, правда, сохранились следы прежнего огненно-рыжего цвета, а руки были по-прежнему крепкие как сталь. Годы после Войны за Независимость принесли ему огромное удовлетворение. Он мог наконец посвятить себя Саре и себе самому.

Его счастье, однако, омрачали мысли об Ари и о Иордане, у которых жизнь сложилась не очень счастливо. Иордана не могла забыть гибель Давида Бен Ами. Ее охватило какое-то неуемное беспокойство. Она ездила некоторое время по Франции, кокетничала то с тем, то с другим, и это только прибавило ей горя. Наконец она вернулась в Иерусалим, город Давида, и снова поступила работать в университет, но в душе у нее по-прежнему была пустота.

Ари добровольно сослал самого себя в Негев. Барак догадывался о причинах этой ссылки, но ему никак не удавалось подобрать ключ к сыну.

Как раз когда ему исполнилось восемьдесят пять лет Барак почувствовал сильные боли в желудке. Он долго никому об этом не говорил. Он думал, что в его годы нельзя же совсем без недомоганий. Вскоре, однако, у него появился сильный кашель, а его-то уж никак нельзя было скрыть от Сары. Она наставляла, чтобы он показался врачу, но Барак все отшучивался. Приходилось, правда, обещать, что сходит как-нибудь, но ему всегда удавалось найти причину, чтобы отложить этот визит.

Как-то позвонил Бен Гурион и спросил у него, не желает ли он приехать с Сарой в Хайфу на празднование третьей годовщины Независимости: в таком случае им

оставят место на почетной трибуне. Это, конечно, была большая честь для старика, и он сказал, что приедет. Сара воспользовалась этой поездкой, чтобы взять с него твердое обещание, что он сходит к врачу и даст себя хорошенько обследовать. Они отправились в Хайфу дней на пять раньше, Барак действительно лег в больницу на обследование и оставался там до кануна Дня Независимости.

— А что сказали врачи? — спросила Сара.

Барак рассмеялся.

Плохое пищеварение и старость. Они мне дали как-то таблетки.

Сара хотела знать подробности.

— Да брось ты это, — ответил он. — Мы ведь праздновать День Независимости приехали.

Народ прямо валом валил в Хайфу в этот день. На собственных и на попутных машинах, на самолетах, поездом. Город прямо кишел людьми. В номере гостиницы, где остановился Барак, отбою не было от посетителей, желавших засвидетельствовать ему свое почтение.

Вечером молодежные группы открыли торжества красочным парадом с факелами. Они продефилировали перед утопающим в зелени зданием Муниципалитета на Гар-Гаркмель, а после обычных речей на горе был устроен фейерверк.

Десятки тысяч людей толпились вдоль всей улицы Герцля. Громкоговорители передавали музыку, и на каждом шагу люди входили в круг и плясали хором. Музыка, яркие краски и топот ног — все сливалось в одно. Барак и Сара тоже вступили в круг и танцевали под гром рукоплесканий.

Затем они отправились в Политехнический институт, чтобы в качестве почетных гостей принять участие в вечере, устроенном «Братством огня» бойцами Палмаха, созданным еще в дни арабского террора. Они разложили гигантский костер, вокруг которого плясали и иемениты, и друзья; они зажарили барана на вертеле, варили кофе по-арабски и хором пели восточные песни и библейские псалмы. По всему институтскому городку юноши и девушки спали в объятиях друг друга. «Братство огня» пело и плясало до рассвета.

Под утро Сара и Барак вернулись в гостиницу, чтобы немного отдохнуть, но и на рассвете гулянье продолжалось на всех улицах. Несколько часов спустя они проехали в от-

крытой машине по широкому бульвару, на котором должен был состояться парад, и под бурные аплодисменты прошли на свое место на трибуне, рядом с президентом страны.

Неся перед собой знамена, как древние колена, Новый Израиль шествовал мимо Барака: иемениты, теперь уже гордые и смелые бойцы, рослые парни и девушки сабры, летчики, выходцы из Южной Африки и Америки, и солдаты, вернувшиеся на родину со всех концов земного шара. Проходили отборные части десантников в красных беретах, пограничники в зеленой форме. Грохотали танки и в небе проносились самолеты. Сердце Барака забилося сильнее, когда раздался новый взрыв аплодисментов, и бородатые, закаленные «Звери Негева» отдавали честь отцу своего командира.

После парада произносились речи, устраивались приемы и прочие торжества. Когда два дня спустя Барак стал собираться в обратный путь с Сарой, народ все еще плясал на улицах.

Не успели они переступить порог своего дома в Яд-Эле, как с Бараксом случился продолжительный приступ сильнейшего кашля, словно он его изо всех сил сдерживал в дни торжества и только теперь дал ему вырваться на волю. Он в изнеможении опустился в свое большое кресло, а Сара помчалась за лекарством.

— Я же говорила, что тебе нельзя так волноваться, — с укором сказала она. — Тебе давно уже пора считаться со своими годами.

Барак видел в мыслях загорелых крепких парней, маршировавших на параде: — Армия Израиля..., — прошептал он.

— Я тебе сейчас принесу чаю, — сказала Сара, погладив его по волосам.

Барак схватил ее за руку и посадил к себе на колени. Она прижалась головой к его плечу и вопросительно посмотрела ему в глаза. Он отвел взгляд.

— Ну, теперь, когда торжества позади, — сказала она, — давай выкладывай — что тебе там сказали врачи?

— Да, ты права, мне никогда не удавалось обмануть тебя, — ответил он.

— Я приму все спокойно, обещаю тебе.

— В таком случае вот: мне пора, — сказал Барак. — В сущности, я это и без врачей знал.

Сара вскрикнула, но тут же прикусила губу.

Барак медленно кивнул.

— Ты уж постарайся, вызови Ари и Иорданну.

— Рак?

— Да.

— И сколько тебе осталось?

— Несколько месяцев... несколько чудесных месяцев.

Трудно было представить себе Барака иначе, как гиганта. Однако в последующие недели он сильно состарился. Он сильно похудел и его огромная фигура сгорбилась. Его мучили страшные боли, но он мужественно переносил их и наотрез отказывался лечь в больницу.

Его кровать придвинули к окну, чтобы он мог целыми днями смотреть на свои поля и дальше вверх до самой ливанской границы. Ари застал его у окна, когда он горестно смотрел на то место, где когда-то стояла деревня Абу-Йеша.

— Шалом, аба, — сказал Ари, обнимая отца. — Как видишь, я не замешкался.

— Шалом, Ари. Дай-ка я на тебя посмотрю, сын. Давно уже я тебя не видел... больше двух лет. Я думал, ты тоже приедешь на парад со своими ребятами.

— Египтяне снова стали нападать на Ницану. Пришлось дать сдачу.

Барак внимательно оглядел сына. Он сильно загорел в Негеве и вид у него был мужественный, как у льва.

— Негев пошел тебе на пользу, — сказал Барак.

— Что за чепуху мне тут сказала има?

— Не надо меня подбадривать, Ари. Я достаточно пожил на своем веку, чтобы принять смерть достойно.

Ари налил себе коньяку, закурил сигарету, а Барак не спускал с него глаз. В глазах старика показались слезы.

— Я был бы вполне счастлив последнее время, если бы не ты и Иордана. Если б я только мог умереть со спокойной совестью и знать, что вы оба счастливы!

Ари отпил глоток коньяка и отвел взгляд в сторону. Барак взял сына за руку.

— Поговаривают, что ты смог бы стать когда-нибудь начальником штаба израильской армии, если только ты согласишься оставить свою пустыню.

— В Негеве куча дел, отец. Кто-то же должен ими заниматься. Египтяне создают банды федаюнов и убийц,

они то и дело просачиваются через границу и нападают на наши населенные пункты.

— Да, но сам-то ты не счастлив, Ари.

— Счастлив? Ну, ты меня достаточно знаешь, отец. Я не из тех, кто бурно выражает свои восторги. Я ведь не новый иммигрант.

— Но почему ты ушел от нас и за два года ни разу не показал носа?

— Да, это я зря. И очень сожалею об этом.

— Знаешь, Ари? В эти последние два года у меня впервые в жизни был досуг для размышлений. Это чудесное чувство — сознавать, что ты можешь сесть и спокойно предаться размышлениям. А в эти две недели у меня времени было еще того больше. Я много думал. И пришел к выводу, что не таким уж я был хорошим отцом. Я виноват перед тобой и Иорданой.

— Да брось ты, отец... Я даже слушать не стану такую ерунду. Что это ты вдруг в сентиментальность ударился!

— Нет, я правду говорю. Теперь я вижу все гораздо яснее. Ты и Иордана, и я... нет, слишком мало я уделял вам времени ...и Саре тоже. Ари, когда у человека семья, так нельзя.

— Отец, перестань... Ни у кого на свете не было столько родительской любви и понимания, сколько было у меня. Впрочем, всем родителям кажется, что они могли сделать для своих детей больше.

Барак покачал головой.

— Нет, у тебя совсем не было детства. Тебе еще двенадцати лет не было, а ты уже работал наравне со всеми на болоте. С тех пор как я вложил тебе в руки кнут, ты прекрасно обходился без меня.

— Я не хочу и слушать этого, отец. Мы живем в этой стране ради завтрашнего дня. Другой жизни у нас быть не могло, и этой жизнью я продолжаю жить и поныне. Брось казнить самого себя. Мы жили так, как жили, по той простой причине, что у нас выбора не было.

— То же самое я говорю себе, Ари, тоже. Разве мы могли иначе? — говорю я себе. Снова гетто? Концлагеря? Душегубки и печи? Нет, все, что угодно, только не это. Мы не зря жили. И все-таки эта наша свобода... слишком дорогой ценой куплена. Мы настолько дорожим ею, что вот вырастили поколение еврейских Тарзанов, которое могло бы отстоять ее. Ничего мы вам дать не могли, кроме

жизни, запятненной кровью, да и оставим мы вас, стоящих спиной к морю.

— Для Израиля никакая цена не слишком дорога, — ответил Ари.

— Нет, дорога, когда я вижу горе в глазах моего сына.

— Да разве ты отнял Давида у Иорданы? Такова жизнь. Такова цена, которую приходится платить за то, что мы родились евреями. Разве не лучше отдать жизнь за свою страну, чем умереть так, как умер твой отец от рук быдла в гетто?

— Да, это так, но в горе моего сына виноват я сам, Ари. — Барак облизнул губы и с усилием глотнул. — Иордана крепко сдружилась с Китти Фрэмонт.

Ари заморгал, услышав ее имя.

— К ней тут относятся прямо как к святой. Каждый раз, когда она приезжает в Хулу, она приходит к нам. Зря ты с ней перестал встречаться.

— Отец... я...

— Ты думаешь, я не вижу, как она сохнет по тебе? И так, что ли, мужчина выражает свои чувства, прячась в пустыне? Да, да, Ари. Давай уж поговорим обо всем, коли начали. Ты просто сбежал и спрятался. Сознайся! Сознайся мне и сознайся самому себе.

Ари встал с края кровати и отошел в сторону.

— Что это за упрямство такое засело тебе в душу и не дает подойти к этой женщине и сказать ей, что ты не можешь без нее?

Взгляд отца жег ему спину. Он медленно обернулся, опустив глаза.

— Она мне как-то сказала, что мне придется приползти к ней на коленях.

— Так ползи!

— Не могу я ползать, отец! Я даже не знаю, как это делается. Разве ты не видишь, отец?... Я никогда не стану тем мужчиной, какой ей нужен.

Барак горестно вздохнул.

— Вот тут-то как раз я дал с тобой маху, Ари. Возьми меня. Да я бы тысячи раз пополз к твоей матери все снова и снова. Я бы пополз к ней, потому что просто жить без нее не мог. Да простит мне господь, Ари, за то, что я тоже внес свою лепту в создание поколения мужчин и женщин, которые отказываются понять, что такое слезы и самоунижение.

— Она и это мне как-то сказала, — прошептал Ари.

— Ты путаешь нежность со слабостью, слезы с бесчестьем. Ты заставил себя поверить, что зависимость от кого бы то ни было равносильна поражению. Ты настолько ослеп, что даже выразить свои чувства не можешь.

— Выше головы не прыгнешь, — ответил Ари.

— Мне жаль тебя, Ари. Мне жаль и тебя, и самого себя.

Назавтра Ари понес своего отца в машину, и они поехали в Тель-Хай, в то самое место, где Барак и его брат Акива пересекли Палестинскую границу более чем полвека назад.

Здесь, в Тель-Хае, были похоронены «Стражи», первые вооруженные евреи, защищавшие еврейские населенные пункты от нападений бедуинов еще в начале века. Барак вспомнил, что, будучи и сам «Стражем», он впервые встретил Сару в Рош-Пине.

Могилы были расположены в два ряда, а десяток с лишним свободных мест предназначались для «Стражей», которые были еще в живых. Останки Акивы были перевезены с Мыса-Элиягу на это почетное кладбище, а участок рядом предназначался для Барака.

Ари понес своего отца мимо могил вверх к тому месту, где стоял огромный каменный лев со взором, обращенным вниз на долину, словно царь, охраняющий страну. На цоколе памятника были высечены слова: **«Нет выше счастья, чем отдать жизнь за родину».**

Барак смотрел вниз. По всей долине были разбросаны населенные пункты. Строился город с населением в несколько тысяч человек. Отец и сын провели весь день в Тель-Хае, а вечером они смотрели, как всюду вспыхивает свет, окружая долину словно крепостной стеной. В центре стояло их село Яд-Эль — Рука Господа. Далеко внизу возник Гонен, новое село отважных юношей, живших в палатках в двух шагах от сирийской границы. Над Гоненом тоже вспыхнул электрический свет.

— Хорошо, когда есть родина, за которую можно отдать жизнь, — сказал Барак.

Ари понес отца обратно вниз.

Два дня спустя Барак Бен Канаан тихо скончался во сне и был похоронен в Тель-Хае рядом с Акивой.

Г Л А В А 4

На последнем этапе Войны за Независимость Дов Ландау вступил в ряды Израильской армии и принял участие в операции «Десяти казней» против Египта. Он проявил незаурядное мужество при штурме Сувейдана и получил звание офицера. Он прослужил несколько месяцев в пустыне в рядах «Зверей Негева» полковника Бен Канаана. Ари, видя выдающиеся способности этого парня, послал его в распоряжение генштаба. Армия направила Дова в Хайфский политехнический институт, где он поступил на специальный курс, связанный с важными оросительными проектами по освоению Негева. У него обнаружили блестящие научные данные.

Дов совершенно преодолел свою прежнюю злобу. Теперь это был добродушный и жизнерадостный молодой человек, принимающий к сердцу несчастья других. Он был по-прежнему строен, черты лица — тонкие; словом, Дов превратился в красивого молодого человека. Он и Карен очень любили друг друга.

Молодые люди жили в постоянной разлуке, неуверенности и, конечно, в вечном напряжении. Страна бурлила, и они тоже с головой ушли в работу: у каждого было свое особое и весьма важное дело. Впрочем, это было не ново в Израиле: то же было и у Ари с Дафной, и у Давида с Иорданой. Каждая новая встреча только разжигала их чувства и усугубляла их муки. Дов, хоть и боготворил Карен, все же оказался сильнее ее.

Когда ему исполнилось двадцать пять, Дов был уже капитаном инженерных войск и одним из самых многообещающих специалистов в своей области. Все свое время он проводил за занятиями в Хайфском Технионе и в Институте имени Вейцмана в Реховоте.

Карен покинула Ган-Дафну после Войны за Независимость и тоже вступила в армию. Там она снова поступила на курсы медсестер. У нее был богатый опыт еще с того времени, когда она работала с Китти, и она легко закончила курсы. Ей было очень по душе ходить за больными.

Она мечтала о том, что когда-нибудь она, как и Китти, посвятит себя уходу за детьми. Ее направили на работу в госпиталь, расположенный в Саронской долине. Это было очень удобно, так как она могла ездить изредка в Иерусалим, когда туда приезжала Китти, и частенько бывать и в Хайфе, чтобы повидаться с Довом.

Карен Ханзен Клемент превратилась из миловидной девушки в ослепительную женщину. Она была воплощением женского совершенства и сохранила ту мягкость и ласковость, которая была свойственна ей еще в юности.

В глубине души Китти мечтала изредка о том, что Карен поедет с ней в Америку, но она понимала, что это несбыточная мечта. В более трезвые минуты она знала, что она больше не нужна Карен. Она сделала свое дело как для девушки, так и для Израиля. Карен была теперь неотъемлемой частью Израиля, и оторвать ее от страны не было уже никакой возможности. Китти знала также, что и ей самой Карен теперь не так уж нужна. Когда-то ей казалось, что она не переживет разлуки с девушкой. Однако годы самоотверженной работы с «ее детьми» заполнили пустоту в сердце Китти.

Китти не только знала теперь, что она может расстаться с Карен, но она все чаще и чаще надеялась даже на то, что где-нибудь, когда-нибудь она снова обретет и личное счастье.

Нет, не из-за Карен и самой себя Китти боялась уехать из Израиля. Если же она все-таки тревожилась, то единственно из-за самого Израиля.

Арабы сидели у границ Израиля, зализывая раны, и дожидаясь того дня, когда они снова смогут обрушиться на молодое государство и уничтожить его во «втором раунде», как они не переставали бахвалиться.

Вместо плугов арабские лидеры давали своим людям в руки винтовки. Тех немногих, которые понимали передовую роль Израиля и желали заключить с ним мир, тут же убивали. Арабская печать, радио, вожди и проповедники в мечетях по-прежнему извергали кровожадные призывы.

Арабские массы, из которых произвол вождей выжал уже почти все соки, должны были пойти на новые жертвы, чтобы покрыть расходы в сотни миллионов долларов на вооружение.

Проблему беженцев нарочно усложнили до такой степени, что решить ее уже почти не было возможности.

Насер, бывший капитан египетской армии, попавший в окружение в Фалудже во время Войны за Независимость, разжигал арабский мир не меньше, чем Гитлер в свое время германский.

Египет закрыл Суэцкий канал перед израильскими судами и судами других стран, следующими курсом в израильские порты. Это было наглое нарушение международных соглашений.

Была объявлена блокада Акабского залива, чтобы не дать евреям открыть порт в Эйлате.

Арабский легион в Иордании нагло нарушал достигнутое соглашение о том, что евреи будут иметь свободный доступ к своей величайшей святыне, Западной стене Соломонова храма, расположенной в Старом Иерусалиме.

Все арабские государства отказывались признавать Израиль; все арабские страны клялись уничтожить Израиль.

Затем они прибегли к самому коварному средству. Арабы, главным образом египтяне в секторе Газы, стали создавать банды «федаюнов», обучая их диверсиям и убийству. Эти банды пересекали границу ночью, убивали из-за угла, поджигали поля, выводили из строя водопроводы, сея всюду смерть и разрушение. В эти банды мобилизовали несчастных палестинских беженцев, обманутых кровожадными демагогами.

Изнемогая под тяжестью множества других проблем, Израиль не мог упустить ни на минуту из виду и военную опасность: — Когда Гитлер говорил, что он намеревается уничтожить всех евреев, мир ему не верил, — говорили в Израиле. — Теперь то же самое говорят арабы, и мы им верим.

Воинская обязанность распространялась в Израиле на девушек, так же, как и на парней. Их рано начинали обучать обращению с оружием. Все мужчины в возрасте до 45 лет участвовали ежегодно в течение месяца в военных учениях. Израиль стал самой действенной и относительно многочисленной народной милицией в мире.

Пресловутые «федаюны» продолжали совершать одно зверство за другим. Они дошли даже до того, что подвергли бомбардировке детские учреждения ряда селений, расположенных недалеко от границы.

Все это привело к тому, что у Израиля ничего другого не оставалось, как возмездие. Израильская армия поклялась уничтожить десять террористов за каждого убитого израильтянина. Увы, это был единственный язык, понятный арабам, и одно только возмездие могло остановить их.

Одним из оборонных мероприятий Израиля было создание «НАХАЛ». «НАХАЛ» это были военизированные поселения, построенные на местности, имеющей стратегическое значение. Много юношей и девушек вступили в армию группами, и группами же они проходили военное обучение. Потом они отправлялись на границу, где создавали одновременно хозяйства и оборонительные пункты. Эта живая стена, состоящая из израильских парней и девушек, и была частичным ответом на террористические действия «федаюнов». Поселения молодых людей, которым не было еще и двадцать лет, были расположены в двух шагах от границы; жить приходилось что называется в пасти зверя.

Условия на границе были трудные. Молодой солдат-земледелец получал что-то около тридцати долларов в год. Их окружали — с одной стороны, смерть, а с другой — бесплодная земля. И тем не менее — еще одно чудо этого народа! — израильская молодежь добровольно отправлялась в эти пограничные селения на всю жизнь. Они отправлялись туда скромно, без всякого героизма. Совершенно так же, как Иордана и Ари, и Давид, и Иоаб, и Зеев... это была их работа. Они жили, нисколько не думая о личной выгоде, а только об Израиле и о завтрашнем дне.

Самой опасной границей была та, что тянулась вдоль сектора Газы, узкой полосы, вонзившейся как палец в израильскую территорию после войны. Древняя Газа, врата которой обрушил когда-то библейский Самсон, воздвигла теперь новые ворота — ворота лагерей для палестинских беженцев. Эти несчастные люди болтались без дела и жили на подаяния ООН. А египетская администрация накачивала в них дикую ненависть к Израилю. Газа была главной базой и учебным полигоном банд «федаюнов», создаваемых египетскими властями.

Вот сюда-то, меньше чем за десять километров от лова врага, и пришел отряд, состоявший из двадцати одного юноши и шестнадцати девушек, чтобы построить поселок «Нахал».

Поселок назвали «Нахал Мидбар» — «Ручейком пустыни».

Среди шестнадцати девушек была и медсестра Карен Ханзен Клемент.

Дов закончил Институт имени Вейцмана и получил направление на ирригационное строительство в Хулской долине. Перед тем, как поехать на новое место назначения, он, испросив пятидневный отпуск, поехал в Нахал Мидбар, чтобы повидаться с Карен. Они уже шесть недель не видели друг друга, с того самого дня, когда она выехала со своим отрядом.

Дову пришлось потратить целый день, чтобы добраться до этой отдаленной точки Негева. Узкая проселочная тропа отделялась от главного шоссе, ведущего вдоль полосы Газы, и на пятом километре был расположен поселок.

Нахал Мидбар состоял в основном из палаток. Из строений был только барак, служивший столовой, склад оружия и две сторожевые вышки. Прокладка водопровода и установка резервуара были уже почти закончены. Эти убогие строения торчали одиноко и тоскливо посреди обдуваемой ветром и палимой солнцем пустыни, словно на краю земли. Это и впрямь был край света. На горизонте маячили мрачные очертания Газы. Окопы и колючая проволока защищали поселок от неприятеля.

Были уже вспаханы первые дунамы земли. Дов остановился у ворот поселка и посмотрел вокруг. Нахал Мидбар производил мрачное впечатление. И вдруг поселок преобразился в самый роскошный сад на земном шаре, потому что из палатки вышла Карен и бросилась ему навстречу.

— Дов, Дов! — кричала она, мчась вниз по голому коричневому холму, и бросилась в его распростертые объятия. Они крепко прижались друг к другу, у обоих сильно заколотилось сердце от волнения и радости.

Держась за руки, Карен и Дов подошли к резервуару. Он помыл свое разгоряченное потное лицо и напился. Затем Карен повела его от поселка к тропинке, которая вела на ту сторону холма к развалинам времен Набатеев. Это был самый передовой наблюдательный пункт, почти у самого пограничного столба, и излюбленное место встреч парней и девушек.

Карен подала знак часовому, что она сама будет нести охрану, тот понимающе кивнул и оставил их одних. Они шли посреди развалин, пока не добрались до руин древ-

него храма. Здесь они остановились, и вскоре часовой исчез из виду. Карен осмотрела местность по ту сторону колючей проволоки. Все было спокойно.

— О, Дов, наконец-то!

— Мне казалось, что я не доживу, — ответил он.

Они целовались снова и снова, не обращая внимания на палящее полуденное солнце и вообще ничего на свете не замечая, кроме друг друга. Дов повел ее в угол, и они сели рядом на землю. Так они долго сидели, обнимаясь, целуясь; Карен с закрытыми глазами прямо стонала от счастья.

Затем он отстранился и смотрел на нее с любовью.

— А у меня новости, да какие! — сказал он.

Она открыла глаза.

— Что может быть лучше, чем вот это мгновение?

— Ты сядь и послушай, — скомандовал он, шутя.

— А что такое, Дов?

— Ты ведь знаешь, что мне дали направление в долину Хулы?

— Конечно знаю.

— Ну, так вот. Вчера меня вызвали в штаб и сказали, что я останусь там только до конца лета. Потом они направят меня на учебу в Америку. В Технологический институт в Массачусетс.

Карен заморгала глазами.

— В Америку? На учебу?

— Да, на два года. Мне прямо не терпелось рассказать тебе об этом.

Она заставила себя улыбнуться.

— Да ведь это же прекрасно, Дов! Я прямо горжусь тобой. Значит, месяцев через шесть, через семь ты уезжаешь?

— Я еще не дал своего окончательного согласия, — сказал он. — Мне хотелось сначала переговорить обо всем с тобой.

— Ну, два года — это не навечно, — ответила Карен. — Что ж, к тому времени, когда ты вернешься, мы успеем полностью построить кибуц. У нас будет две тысячи дунамов посевной площади, будет библиотека, детские учреждения и полно детей.

— Ты подожди минутку..., — перебил Дов. — Без тебя я ни в Америку, и вообще никуда не поеду. Мы пойдем и прямо сейчас поженимся. Конечно, нам нелегко будет в Америке. Стипендию я получу не очень большую. Придет-

ся мне подыскать себе работу после занятий, но ты тоже сможешь одновременно и учиться, и работать. Как-нибудь проживем.

Карен сидела и молчала. Она смотрела на очертания Газы, на сторожевые вышки, на окопы.

— Я не могу покинуть Нахал Мидбар, — тихо сказала она. — Мы ведь только приехали. Ребята работают по двадцать часов в сутки.

— Карен... придется тебе взять отпуск.

— Нет, не могу, Дов. Если я уйду, ребятам будет еще труднее.

— А уйти придется. Ведь я же без тебя не поеду. Разве ты не понимаешь, какое это большое дело! Когда я вернусь года через два, я буду крупным специалистом в области водного хозяйства. Это же будет чудесно. Мы будем жить в Нахал Мидбаре, а я буду работать в пустыне. Мою зарплату будет получать кибуц. Да ведь и для Израиля это во много раз важнее: я тогда смогу принести гораздо большую пользу.

Она поднялась и повернулась к нему спиной.

— Для тебя это действительно лучше. Очень важно, чтобы ты поехал в Америку. А для меня важно — остаться здесь.

Дов побледнел, и у него опустились плечи.

— Я думал, ты будешь счастлива...

Она резко обернулась.

— Ты хорошо знаешь, Дов, что тебе надо ехать, и ты так же хорошо знаешь, что мне надо остаться.

— Нет, черт возьми! Я не могу прожить без тебя целых два года! Какие там два года! Я и двух дней не вынесу. — Он схватил ее в объятия и принялся страстно целовать ее. Она целовала его тоже, и оба в забытьи клялись друг другу в любви. Их лица были мокры от пота и слез, а их руки бессознательно тянули друг друга вниз на землю.

— Да-да! — кричала Карен. — Сейчас!

Дов вскочил на ноги, дрожа всем телом. Он сжал кулаки и крикнул:

— Нет, этого не будет! Давай лучше покончим с этим.

Стало тихо. Слышался только тихий плач Карен. Дов опустился перед ней на колени.

— Пожалуйста, не плачь, Карен.

— О, Дов, что же нам делать? Я прямо не живу, когда

тебя нет. И вот ты приезжаешь, и снова все у нас кончается тем же. Когда ты уедешь, я буду прямо больна, так я тебя хочу.

— А мне, ты думаешь, легче? — ответил он. — Во всем виноват я. Нельзя себя так распускать. Пока мы с тобой не поженимся, ничего не будет.

Он протянул руку и помог ей встать.

— Не смотри на меня так, Карен. Я никогда не сделаю ничего такого, чего тебе пришлось бы стыдиться.

— Я тебя люблю, Дов. Я не стыжусь и не боюсь признаться, что хочу быть с тобой.

— А я не стану этого делать, — ответил он.

Они постояли молча, глаза их пылали любовью, и не меньше пылали их тела.

— Ладно, давай вернемся в кибуц, — сказала Карен наконец с горечью в голосе.

Китти объездила Израиль вдоль и поперек и была знакома с самыми жуткими условиями в новых поселках. Когда она отправилась в Нахал Мидбар, она знала, что ничего хорошего она там не увидит. Но как она ни готовила себя к худшему, у нее сжалось сердце, когда она увидела Нахал Мидбар, эту адскую печь, расположенную в непосредственной близости к ордам свирепых арабов.

Карен повела Китти всюду, показывая ей с неприкрытой гордостью все, что удалось сделать за три месяца. Построили еще несколько дощатых барачков, вспахали еще несколько дунамов, но все равно поселок производил жуткое впечатление. Нельзя было избавиться от мысли, что на этом месте молодые парни и девушки работают до изнеможения днем и несут охрану ночью.

— Через пару лет, — сказала Карен, — тут везде будут деревья и цветы, если только мы получим достаточно воды.

Они спаслись от беспощадного солнца в палатку, где размещалась санчасть Карен, и напились воды. Китти выглянула из палатки: всюду колючая проволока и окопы. Далеко в поле одни работали на солнцепеке, а другие шли за ними с винтовками в руках, неся охрану. В одной руке меч, а в другой плуг. Точно так же когда-то восстанавливались стены Иерусалима. Китти посмотрела на Карен. Девушка была так молода и мила. Несколько лет на этом месте, и она состарится раньше времени.

— Ты действительно собираешься домой? Я просто не могу поверить, — сказала Карен.

— Я попросилась в отпуск на год. Я ужасно соскучилась по дому. А теперь, когда и ты уехала... почему бы не пожить некоторое время в свое удовольствие? Может быть, я и вернусь в Израиль, я еще твердо не решила.

— А когда ты уезжаешь?

— После Пасхи.

— Так скоро? Это будет ужасно, когда ты уедешь, Китти.

— Ты теперь взрослая женщина, Карен. У тебя целая жизнь впереди.

— Я не представляю себе жизнь без тебя.

— О, мы будем переписываться. Мы всегда останемся друзьями. Кто знает, может быть, прожив четыре года на этом вулкане, мне будет скучно жить где-нибудь в другом месте.

— Ты обязательно должна вернуться, Китти.

Китти улыбнулась.

— Время покажет. А как твой Дов? Я слышал, он уже кончил институт.

Карен не стала говорить Китти, что Дова собираются направить в Америку, потому что она знала, что Китти примет сторону Дова.

— Ему дали направление в долину Хулы. Они там строят большой проект, прокладывают каналы, дренажи, чтобы всю воду спустить в Тивериадское озеро, а землю освоить для сельского хозяйства.

— Дов стал теперь очень важной шишкой. Мне о нем рассказали удивительные вещи. Он сможет ли приехать сюда на Пасху?

— Боюсь, что нет.

Китти щелкнула пальцами.

— Послушай, у меня идея! Иордана пригласила меня на Пасху в Яд-Эль, и я обещала, что приеду. Дов работает там рядом. Почему бы тебе тоже не приехать в Яд-Эль?

— Я должна провести Пасху в своем кибуце..

— Проведешь в своем кибуце еще не одну Пасху. А какой это был бы подарок мне на прощание!

Карен улыбнулась:

— Я приеду.

— Чудно! Ну, теперь расскажи — как он, твой кавалер?

— Он хороший,... мне кажется, — глухо пробормотала Карен.

— Вы что же — никак поссорились?

— Да нет, разве он станет со мной ссориться! Ох, Китти, он другой раз такой благовоспитанный, что хоть на стенку лезь!

— Я понимаю, — сказала Китти, подняв брови. — А ты уже взрослая женщина, не так ли. Тебе уже целых семнадцать лет.

— Я прямо не знаю, что и делать, Китти... Я прямо с ума схожу, когда только думаю о нем. А потом он приезжает, и каждый раз — снова эта его благовоспитанность. Ведь... его могут отправить куда-нибудь. Может быть, мы и не сможем пожениться раньше, чем через два года. Я прямо не могу больше.

— Ты его очень, очень любишь?

— Да я прямо умираю по нему. Ты не сердись, что я так прямо говорю об этом?

— Нет. Нет больше счастья в мире, чем любить так кого-нибудь.

— Китти,... мне ужасно хочется быть с ним. Это плохо?

Это плохо? Китти вспомнила, как она тогда стояла у кровати и намекала Ари, что Иордана была непорядочной девушкой из-за тех счастливых мгновений, которые она тайком провела с Давидом Бен Ами. Разве это в самом деле было плохо? Как часто она сожалела с тех пор об этих словах. Теперь Давид уже три года, как умер, а Иордана все еще не справилась со своим горем. Какая она ни дерзкая сабра, а, пожалуй, до самой смерти не справится. Плохо? Сколько дней остались Дову и Карен? Этот свирепый народ по ту сторону колючей проволоки — разве он даст пожить?

Карен... ее дорогое дитя...

— Люби его, Карен, — сказала Китти. — Люби его всеми силами своей души.

— О,... Китти!

— Да, дорогая, отдайся ему.

— Но ведь он боится.

— А ты сделай так, чтобы он не боялся. Ты — его жена, и так это должно быть.

Китти почувствовала какую-то странную пустоту в душе. Она отдала Карен на веки вечные. Она почувствовала на своем плече руку Карен.

— А ты, Китти, почему ты не поможешь Ари?

У Китти что-то екнуло в сердце, когда она услышала его имя.

— Это, Карен, не любовь, когда один любит, а другой нет.

Они обе долго молчали. Китти подошла ко входу палатки и выглянула на улицу. Ее тут же окружил рой мух. Она рывком обернулась к Карен:

— Я не могу уехать отсюда и не сказать тебе, что я прямо больна от того, что ты подалась в это гиблое место.

— Кому-нибудь же надо защищать границы. Неужели я должна была сказать: пускай защищают другие?

— Этому твоему Нахал Мидбару пока еще только три месяца. А вы уже успели похоронить одного мальчика и одну девочку после стычки с «федаюнами».

— Видишь ли, Китти, мы смотрим на все это не совсем так. Правильно, двух убили, но зато к нам приехало еще пятьдесят человек, а еще пятьдесят строят новый поселок в пяти километрах отсюда. И все это только потому, что мы сюда приехали. Пройдет год, и у нас тут будет уже дом для детей и тысяча дунамов под различными культурами.

— А ты через год начнешь увядать. Будешь работать по восемнадцать часов в сутки, а ночи — проводить в окопах. И вообще вам с Довом никогда не иметь здесь больше, чем маленькую комнату размером максимум в девять квадратных метров. Даже носильные вещи будут принадлежать не вам.

— Ты неправа, Китти. У нас с Довом будет решительно все.

— Включая и четверть миллиона кровожадных арабов, готовых перегрызть вам глотку.

— Мы не питаем враждебных чувств к этим несчастным, — ответила Карен.

— Они сидят взаперти, как звери в клетке, день за днем и год за годом, видя как наши поля зеленеют.

Китти опустила на койку и прикрыла лицо руками.

— Китти... ну, послушай...

— Я не могу этого слушать.

— Пожалуйста... ну, пожалуйста, выслушай меня. Ты знаешь, что даже когда я была еще маленькой девочкой в Дании, я задавала себе вопрос — зачем я родилась еврейкой? Господь избрал нас не потому, что мы слабы или убе-

гали от опасности. Мы терпели убийство, и горе, и унижения на протяжении шести тысяч лет, и все равно мы сохранили свою веру. Мы пережили всех, кто пытался уничтожить нас. Разве ты этого не принимаешь, Китти?... Эта маленькая страна была избрана для нас, потому что это главный перекресток мира, где кончается цивилизация, и начинается дикость. Именно здесь поставил Господь народ свой... на границе, чтобы нести охрану и блюсти Его законы, являющиеся основой всякого нравственного человеческого существования. Разве есть на свете более подходящее место для нас?

— Израиль стоит припертый спиной к стене! — заплакала Китти. — Он всегда так стоял и вечно будет так стоять... а дикари вечно будут пытаться уничтожить вас.

— О нет, Китти, нет! Израиль — это мост между светом и тьмой.

Внезапно Китти все поняла... поняла с предельной ясностью. Вот он — ответ на мучающий ее вопрос! Израиль — это мост, ведущий от тьмы к свету.

Г Л А В А 5

У евреев одна ночь в году важнее всех других ночей. Речь идет о пасхальной ночи. Евреи празднуют Пасху в ознаменование освобождения из египетского рабства. Египтяне, первоначальные угнетатели евреев, стали символом всех угнетателей евреев, которых столько было на протяжении веков.

Своей высшей точки канун Пасхи достигает во время Седера — пира в честь освобождения, — когда произносятся слова благодарения за обретенную свободу и выражается надежда, что ее обретут также те, кто ее лишены. В странах рассеяния, до того как государство Израиль было создано вновь, Седер всегда заканчивался словами: «...на будущий год в Иерусалиме».

Агада, небольшая книжечка, содержащая пасхальные молитвы, рассказы и песнопения, часть которых написаны три тысячи лет тому назад, читается во время Седера всеми. Глава семейства читает вслух рассказ об Исходе из Египта.

Седер — важнейшее событие года. Хозяйки готовятся к нему за целый месяц. Необходимо убрать всякую грязь. Необходимо приготовить специальную пищу, а также соответствующее убранство. По всему Израилю шли лихорадочные приготовления к Седеру. В кибуцах и мошавах на Седерах сидели сотни людей. В частных домах Седеры были поменьше и попроще. Чем ближе подходила Пасха, тем больше росло возбуждение, предшествующее этому великому празднику.

В этом году в доме Бен Канаана в Яд-Эле собирались устроить довольно скромный Седер. Несмотря на это, Сара должна была выполнить все предписываемые обряды с нисколько не меньшей тщательностью. Она любила эту работу, и ни за что не перепоручила бы ее другому. Домик был до блеска вычищен как изнутри, так и снаружи. В канун Пасхи все комнаты были украшены огромными галлейскими розами. Менора — ритуальный подсвечник — прямо сияла. Были приготовлены сотни всевозможных пас-

хальных лакомств. Были приготовлены также все специальные пасхальные блюда, а Сара нарядилась в свое лучшее платье.

Днем Китти и Сатерлэнд поехали на машине от его виллы в Яд-Эль.

— Ваша идея уехать из Израиля — в высшей степени глупая, — пробурчал Сатерлэнд. — Мне прямо даже не верится.

— Я много об этом думала, Брус. Это, пожалуй, самое лучшее. В Америке есть пословица: «расставайся, пока все веселы».

— Вы действительно думаете, что иммиграция пошла на убыль?

— Скажем лучше: первая волна прошла. Остались еще небольшие еврейские общины в Европе, как, скажем, в Польше, которые не имеют возможность выехать. Боюсь, что и у египетских евреев потолок может рухнуть в любой момент. Но главное не это. Главное то, что у нас теперь достаточно персонала и материальных средств, чтобы справиться с любой задачей.

— Вы, верно, имеете в виду мелкие задачи, — сказал Сатерлэнд. — А как быть с гигантскими задачами?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— В Соединенных Штатах проживает шесть миллионов евреев, а в России — четыре. Как быть с ними?

Китти задумалась, прежде чем ответить.

— Большинство тех немногих евреев, которые приехали из США, принадлежит к одной из двух категорий: либо это идеалисты старой закалки, либо невротики, которые сами не знают, чего они хотят. Я не думаю, что наступит день, когда американские евреи подадутся в Израиль из страха перед преследованиями. Если такой день когда-либо наступит, мне лучше не дожить до него. Что же касается советских евреев, то тут произошла одна в высшей степени странная и столь же трогательная штука, которой знают пока еще только немногие.

— А мне можно знать? — спросил Сатерлэнд.

— Ну, вам, конечно, известно, что они пытались решить там еврейский вопрос, утопив его во всевозможных эволюционных теориях. Они пытались обезличить евреев тем, что старое поколение умрет естественной смертью, а молодое — будет подвергнуто соответствующей обработке чуть

ли не с самого рождения. Вам, конечно, известно и то, что в России все еще свирепствует антисемитизм.

— Я слышал об этом.

— Эта неслыханная история произошла прошлой осенью в еврейский новый год. Она является лучшим доказательством того, что ничего у советских властей не получилось. Израильский посол отправился в Московскую синагогу, единственную во всем городе. И что же вы думаете? После тридцати лет безмолвия, на улицы вышло тридцать тысяч евреев, чтобы только посмотреть и дотронуться до израильского посла! Да, когда-нибудь будет большая алия из России.

Этот рассказ произвел на Сатерлэнда глубокое впечатление. Некоторое время он сидел молча. Это была все та же старая история, которая часто его занимала: ...еврей никогда не перестает быть евреем. Наступает день, когда правда выплывает наружу, и еврей должен заявить о своем еврействе. Он подумал о матери, которую он так любил...

Они повернули с шоссе на боковую дорогу, которая вела в мошав Яд-Эль. Сара выбежала из дома и бросилась им навстречу. Пошли объятия и поздравления с праздником.

— Мы что же, никак первые?

— Дов уже здесь. Давайте же входите поскорей... входите.

Дов встретил их у дверей. Он пожал руку Сатерлэнду и нежно обнял Китти. Она отступила на шаг: — Ну-ка, дай я на тебя посмотрю хорошенько, майор Дов Ландау! Ты с каждым разом все хорошеешь.

Дов покраснел.

Сатерлэнд рассматривал розы Сары в гостиной не без зависти.

— А где же все остальные? — спросила Китти.

— Иордана поехала вчера вечером в Хайфу. Сказала, что вернется вовремя, — ответила Сара.

— Было письмо и от Карен. Она должна была выехать из Нахал Мидбар еще вчера, — сказал Дов. — Времени у нее, значит, достаточно. Может быть, она остановилась на ночь в Хайфе. А то, может быть, она стоит и голосует где-нибудь около Сафеда.

— Да ладно уж, — сказал Сатерлэнд. — Приедет, куда денется.

Китти была разочарована, что Карен еще не успела приехать, но не подавала виду. Положение с транспортом было ужасное, в особенности по праздникам.

— Давайте я вам помогу, — сказала она Саре.

— Вы сидите и чувствуете себя как дома. Кстати, вам уже раз десять звонили в контору мошава. Ваши дети со всей Хулской долины уже знают, что вы приедете. Они просили передать, что они заскочат перед Седером. — Сара ушла к себе на кухню.

Китти повернулась к Дову.

— Я слышала о твоих успехах, Дов.

Дов пожал плечами.

— Не скромничай. Я слышала, вы там проектируете какое-то водное сооружение у Иордана.

— Да, если бы сирийцы не мешали, но они мешают. Странно получается: Сирия и Иордания выиграли бы от этого во много раз больше, чем выиграем мы. Но если только речь идет о том, что Израиль получит лишнюю каплю воды, все — они против.

— Из-за чего спор? — спросил Сатерлэнд.

— Мы должны изменить русло Иордана на протяжении нескольких километров. Арабы говорят, что мы это хотим делать из военных соображений, хотя мы предложили им послать к нам своих наблюдателей. Ну, ничего, как-нибудь сделаем.

Дов глубоко вздохнул. Он явно волновался, и Сатерлэнд понял, что ему хочется остаться с Китти наедине. Он отошел в противоположный конец комнаты и принялся изучать корешки книг на полках.

— Китти, — начал Дов. — Мне хочется поговорить с вами о Карен до того, как она приедет.

— Пожалуйста, Дов, я слушаю.

— Она очень упрямая.

— Я знаю. Я была в Нахал Мидбаре несколько недель тому назад. Мы с ней долго беседовали.

— Она вам рассказала, что мне предложили поехать в Америку учиться?

— Она мне не рассказала, но я все равно догадалась. Видишь ли, прожив столько времени в Израиле, я развила особый нюх.

— Теперь я не знаю, что мне делать. Она, видите ли, патриот своего кибуца. Боюсь, что она так и не согласится

поехать со мной. А я... я просто не могу расстаться с ней на целых два года.

— Я с ней поговорю, — улыбнулась Китти. — Передо мной она не устоит. Вот увидишь, Дов, все будет хорошо.

Распахнулась входная дверь, и Иордана с развевающимися золотыми волосами широко развела руками.

— Шалом всей компании, — крикнула она.

Китти обняла ее.

— Има! — крикнула Иордана. — Поди сюда. Посмотри, кого я тебе притащила!

Сара прибежала из кухни как раз, когда в дверях появился Ари.

— Ари!

Она тут же потянулась за носовым платком, так как в глазах у нее появились слезы счастья, и бросилась ему на шею.

— Ари! Ну, Иордана, чорт ты рыжий! Почему ты мне не сказала, что Ари придет тоже?

— Ну, мы подумали, что ты и без предупреждения сумеешь накормить еще один рот, — ответил Ари, поднимая мать в воздух.

— Ах вы, черти! — сказала Сара, пригрозив им пальцем и вытирая глаза. — Дай, я хоть на тебя посмотрю, сын мой. Что-то у тебя усталый вид, Ари. Ты слишком много работаешь.

Они снова обнялись, счастливо смеясь.

Затем Ари заметил Китти Фрэмонт.

В комнате воцарилась неловкая тишина, а они долго в упор смотрели друг на друга. Иордана, устроившая эту встречу, смотрела то на него, то на нее.

Китти медленно встала на ноги и кивнула ему.

— Шалом, Ари, — сказала она тихо.

— Шалом, — прошептал он в ответ.

— Чувствуйте себя как дома, — бросила Иордана, подхватив мать под руку и уводя ее на кухню.

Дов пожал руку Ари.

— Шалом, генерал Бен Канаан, — сказал он.

Китти взглянула на Дова. Глаза молодого человека светились восторгом, глядя на Ари, почти легендарного командира «Зверей Негева».

— Шалом, Дов. У тебя чудесный вид. Я слышал, ты собираешься провести нам воду в пустыню.

— Постараемся, генерал.

Сатерлэнд и Ари обменялись рукопожатиями.

— Я получил ваше письмо, Сатерлэнд. Буду очень рад видеть вас у себя в Эйлате в любое время.

— Мне ужасно не терпится познакомиться с Негевом поближе. Может быть, мы договоримся о встрече.

— Чудно. А как ваши розы?

— Прекрасно. Должен сказать, что мне впервые пришлось испытать зависть, видя розы вашей матери. Я не дам вам уехать в Эйлат, пока вы не проведете хоть полдня у меня.

— Постараюсь.

Снова воцарилась неловкая тишина, когда Брус Сатерлэнд повернулся от Ари к Китти. Она не отрывала глаз от Ари. Сатерлэнд подошел к Дову и повел его прочь.

— Ну, майор Ландау, а теперь расскажите мне, как вы собираетесь перелить озеро Хулы в Тивериадское море. Это довольно сложная штука...

Ари и Китти остались одни.

— Вы выглядите прекрасно, — сказала Китти наконец.

— А вы — еще того лучше.

Они снова замолчали.

— Я... э... а как же Карен? Она тоже приедет?

— Да, она обещала приехать. Мы ждем ее каждую минуту.

— Не... не хотите ли прогуляться немножко? Чудный воздух на улице.

— Почему же? С удовольствием, — ответила Китти.

Они прошли молча вдоль забора, затем по краю поля и мимо оливковой рощи, пока дошли до Иордана. В воздухе чувствовалось дыхание весны. Ари зажег две сигареты и одну протянул Китти.

Она была еще прекрасней, чем он ее помнил.

Китти почувствовала на себе пристальный взгляд Ари.

— Я... мне просто стыдно, что я еще ни разу не была в Эйлате. Начальник гарнизона в Беер-Шеве много раз предлагал мне слетать с ним, но я как-то не удосужилась. А жаль.

— О, там море и горы, очень красивая местность.

— А город все растет?

— Он рос бы еще не так, если бы мы только сумели пробить блокаду и открыли бы там порт.

— Ари, спросила Китти, и в голосе у нее прозвучала забота. — Как там положение внизу?

— Такое же, как всегда было... и всегда будет.

— Эти федаюны все наглеют, я слышала.

— О, дело не в них. Арабы сосредотачивают войска на Синайском полуострове с целью захватить когда-нибудь весь Ближний Восток. — Ари улыбнулся. — Мои ребята говорят, что мы должны перебраться через границу, найти там гору Синай и вернуть Господу Богу его десять заповедей... дескать, у нас уже достаточно было с ними хлопот.

Китти долго смотрела на пенящуюся реку, затем горестно вздохнула.

— Я ужасно тревожусь о Карен. Она у полосы Газы... Нахал Мидбар.

— Да, скверное место, — буркнул Ари. — Но там крепкие ребята. Они как-нибудь справятся.

Да, подумала Китти, это типичный ответ Ари.

— Я слышал, вы собираетесь уехать в Америку.

Китти кивнула.

— Вы у нас знаменитая женщина.

— Скорее чудачка, — ответила Китти.

— Вы слишком скромны.

— Я уверена, что Израиль выживет и без меня.

— Почему вы все-таки уезжаете?

— Вы видели Дова... майора Дова Ландау? Он прекрасный молодой человек. Я оставляю Карен в хороших руках. Я не знаю... Может быть, я боюсь надоест. Может быть, я действительно тоскую по дому. Причин много, да и не в них дело. Так или иначе, а я решила взять себе отпуск, чтобы подумать... просто подумать.

— Пожалуй, мудрое решение. Это хорошо, когда человек имеет возможность думать и отвлечься от будничных забот. Мой отец всю жизнь мечтал об этой роскоши, но он получил эту возможность только в последние два года жизни.

Вдруг им нечего было больше сказать друг другу.

— Давайте лучше вернемся, — сказала Китти. — Мне хочется быть на месте, когда появится Карен. Кроме того, ко мне приедут ребята.

— Китти... еще одну минуточку, пожалуйста.

— Да?

— Мне хочется сказать вам, что я вам очень благода-

рен за ваше дружеское участие в горе Иорданы. Вы были к ней очень добры. Меня очень тревожило ее беспокойство.

— Она очень несчастна. Никто никогда не узнает, как сильно она любила Давида.

— Когда же это кончится?

— Я не знаю, Ари. Но я достаточно прожила в этой стране, чтобы заразиться оптимизмом. Когда-нибудь и Иордана будет счастлива.

Невысказанный вопрос, невысказанные слова так и остались висеть в воздухе. А она сама? А она?... Будут ли они когда-нибудь счастливы?

— Ну, давайте вернемся, — сказала Китти.

Весь день потом к Китти приезжали ее «дети» из Ган-Дафны и десятка других сел Хулской долины. Жители Яд-Эла приходили к Ари. У Бен Канаанов в доме стоял сплошной ералаш. Все вспоминали, как неловко и чуждо чувствовала себя Китти, когда они впервые познакомились с нею. Теперь она разговаривала с ними на их языке, и все смотрели на нее с восхищением.

Многие из их детей покрыли большое расстояние, только чтобы побыть с ней несколько минут. Некоторые представляли ей своих мужей или жен. Почти все были одеты в военную форму Израильской армии.

Чем ближе подходил вечер, тем больше Китти тревожилась за Карен. Дов несколько раз выходил на шоссе, вглядываясь в даль.

Все посетители разошлись и разъехались по своим домам, чтобы подготовиться каждый к своему Седеру.

— Где же, черт возьми, пропадает эта девчонка! — воскликнула Китти с плохо скрытой тревогой в голосе.

— Она, пожалуй, где-то уже совсем рядом, — сказал Дов.

— Но ведь она же могла хоть позвонить и предупредить, что она немного задержится. Это непохоже на Карен, — сказала Китти.

— Успокойтесь, Китти, — сказал Сатерлэнд. — Разве вы не знаете, что для междугороднего телефона ныне требуется чуть ли не постановление кнессета.

Видя тревогу Китти, Ари сказал:

— Послушайте. Я сбегаю в контору мошава и закажу служебный разговор с кибуцом. Может быть, они там

знают, где она собиралась остановиться в пути, а там мы ее живо найдем.

— Буду очень благодарна, — ответила Китти.

Как только Ари ушел, пришла Сара и заявила, что стол сервирован, и что всех приглашают на Седер. После месячных трудов наступил наконец час ее личного торжества. Она распахнула дверь в столовую, гости вошли на цыпочках один за другим, и всюду послышались невольные охи да ахи. Вот это стол! Он вполне соответствовал торжественному пиру Праздника Свободы.

Серебро и посуда прямо сияли. Ими пользовались только один раз в году — в этот праздник. Посреди стола красовался серебряный подсвечник. Рядом с подсвечником стоял огромный, богато украшенный бокал из узорчатого серебра, так называемый «Бокал пророка Ильи». Он стоял доверху налитый вином и предназначался для пророка. Он придет, отопьет из него, и тогда явится вскоре и Мессия.

Вокруг всего стола, на каждом месте, стояли специальное пасхальное вино и серебряные бокалы, которые нужно будет наливать во время седера четыре раза, по числу Господних обещаний: вывести из Египта, освободить, повести в Землю Обетованную, и опекать народ Израиля. Кроме того, вино пригубят также при перечислении десяти казней фараонских и при исполнении хором Песни Мирьям о том, как Красное море сомкнулось над войском фараона.

На почетном месте на кресле лежала подушка, чтобы тот, кто будет читать рассказ об Исходе, мог удобно сидеть. В древние времена только свободные люди могли сидеть развалиясь, тогда как рабы должны были сидеть прямо.

В центре стола, рядом с подсвечником, стоял золотой пасхальный поднос, а на нем символические пасхальные блюда. Опресноки — в знак того, что сыновьям Израиля пришлось спешно покинуть Египет, и у них не было времени дать хлебу взойти. Яйцо символизировало добровольность жертвы; смоченная зелень — наступление весны; кусок баранины — жертвы, которые приносились Господу в Храме. Была также смесь из толченых орехов и яблок, символ раствора, который евреям пришлось делать в египетском рабстве при строительстве городов; и «Марор», горькая трава, которая должна была напомнить о горечи рабства.

Затем Сара попросила всех обратно в гостиную. Войдя

в комнату, Иордана первая заметила Ари. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, бледный и с потухшим взором. Все уставились на него. Он попытался что-то сказать, но не смог. Все вмиг поняли, что произошло.

— Карен! Где Карен? — вскричала Китти.

У Ари задрожала челюсть и он опустил голову.

— Где Карен?

— Карен нет больше. Банда федаюнов убила ее прошлой ночью.

Китти вкрикнула и без чувств упала на пол.

Веки Китти снова зашевелились. Рядом с нею на коленях стояли Брус и Иордана. Внезапно она вспомнила все, из глаз брызнули слезы, она отвернулась и зарыдала:

— Мое дитя... моя девочка!...

Затем она медленно села. Иордана и Сатерлэнд еще сами не совсем пришли в себя. Они смотрели растерянно и словно отупели от боли.

— Карен... моя Карен!...

— Боже, почему погибла она, а не я! — вырвалось у Иорданы.

Китти с трудом встала на ноги.

— Ложитесь, милая... пожалуйста, не вставайте, — взмолился Сатерлэнд.

— Нет, — ответила Китти. — Нет... — она оттолкнула руку Сатерлэнда. — Где Дов? Мне нужно пойти к Дову.

Она вышла, пошатываясь, из комнаты и нашла Дова в комнате рядом. Он сидел в углу с опухшими от слез глазами и с лицом, обезображенным от боли. Она кинулась к нему и схватила его в свои объятия.

— Дов... мой бедный мальчик! — зарыдала она.

Дов опустил голову на ее грудь и душераздирающе зарыдал. Китти баюкала его, и они вместе плакали, пока ночь не опустилась на дом Бен Канаанов, а у них иссыкли все слезы.

— Я останусь с тобой, Дов... Я буду ухаживать за тобой, — сказала Китти. — Мы как-нибудь справимся, Дов.

Молодой человек неуверенно встал на ноги.

— Обо мне не беспокойтесь, Китти, — сказал он. — Я справлюсь. Ей не придется стыдиться за меня.

— Об одном прошу, Дов. Ради бога, не ударься ты в прежнее из-за этого.

— Нет, — ответил он. — Я не раз думал об этом. Я не

могу ненавидеть их, потому что и Карен не могла питать к ним ненависти. Она вообще не знала, что такое ненависть. Мы... она всегда говорила, что мы никогда не достигнем своей цели, ненавидя их...

В дверях появилась Сара Бен Канаан.

— Я знаю, мы все убиты горем, — сказала она с грустью в голосе, — но Седер отложить нельзя.

Китти посмотрела на Дова, и он кивнул.

Они печально потянулись все в столовую. У дверей Иордана подошла к Китти.

— Ари сидит один в сарае, — сказала Иордана. — Вы не позовете его?

Китти вышла из дома. Во всех домах мошава горел свет. Везде уже справляли Седер. В эту самую минуту отцы рассказывали своим семьям древнюю историю Исхода, как ее рассказывали испокон века и будут рассказывать в веки вечные. Шел небольшой дождик, и Китти ускорила шаг, направляясь к мерцающему свету фонаря в сарае. Она вошла в сарай и оглянулась. Ари сидел на снопе сена спиной к ней. Она подошла к нему сзади и дотронулась до его плеча.

— Ари, сейчас начнется Седер.

Он обернулся и поднял глаза. Она отступила, словно кто-то нанес ей удар. Лицо Ари было до того обезображено страданием, что она прямо испугалась. Никогда в жизни она не видела столько страдания на человеческом лице. В глазах Ари стояла смерть. Он смотрел на нее невидящим взглядом, затем опустил голову на руки и его плечи затряслись.

— Ари... нам надо к Седеру...

— Всю жизнь... всю жизнь... мне приходилось смотреть, как они убивают моих близких... Никого уже не осталось... никого.

Слова эти шли из бездонной глубины такого отчаяния, которое не знало ни конца, ни края. Китти застыла в ужасе и испуганно смотрела на этого убитого горем и совершенно не знакомого ей человека.

— Я каждый раз умирал с ними. Я умирал сотни и тысячи раз. У меня все пусто внутри... У меня ничего больше нет в жизни.

— Ари... Ари!...

— Отчего мы должны посылать детей жить в таких ме-

стах? Эта чудная девочка... этот ангел... зачем... зачем они ее убили...?

Ари с трудом поднялся на ноги. От всей энергии, мощи и самообладания, столь характерных для Ари Бен Канаана, теперь не осталось и следа. Перед ней стоял усталый, разбитый старик.

— Почему мы снова и снова должны драться только за право жить, каждый день снова?

Годы напряжения, годы борьбы, годы душераздирающего горя захлестнули его мощной волной. Ари поднял изуродованное от боли лицо и потряс кулаками над головой.

— Боже! Боже! Почему они нас не оставляют в покое! Почему они не дают нам жить!

Его мощные плечи сникли, голова опустилась на грудь, и так он стоял, дрожа всем телом.

— О, Ари... Ари! — зарыдала Китти. — Что я наделала! Как же я не понимала! Ари, мой дорогой, как ты исстрадался! А тут еще я тебя мучила! Ради бога, прости!

В изнеможении Ари прошел по сараю.

— Не знаю, что это на меня нашло, — пробормотал он. — Пожалуйста, никому не рассказывайте.

— Давайте пойдем. Они нас там ждут, — сказала Китти.

— Китти!

Он медленно подошел к ней и посмотрел ей прямо в глаза. Затем он так же медленно опустился перед ней на колени, обхватил ее стан руками и спрятал голову в ее юбку.

Ари Бен Канаан плакал.

Это были странные и ужасные звуки. В эту минуту он излил в слезах все свое сердце, он рыдал за все годы, когда он плакать не смел. В его рыданиях слышалось бездонное горе.

Китти крепко прижала его голову к своему телу, гладила его по волосам и шептала слова ласки.

— Не оставляй меня, — рыдал Ари.

О, как ей хотелось услышать эти слова! Да, — подумала она, — я останусь. Я останусь с тобой эту ночь, потом еще несколько дней, потому что я тебе сейчас нужна, Ари. Но даже сейчас, когда ты в первый раз в жизни заплакал, ты все равно стыдишься своих слез. Сегодня я тебе нужна, но завтра... завтра ты снова будешь прежний Ари Бен Канаан. Ты снова залезешь в свою старую скорлупу,

будешь по-прежнему презирать всякие чувства, и тогда я тебе больше не буду нужна.

Она помогла ему подняться и вытерла слезы с его лица. Он едва стоял на ногах. Китти обняла его за плечи, поддерживая его.

— Все в порядке, Ари. Можешь опереться на меня.

Они медленно вышли из сарая. Они видели в окно, как Сара зажигала свечи, произнося слова молитвы.

Он остановился, снял ее руку со своего плеча, выпрямился и снова стоял высокий и крепкий как всегда.

Он снова был прежний Ари Бен Канаан. Так быстро, — подумала Китти.

— Прежде чем мы войдем, Китти, мне нужно сказать вам что-то. Я должен сказать вам, что я никогда не любил Дафну так, как люблю вас. Вы знаете, какая жизнь вам предстоит со мной.

— Я знаю, Ари.

— Я немного не такой, как другие... Может быть, пройдут годы... может быть, я никогда уже не скажу вам, что вы мне нужны больше, чем все на свете... даже когда речь идет об интересах этой страны. Сможете ли вы это понять?

— Смогу, всегда смогу.

Все прошли в столовую. Мужчины надели на голову ермолки.

Дов и Иордана, и Ари, и Китти, и Сатерлэнд, и Сара. У всех сердце обливалось кровью от горя. Когда Ари направился к столу, чтобы занять место Барака, Сатерлэнд дотронулся до него.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — сказал он, — но я тут самый старший. Разрешите мне править Седер.

— За честь сочтем, — ответил Ари.

Сатерлэнд подошел к столу и занял место главы семьи. Все сели на свои места и раскрыли Агаду. Сатерлэнд кивнул Дову.

Тот прочистил горло и прочитал:

«Чем отличается нынешняя ночь от всех прочих ночей?»

«Нынешняя ночь отличается от всех прочих ночей тем, что в эту ночь мы празднуем самое выдающееся событие в истории нашего народа. В эту ночь мы празднуем свое победоносное шествие от рабства к свободе».

К О Н Е Ц

РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ КНИГИ:

- 1—2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Гершль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 - 1967)
25. Ш. Й. Агنون. ИДО И ЭЙНАМ
Рассказы, повести, главы из романов

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדסטין - ספריה

26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р. Бонди.ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

показывать по прилагаемому купону)

- 1-2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И.Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е.Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И.Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917-1967)
25. Ш.Й.Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов
26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
35. Дж. и Д. Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И. Башевис-Зингер. РАБ
37. Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ

40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ
ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА М-РА СЭММЛЕРА
66. СТАТЬИ ОБ ИУДАИЗМЕ. Сборник
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. Моше Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО
МОРЯ
74. Моше Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Феликс Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО

לכבוד
הנהלת "ספרית-עליה"
ת.ד. 21650
תל-אביב
טל. 255371

1. Стоимость одной книги серии "Библиотека-Алия" – 60 изр. лир.
2. Стоимость 12 книг – 480 изр. лир (скидка около 33%).

Прошу выслать мне 12 из опубликованных книг
.....
(указать номера книг)

Прилагаю чек на сумму 480 изр. лир.

Прошу выслать мне 6 из опубликованных книг
.....
(указать номера книг)

Прилагаю чек на сумму 240 изр. лир.

Мой адрес
Имя и фамилия

Подпись:

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"